

ШОЛОХ

ОРДЕН
СУМРАЧНОЙ ВУАЛИ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

АНТОНИНА
КРЕЙН

ТЕНЬ
СТОИТ
У ТЕБЯ
ЗА СПИНОЙ

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Антонина Крейн

Шолох. Орден Сумрачной Вуали

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крейн А.

Шолох. Орден Сумрачной Вуали / А. Крейн — «Эксмо»,
2022 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-175311-5

Джеремя не похожа на других воров города Пик Грез. Она разбирается в древней поэзии, говорит на семи мертвых языках и цепенеет при звуках грозы. Тилвас не похож на других аристократов города Пик Волн. Он продал свой замок, его тень ведет себя странно, а на груди висит загадочный амулет. Этот амулет должна украсть Джеремя. Простое задание. Слишком простое, чтобы все действительно было так легко. Самостоятельная история из мира «Шолоха». Новые герои и новая страна, Шэрхенмиста! История романа «Орден Сумрачной Вуали» разворачивается не в уютной столице Лесного королевства, как в предыдущих книгах цикла, а в темных замках, на одиноких трактах и пустынных берегах, где оживают мрачные тени. Что связывает неуравновешенного главу воровской гильдии, язвительного аристократа с обманчивой улыбкой и воровку с образованием благородной леди? Их пути не просто пересеклись, а сплелись тугим узлом, и каждый не верит, что такие совпадения бывают. Авторская мифология, закрученная детективная история, легкий слог, приключения и неповторимая атмосфера — все, за что мы любим «Шолох». Тиражи книг вселенной превысили 50 000 экземпляров.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175311-5

© Крейн А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	11
2	16
3	22
4	27
5	33
6	37
7	43
8	48
9	53
10	58
11	63
12	70
13	79
14	85
15	91
16	99
17	105
18	113
19	121
20	127
21	133
22	138
23	144
24	151
25	157
26	164
27	171
28	175
29	180
30	183
31	187
32	193
33	198
34	202
35	210
36	217
37	223
38	230
39	235
40	242
41	247
42	254
43	260
44	265
Эпилог	273
Энциклопедия «доронах»	277

Антонина Крейн
Шолох
Орден Сумрачной Вуали

Иллюстрации на переплете, форзаце и нахзаце Invi

© А. Крейн, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

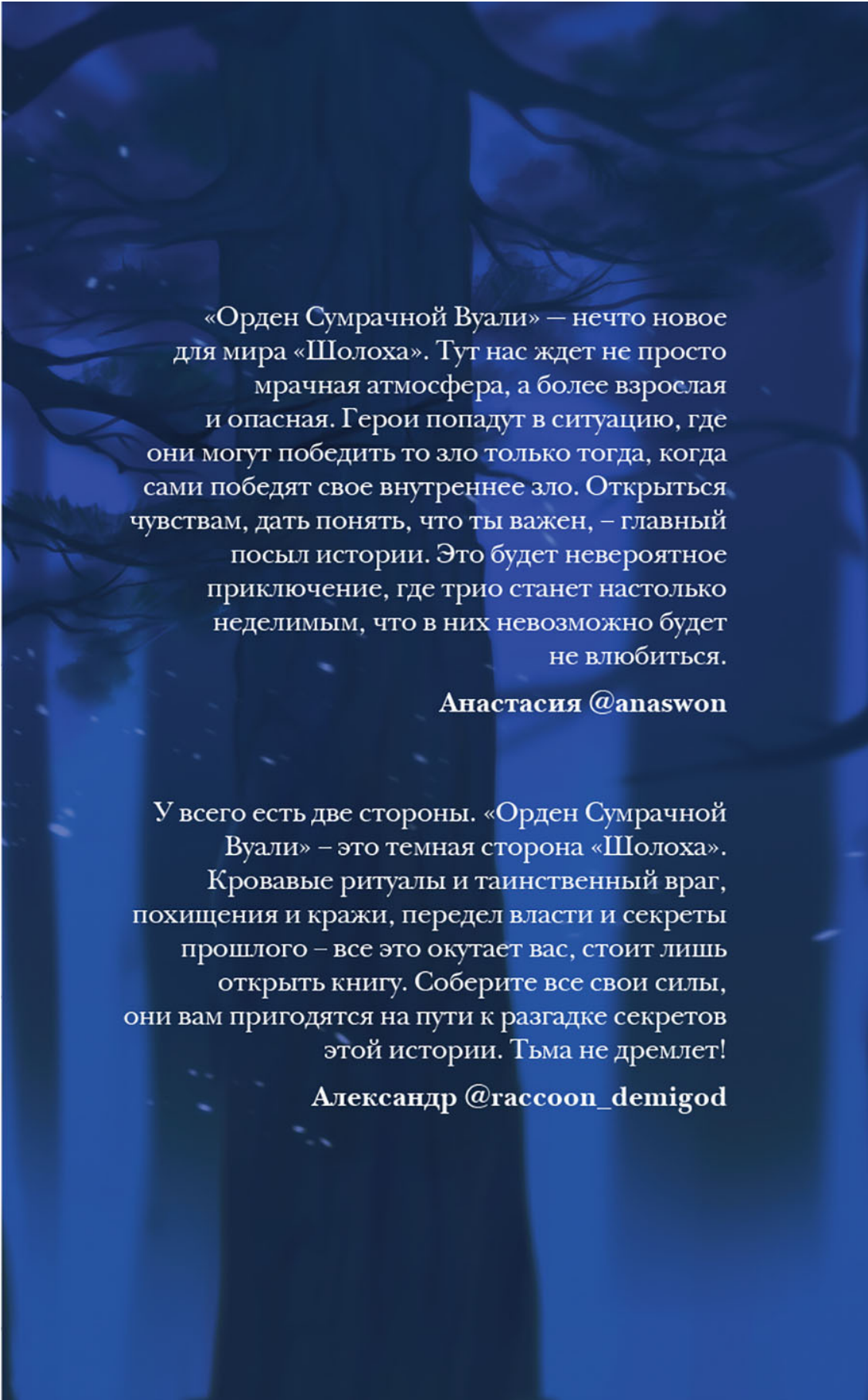
«Орден Сумрачной Вуали» покори́л меня своей терпкостью и мрачностью в сочетании с отличным юмором и удивительной и своеобразной троицей, в которую невозможно не влюбиться. С первых страниц вы будете смеяться с персонажами, переживать за них, возможно, даже пустите слезу, а финал оставит после себя самые теплые впечатления.

Полина @polly_reads

Три героя, бегущих от своего прошлого, три разные истории, три разных пути, объединенных чарующей Шэрхенмистой и играми древних духов. История «Шолоха» вновь увлекает многообразной атмосферой, сочетающей в себе тепло и уют и жуткие тайны, а также героями, чьи уникальные взаимоотношения заставляют читателей искренне улыбаться.

Аннушка @soy.annushka

«Орден Сумрачной Вуали» — нечто новое для мира «Шолоха». Тут нас ждет не просто мрачная атмосфера, а более взрослая и опасная. Герои попадут в ситуацию, где они могут победить то зло только тогда, когда сами победят свое внутреннее зло. Открыться чувствам, дать понять, что ты важен, — главный посыл истории. Это будет невероятное приключение, где трио станет настолько неделимым, что в них невозможно будет не влюбиться.

Анастасия @anaswon

У всего есть две стороны. «Орден Сумрачной Вуали» — это темная сторона «Шолоха». Кровавые ритуалы и таинственный враг, похищения и кражи, передел власти и секреты прошлого — все это окутает вас, стоит лишь открыть книгу. Соберите все свои силы, они вам пригодятся на пути к разгадке секретов этой истории. Тьма не дремлет!

Александр @raccoon_demigod

*всем заблудшим,
сошедшим с пути —
посвящается*

1

Медальон господина Талвани

Ut salutas, ita salutaberis.

«Как ты приветствуешь, так и тебя будут приветствовать».

Ноль.

Еще ноль.

Еще и еще.

Пятый по счету кружок выглядел в чеке внушительно: такими суммами не принято разбрасываться направо и налево.

Глядя на пергамент, пододвинутый ко мне с противоположной стороны стола, я откинулась на спинку кресла и все же отрицательно покачала головой.

– Щедрое предложение. Но это не мой профиль – я просто не беру такие заказы, – объяснила я и вежливо указала рукой на дверь. – Могу лишь пожелать вам удачи с поиском исполнителя.

Однако заказчик, пожилой купец в богато расшитом костюме, не спешил подниматься со стула, равно как и заканчивать разговор.

Мы сидели в моем кабинете. Стены, обшитые черным деревом, источали тепло и поглощали лишние звуки. Окутанная облаком белых лепестков, цвела карликовая вишня в углу комнаты. Рядом с ней стояла просторная птичья клетка с почтовыми воронами, а дальше устремлялись ввысь книжные шкафы, под завязку забитые старинными фолиантами. Большое круглое окно выходило на тихую холмистую улицу Непрошенных: по ночам ее подсвечивали магические огоньки и оранжевые бумажные фонари, свисающие с острых крыш.

Мой кабинет выглядел респектабельно и находился в одном из самых дорогих кварталов столицы, но по сути это был кабинет воровки.

Я – воровка.

Джеремя Барк к вашим услугам.

Я все еще держала руку приглашающе протянутой в сторону двери, когда заказчик сокрушенно вздохнул.

– Я понимаю, что это не ваш профиль... – он с сожалением потер гладкий подбородок. – Но господин Мокки Бакба лично направил меня к вам. Мне очень важно заполучить этот амулет именно сегодня. Это коллекционная вещь, другого шанса не будет.

После этих слов купец достал что-то из кармана и подтолкнул по столу ко мне так же, как сделал с чеком минуту назад.

На сей раз это был конверт. От его темной бумаги, очень плотной и матовой, едва ощутимо пахло мускусом. Восковая печать со знакомым оттиском в виде острой рыбьей косточки слегка раскрошилась с краю, но в остальном ее целостность не подвергалась сомнению.

Хм.

Бросив короткий взгляд на купца, я открыла конверт. Письмо внутри было написано явно второпях: почерк Мокки, и без того размашистый, будто пытался вырвать строчку за рамки листа.

«Джерри, помоги ему».

И никаких больше объяснений. Никаких «пожалуйста». Все очень лаконично. Истинный Мокки Бакоа, король Квартала Гильдий. «Verba regis pensanda auro sunt» – «Слова царя на вес золота», как говорится в поэме Ристохана, написанной на мертвом нитальском языке, предположительно иномирном.

– Ладно, – вздохнула я, убирая письмо в ящик стола. – Тогда расскажите подробнее, что за амулет вам нужен и откуда его надо украсть.

Купец улыбнулся.

– Не откуда, а у кого, госпожа Барк. Хозяина амулета зовут Тилвас Талвани, он аристократ и сегодня на закате должен приехать в наш город...

* * *

Проводив заказчика, я принялась составлять запрос для информатора.

До заката оставалось достаточно времени, чтобы раздобыть дополнительную информацию о господине Тилвасе Талвани. Несмотря на то что дело было пустяковым (вероятно, поэтому Мокки мне его и поручил – нежная поблажка для *дорогой Джеремии*), полагаться только на слова клиента всегда казалось мне несусветной глупостью. Воры, которые так делали, в случае неуспеха расплачивались за небрежность собственной жизнью.

Написав письмо, я попрыскала бумагу своими любимыми духами – сандал, кедр, пачули, – достала из клетки одного из почтовых воронов и прицепила свиток ему на лапу.

Всего у меня живет шесть птиц, названных по именам богов-хранителей: Теннет, Авена, Селеста, Дану, Карланон и мелкий взлохмаченный Рэндом. Можно сказать, это моя маленькая месть: держу богов на побегушках... Но и кормлю. И ухаживаю. И глажу по антрацитовым лоснящимся перьям по вечерам.

– Лети в цветочную лавку, Карланон, – велела я, распахивая окно и выпуская птицу на волю. – Принеси мне немного данных о господине Талвани.

С хриплым карканьем птица развернула крылья и понеслась прочь между черных и красных крыш столицы.

На самом деле обычно я не граблю живых людей.

Моя специализация – розыск легендарных артефактов, и преимущественно я работаю на древних кладбищах, в затонувших святилищах и заброшенных храмах. Чуть реже – в фамильных склепах и монастырских библиотеках.

Коллеги из Полуночного братства подшучивают надо мной, называют гильдийской принцессой и слабачкой (попробовали бы они всю ночь работать киркой, ну да). Я в ответ беззлобно огрызаюсь стихами из древних поэм, и они, бывает, долго еще гогочут, расслышав что-нибудь неприличное в сочетании звуков очередного мертвого языка. Я закатываю глаза. Они хлопают меня по спине и разливают на всех сливовое вино. Воцаряется мир.

Прошло уже пять лет с момента моего появления в гильдийском квартале, но я до сих пор слегка выделяюсь среди большинства воров. И дело не только в том, что я по делу и без цитирую классические стихи на нитальском. Еще у меня чересчур гордая осанка и походка: я долгие годы училась гимнастике, танцам, чьяге и фехтованию, это не вытравишь. У меня есть ученая степень, полученная в лучшем университете страны по одной замечательной дисциплине, но... Так получилось, что сейчас я преступница.

Да.

Так получилось.

Никто во всем городе, кроме черноглазого психа Мокки Бакоа, понятия не имеет, откуда я тут взялась. И в моих интересах, чтобы так оставалось как можно дольше.

...Почтовый ворон, вернувшийся ко мне от информатора, принес сведения о том, что господин Тилвас Талвани сегодня в восемь вечера будет проезжать в своем экипаже сквозь Плачущую рошу.

«Ты сразу узнаешь его карету, – писал мой любимый информатор Жан по прозвищу Герань, ибо для прикрытия держит цветочную лавку. – Экипаж очень вычурный, с золотыми узорами в виде цветов.

Этот господин Талвани – настоящая светская бестолочь. Баловень судьбы, последний представитель угасшего рода Талвани, он славится бедовым характером. По окончании университета он уезжал куда-то на север на несколько месяцев, а вернувшись, продал свой фамильный замок. Это было ошибкой: некогда приличный человек, он начал жить на вырученные деньги и перестал работать, и теперь становится всё безалабернее год от года. Когда его укоряют в тунеядстве, он говорит, что занимается магией, просто тайно. Однако, если продолжить расспросы, он сразу рассмеется и попробует тебя соблазнить, заявив, что готов показать свое колдовство на практике. (*Пишу это, и меня уже тошнит, Джерри!*)

Талвани вхож во все знатные дома Пика Волн, его часто видят на приемах у наместника Исцинари. Ему нравится эпатировать публику и делать всяческую чушь. Он удивительно хорош собой, но очень неприятен, как и всё бессмысленное в этом мире. Амулет, который тебе нужен, всегда болтается у него на груди, как очередной признак дурного вкуса.

В общем, Джерри, просто сорви побрякушку и убегай – это изнеженное чучело тебя ни в жизни не догонит».

«Изнеженное чучело»! Какая прелесть. Жан всегда был силен в метафорах.

Что ж, подстеречь красавчика в Плачущей роще – отличный план.

* * *

Я надела узкие брюки, майку и *таори* травянисто-зеленого цвета – традиционную островную одежду с широкими рукавами, которую запахивают крест-накрест на талии и подвязывают длинным поясом *лоби*.

На ремешок на бедре я прицепила дротик со снотворным и короткий кинжал. На указательный палец – кольцо иллюзий, благодаря чему мои синие волосы (я чистокровная шэрхен) стали казаться черными, не такими приметными. На другие пальцы – еще перстни с разными полезными функциями. Я вообще люблю артефакты: здесь подсветка, здесь чары, здесь электрический удар – и жизнь становится интереснее.

– Аррьо, ребятки! – крикнула я воронам на прощание, и они ответили неравномерным птичьим гвалтом.

Аррьо – это шэрхенмистское «пока-пока».

Мой путь лежал через центральные кварталы Пика Грёз.

Наш город – одна из двух столиц Шэрхенмисты. Он расположен в гористой местности, в центре сумрачного острова Рэй-Шнарр. Город очень красивый: весь в скалах, кедрах, причудливых озерах и загадочных подземных реках. Вокруг столицы кольцом вырастают неприступные горы – мы живем будто в пиале. Чтобы попасть в Пик Грёз, нужно воспользоваться либо Подгорным туннелем, либо широким Рассветным трактом, либо старой дорогой через Плачущую рошу – так называется лес, расположенный в ущелье.

Деревья там вырабатывают какое-то невозможное количество смолы, причем черной, и издали кажется, что они обливаются горячими слезами. Все это выглядит довольно угрюмо, поэтому дорога пользуется меньшей популярностью, чем другие две.

Но мне она нравится.

Добравшись до леса, я устроила засаду в корнях величественного кедра. Смола стекала по стволу надо мной огромными каплями, подсохшие иголки падали сверху и устилали тонким

ковром все вокруг. В роще все еще было светло, закат приближался неспешно, почти вразвалочку, и дорога, хорошо просматриваемая далеко вперед, пустовала.

В ожидании я еще раз прочитала данные об амулете Тилваса Талвани, который мне надо украсть.

Этот амулет аристократ носил на груди уже несколько лет. Украшение представляло собой медальон в виде двуглавого ворона: в центре – черный кристалл, а вокруг серебряная оправа. На все вопросы господин Талвани отвечал, что это некое сентиментальное напоминание, и сразу же активно напускал на себя томность и загадочность.

Хм. Пижон.

Наконец вдалеке послышался свист кучера, скрип экипажа и цокот копыт. Я подготовила дротик со снотворным. Когда темно-синяя карета моего клиента – и впрямь роскошная – оказалась ко мне максимально близко, я поднялась и запустила дротиком из специальной трубки.

Идеальное попадание: кучер даже не понял, что случилось. Лишь хлопнул себя по плечу, будто пытаясь избавиться от мухи, а уже через пару секунд отпустил вожжи и грузно обвис. Ближайшие три часа его ничто не разбудит.

Лошади, почувствовав перемену обстановки, сделали еще несколько шагов и остановились, тревожно пофыркивая и прядая ушами. В роще повисла выжидательная тишина, разбиваемая только далеким криком иволги.

Что ж, начали.

Я шагнула из-за дерева на дорогу. Оглянулась – не появилось ли незваных гостей? – в три прыжка подскочила к карете и распахнула дверцу.

Моим глазам предстал молодой аристократ собственной персоной.

Он полулежал на обшитом шелком диванчике, закинув одну руку за голову и держа какую-то книгу в другой. Между пальцами господин Талвани перекатывал карандаш, которым, видимо, делал страшно много пометок во время чтения – даже с моего ракурса было видно, что поля книги сплошь исчерканы комментариями.

Губа азартно прикушена, взгляд больших серых глаз так и бежит по строчкам, не отвлекаясь на какую-то глупость вроде появившейся в двери воровки. Густые каштановые волосы растрепаны: Тилвас явно пытался заправлять их за уши, но они так же упрямо выskalзывали обратно.

Длинные ноги аристократа занимали, кажется, почти все пространство кареты. Одежда была с иголочки: свободные брюки, нижняя туника, таори и объемный плащ *роба* с капюшоном и широкими рукавами, выполненный, кажется, из чистейшего кашемира. Все – в благородных бежевых и синих тонах.

Расслабленная поза, шальная искорка во взгляде, элегантность и гармоничность облика... Тилвас, как мантией, был окутан аурой своего благополучия.

На мгновение я пожалела, что не могу полюбоваться им чуть дольше – оценивающе и отстраненно, как гравюрой, вставленной в сборник трагических пьес. «Давайте проанализируем, что может крыться за этой внешностью? Какой характер вы бы играли, достанься вам роль такого героя?» – будто задребезжал у меня в голове голос одного из наших университетских преподавателей.

Но сейчас было не до актерских упражнений. Важнее другое: на груди аристократа висел искомый амулет.

– Привет! – осклабилась я и, потянувшись вперед, схватила за медальон.

С силой дернула на себя.

Но...

– Привет, – в тон мне ответил Тилвас Талвани, мгновенно перехватывая мое запястье. – А ты у нас кто такая?

И его приветливое выражение лица внезапно сменилось хищным оскалом.

Гурх.

– Налоговая! – рявкнула я, ребром свободной ладони ударив его по шее.

2

Плачущая роща

Actum est, ilicet.

«Дело закончено, можем расходиться».

Чего-чего, а удара Тилвас не ожидал.

Как минимум настолько подлого. Я заранее активировала кольцо с эффектом оцепенения, надетое на мизинец, и теперь оно, коснувшись кожи аристократа, шарахнуло Талвани магическим разрядом. Тилвас вздрогнул и задохнулся, инстинктивно отпрянув, а потом застыл.

Я прикрыла ему глаза – моргать оцепенение тоже не позволяет, а я не изверг, – и дернула за амулет еще раз.

И еще. И еще.

Да что ж такое-то! Из чего эта цепочка сделана, что не рвется?!

Намертво вцепившись в подвеску, я практически вытянула онемевшего Тилваса из кареты. Я уже прикидывала, насколько уместным будет развернуть его спиной и, нежно убрав с шеи волосы, расстегнуть подвеску традиционным способом, когда цепь все-таки поддалась.

– Ну наконец-то, – выдохнула я и погладила господина Талвани по щеке. – Прости меня, парень. Считаю платой за въезд в наш город. Надеюсь, с тебя не убудет. И не надо меня догонять, только ноги в лесу переломаешь.

Тилвас, что логично, не отвечал.

Зажав трофей в кулаке, я спрыгнула на землю и рванула прочь в подступающих сумерках. Однако я убежала недалеко: позади вдруг раздался отчаянный хрип. Полный боли, будто последний крик раненого животного, он был настолько безысходным, что я застыла на месте, чувствуя, как ужас ввинчивается шурупом между лопатками.

Черные птицы вспорхнули из придорожных кустов. Пыль поднялась от промчавшегося по роще ветра.

Вздрогнув всем телом, я обернулась.

Тилвас Талвани, отошедший от заклинания, буквально вывалился из кареты. Одной рукой он держался за горло. Кожа его посерела, глаза лихорадочно горели, из уголка рта и из ушей текла кровь, заляпывая шикарную тунику. Он пытался дышать – его грудь тяжело поднималась и опускалась рывками, с трудом, но что-то ему мешало.

– Что случилось? – обомлела я.

– Меда... льон... – одними только губами произнес Тилвас.

Потом глаза его закатились, и он рухнул на пыльную дорогу.

Я обмерла. Затем попыталась заставить себя отвернуться. Бежать дальше. *Не мои проблемы.* Именно так должен поступать нормальный вор – сваливать от неприятностей со всей доступной ему скоростью. Именно так меня учил Мокки Бакоа. Да что там Мокки – так учила сама, мать ее, жизнь... Глумливая. Беспощадная. Садистка.

Выругавшись, я бросилась по дороге. Но не прочь – а обратно к карете.

Я упала возле аристократа на колени и завязала порванную цепочку грубым узлом вокруг его шеи. Только сейчас я заметила, что в моих руках медальон потух, став скучно-черным, зато на груди Талвани снова замерцал, будто ночное летнее небо.

Ничего не происходило.

– Да чтоб тебя! – в сердцах рявкнула я, ударяя кулаком по карете.

Этот мерзавец не дышал.

– Подъем!

Пощечина. Никакой реакции.

– Медальон на тебе, пора просыпаться!

Тишина в ответ.

Мое сердце колотилось, как бешеное. Кровь, вытекающая из рта Талвани, была такой красной... Растекаясь по ткани, она темнела, и эти грязные пятна, мои трясущиеся руки, умирающий человек на песке – все это вызывало у меня тошноту и слабость. Перед моим мысленным взором в отчаянной безжалостной яркости проступали картины прошлого, которые я и так вижу каждую ночь,

до сих пор – *каждую* ночь,

пожалуйста,

не надо,

не надо опять,

я умоляю тебя,

я прошу...

– Помогите! Кто-нибудь, помогите! – закричала я, затравленно озираясь.

Помочь было некому.

Не сдавайся, Джерри.

Тяжело сглотнув, я запрокинула голову Тилваса назад и, зажав ему нос, накрыла его губы своими губами. Раз выдох. Два выдох. Теперь тридцать надавливаний на грудную клетку. Не шевелится. Раз выдох. Два выдох... Это должно делаться как-то так. Я играла это на сцене.

Наконец, на последнем заходе Тилвас вздрогнул и выгнулся дугой. Да так страстно, что это никак не коррелировало со сценой вокруг – кто будет целоваться с незнакомкой, которая откачивает тебя после приступа?..

Но оказалось, что аристократ просто попытался меня придушить – и подался навстречу, чтобы было сподручнее.

Я отбила его ладони, отшатнулась и вскочила на ноги. Однако я была недостаточно шустрой – Талвани уже сел и намертво вцепился мне в щиколотку. Другой рукой он стискивал медальон у себя на груди. Здоровый вид стремительно возвращался к нему, глаза полыхали яростью.

Я пнула его левой ногой. Он одновременно дернул меня за правую, и я грохнулась на дорожку, чудом не отбив копчик.

– Кто? – с трудом захрипел Тилвас Талвани, подтягивая меня к себе. – Просто скажи: *кто?*

Я отбрыкивалась из всех сил, но хватка у него была железная.

«Изнеженное чучело», Жан? Серьезно?

– Что – кто? – сквозь зубы процедила я, поняв, что мне не вырваться.

– Кто тебя нанял?!

Не успела я ответить, как откуда-то из глубины леса вылетела стрела. Она просвистела возле затылка Талвани и застряла глубоко в обшивке кареты. Вслед за ней сразу же появилась вторая – и воткнулась в дерево уже за моей спиной.

Цепко смотрящие сощуренные глаза Тилваса расширились от изумления. Я, не меньше его пораженная внезапным нападением, все-таки воспользовалась моментом, чтобы освободиться от его пальцев. Однако аристократ не дал мне убежать: схватив за шиворот, он буквально закинул меня в распахнутую карету. Затем прыгнул следом и захлопнул за собой

дверцу, в которую тотчас вонзилось еще несколько стрел. Полетели щепки, и острые наконечники показались с внутренней стороны, но, к, счастью, не прошли насквозь.

В течение двух вдохов мы с аристократом молча, с ненавистью смотрели друг на друга, после чего Тилвас распахнул вторую дверцу и выскочил уже туда – в противоположную сторону от стрелявших.

Пригнувшись, Талвани бросился в сгущающуюся тьму между кедров. Я сделала то же самое.

* * *

В гонке по сумеречному лесу у меня было два преимущества: скорость и знание местности. Впрочем, вскоре выяснилось, что преследователи тоже прекрасно осведомлены обо всех коварных щелях, наполнявших Плачущую рощу, – незаметных узких дырах в земле, с хрустом ломающих ноги беспечным путникам.

Я мчалась сквозь лес, взмывала по наклонным гребням скал, перепрыгивала вздыбленные корни деревьев, подныривала под водопады, но погоня не отставала. Судя по голосам, нападавших было человек семь. Теперь они растянулись цепочкой и единым фронтом прочесывали рощу – я слышала их крики позади.

– Главное: грохнуть их! – приказывал кто-то, отнюдь не стесняясь орать на весь лес. – Не жалеть, не брать в плен, сразу грохнуть!

– Джеремию Барк тоже?

– Да!

Великолепно.

– Так, может, спустим на них браксов от господина, шеф?

– А давай!

Браксы?.. Это еще кто такие?

Вой, раздавшийся в чаще минуту спустя, буквально вынул из меня всю душу. Он ввинчивался в уши, как шуруп, и я задохнулась от жгучей боли, пронзившей меня от головы до пяток.

Сразу после послышался хруст ломающихся веток, топот и глухое рычание. Скорость браксов, чем бы они ни были, не шла ни в какое сравнение с человеческой. Чувствуя, как кровь шумит у меня в ушах и как зашкаливает уровень адреналина, я, подгоняемая ужасом, мчалась изо всех сил. Ветки деревьев цеплялись за мою одежду и хлестали по лицу, запах черной смолы казался кладбищенским. Ночная темнота уже полностью затопила Плачущую рощу.

Наконец я больше не могла бежать. Легкие разрывались. Вой приближался.

Решив залезть на дерево – *ну хоть что-то*, – я, тяжело дыша, остановилась у огромного кедра. Помимо ветвей впечатляющей толщины у него была еще одна отличительная черта – огромное дупло у земли, почти в человеческий рост.

Я готовилась подпрыгнуть, как вдруг чья-то невидимая рука схватила меня за плечо и затащила в это дупло.

– Чтоб тебя!..

– Тише! – велел жесткий шепот невидимого собеседника, и я узнала голос Тилваса Талвани. – Какого пепла ты остановилась именно у этого кедра?!

– Может, это мой кедр-любимчик! – огрызнулась я. – Почему ты невидимый?

– Артефакт, – кратко бросил Талвани и прижал палец к моим губам. Тотчас и я тоже стала невидимой, судя по пропавшим из виду рукам. – Не двигайся! – приказал аристократ.

– Немедленно убери свою грязную руку с моего рта, иначе я откушу тебе палец, – предупредила я, клацнув зубами.

– А ты немедленно умолкни, иначе браксы откусят все пальцы *тебе*, – не остался в долгу Тилвас, но все же послушно перевел руку мне на плечо.

Вновь завыл один бракс – и еще несколько сразу же последовали его примеру, наполнив чашу ужасным, холодящим кровь звуком.

Я и без подсказки не собиралась переговариваться со своим нежеланным спутником, но одна вещь требовала немедленного прояснения. Привстав на цыпочки, я почти беззвучно шепнула куда-то туда, где предполагалось ухо аристократа.

– Следы и запах. Невидимость от них не спасает, гений.

– *Моя* невидимость спасает и от них. Артефакт запутает следы и уведет преследователей дальше. У нас пятнадцать минут. И – для справки – я уже жалею, что втащил тебя в это дупло.

– А я жалею, что не втащила тебе как следует первым ударом.

Снаружи послышался еще один дикий вой, и мы с Тилвасом, сколько бы неприятных эмоций ни испытывали на сей счет, только сильнее прижались друг к другу.

Где-то совсем близко от дерева раздался жадный хриплый лай и какое-то отвратительное чавканье. Браксы крутились рядом, и я ощущала их присутствие, как давящее на грудь отчаянье, липкий страх, ползущий вверх по ногам. Я задержала дыхание, чувствуя, как непослушное, взвинченное сердце пытается выломать мои ребра к праховой бабушке.

Это чавканье... Я крайне болезненно отношусь к подобным звукам вследствие некоторых обстоятельств. *Крайне* болезненно. С учетом того, что и на песчаной дороге меня накрыло не лучшими воспоминаниями, сейчас их двойная доза вызвала у меня неконтролируемую дрожь по всему телу.

Тилвас Талвани почувствовал это.

На мгновение он замешкался, а потом... крепко и утешающе обнял меня двумя руками, как будто близкого человека после долгой разлуки. Это оказалось так неожиданно и неуместно с учетом обстоятельств нашего знакомства, что я от удивления перестала дрожать. И мгновенно разозлилась.

– Отцепись от меня, извращенец!

– Браксы уйдут – отцеплюсь. Ты так трясешься, что выдашь нас! Хватит пихаться!

– Еще на сантиметр ближе – и по кодексу чести тебе придется на мне жениться!

– Ой, да ему шестьсот лет, иди к гурху! Ай! Мне же больно!

– Ура!

За этой перепалкой мы как-то даже отвлеклись от тянущего ужаса, разлитого по роще.

Наконец, ничего не найдя, хищники взвыли в третий раз и рванули дальше. Вслед за браксами пробежали наши преследователи, перекрикиваясь на ходу.

– Цэп, Джуп, расставьте ловушки на дороге! Брого, на тебе выход в город, не пропусти этих ублюдков! Вайнс – на тебе южные ворота ущелья. Остальные – продолжаем прочесывать рощу, эти сволочи никуда не денутся.

– Шеф, а может, отправить кого-то к Джеремии домой?

– Да там давно все схвачено. Но я хочу, чтобы мы закопали их *тут*. *Наши* отряд, а не городской. Ясно тебе?

– Ясно, шеф!

Я беззвучно выругалась. Это не просто несколько человек, это целая облава. Небеса всемогущие, да во что я вляпалась?

Вскоре голоса отдалились и наступила тишина.

Снаружи были слышны лишь звуки ночного леса: шепот травы, шорох иголок, крики цапель где-то вдалеке... Остро пахло смолой и пряным парфюмом – от Тилваса. Только после того, как рассеялся эффект невидимости, Талвани отстранился. Он сделал полшага назад и, опершись на противоположную стенку дупла, вскинул подбородок.

– Ну? – спросил он. В темноте я не могла разобрать выражение его лица. – Еще раз: кто тебя нанял?

– Я не знаю, – холодно сказала я.

– Ты согласилась убить человека и не спросила имя заказчика?

– Я не соглашалась никого убивать. Я воровка, а не убийца. Моей задачей было украсть твой китчевый медальон – и все. Откуда я знала, что ты без него начнешь умирать?

Тилвас ничего не ответил, только судорожно стиснул пальцами амулет, который слабо переливался в темноте.

– Неужели ты сам не знаешь, кто хочет тебя убить? – я сложила руки на груди.

– Представь себе, не знаю.

– Что, слишком длинный список желающих?

– Напротив. Ни одного имени в голову не приходит.

– Пф. А по тебе и не скажешь. Ты что, святой?

– Нет, я нормальный. Жаль, что в твоём мире, воровка, смерти не желают только святым.

– Вообще-то им тоже желают, я перепутала. Именно так они и становятся святыми: после долгого мученичества.

– Что ж, вдвойне жаль.

И, развернувшись на пятках, Тилвас Талвани шагнул наружу, в лес. Я поджала губы. Потом тихо выругалась и выскочила из дупла следом за ним. В призрачном свете луны аристократ в заляпанном кровью плаще казался призраком, сошедшим с книжных страниц мрачных историй.

– Эй, – окликнула я. – Куда ты?

– А что? Предлагаешь с тобой остаться?

– Ты меня бесишь, но вообще-то это не худший вариант.

Талвани обернулся, вскинув бровь. Взгляд у него был такой, что мне мгновенно захотелось дать ему в глаз, а не предлагать сотрудничество, но логика пока была сильнее эмоций.

– Как это ни прискорбно, мы оба влипли, – объяснила я. – Я тоже нужна им и, судя по их душевным беседам, у меня нет шансов мирно договориться. Если мы станем действовать заодно, нам будет легче выбраться из рожи: я хорошо знаю местность, а у тебя, полагаю, есть еще полезные артефакты. И мы оба умеем дать отпор.

Бровь Талвани всползла еще немного выше. В голосе послышались насмешливые нотки, когда он сказал:

– Ты пыталась меня *убить*, вообще-то.

– Зато потом я тебя спасла. Фокусируйся на хорошем.

– Мой психолог говорит так же.

– Умный психолог.

– Вовсе нет, я его уволил.

И, внимательно глядя мне в глаза, Тилвас Талвани слегка наклонил голову набок. Что-то вроде: ну, что скажешь на это, воровка?

Рассматривая выражение его лица, всю его вызывающую позу, я начинала стремительно понимать, за что в светском обществе его называют «бедовым». Да, в стрессовой ситуации господин Талвани проявил себя жестким, рациональным и, чего греха таить, достаточно опасным человеком. Но сейчас... С каждым мгновением, отделявшим нас от преследователей, он все больше напоминал хитрого беспечного хулигана.

Не знаю, чего он ждал, с интересом глядя на меня из-под полуопущенных ресниц, но я пожала плечами и сказала:

– Что ж, не хочешь – как хочешь. Тогда иди к пеплу. – А потом: – Счастливого отдыха в Пике Грёз. Незабываемых приключений и все такое. Не могу сказать, что меня порадовало наше знакомство, но теперь на практике подтверждено, что я умею делать искусственное дыхание. День прожит не зря. *Аррьо!*

Я развернулась, чуть не врезалась в кедр и быстро пошла прочь по лесу. Сзади раздался смешок. Я в ответ подняла руку с поднятым средним пальцем.

Я артефактор

Ut vivas, igitur vigila.

«Чтобы жить, будь настороже».

Памятуя о репликах преследователей, не спешащих покидать чашу, я кралась сквозь ночной лес как можно тише. Вскоре впереди послышался монотонный плеск и ровный шум воды. Прекрасно, именно эту реку я и искала, чтобы, зайдя в воду, наконец перестать оставлять за собой отпечатки сапог.

На берегу я сорвала несколько цветов деричавки, знаменитой тем, как сильно и терпко она пахнет. Крестьяне каждое лето обмазывали ею чучела на полях, чтобы как следует отпугивать птиц. Я энергично растерла синие цветочки между пальцами и помазала получившейся кашицей уши и запястья. Что ж. Теперь даже самые добродушные поэты едва ли стали бы воспевать мой запах в песнях, но и браксы, чем бы они ни были, вряд ли смогли бы взять след.

Я пошла по реке вверх, против течения, размышляя о том, что сейчас случилось и как мне с этим быть.

Я слукавила, сказав Тилвасу Талвани, что не знаю, кто меня нанял. Да, имя заказчика действительно было мне неизвестно, но ведь он пришел от Полуночного братства. От самого Мокки, прах бы его побрал.

Полуночное братство – это столичная гильдия воров. Раньше в городе процветало три воровских сообщества, но, когда одно из них возглавил Мокки Бакоа, два других были стерты с лица земли. Теперь у Полуночного братства монополия, и черноглазый Бакоа играючи катается на жерновах судьбы, без видимых усилий удерживая власть. Многие ненавидят его, но еще большее количество горожан полагает, что при Мокки в Квартале Гильдий наконец-то наступил порядок.

Иногда Мокки отправляет клиентов ко мне: если считает дело подходящим для меня или если не хочет по тем или иным причинам поручить его своим ребятам. Официально я не принадлежу к гильдии, существуя сама по себе.

Я могла бы вступить в братство в любой момент, но не спешу это делать. Как минимум меня отталкивает тот факт, что воры живут все вместе в огромных особняках и тайных убежищах, тем самым разделяя не только работу, но и повседневность. Они ведут себя как дружная семья, но при этом половина из них готова воткнуть нож в спину соседа.

Впрочем, это касается не только воров, но и всех других гильдий в квартале.

«Преуменьшаешь, – фыркает Бакоа, если он в добродушном настроении. – Это касается всех человеческих обществ вообще. Не говори мне, что вокруг тебя такого не было. Всегда есть те, кто больше увлечен своим мастерством. И те, кто вместо этого предпочитает плести интриги, – ненавижу этих маленьких грязных паучков с липкими лапками. Те, кто дает, и те, кто берет. Те, кто в центре – и те, кто на периферии. А самая задница в том, что даже если ты отвергаешь свою систему, Джеремиа, ты все равно уже в ней – просто в роли отшельницы».

Пожалуй, он прав.

Но если Мокки нравится царствовать в Квартале Гильдий, наслаждаясь опасностями, стычками, властью, плетя чарующую преступную сеть, то я все-таки предпочитаю коротать свои дни в относительном спокойствии тихой улицы Непрошенных.

В любом случае мой следующий шаг – это добраться до Мокки и выяснить, какого такого неприятного человечка он выдал мне в качестве заказчика.

Река начала резко забирать вверх, в горы. Я последовала за ней. Вскоре подниматься стало невозможно, течение усилилось, речные пороги постепенно превратились в водопады. Я выбралась из воды и теперь, сжав зубы, занималась незапланированным скалолазанием.

Это было тяжело – особенно при том, что никакой страховки у меня, естественно, не имелось, а стоящая над горами луна не могла похвастать ярким светом. Но я полагала, что выбранный путь, каким бы пагубно-вертикальным он ни казался, – это лучшее решение. Потому что даже если я в максимально удобной одежде и с большим опытом в подобных делах еле справляюсь, то моим преследователям в их тяжелых сапогах, если они даже нащупают мой след, придется совсем туго.

Учитывая такие условия, пожалуй, хорошо, что Тилвас Талвани отказался объединять со мной усилия по побегу из ущелья. Вероятно, он бы не смог быстро двигаться под таким уклоном и тормозил бы меня.

Мои мысли вернулись к аристократу. Интересно, что с ним не так. Пусть господин Талвани и заявил, что он «нормальный», это утверждение показалось мне глубоко сомнительным. Как минимум нормальные люди не носят на шее что-то, без чего они готовы мгновенно откинуться. И не пестуют годами образ беззаботного шалопаю, при встрече с неприятностями схлопывающийся, как карточный домик, и обнажающий какую-то весьма опасную личность...

Я пожевала губами, прикидывая, какого размера будет синяк на моей щиколотке, так долго пробывшей в хватке аристократа. А потом старательно выкинула Тилваса Талвани из головы – потому что мысли о нем неумолимо превращались в воспоминания о том, как он умирал на дороге, а они, в свою очередь, готовы были соскользнуть в омут моих кошмаров, которым нет и не будет конца.

* * *

Прошло несколько часов, прежде чем я оказалась в горах достаточно высоко и далеко для того, чтобы счесть себя в безопасности.

Передо мной дремал уютный высокогорный луг – по утрам здесь наверняка пасут не одно стадо овец и коз. Но сейчас луг был пуст и тих, и только сверху на него с любопытством таращились сотни тысяч слабо мерцающих звезд. Небольшой дорожный указатель уведомил меня, что за соседней скалой располагается таверна «Приют пилигрима» для странников, которые совершают паломничество к горному монастырю богини Селесты.

Я долго кружила вокруг таверны на манер беззастенчивой ищейки. Проверяла отходные пути и заглядывала в окна, чтобы убедиться, что внутри привечают только благостных путников в плохой одежде и без оружия. «Ora et labora¹, и будет тебе счастье» – так и читалось на их добродушных лицах.

Потом я старательно смыла с себя деричавку, воспользовавшись водой из бочки: она была не по сезону холодной и пахла клевером. Я вывернула свое двустороннее таори наизнанку (шерсть стала черной, а не зеленой) и сняла кольцо иллюзий, позволив волосам вернуться к синему цвету. Наконец я развязала широкий лоби на талии и свободно обмотала им шею, превратив пояс в длинный шелковый шарф.

Нырнув в таверну, я устроилась в самом темном углу за барной стойкой – так, чтобы в висящем на стене зеркале видеть дверь.

Каково же было мое удивление, когда полчаса спустя в нее зашел не кто иной, как Тилвас Талвани. Мое лицо окаменело.

¹ Молись и трудись (*нитальский*).

– Я передумал, – как ни в чем не бывало сообщил аристократ, залезая на соседний от меня табурет. – Работаем вместе.

– Как ты здесь оказался?! – прошипела я, хватая его за грудки.

Тилвас проигнорировал мои руки. Он лишь с достоинством приподнял указательный палец, подзывая бармена, и сказал: «Фирменное блюдо, пожалуйста!» Тот подозрительно воззрился на рваные полы темно-синей рубы и на запекшуюся кровь в уголках рта Талвани, но мой несостоявшийся клиент улыбнулся так ослепительно, что бармен мгновенно оттаял.

Потрясающе.

Я изобретала способ сменить внешность в полевых условиях, а он даже умыться как следует поленился. Да еще и амулет с двуглавым вороном до сих пор висел поверх одежды.

– Ты придурок, – обреченно резюмировала я.

– Нет, я Тилвас, – вежливо возразил он.

– Хорошо, Тилвас, а теперь отвечай быстро и честно. – Я демонстративно сдвинула руку поближе к его амулету и погладила двуглавого ворона большим пальцем – так, чтобы угроза была понятна. – Что ты делаешь в этой таверне?

Аристократ преувеличенно нежно накрыл мою руку своей. Теперь со стороны казалось, что мы парочка возлюбленных, а не готовые убить друг друга незнакомцы. Пожалуй, это было хорошо – для остальных посетителей таверны. Пусть лучше умиляются при виде нас, а не пугаются. Так безопаснее.

То ли для того, чтобы усилить эффект маскировки, то ли чтобы поглумиться, аристократ наклонился вперед и почти интимно зашептал мне дальнейшие фразы на ухо, слегка перебирая прядки волос и поставив несколько пальцев в опасной близости от сонной артерии. Я в ответ положила вторую руку ему в район подреберья – туда, где находится одна общеизвестная болевая точка.

Так мы достигли баланса сил.

– Как я оказался в таверне, спрашиваешь? Все очень просто: я прицепил на тебя маячок в дупле, – шепнул Тилвас.

– Гхм. Интересно, зачем? Жить надоело?

– Ну что ты, – расстроился он. – Просто мы достаточно долго и тесно обнимались для того, чтобы я захотел угостить тебя ужином. Видишь, как всё удачно сложилось.

– Я сейчас в тебя нож воткну. И тогда удачно сложишься ты. Пополам.

– А ведь еще недавно ты не желала мне смерти.

– Так то недавно. Может, я тоже передумала?

Тилвас фыркнул, рассеянно провел кончиком носа по моему уху и наконец отстранился, заканчивая нашу маленькую игру. Он скрестил руки на груди, вольготно откинулся, опираясь спиной на стену таверны. И заговорил уже более деловым тоном:

– Я поставил на тебя маячок для того, чтобы убедиться, что ты не заодно с нашими преследователями. Вдруг это всё была история с двойным... то есть тройным, дном. Но судя по твоим метаниям, ты действительно просто воровка, попавшая в западню.

Такой ответ звучал рационально.

Я строго сдвинула брови.

– Как ты залез в гору? Это, мягко говоря, непростая задача. Я бы даже сказала, невыполнимая – для нетренированного человека.

– В любой невыполнимой задаче главное – правильная мотивация. У меня она была.

Бармен поставил перед нами наши заказы. Передо мной – кувшин и два стакана с колодезной водой, перед Тилвасом – тарелку с рисом, козьим сыром, баклажанами и кусочками курицы в пряном соусе. Блюдо, пусть и простое, пахло на славу, и Талвани едва ли не прикрывал глаза от удовольствия, обеими руками пододвигая к себе глиняную миску.

Впрочем, я планировала всячески мешать ему наслаждаться едой.

– Откуда у тебя вообще маячок? – Я закинула ногу на ногу. – Это редкость, даже столичные детективы и заклинатели не носят при себе такие... Ох, только не говори, что ты из Тайной канцелярии. Это было бы просто дурным тоном.

Тилвас оскорбленно поморщился.

– Да брось, неужели я похож на кого-то такого? Они же там все серые, неприметные, одинаковые, чтобы в глаза не бросаться...

– Не юли.

Талвани старательно подцепил самый аппетитный кусочек курицы, прежде чем пожать плечами.

– Я артефактор. Колдун-артефактор, кто бы что ни говорил на этот счет. Поэтому у меня и есть маячок – я сам его сделал.

Я окинула его оценивающим взглядом. Артефактор, значит. Маячки – это достойный уровень колдовского мастерства.

– А та игрушка, которая путает следы?

– Да. Тоже мое производство.

А это вообще высший класс.

Тилвас вновь принялся за еду. Я еще раз внимательно оглядела всех посетителей таверны, затем подошла к окну. Горное плато казалось умиротворяюще пустым. Не хотелось бы на практике выяснить, что наши преследователи тоже разжились маячком. Впрочем, пока все было тихо.

– Артефакторика – это достойная профессия, – сказала я, вернувшись за стойку к Тилвасу. – Почему же ты скрываешь ее ото всех, предпочитая казаться нелепым щеголем? И, хранителей ради, что за убийственная дрянь висит у тебя на груди? Тебе не приходит в голову хотя бы спрятать ее под одежду?

Тилвас доел и, коснувшись сложенными ладонями лба и груди, поблагодарил бармена за еду. Тот ответил традиционным полупоклоном.

– Я думаю, тебе достаточно информации обо мне, воровка. Ты и так, я вижу, неплохо осведомлена, даже лучше, чем мне бы хотелось. А вот я знаю про тебя только то, что тебя зовут Джереми Барк, ты неплохо бьешь в горло, промышляешь воровством и приятно пахнешь. Кажется, сандал и кедр? – прищурился он. – Ах да. Еще в твоих жилах течет голубая кровь. И ты явно занималась акробатикой или танцами.

Я непроизвольно поджала губы, услышав такое количество аналитики.

– Ничего себе «только».

– Я был бы не против узнать больше. – Мой собеседник подпер щеку рукой. – Однако в наших обстоятельствах считаю сближение неразумным. Поэтому я не буду ничего рассказывать о себе – только то, что потребуется для дела, – но и у тебя сказки на ночь не попрошу. Взаимное право на тайны и анонимность – как тебе такое, Джереми?

Я пожала плечами.

– Привычно. Вот только никакого такого «дела» у нас с тобой нет. Я не собираюсь с тобой нянчиться: мое предложение касалось только Плачущей рощи. И ты, и я выбрались из нее живыми. Конец сотрудничеству. Пересаживайся от меня на другой конец зала, а лучше поищи себе другую таверну и другой город.

– Вот как? – аристократ вскинул брови. – А не разумнее ли объединиться, чтобы выяснить, кто и зачем хочет нас убить, а потом вместе помешать им в этом крайне сомнительном начинании?

Я скорчила сочувствующую мину.

– Господин Талвани, ты, кажется, что-то не понял. У меня уже есть план, и ты в нем не участвуешь. Предполагаю, что именно ты был первичной целью заказчиков – а мне просто не

повезло стать твоей «плюс один» на этой убийственной вечеринке. Если ты не знаешь, кому помешал, то от тебя, туриста, мне никакого проку – одна головная боль.

– Хм, – сказал он, оценивающе меня оглядывая. Судя по тому, что сразу не стал возражать, Тилвас чувствовал – я не блефую. – А если я тебя найму?

Я закатила глаза.

– Я воровка. Для чего ты меня наймешь?

– Сворюй мне немного времени для жизни, – подмигнул он. – Раз уж кто-то поместил мое имя в графу смертников.

– Метафора? Хорошая попытка.

– Сколько?

– Иди в задницу.

– Да ладно, у нас с тобой ведь одна цель. И у меня есть кое-какие полезные навыки. Единственное, чего мне не хватает – это знания вашего города и порядков. Я готов за него заплатить. Щедро.

– Если я погибну из-за того, что прицепила тебя на хвост, никакие деньги мне уже не помогут.

– Но ведь наверняка есть что-то интереснее денег?

Я вздохнула. Какой... упёртый аристократ.

4

Тилвас, горы, рёххи, я

Cuilibet fatuo placet sua clava.

«Каждому дураку своя палка правится».

Талвани терпеливо ждал ответа на свой вопрос. Я, по привычке крутя кольца на пальцах, размышляла.

Пожалуй, если не считать того факта, что ситуация в принципе удручающая, у меня нет особых причин отказываться от сотрудничества на данном этапе. Бросить Тилваса я всегда успею.

И да. Он *артефактор*, из-за чего я не могу не почувствовать к нему некоторого расположения, пусть и непредумышленно, почти против собственной воли.

Ведь поиск артефактов, которым я занимаюсь, – это не только моя работа, но еще и одна из немногих вещей, которая напоминает о моей прошлой жизни, оборвавшейся пять лет назад. Несмотря на то что моя нынешняя деятельность по большей части связана с расхищением гробниц и раскопками в древних святилищах – делами грязными, коленкообдирающими, лопатомашущими, – этот поиск странным образом протягивает призрачную ниточку к той эстетствующей студентке, которой я была когда-то.

Как будто невидимая Джереми Барк из прошлого всегда стоит у меня за плечом с фонарем в руке и подбадривает:

– Давай-давай. Копай, моя хорошая. Справа упырь приближается, готовь кинжал. Это стоит того. Будет так интересно воочию увидеть браслет Анаита из героической поэмы VII века, верно? Помнишь те строфы, которые вы учили на четвертом курсе:

И день падёт, восстанет черная луна,
И небо, расколовшись, сгинет в море,
Всшипит песок, взбурлит вода,
И Анаит, крича, утонет в горе...

– «Всшипит» песок, ну с ума сойти! Вы тогда всей группой возмущались, что это странный перевод. Помнишь: сидели на подоконниках на третьем этаже, там такие широкие, розоватые подоконники, а за ними – один из этих шпилей с эмалированным украшением в виде цветка анемона. Ты обычно забивалась к самому витражу и уже оттуда декламировала стихи, и Кашфиэль делал пометки по истории, а Финна лихорадочно искала все аллюзии к предыдущим поэмам автора – наставник говорил, их должно быть сорок две штуки. И вот это «всшипит» вас всех выводило из себя, всю группу! Вы потом специально пошли на берег проверять и... Неожиданно поняли, что вообще да, именно так это и звучит, древний поэт был прав, хоть и фриволен с языковыми средствами. Кажется, ты так хорошо помнишь эту поэму, потому что как раз после нее Финна перевелась на отделение теологии – и вы уже общались не так часто, к сожалению... А потом... – пауза, наполненная пылью и хриплым дыханием. – Эх... Копай, Джереми. Ищи окаянный браслет! Пора увидеть его своими глазами!

Эта призрачная Джереми Барк, топчущаяся за моим плечом в иные моменты, – то еще тепло. Однако я отношусь к ней с определенной нежностью, как и к поиску артефактов, запол-

няющему мои ночи звездами, пещерами и тишиной. Ведь всем нам нужно какое-то утешение в этой изменчивой жизни, которую в любой момент может слизнуть тяжелая, необъяснимая тьма, даже годы спустя удушающая тебя во сне.

Я со вздохом протерла лицо руками, отгоняя непрошенные мысли. *Unum et idem*. Опять и опять.

Раз Тилвас Талвани настолько хорош в своих изобретениях, значит, у него, как у ценного колдуна, наверняка есть доступ в закрытые библиотеки Сената. В те, которые не рискнет взломать ни один вор, ведь собственную жизнь, какой бы поганой она ни была, не хочется обрывать посредством неснимаемого проклятия, запускающего у тебя в груди безнадежный обратный отсчет. А библиотека Сената усыпана такими проклятиями, и все они замаскированы так толково, что даже Мокки в свое время отказался идти туда. И именно в этой библиотеке хранятся книги по магическим языкам, информацию о которых нельзя найти больше нигде.

В общем, есть шанс, что именно Тилвас косвенно поможет мне с разгадкой одного шифра, над которым я так отчаянно бьюсь последние годы.

Артефактор смотрел на меня, наклонив голову набок, и смиренно ждал вердикта.

– Я назову свою цену потом, – наконец прохладно объявила я. – Когда пойму, что полезного ты сможешь мне дать. А если окажется, что ничего, – прости, но я просто уйду.

– Мм. В роще у тебя это не получилось, – сочувственно напомнил Тилвас.

– Хорошо: уйду, предварительно задушив тебя. Так лучше?

– Гораздо. Люблю честные предупреждения.

– Тогда лучше не поворачивайся ко мне спиной.

– Воткнешь нож?

– Пинка дам.

В честь обозначенного сотрудничества мы торжественно приподняли стаканы с водой. Бармен закатил глаза, не радуясь таким трезвенникам-клиентам, но возражать не стал.

После этого Тилвас Талвани заказал еще две порции риса, одну из них – мне, что меня определенно обрадовало. Не размениваясь на пустую болтовню, мы начали прикидывать план ближайших действий.

* * *

Мы решили переночевать в горах и отправиться в Полуночное братство утром. Потому что, во-первых, перед долгим днем явно нужно набраться сил, а во-вторых – если Мокки Бакоа за что-то и убьет меня наверняка, так это за то, что я разбужу его за час до рассвета.

– Куда ты? – нахмурился Тилвас, когда мы обо всем договорились и я целеустремленно направилась к выходу из таверны.

– Зайду за тобой на заре, – объяснила я. – Я не собираюсь спать прямо здесь. Хотела изначально, но... Ты явился сюда ровно в таком же виде, как был в чаще, и если посреди ночи нагрянут наши преследователи, то бармен с ходу укажет на твою спальню, и тогда вся таверна – до свидания. Я не хочу подвергать себя такой опасности.

– ...Джерри, прости: а ты всегда ходишь с таким суровым выражением лица?

– Да. Спокойной ночи.

Я прихватила в конюшне при таверне попону – свежестираную, ждущую своего часа в соломенной корзине. Конь, которому она предназначалась, растерянно заржал мне вслед, но я проигнорировала его возмущение. Добрых полчаса я петляла между острыми скалами, венчающими луг и похожими на скрюченные пальцы поднятых мертвецов, пока наконец не нашла себе удобную площадку для сна.

Относительно удобную, конечно.

Но мой жизненный опыт уже включал в себя ночевки в грязных переулках, на крышах и в подвалах, в полях и на побережье, даже в тюрьме. Так что я не жаловалась. Небо над головой – потолок, который мне по-своему нравится, ведь под ним как минимум никогда не бывает душно.

...Когда я уснула, ветер тоскливо пел в скалах и кедрах, а луна кокетничала, то и дело выглядывая из-за веера облаков. На лугу стрекотали цикады.

А когда я проснулась, рядом со мной сидел в позе лотоса Тилвас Талвани, подставивший лицо нежным лучам рассветного солнца.

– Мать твою! – рявкнула я от неожиданности. – Что ты здесь делаешь?!

– Медитирую, – он приоткрыл один глаз. – Тебе бы тоже не помешало. Доброе утро.

* * *

После некоторого допроса – краткого, но выразительного, – выяснилось, что Тилвас Талвани нашел меня с помощью все того же маячка. Я чувствовала себя облапошенной, ведь перед сном я старательно осмотрела всю свою одежду и ничего не обнаружила. И поэтому решила, что маячок, как и многие одноразовые артефакты, саморазрушился через некоторое время после активации.

Теперь же, прижав артефактора к скале, я требовала ответа: где на мне спрятана эта неэтичная дрянь. Тилвас в ответ шутил, говорил, что забыл, и советовал мне устроить стриптиз, чтобы уж точно избавиться от маячка.

К его вящему удивлению, я и впрямь начала раздеваться.

– О, – только и сказал он.

– Что, засмушался? – вскинула бровь я, но в самый интересный момент ушла за скалу. Маячка так и не было. Странно.

Тем не менее я сменила свою одежду на вещи, прихваченные в таверне. В ней имелся ящик для пожертвований – он пользовался популярностью, ведь «Приют пилигрима» находился на дороге к монастырю – и я без особых угрызений совести взяла оттуда штаны и тунику с длинными рукавами.

Еще одни брюки, безрукавку и льняное таори я швырнула в Тилваса, выйдя обратно.

– Переоденься, – велела я. – И пойдем в город.

Когда он, в свою очередь, появился из-за скалы, я раздула ноздри.

– Парень, тебе следует спрятать свой паскудный амулет под одежду. Иначе наш маскарад не имеет смысла. Еще на лбу напиши: я Тилвас Талвани. И то привлечешь к себе меньше внимания: идиотов в Пике Грёз много, а вот богатых идиотов с такими побрякушками – уже ограниченное количество.

Аристократ ощерился.

– Я не могу его убрать.

– Почему это? Ностальгия заест? – ядовито поинтересовалась я.

Тилвас не стал отвечать, просто взял амулет и закинул его за ворот. Я удовлетворенно кивнула, но... мгновение спустя неверяще сузила глаза.

Амулет был снаружи. На ткани.

– Стоп, – сказала я.

– Пха, – сказал Тилвас.

– Сделай это еще раз.

Он убрал амулет. Я моргнула. Амулет вернулся.

– Не утруждайся догадками, Джеремя, – пропел аристократ, заметив тяжелую работу мысли на моем свеженьком поутру лице. – Это необъяснимо. Я потратил шесть лет,

пытаясь спрятать эту штуку – раз уж снять пока не судьба, – но, увы, он неизбежно оказывается сверху.

– Я снова начинаю думать, что зря с тобой связалась, – резюмировала я.

А сама сделала мысленную пометку: *шесть лет, значит*. Надо будет как-нибудь невзначай выяснить, чем занимался мой спутник в то время, может, и о происхождении амулета догадаюсь.

– Я могу прикрывать медальон рукой, – предложил артефактор и патетически возложил руку на грудь. – Буду изображать туриста, очень растроганного видами города.

– Мы идем в злчное место. Скорее ты будешь испуганным туристом.

* * *

День был погожим и свежим, как лимонное мороженое на палочке. Кучевые облака беспечно шатались по небу, им вторили пухленькие овцы, выгнанные пастухами на прогулку. Светло-зеленая трава шепталась и волнами перекатывалась на теплом майском ветру.

Мы пересекли несколько очаровательных полей. В центре последнего из них находилось небольшое святилище духа горных лугов – *груовви*. Я попросила Тилваса подождать и направилась туда.

Я не религиозна.

Мои отношения с шестью богами-хранителями ограничиваются тем, что я училась в университете, посвященном Селесте. И, как я уже говорила, моих почтовых воронов зовут в честь богов. Изредка перед походом в какую-нибудь особенно паскудную гробницу я могу зажечь свечу для богини Дану, знаменитой своей способностью выкручиваться из неприятностей.

Однако мне не понять серьезного подхода к культу богов-хранителей. Как минимум достаточно унизительно поклоняться тем, кто так похож на тебя, разве нет? Боги – они ведь... *плотные*. У них есть тела, сексуальные предпочтения, не самые лучшие, согласно легендам, характеры, слабости и странности, откровенные дурости – как по мне. Они путаются с людьми и совершают ошибки, они самонадеянны и в то же время испуганны – как и все мы, перед лицом бесконечности. Они такие же, как и мы, по сути. И поэтому я им не доверяю. Как и людям.

К тому же однажды, когда я попала в беду, никто из богов не пришел вовремя, хотя в тот раз я искренне воззвала к ним. И знаете что? Я прощаю их за это. Но поклоняться – увольте.

В этом плане мне гораздо ближе культ *рёххов* – духов природы, населяющих архипелаг Шёрхенмисты.

Рёххи – это бесплотные сущности, которые покровительствуют тем или иным природным зонам, явлениям и состояниям. Домашние духи. Глубоко нематериальные, невидимые. Воплощенные в образе животных – а вот животных я как раз люблю.

Рёххи живут будто на другом слое реальности, практически не связанном с человеческим бытием: люди не могут касаться рёххов, а рёххи не могут касаться людей. Однако при этом духи природы имеют возможность взаимодействовать с другими сущностями и тварями, а также с предметами и вещами – при условии, что у рёхха для этого достаточно личных сил.

Конечно, духам не молятся, как богам. Скорее – просто задабривают их, совершая либации², а еще чаще – используют святилища как возможность посидеть в тишине и прислушаться к собственным мыслям, непостижимо возникающим и толкущимся на черном экране сознания.

В общем, рёххи – это наш маленький островной культ, почти игрушечный, услада для тех, кто уже ни гурха не вывозит психологически, а идти к знахарю не хочет.

² Либации – бескровные жертвоприношения.

Сейчас я подошла к святилищу *груовви* – духа, который имеет обличье сурка и покровительствует горным лужайкам Шэрхенмисты.

Святилище груовви выглядело как небольшой источник, обложенный по кругу камнями, с деревянным навесом и медным черпаком, висящим на перекладине. На крыше сидела деревянная фигура самого духа – сурок был толстеньким, довольным жизнью и солнечным весенним днем.

Под навесом шуршали десятки записок, привязанных к балке красными нитками. На каждой была нарисована какая-нибудь руна – в зависимости от того, что хотел попросить у груовви оставивший ее человек.

Я сняла черпак, набрала в него воды и обмыла сначала левую руку, потом правую, а после – прополоскала рот. По правилам воду из источников духов нельзя пить, но я считаю это глупостью – такая вода, напротив, гораздо вкуснее обычной. Я очень сомневаюсь, что даже если груовви прямо сейчас сидит у меня за спиной, пожевывая травинку, добродушный сурок обидится из-за пары глотков, утекших в меня, а не в землю.

Я закончила ритуал низким поясным поклоном, после чего вернулась к Тилвасу Талвани. Он ждал меня, сидя на обочине горной тропинки и играя с ящерицей, которая с какой-то радости его не боялась, а, напротив, залезла на колено мужчины и сладко жмурилась сообразно тому, как Тилвас почесывал ей кожистую макушку.

Артефактор никак не прокомментировал мою внезапную религиозность. Если что-то и роднит всех без исключения шэрхен – так это глубочайшее уважение к чужим ментальным проблемам.

* * *

Путь в город был долгим – мы игнорировали проторенные пастушьи тропки и спускались по самым непролазным местам.

В огромной котловине внизу переливался под лучами солнца Пик Грёз – острые спиральные башни, причудливые дома из темных пород древесины, множество веревочных мостиков, поверху соединяющих целые кварталы, ярко-оранжевые храмы богов...

Наконец мы прыгнули со скалы сначала на крышу какой-то лавки, потом – непосредственно на землю, и, выбирая тихие улочки, отправились напрямик в Квартал Гильдий.

Он представлял собой настоящий город в городе, скрывающийся за высокой красной стеной. На деревянных въездных воротах были вырезаны многочисленные предупреждения о том, что ждет вас внутри. Улицы стали не в пример уже, прохожие – эксцентричнее, а по каналам, пронизывающим квартал, плавали черные плоты торговцев. Тут и там огромными черепахами выделялись здания гильдий: ассасинов, наслаждений, игроков, охотников, бойцов, виноделов и другие.

Вскоре мы стояли у дверей Полночного братства.

– Жди здесь, – приказала я Тилвасу. – И постарайся не привлекать лишнего внимания, вокруг бродит много неприятных людей.

– Да уж, я по тебе понял, – отозвался Талвани и еще драматичнее прижал руку к сердцу, пряча медальон.

Я хмыкнула:

– Любуешься городом, как и планировал?

– Нет, сдерживаю тошноту. Любоваться тут правда нечем. Копия нашего Пика Волн, только без моря и с этими ужасными кедрами вместо елок. Почему у вас вообще есть статус столицы? Дыра какая-то.

– Ты неблагодарная дрянь, – жестко осадил я Тилваса. – Именно Пик Грёз зарабатывает деньги для всего государства и зачем-то делится с вами, приморскими городишками.

– Не веди мы морскую торговлю, вы бы стухли в своих горах. А еще мы – культурная столица.

– А мы – *настоящая*, – с нажимом сказала я. – Сенат заседает у нас, у вас лишь наместник. Что касается культуры...

...Как любые настоящие шэрхен, мы могли до посинения спорить о том, какая столица лучше – береговой Пик Волн или скалистый Пик Грёз. Это являлось настолько классической темой, что, с одной стороны, ее было неинтересно обсуждать, а с другой – начав, ты просто не мог остановиться. Есть мышечная память, а есть, кажется, дискуссионная – твой мозг уходит в отключку, а язык продолжает плевать островами в адрес второй столицы.

Впрочем, хотя такие споры нередко доводили до взаимных проклятий с использованием тканых кукол и втыкаемых в них иголок, мы, жители Шэрхенмисты, никогда не злились на оппонента по-настоящему. В глубине каждого из нас живет древняя безмятежность, спокойствие океана, которое позволяет нам относиться к чужому мнению с пиететом и уважением, даже когда оно не совпадает с нашим.

Сейчас Талвани и я с пиететом и уважением обозвали друг друга «портовым шлюхом» и «сенатской подстилкой», после чего с достоинством разошлись. Он нырнул в ближайший переулок, а я поднялась по ступенькам гильдии.

Упоминать о том, что я сама – уроженка Пика Волн, из-за чего вся критика с моей стороны была откровенным притворством, я, конечно, не стала.

5

Полуночное братство

Dicitur cornix cornici nunquam oculum effodere

«А говорят, ворон ворону никогда глаз не выклюет».

Здание Полуночного братства выглядело, как оплывший панцирь из темного камня.

Круглые окна были затянуты красными слюдяными пластинами, над входом со скрипом раскачивалась латунная табличка с символом гильдии – белым рыбьим скелетом. Здание выглядело не таким уж большим: основная часть комнат располагалась под землей, наверху находились только просторный общий зал с кухонным уголком и кабинет Мокки Бакоа.

Всего во владениях Полуночного братства сейчас находилось пять зданий. Два из них являлись бывшими штабами других воровских гильдий. Еще два – убежищами, то есть конспиративными домами, скрытыми в центральных кварталах Пика Грёз. В убежищах воровская элита могла прятаться от властей или отдыхать между серьезными делами. Найти убежища просто так считалось невозможным.

В столице было еще одно, третье, убежище, которое когда-то принадлежало Братству Скользких и которое Скользкие отказались выдавать даже за очень высокую цену. Мокки до сих пор активно искал его для своей коллекции, но пока что поиски не увенчивались успехом.

Я поднялась по трем полукруглым ступеням крыльца и постучалась. Не успел затихнуть звук последнего из моих ударов, как в двери приоткрылось окошко. В окошке появилось лицо.

– Привет, Чо.

– Привет, Коготочек. Что тебе надо? – миролюбиво отозвался Чо.

Коготочек – это мое нелюбимое прозвище.

– К Мокки на пару слов.

– Мокки занят.

– Мокки сейчас ест свой завтрак, насколько я знаю его любовь к четкому расписанию. Я не скажу ничего такого, что заставило бы его подавиться.

– Ну смотри. Плохое настроение Мокки – много проблем для всех нас. Не подведи.

И Чо открыл мне дверь.

Внутри гильдии все потихонечку просыпались и выползали наверх, приманенные запахами с кухни. Острые локти, блестящие глаза и широкие ухмылки, нестерпимое самолюбование и жажда мериться всем подряд, – гильдийские воры были похожи на сборище недокормленных, худых по весне лебедей. Нескладные и громкие существа, они обменивались шуточками и перекидывались паровыми булочками, пока на жаровне грелся чугунок с русалочьим кофе.

Чо – белобрысый выходец из болот южной части острова, бледный и всегда маниакально сбрывающий брови – захлопнул за мной дверь и двинулся туда же.

Но он ушел недалеко. Я схватила его за плечо и развернула:

– Верни.

– Ну ты и зануда, – надул губы Чо и вытащил из кармана только что снятое с меня магическое колечко.

Мокки, в чей кабинет я по-свойски ввалилась, сидел прямо на столе, скрестив ноги, нахохлившись и поедая лапшу из картонной коробки. Шеф воров был в своем репертуаре:

на коленях лежала свежая газета, шаровары не скрывали изящных щиколоток, а к красному поясу, затянутому поверх черной майки, была привязана связка отмычек. На шее Бакоа болталась опасная бритва, на которой была выгравирована строка из старинной песни:

Сумрак наполнил холмы, и я закрываю глаза.

Господин Бакоа был блёсном, то есть уроженцем подводной страны Рамблы, которого в один прекрасный момент достало существование на дне. Тогда Мокки сбежал из заколдованного морского царства: он, прорвав защиту Рамблы, выбрался на берег, сорвал с себя магические артефакты, позволяющие блёснам жить на глубине, отрёкся от родины и переехал в Пик Грёз – как можно дальше от моря.

Бунтарь Мокки Бакоа.

Мокки красивый и злой. У него шальные черные глаза и встрепанные русые волосы. Он великолепный организатор и сдвинут на порядке – ему нужны четкие расписания, правильно разложенные вещи, идеально выглаженная одежда. Если ты разозлишь Мокки, он может тебя убить.

Но мне он нравится. Если не сказать сильнее.

Однако за все годы нашего знакомства я убедилась в том, что самое лучшее, что я могу сделать с бабочками в своем животе – это приколоть их булавками на стену очень плохих идей.

Говорят, Мокки просто не способен любить. Никого. Максимум доступной ему душевности – завести рыбок и угрожать немедленной расправой всем, кто посмотрит на аквариум неровным взглядом. И то не ради рыбок, возможно. А потому что Мокки – абсолютно поехавший тип.

Я не полностью согласна с этим утверждением, но... Однажды я поцеловала Бакоа. Он не ответил, а потом разбил зеркало, возле которого мы сидели, и ушел. Вот и все, *miserabile dictu*³.

Когда я вошла в кабинет, архимастер воровской гильдии скользнул по мне цепким взглядом и вновь вернулся к лапше.

– Привет, Мокки.

– Угум. Ты чего так рано явилась?

– Проблемы. Заказчик, которого ты послал ко мне вчера, оказался с душком и открыл на меня охоту.

Мокки не спеша отхлебнул чай из маленькой глиняной чашечки. Изящные пальцы знаменитого взломщика сжимали ее лениво-расслабленно.

– Печально, – сказал Бакоа чуть погодя. – А за что он на тебя охотится? Ты не выполнила заказ?

– Можно сказать и так.

Я рассказала ему о случившемся во всех деталях.

Мы с Мокки вместе пережили нечто очень неприятное. Такое, о чем не принято вспоминать, что заставляет меня цепенеть при звуках грозы и потом, при встрече с Бакоа, отводить глаза. Хотя он все равно всегда замечает это и молча протягивает мне фляжку с крепким пойлом:

– Проветри мозги, Джеремя.

Если я кому-то и доверяю в Пике Грёз, то этому парню, выползшему с самого дна – во всех смыслах этого слова.

Мокки слушал меня внимательно. Он отложил лапшу и, не расплетая ноги, подпер щеку кулаком.

– В общем, мне нужно узнать, кто сидит по ту сторону игровой доски, – подытожила я.

– Понимаю твое желание. Но есть проблемка.

Бакоа пожевал губами и хрустнул пальцами, прежде чем сказать:

³ Достойно сожаления (*нит*).

– Я вчера не посылал к тебе никаких заказчиков, Джерри.

Кровь отхлынула у меня от лица.

– Невозможно, – я стиснула кулаки. – Он сказал гильдийский пароль, знал мой адрес и правильный стук в дверь. Он дал мне письмо, запечатанное твоей личной эмблемой, в конце концов.

– Так-так. Письмо у тебя?

– Нет. Оставила в кабинете.

– Вот крыса, – широко улыбнулся Мокки. – Да нет, не ты, Джерри. А тот из наших, кто всё это подделал и сдал.

Он с кошачьей грацией спрыгнул со стола, отбросил газету и снял со стены кабинета длинный боевой посох в стиле южных пустынь. После этого с ноги распахнул дверь в основное помещение гильдии, которое уже наполнилось гомоном братьев и сестер Полночи, шумно завтракавших за общим столом.

– СУКИ! – гаркнул Мокки, крутанув посох в руках и после долбанув им о каменный пол гильдии.

Разговоры тотчас оборвались. Я, стоявшая в дверях, оперлась плечом о косяк.

* * *

– Кто. Сдал. Наши. Явки? – прошипел Мокки Бакоа, как форменная гадюка, и, недобро волоча за собой посох – тот неприятно скрипел по камню, – медленно пошел к столу.

Очень медленно. Угрожающе.

Лица воров вытянулись и побледнели. Лапочка Джайя подавилась булочкой и теперь выбирала, что лучше – сдохнуть от удушья или от того, что она перебьет Мокки своим кашлем.

– В нашем братстве не так много правил, милые... – угрожающе рокотал Мокки, обходя стол и эдак по-отечески поглаживая по щеке каждого из подчиненных. Посох во второй его руке искрил и горел фиолетовым, набалдашник в виде черепа ожил и теперь скалился. – Важнейшее из них – быть верным...

Бакоа внушал ужас, и вся гильдия наполнилась отчетливым запахом страха.

Они и впрямь боятся его. До икоты. Особенно в те периоды, когда Мокки как будто бы сносит крышу – целыми днями он ходит взвинченный и энергичный, и ты не знаешь, чего ждать от него в следующую секунду.

Сейчас Мокки впечатляюще разглагольствовал, и руки воров все сильнее дрожали. Я пыталась догадаться, чем закончится дело, кто из двух дюжин людей за столом продал своих – *и за что?* – как вдруг во входную дверь заколотили.

Бакоа не обратил на это ни малейшего внимания, ключник Чо не посмел шелохнуться. Стук продолжался, становясь все интенсивнее, к нему добавились невнятные выкрики, толком не проникающие сквозь железную дверь.

В итоге к ней двинулась я. Стоило мне отодвинуть заслонку окошка, как обнаружившийся по ту сторону Тилвас Талвани с искаженным лицом заорал:

– Берегись! На вас нападают!

И в то же мгновение позади меня раздался звон разбитого стекла. Что-то круглое и тяжелое пролетело сквозь общий зал гильдии – мимо замерших за столом воров, мимо разгневанного Бакоа, – влетело в шкаф с магическими свитками и взорвалось.

Гномья граната.

Помещение начал затягивать ядовитый антрацитовый дым. Мокки взревел кое-что совсем непечатное и, развернувшись на пятках, швырнул свой посох, будто копье, в разбитое окно – едва появившийся за ним человек без единого вскрика рухнул где-то за пределами сцены.

Второе окно тоже разбилось – еще одна граната прилетела мне прямо под ноги, и я едва успела пнуть ее прочь – бронзовый шар взорвался в воздухе в центре зала. Как черный фейерверк, рванули во все стороны удушающие клубы колдовского дыма.

Некоторые воры, не успев отойти от моральной порки под авторством своего архимастера, непроизвольно вдыхали яд – и тотчас падали на пол. Черный дым не был смертельным, но приносил ослепительную вспышку боли, похожую на пощечину твоему сердцу, и мгновенно усыплял человека на долгие часы.

Стоны. Кашель. Удары об пол и грохот падающих от взрывов полок с тубусами городских карт.

В гильдии воцарился полный хаос.

Окна продолжали звенеть, осыпаясь, и теперь сквозь них, судя по крикам и звону металла, пробирались внутрь вооруженные нападающие. На стену рядом со мной из темноты плеснуло кровью.

Гурх.

Я резко отодвинула засов и во всю ширь распахнула дверь, надеясь пустить свежий воздух и выбраться наружу. Но теперь на пороге, помимо побледневшего Тилваса Талвани, стояло трое ассасинов из Алого братства. На их лицах были тканые маски, наверняка пропитанные календулой, которая могла нейтрализовать ядовитый дым.

Один из ассасинов, увидев меня, чуть сильнее, до крови, прижал изогнутый клинок к горлу Талвани, еще один ужом проскользнул в дверь и исчез в дыму, откуда тотчас послышался громкий, исполненный гнева крик Бакоа.

Третий же ассасин открытыми ладонями с силой толкнул меня в грудь, отбрасывая от двери обратно, во тьму нападения, выбивая из легких весь воздух, до боли, до жжения, до слез из глаз... Не вдохнуть теперь не получится, как бы я ни старалась – гурхов рефлекс, убивающий утопленников на глубине.

Падая назад и чувствуя, как меня обволакивает темная бархатная пучина, я с ненавистью смотрела в равнодушные карие глаза над тканой повязкой.

Алое братство. Ведь мы с вами знакомы, сволочи. Соседние гильдии. Так много совместных пирушек и дел. Шутки, песни, ночные бои на досках, перекинутых через каналы квартала – и проигравший, на радость зрителям, с плеском падает в воду, вечно пахнущую гнилью и водорослями.

Как же так, Алые? Как же так?

Вот поэтому я и не люблю гильдийский квартал...

Дым проник в мои легкие. Всплеск боли – я потеряла сознание.

6 Сделка

Cui bono? Cui prodest?

«Кому это выгодно? Кто от этого выигрывает?»

Я очнулась в сыром и сумрачном месте, на влажных теплых камнях. Шея болела. Голова раскалывалась, в легкие будто кошки нагадили.

Я села и осторожно огляделась: почти ничего не было видно, но я точно находилась в некоем подземном тоннеле. Кое-как сфокусировав взгляд, далеко впереди я рассмотрела дрожащий огонек свечи и за ним – еще какое-то неоформленное свечение.

С трудом поднявшись, я пошла туда. По мере приближения к огоньку стал слышен негромкий разговор, доносящийся с той стороны. Слова отражались от стен тоннеля, расплескивались, множились, спотыкаясь о собственное эхо, и поэтому разобрать их было не так-то просто. К ним добавилось журчание воды.

Разговаривавшие находились за поворотом тоннеля, а свеча, привлекавшая мое внимание, стояла как раз на углу. Подойдя почти вплотную, я наконец узнала голоса Мокки Бакоа и Тилваса Талвани. Третий принадлежал женщине.

– Нет, я не смогу дать вам эту информацию, – говорила женщина. – У меня ее нет.

– Так своруй. Точнее, пусти меня, я сворую, – с нажимом предлагал Мокки.

– Я и так пошла против своих, не хочу нарываться и дальше... Но есть другой вариант.

– Какой? – заинтересовался Тилвас.

Я молча вывернула из-за угла, и трое собеседников одновременно, как совы, перевели на меня блестящие глаза. Они сидели вокруг костра, разведенного у подземной реки.

Отблески пламени танцевали на стенах тоннеля, высвечивая руны, обозначающие «кровь» и «мечь». Вдоль потолка была выбита надпись:

*Бледная смерть с одинаковой улыбкой стучит в лачуги бедняков и
дворцы царей*

Нарушая клятвы свои, знай, что тихая госпожа все видит

Увидев ее, я поняла, где мы: в почти пересохшем русле реки под названием Кровь Сенаторов, некогда в полную силу текшей под городом. Говорят, именно в нее около тысячи лет назад сбросили десять убитых сенаторов Шэрхенмисты, не оправдавших ожидания своего народа. Сейчас река почти пересохла, и оставшиеся тоннели использовали как тайные ходы, соединяющие здания разных гильдий и кое-какие места столицы.

Трое у костра поздравили меня с пробуждением после яда.

Тилвас, несмотря на случившееся, выглядел достаточно бодро. А вот Мокки досталось: правая рука вора была перевязана и подвешена на бинте у груди, под глазом расплылся впечатляющий синяк. Майка порвана, лоби пропал, шаровары запачканы кровью. Судя по всему, чужой.

Сидевшая рядом с ними женщина с короткой стрижкой была одета в темно-синий костюм ассасина. Это ее карие глаза я видела перед тем, как потерять сознание. Ее звали Раэль, и мы знали друг друга.

– Какого гурха? – сипло спросила я ее.

Раэль пожала плечами:

– Я вас спасла, между прочим. Никто из ассасинов не любит убивать тех, с кем делил еду. Но наша гильдия не могла отказаться от заказа, пришлось действовать хитро. Прямо сейчас кое-кто изучает всех захваченных нами воров, надеясь увидеть среди них ваши с ним, – кивок на Тилваса, – мордашки. И найдись они, вас бы уже придушили. А так вы все еще на свободе. И, конечно, мы не стали бы убивать Бакоа.

Она повернулась к вору и уважительно коснулась ладонями груди. Мокки ощерился.

– А без яда нельзя было как-нибудь обойтись? – сказала я, потирая саднящее горло.

– Конечно нет. Спрятать и переместить три бессознательных тела уже после бойни гораздо проще, чем пытаться договориться с вами в процессе. Так что лучше благодарно улыбнись мне, воровка, и присоединяйся к обсуждению дальнейших планов.

В ответ я изобразила скорее оскал, нежели улыбку, и тоже села у костра. Раэль фыркнула и обвела нас троих взглядом.

– Как я понимаю, вы хотите узнать имя заказчика. У меня его нет. Но его знает архимастер нашей гильдии. Если вы добудете ему кое-что, что он ищет, то он поделится информацией – и тогда вы поймете, кто открыл охоту на вас и заплатил нам достаточно для того, чтобы мы напали на Полночное братство.

Не успела ассасинка договорить, как Мокки Бакоа расвирепел.

– Ах ты гадина! – зарычал он, вскакивая, хватая Раэль за грудки и приподнимая ее над полом одной здоровой рукой.

Его глаза с густыми, почти по-женски длинными ресницами загорелись безумным огнем, а сбитые в драках костяшки пальцев побелели.

– Не любите убийства тех, с кем делили еду, да?! Скажи как есть – всё это часть плана твоего архимастера! Вы спасли этих двоих не потому, что вам их жалко, а потому что заранее хотели продать нам информацию!

Он явно был прав. Раэль скривилась, но отрицать ничего не стала.

– Что хочет получить твой архимастер? – спросила я.

– Сначала скажи ему отпустить меня, – процедила она, глазами указывая на Мокки.

– Раэль, он король квартала. На мои слова ему на-плевать.

– Молодец, Джерри, правильно отвечаешь, – отозвался папочка воров, но ассасинку все-таки выпустил.

Тилвас Талвани наблюдал за сценой молча и только с очевидным интересом переводил взгляд с вора на убийцу и обратно.

Раэль с достоинством отряхнула невидимые пылинки, потом задрала подбородок и отбарабанила:

– Повторю еще раз, чтобы вы точно осознали: нам, ассасинам, действительно совсем не понравилось, что нас вынудили напасть на воров. В квартале и так пролилось слишком много воровской крови в последние несколько лет, *да, Мокки?* – со значением протянула она. Бакоа не среагировал на провокацию. – Но нашему заказчику нельзя было отказать. Поэтому мы сделаем вид, что не можем вас поймать. У вас есть две недели, чтобы разобраться с ситуацией. До тех пор все воры будут у нас в плену, а мы якобы будем вас безуспешно искать. После этого по требованию заказчика мы начнем убивать воров. По одному. Вам в назидание. Хорошо бы вам до этого самим разобраться с тем, кому нужны ваши головы.

– Так скажи нам его имя! – снова прошипел Мокки и потянулся здоровой рукой к своей бритве.

Но Раэль поспешно подняла руки.

– Шеф даст вам имя заказчика, если вы поможете ему кое с чем... Он просит, чтобы вы достали ему бриллиантовое кольцо герцогини Льовез. Оно хранится в замке в Лесу лжецов. Говорят, там такой сейф, что хоть на две секунды притормози после введения неправильной

цифры – и взлетишь на воздух. Мокки, в прошлые годы мы несколько раз пытались дать тебе этот заказ, но ты отказывался. Может, согласишься теперь?

Тилвас оценивающе хмыкнул, а Мокки вопреки моим опасениям теперь лишь саркастически расхохотался, а не придушил Раэль голыми руками.

– Какая прелесть, – осклабился он. – В заднице Джереми, а платить просят меня.

– Ты тоже в заднице, – «утетила» Раэль. – Точнее, твои воры.

– Я могу себе новых набрать.

– То есть мы их режем? Так и передам.

– Стоп! Нет! – я вмешалась до того, как этот псих скажет «да». – Я украду для вас бриллиантовое кольцо.

– Ты не справишься, – бросил Мокки.

– Точно не справишься, – поддакнула Раэль.

– Я смотрю, тебя в этом городе ценят? – Талвани улыбнулся мне со своего места.

Я стрельнула в него мрачным взглядом.

Несмотря на улыбку, Тилвас сейчас казался очень задумчивым, как будто старательно прикидывал что-то.

– Вообще, ваше предложение и впрямь несколько несправедливо по отношению к господину Бакоа, – протянул аристократ, глядя на ассасинку. – Тогда как мы с Джереми *хотим* узнать, кто нас преследует, на господина Бакоа вы просто пытаетесь надавить, что, как я понимаю, чревато неприятными последствиями. Но у меня есть идея. Давайте я присоединюсь к просьбе ассасинов, чтобы сделать ее более привлекательной для вас? – он обернулся к Мокки. – То есть найму вас.

Я изогнула бровь:

– Вчера ты нанял меня, сегодня пытаешься нанять его?

– Всех нанимаю!.. – беспечно отмахнулся Талвани. – Я же богатенький аристократ, как-никак. Могу расплатиться звонкой монетой и все такое. Украдите это несчастное кольцо из замка Льовезов – и помимо информации от убийц получите увесистый мешок с золотом от меня... Потому что меня тоже *очень* интересует имя того, кто мог меня заказать. И да, я хочу поехать в замок с вами. С кражей украшения не помогу, но поеду обязательно, – не терпящим возражения тоном закончил он.

Мои брови от такого финала уползли куда-то на затылок, Раэль сказала: «О?», а Мокки с интересом наклонил голову набок.

Когда пауза стала слишком долгой, я покачала головой:

– Тилвас, это отличная попытка, но ты все-таки не можешь нанять Бакоа. Тебе не хватит денег покрыть убытки, которые понесет Квартал Гильдий в его отсутствие. Здесь тотчас развернется война банд, и, думаю, наши друзья Алые тоже понимают, что это дохлый номер, – я обернулась к Раэль.

– Не торопись, Джереми, – вдруг прервал меня Мокки. – Я еще не сказал «нет».

Какое-то время вор буравил Тилваса и Раэль взглядом, а потом прищурился:

– Я за. Давайте сыграем в вашу игру. Нанимаешь так нанимаешь, аристократ. Скатаемся в замок, и там мы с Джерри стащим кольцо.

– Пока вы будете ездить к Льовезам, наше братство позаботится о том, чтобы вас не искали в Лесу лжецов, – деловито кивнула Раэль. – И мы сделаем все возможное, чтобы не допустить войны банд. Нас вполне устраивает твое главенство в квартале, Бакоа.

Мокки отмахнулся и закатил глаза. Я нахмурилась.

– Мне нужно, чтобы кто-то из ваших людей позаботился о моих воронах, пока меня нет. Позаботиться не означает свернуть им головы, – подчеркнула я. – Это значит кормить, холить и лелеять.

– Договорились, – согласилась Раэль. – Тогда с вас колье. И только попробуйте проигнорировать нашу просьбу: шеф лично удостоверится в том, чтобы вас нашли где угодно. С очень неприятными для вашего здоровья последствиями. Не говоря уж о плачевной судьбе воров. Но, Мокки, конечно же, мы приносим извинения за нападение на твой дом, – она склонила голову перед шефом воровской гильдии.

Он в ответ плюнул ей на обувь.

Раэль не среагировала. Коротко кивнув мне, она сделала два скользящих шага назад и будто исчезла. На самом деле – профессионально растворилась в тенях, сливаясь с ними в едином танце. Хождение в тенях – это не имеющее ничего общего с магией умение, которое тренируют и воры тоже, но в котором ассасины особенно преуспели.

Мы остались в пещере втроем.

Очень странная компания.

Возле костра откуда ни возьмись появился мотылек. Он, серый и невзрачный, целеустремленно летел к огню – и Тилвас вдруг наклонился вперед и поймал его в ладони у самого пламени. «Ну ты и дурак!» – беззлобно пробормотал Тилвани, явив тем самым странную сдобольность, и закрутил головой, прикидывая, куда ему деть насекомое так, чтобы пресечь его попытки романтического самоубийства.

Мы с Мокки переглянулись. Пока аристократ возился с мотыльком – он решил унести его за угол, подальше от соблазнов, – Бакоа успел одними губами шепнуть мне кое-что. Я кивнула.

Да начнется представление.

– А ты в курсе, что все случившееся – это твоя вина, Джереми? – искривив губы, презрительно и громко заявил Бакоа. – Один вор погиб, многие ранены.

Я вздохнула.

– Мне жаль.

– Тебе *жаль*? – со смешком повторил Мокки. – Это всё, что ты скажешь? Подумай еще немного.

Брови Тилваса, вывернувшего из-за угла, сошлись в одну прямую линию.

– Чем я могу помочь братству? – выдавила я.

– Серьезно? Ты за гибель *помощью* отвечать собралась? Охренеть просто. И чем же тут можно помочь, мне интересно? – развеселился Мокки.

– Я... – Я встревоженно поднялась на ноги.

– Да, ты. Что «я»? Расскажи, будь добра, как ты искупишь чужую смерть? Сто способов наберешь? На десяти сдуешься? А может, и один придумать не сумеешь, а, Джереми? Ты принесла неприятности в мой дом и теперь должна расплатиться.

– Мокки... – намеренно испуганно протянула я, глядя на то, как он медленно приближается ко мне, не разрывая зрительного контакта и поигрывая бритвой в руке.

Тилвас Талвани быстро пошел к нам.

– Кхм! Господин Бакоа! Какие у вас претензии к Джереми, если это *вы* вовремя не распознали предателя в своей гильдии?

Мокки резко обернулся к нему.

– Лезешь в чужие дела, а, аристократишка? – процедил вор. – Заступаешься за хрупких леди?

– Просто я видел уже достаточно крови на сегодня. Еще одна драка? Спасибо, но нет.

– А если я безо всяких драк тихо и мирно ее прикончу?

– Развлекайтесь. Только не на моих на глазах.

Бакоа окатил Тилваса подозрительным взглядом с головы до пят, будто просвечивающая лекарская лампа.

– Тогда отвернись, – равнодушно бросил он.

И тотчас скользящим шагом подступил ко мне, повернув бритву так, что она опасно блеснула вблизи от моего горла. Вопреки своим словам Тилвас бросился вперед. Он успел схватить Мокки за запястье и занес кулак второй руки для удара, но вор вывернулся и буквально растворился в тени, чтобы мгновение спустя вынырнуть с другой стороны костра. Никакой бритвы у него в руке уже не было.

– А говорил: «развлекайтесь»! – с маньячной улыбкой посетовал Мокки.

Я во время всей сцены стояла не двигаясь. Вся ссора была задумана лишь как своеобразный тест для аристократа. На благородство и скорость реакции – или на глупость. Как посмотреть.

Тилвас его прошел.

– Он бы меня не тронул, – пояснила я, обращаясь к Тилвасу.

Тот только неопределенно хмыкнул, глядя на нас с Бакоа уже с куда большим интересом, чем прежде.

– Кто-то действительно погиб? – спросила я у Мокки.

Вор вздохнул. На его лице вновь воцарилось привычное скучающее выражение. Он подошел и традиционно стукнулся со мной кулаками, отмечая разыгранную сценку.

– Да, но это не так трагично, – сказал Бакоа. – Пока ты была в отключке, Раэль любезно пояснила нам, что они как раз таки убили крысу, – и он назвал имя одной из мелких сошек. – Очень жаль, что это случилось быстрее, чем я смог допросить ее. Иначе бы нам не пришлось идти на эту идиотскую сделку насчет кольца, чтобы в итоге узнать имя ублюдка, которому я сначала отрежу все пальцы на ногах, потом на руках, потом... Впрочем, интереснее будет импровизировать на этот счет, – сам себя перебил Мокки.

Я кивнула.

Что ж. Земля пухом предателю.

Потом воровской мастер ткнул пальцем в сторону Тилваса Талвани.

– Что касается тебя, парень... Уж не знаю, кто ты такой *на самом деле*, – многообещающе протянул он, – но, судя по шумихе, ты разозлил кого-то серьезного. И если кто-нибудь предложит мне сделать ставку, я проголосую за твою скорую смерть. Потому что едешь ты с нами или нет, а нянчиться я с тобой не собираюсь. Ты сам по себе, красавчик.

Тилвас в ответ улыбнулся. В свете костра черты его лица заострились, приобретя неожиданно хищный вид. Кажется, он понял, по каким правилам и в каких амплуа играют в квартале, и теперь готов был отрываться на полную катушку.

– А я всегда был сам по себе, мне не привыкать, – мелодично пропел Талвани. – Так что мой тебе совет: не ставь против меня серьезные суммы, вор. Разоришься. Опозоришься. Расплачешься, в конце концов.

И аристократ картинно смахнул пальцем воображаемую слезинку Мокки Бакоа.

– Ну на-а-адо же, – протянул тот, сузив глаза. – Этот воробушек считает себя саблезубым, а, Джеремиа?

Он пружинисто шагнул к Талвани и уставился на него снизу вверх: Мокки не может похвастаться высоким ростом, тогда как аристократ явно не пренебрегал в детстве кашей.

– Это хорошо, что ты дерзкий, – умилился Мокки Бакоа. – С такими обычно весело. Поначалу. Но постарайся вовремя прикусывать язычок.

– А то что? – улыбнулся Талвани. – В следующий раз не станешь уворачиваться, дашь мне все-таки врезать тебе, как следует?

– Да нет, просто я уже знаю твой секрет, понимаешь ли... – подмигнул Бакоа и нежно обхватил пальцами медальон в виде ворона.

И вдруг случилось неожиданное.

Рука воровского мастера вспыхнула оранжевым светом, и Мокки, невнятно взыв, отскочил аж на два метра, тряся кистью.

– Какого хрена? – зашипел он, глядя то на меня, то на Тилваса, невинно начавшего насвистывать.

– Защита от дураков, а? – ухмыльнулся аристократ.

Мокки повернулся ко мне на пятках:

– Ты говорила, его можно просто сорвать?

– Потому что я просто его сорвала, – удивленно отозвалась я.

И, чтобы не быть голословной, тоже подошла к Тилвасу. Он настороженно замер и посмотрел на меня очень внимательно, но не стал возражать, когда я положила руку на медальон.... Моя рука осталась в полном порядке.

– Защита от дураков. И что это значит? – спросила я Тилваса.

– Что ты не дура? – предположил он.

А потом искренне развел руками:

– Я не знаю, почему он не действует на тебя. Всех остальных мой артефакт всегда бил. Так что твое нападение в карете стало поистине неприятным и необъяснимым сюрпризом.

Мы с Мокки переглянулись, как бы решая: верить словам Тилваса или нет? Бакоа вдруг хрипло расхохотался.

– Знаешь, Джерри, а кажется, не просто так именно тебя приставили к этому гиблому делу... – протянул вор. – Странные дела тут творятся. Напомни мне, пожалуйста, обговорить с заказчиком и этот момент тоже, когда мы привяжем его к стулу. Интересно же. А сейчас – пора готовиться. Мне надо собрать кое-какие сведения и выбрать отмычки для сейфа в замке Льовезов. Ваша задача – найти нам транспорт для дальней поездки. Встретимся в полночь в таверне Ричарда, что за Рассветным трактом. Вопросы есть?

Я мотнула головой, Тилвас же подмигнул:

– А ты, я смотрю, любишь командовать. Компенсируешь что-то, вор?

Мокки посмотрел на него, как на вошь, недостойную даже грубостей.

– Аррьо, придурки! Выход там, – кивнул он куда-то в глубину тоннеля и, чуть прихрамывая, пошел в обратную сторону.

7

Это будет двойная кража

Claudi vicinus claudicat ipse brevi.

«Сосед хромого сам в скором времени начинает хромать».

Подземный тоннель вывел нас с артефактором в районе Падающих садов – богатом квартале Пика Грез, чьи жители подсобрали деньжат и насадили вдоль дорог растения, которые – *ну надо же*, – даже не являются кедрами.

Яркий солнечный свет ослеплял после темных подземных ходов, и мы с Тилвасом шли, отчаянно щурясь. Хотя вскоре оказалось, что артефактор щурился скорее из соображений лукавства.

– Этот Бакоа... – протянул он. – Ты давно в него влюблена?

– С чего ты взял, что я в него влюблена? – мгновенно вскинулась я.

– От тебя несёт влюбленными парами за километр, когда ты рядом с ним.

– Ты под чем-то, что ли? Какими парами?

– Точно влюблена, – подытожил Тилвас.

И чуть погода добавил:

– Это не очень хорошая идея – влюбляться в такого, как он.

– Так, знаешь, нам надо заехать к знахарю. Куплю порошок от склероза, а то я что-то не помню, чтобы я спрашивала твое мнение на этот счет, – процедила я.

– Просто господин Бакоа – опасный человек. Мне кажется, он убивает чаще, чем целуется.

– Ты общался с Мокки меньше суток. С чего ты взял, что у тебя о нем правильное мнение? Может, все, что ты видел, – всего лишь маска, а по жизни Бакоа – гребаный одуванчик?

– Конечно, маска, – легко согласился Тилвас. – Но я клянусь тебе: под ней – совсем не цветочки.

– Еще раз: с чего такая уверенность?

– Может быть, потому, что я не менее опасен, чем он. Или даже опаснее.

Я закатила глаза.

– То есть в тебя тоже влюбляться не надо.

– А что, ты уже готова?..

– К счастью, такая ошибка мне не грозит. У меня аллергия на смазливых бестолочей.

Тилвас расхохотался.

– Ты сейчас пытаешься меня задеть, что ли? Какая прелесть, Джерри.

– Я пытаюсь донести до тебя, что по сравнению с Бакоа ты нежный котенок, воспитанный в теплом замке да на парном молочке, и да, у тебя в заплечном мешке ворох сомнительных тайн, но то, что ты вообще говоришь о любви и что-то там вслух анализируешь в чужих сердцах, уже разносит вас с Мокки по разным сторонам галактики.

– А. Я понял. То есть ты способна влюбиться только в отбитого социопата. Ну да, тогда я и впрямь в безопасности: томный взгляд Джереми Барк на мне не остановится.

– Смотри-ка, кажется, я и впрямь тебя задела.

– Нет. Зато ты великолепно обнажила свое больное место, дав мне восхитительный рычаг давления – и тему для шуточек на ближайшие две недели... напарница, – мурлыкнул Тилвас и расхохотался, отпрыгивая, когда у него под носом оказался мой кулак.

– Ты бы лучше подумал еще раз, кому ты все-таки насолил, а, Талвани, – процедила я, и аристократ, помрачнев, умолк.

Впереди замаячила конюшня. Тилвас хотел свернуть к ней, но я покачала головой и потащила его дальше. В ответ на ехидное предположение о том, что я собираюсь опуститься до кражи коней, я лишь пренебрежительно хмыкнула.

Нет, воровать коней я не собиралась.

Но для поездки в Лес лжецов, который расположен за цепью болот и гор, гораздо лучше подходили не лошади, а *гаррары* – островные ездовые ящеры, бегающие на двух задних ногах. Усердные и выносливые, гаррары прекрасно выполняли свою работу, однако отталкивали большинство горожан своей непривлекательной внешностью и высоким ценником за аренду. Помню, когда я впервые села на гаррара, у меня в уме еще долго крутилась строчка трагика Бул'гра Фолгоса:

*«Урод, всеми отвергаемый, ты свое дело делаешь честно,
Но не надейся, что трудолюбие даст тебе место в чертоге
небесном».*

Ремесленников в древней Шэрхенмисте всегда ценили меньше, чем поэтов. Увы.

Мы с Талвани пришли на постоянный двор, на табличке которого был нарисован гаррар с уздой, зажатой в мощной челюсти, и вскоре присмотрели двух красных ящеров.

Оседлав их, мы помчались напрямик к восточному выезду из города – Рассветному тракту. По дороге мы пересекали центральную часть Пика Грëз – мне не хотелось светиться, но, с другой стороны, так мы выигрывали время. Плюс у гарраров были так удобно расположены шипы на шее, что за ними пряталась грудь всадников – и, значит, медальон Талвани.

Самым примечательным зданием в городе была витая башня Сената. Вокруг нее стояли мелкие дворцы старой и новой знати. Пока мы ехали, Тилвас с интересом крутил головой, всматриваясь в гербы, украшавшие их ворота.

Я тоже засмотрелась на них. Гербов было великое множество. Они все изображали рëх-хов.

Нужно сказать, что, согласно нашим традициям, рëххи делятся на три ранга: робкие, характерные и неподражаемые. Робких больше всего, много десятков, а вот неподражаемых только двое – альбатрос *эндольф*, повелевающий океаном, и волк *горфус*, хозяин мертвых земель, столетия назад заключенный в призрачную тюрьму.

Но ярче всех в островном фольклоре сияют характерные рëххи: о них повествует множество сказаний и притч, а возведенные в их честь святилища можно найти по всей Шэрхенмисте. Как раз лаковые изображения характерных рëххов столичная знать наносила на деревянные створки ворот – это считалось признаком благополучия и хорошим тоном.

Мы видели панели с рисунками в виде медведя *урсу*, кошки *нихири*, змеи *сайнаджо*... Чьи-то ворота были расписаны целиком: их населяло множество рыб и морских обитателей, чьи имена шли орнаментом вдоль створок.

– Какой нескромный хозяин у этого дома! – хмыкнул Тилвас. – Забрал себе столько рëх-хов разом.

– Ну так это же морские, – я пожала плечами.

– Тоже верно.

И действительно: тогда как рëххи, проживающие на земле, считались независимыми и самодостаточными, духи моря образовали единый союз. Некоторые исследователи даже выде-

ляли их в самостоятельную категорию: морские рёххи. В сказаниях духи воды всегда выступали заодно. Тот, кто злил одного, огребал ото всех сразу.

– А у нас в Пике Волн не принято так украшать ворота, – отметил Талвани, задумчиво глядя на особняк, над дверью которого был изображен белый лис *пэйярту*, хаотичный покровитель высокогорных кедровых рощ.

В ответ я хотела буркнуть что-то из серии: «Еще одно доказательство, что мы лучше», но Талвани безмятежно продолжил, не дав мне вставить реплику:

– Кстати, я был не до конца честен с тобой и Мокки.

Так.

Приехали: проблемы, акт второй. Или третий – я уже со счета сбилась.

Я резко дернула за поводья своего гаррара, и ящер мгновенно остановился, застыв, будто камень.

– Так? – повторила я, на сей раз вслух, для Талвани.

Тилвас тоже остановился и, увидев выдающийся уровень моей угрюмости, поцокал языком.

– Ничего криминального, – сказал он. – Просто по поводу замка Льовезов – я захотел присоединиться к вам не потому, что, скажем, боялся остаться здесь один до вашего возвращения, а потому что мне самому нужно туда же. Собственно, посещение замка было одной из целей моей поездки в Пик Грёз. Так что мне до пепла повезло с тем, что ассасины направили вас в ту сторону.

– И зачем тебе в замок? – нахмурилась я.

– Ты не поверишь... – Талвани искренне наслаждался ситуацией. – Но я тоже хочу его ограбить.

* * *

Я поняла, что такой разговор не стоит начинать в центре города.

И вообще лучше вести его в присутствии Мокки – чтобы дважды не тратить свои душевные силы на удивление и ярость. А так: сейчас я спокойно подожду вечера, а там Бакоа живенько среагирует за меня.

Так что я непререкаемо захлопнула распахнувшуюся варежку Талвани:

– Надо уехать из столицы как можно скорее. Поговорим потом.

Мне и впрямь хотелось быстрее покинуть город. Ведь Раэль сказала, что Алое братство проследит за тем, чтобы нас не искали именно в Лесу лжецов – а в столице опасность оставалась на прежнем уровне. То, что ассасины не отказались от нападения на Полночное братство, означало, что заказчик, вероятно, занимает высокую должность. Возможно, в Ратуше. Либо в Скалистом или Военном ведомстве⁴. Ассасины, не будь дураки, не стали бы перечить тем, кто в состоянии развалить весь Квартал Гильдий. Или, возможно, это был какой-то личный заказ для архимастера Алого братства...

Так или иначе, как бы я ни размышляла на тему того, кто мог подставить меня, а теперь жаждать моей смерти, ни одно конкретное имя и ни одна причина не приходили мне в голову. Говоривший со мной клиент в костюме купца явно был просто посредником.

Талвани тоже ограничивался лишь задумчивым «гхм» всякий раз, когда мы с ним – неминуемо и неумолимо – поднимали эту тему по дороге к таверне Ричарда. По пути мы сделали два перерыва: сначала остановились у магазина одежды, а затем – у магической лавки, построенной неподалеку от Рассветного тракта, у водопада.

⁴ Скалистое ведомство – главное министерство Шэрхенмисты, занимается внутренними делами.

Это лавка, пусть и небольшая, спрятанная в кедровой роще и почти незаметная на фоне темной скалы, имела хорошую репутацию: сюда заглядывали за зельями, артефактами и книгами многие столичные колдуны. Так и сейчас: пока я выбирала зелья и маг-свитки, не лишние для дела, рядом со мной придирчиво изучали сушеные травы два заклинателя в традиционных таори рубинового цвета, длиной до колена. Их черные лобы были вышиты защитными рунами, красные бусины, вплетенные в пряди волос у лица, напоминали о том, что заклинатели нередко проливают свою кровь, защищая Шэрхенмисту от темных духов, сущностей и тварей.

– В Плачущей роще объявились браксы, представляешь, – сказал один заклинатель другому. – Мы с трудом их обуздали. Пока непонятно, появились ли они сами или кто-то призвал их и потом не прибрал за собой.

– Кошмар. Так близко от города... Если это дело рук заклинателя, он должен понести наказание.

– Будем разбираться.

Итак, браксы оказались из числа темных сущностей, а не редким видом гончих... Значит, среди наших преследователей есть как минимум один колдун. Плохо.

Я не стала обсуждать это с Тилвасом, ждавшим меня у гарраров. Через пару часов после заката мы с аристократом достигли таверны Ричарда и, в ожидании Бакоа, разошлись по своим комнатам.

Как и все воры, я особенно ценила комфорт, потому что знала, что в любой момент пуховая перина может смениться жесткими нарами. Так что я предпочла потратить свободное время на себя.

Я приняла душ, старательно отскоблила с себя дорожную пыль и грязь, а потом долго нежилась в деревянной ванне. Когда я вылезла, вся комната была затянута густым молочным паром. Я ладонью протерла зеркало и посмотрела в свои уставшие серо-зеленые глаза.

Привет, Джеремиа Барк. Еще один прожитый день на твоем счету. Sub specie aeternitatis⁵, не такая уж победа, но... Все равно поздравляю.

Я уже потянулась к одежде, когда вдруг за распахнутым окном начался дождь. Такой шумный и сильный – настоящий весенний ливень, да еще и с грозой. Раскаты грома пришли внезапно, будто выплыли откуда-то из-за горизонта и разом обрушились на весь лес и таверну.

Я застыла перед зеркалом. Мои зрачки непроизвольно расширились. *Нет. Я не боюсь. Я не должна бояться.*

Следом за страхом – неизгоняемым и позорным – пришла ноющая боль в старых ранах, моя верная спутница во время грозы. Сжав зубы, я отвернулась от зеркала и через плечо долгим взглядом окинула свои лопатки и поясницу.

Да... Спина у меня, конечно, отстой.

Всю кожу от плеч вниз сплошняком покрывали золотые узоры татуировки: странная, оскорбительно кривая вязь, в один момент обрывающаяся, незаконченная. Уродливая, яркая, безвкусная.

Я ненавижу татуировки.

Всей душой.

В Шэрхенмисте наколками клеймят людей двух типов: убийц и госслужащих. По мне и то, и то – отнюдь не завидная судьба. Но то, что прячется под моей татуировкой – еще хуже, чем золотая краска...

Шрамы. Много выпуклых страшных шрамов в виде непонятных символов, которые не удалось свести ни одному из подпольных лекарей, – поэтому я «забила» их поверху татуировкой. Что не мешает шрамам болеть во время грозы, горячить и саднить, как свежая рана.

⁵ С точки зрения вечности.

Закорючки, черточки и точки. Неизвестный код, неизвестный язык. Тот самый шифр, который я так хочу – и боюсь – разгадать. И, возможно, с допуском в библиотеку Сената разгадаю.

Я открыла кран с ледяной водой и, сцепив зубы, начала прижимать мокрые холодные ладони к коже, стараясь остудить ее. Вскоре стало полегче.

В комнату постучались. Я завернулась в полотенце и пошла открывать.

– Твоя агрессивная любовь прискакала: ждет внизу и бьет копытом, – отрапортовал Талвани, оказавшийся на пороге.

Аристократ тоже прихорошился и приоделся. Его мокрые после душа каштановые волосы слегка завивались. Он окинул меня в полотенце заинтригованным взглядом, а потом – то ли вспомнив о приличиях, то ли заскучав, – перевел глаза куда-то мне за спину. На мгновение на его лице скользнуло удивление, но он тотчас тщательно его потушил.

– Сейчас спущусь, – кивнула я и захлопнула дверь.

Обернувшись, я поняла, что Талвани смотрел на зеркало в дальнем конце комнаты. И в зеркале этом минуту назад отражалась моя татуированная спина.

8

В таверне у Ричарда

Animi nostri sunt inimici nostri.

«Наши чувства являются нашими врагами».

Вскоре мы втроем сидели в самом темном углу таверны.

На самом деле таверна Ричарда представляла собой целый комплекс из нескольких домов-гостиниц. На первом этаже каждого был расположен зал для еды и увеселений, выше находились спальни. Здесь отдыхала публика всех сортов, потому что это было самое крупное заведение на Рассветном тракте – таверна виднелась издалека, а для уставших путников зачастую именно это являлось главным показателем успеха.

Сам Ричард – кошкоглавый толстяк в расшитом алом халате, приехавший из пустынь Иджикаяна – славился тем, что каждый вечер величаво обходил свои владения, дом за домом, что-то гортанно урча и подергивая ушами с кисточками. Сегодня мы уже успели лицезреть это зрелище: томный кот, плавно рассекающий толпу постояльцев... И потом так же гордо исчезающий во тьме.

Мне кажется, Ричард в такие моменты чувствует себя примой столичной оперы. Возможно, ради таких моментов он и живет.

Сейчас зал был забит посетителями, официанты так и сновали туда-сюда, как серебряные рыбки. Остро пахло жареным луком и копчеными осьминогами, симпатичная барменша щедро наливала всем сливовое вино из прозрачного кувшина. Сквозь стекло было видно, как буро-лиловые плоды болтаются там, сталкиваясь и медленно расплываясь по сторонам.

Мокки Бакоа, нимало не смущаясь людей вокруг, протирал и полировал многочисленные отмычки, разложенные на столе длинным рядом. Раненую руку вора уже подлатал знахарь-пилигрим, и теперь Бакоа ловко крутил острые щупы между пальцами.

Я проводила ревизию магических свитков, купленных по дороге в таверну, а Талвани объяснял, что *он* хотел украсть в замке Льовезов. И зачем.

– Как я уже рассказал Джереми, я артефактор. И сейчас я работаю над одним проектом, для которого мне не хватает пары вещей. Ради этих вещей я и приехал в Пик Грёз. Одна из них – древняя статуэтка пэйярту, которая хранится в родовом склепе замка Льовезов.

– Пэйярту? – проворчал Мокки Бакоа. – Это миленькая беленькая лисичка?

– Этот безжалостный белый лис, – со смешком поправил Талвани, потом кивнул мне: – Мы с тобой сегодня видели его изображение на воротах.

– Да, я помню.

– Прекрасно. Собственно, я хочу украсть статуэтку из замка.

– Почему не купить? – вскинула бровь я.

– Так у меня же есть вы, замечательные воры. К чему тогда лишние траты? – Талвани широко улыбнулся и, откинувшись на спинку стула, самодовольно отхлебнул вина.

Мокки аж притормозил в полировке: так и замер с тряпочкой в руке, и лишь опасно прищурил глаза, глядя на Тилваса исподлобья. Я тоже была слегка удивлена такой бессовестностью благородного господина.

– Сгорел сарай, гори и хата? – Я флегматично глотнула вина.

– Да, гулять так гулять, – так же поговоркой беспечно ответил аристократ.

– Гхм. С каждой твоей репликой я всё больше понимаю тех, кто заказал твое убийство. Может, мы им зря мешаем?

– Джерри, учитывая, сколько денег пообещал мне аристократишка, мы можем просто сами потом заказать его тем же Алым, – подумав, хрипло хмыкнул Бакоа. – А пока... Признаться, мне нравится такой настрой, – и он, отложив отмычку, одобрительно поднял чашу с вином. – Единственное, меня напрягают подобные совпадения. Как бы нам убедиться в том, что ты не врешь, Тилвас? И что все это – не одна большая подстава?

– Я *клянусь*, что это не подстава.

– Очень смешно. С каких пор клятва незнакомца чего-то стоит? Только не вздумай оправдываться голубой кровью. Почему у тебя, кстати, не синие волосы, если ты знатный шэрхен?

– Моя мать из Шолоха. Ее гены оказались сильнее.

– А. А ведь ты из угасшего рода. Значит ли это, что вся твоя семья мертва?

– Мокки! – воскликнула я, пораженная его бестактностью.

Но Тилвас ответил.

– Насколько я знаю, – он пожал плечами, – мои отец и матушка здравствуют где-то в Лесном королевстве. А вот все, кто жил здесь, в Шэрхенмисте – да, мертвы. Ты хочешь знать подробности, вор?

В последние слова артефактора, произнесенные безупречно светским тоном, неожиданно прокралась настолько горькая нотка, что волосы встали дыбом у меня на загривке. По таверне будто пронесся холодок нехорошей смерти. Мокки, не моргая, медленно покачал головой и вернулся к полировке. Какое-то время мы молчали.

Потом Бакоа хлопнул ладонью по столу:

– Вернемся к насущным делам. В замке мы разделимся. Я достану колье, а вы вдвоем развлекайтесь в склепе.

– Даже так? – Тилвас удивленно вскинул брови. – Я думал, я пойду за статуэткой один. Неужели ты не будешь ревновать ко мне свою Джеремию?

Я пнула Тилваса ногой под столом. Лицо Мокки застыло.

– С чего бы я должен ее ревновать?

– Вас двоих явно связывает нечто большее, чем ваша, с позволения сказать, профессия. Я имею в виду: едва ли такой человек, как ты, вор, по первому щелчку рванул бы через полстраны на сложную кражу ради случайной коллеги, да еще и оставив своих ребят в непростой ситуации. И на «просто друзей» вы не похожи. Откуда такая близость?

– Тилвас, – тихо, с угрозой сказала я.

– Что? Я просто хочу знать, почему этот псих так с тобой носитя.

– Я с ней не ношусь, – процедил Бакоа.

– Вас связывает общая тайна? Ты ее личный телохранитель? Или все куда банальнее: вы просто спите друг с другом – на постоянной основе или так, для развлечения, по выходным?

Мокки вцепился в края стола так, что, казалось, был готов перевернуть его. Лицо вора побледнело.

– Радуйся, аристократишка, что у меня сегодня мирное настроение, – сузив глаза, наконец отчеканил он. – Что касается Джереми Барк: она для меня никто. Мне на нее плевать. Я всегда делаю только то, что мне выгодно, ясно?

Мокки залпом допил вино, с грохотом поставил бокал на стол и, поднявшись, пошел через зал к скрипящей винтовой лестнице – и наверх, в свою комнату. Я вспыхнула, с неудовольствием понимая, что глаза у меня защищало от обиды.

Тилвас Талвани сидел как ни в чем не бывало.

– Что ты творишь вообще?! – рявкнула я.

Он задумчиво пожал плечами:

– Оцениваю вашу с вором эмоциональную беззащитность. Надо же знать, с кем иду на дело.

Я замахнулась ножом и резко воткнула его в стол между раскрытых пальцев руки артефактора, лежащей возле тарелки.

– Э-э, – сказал проходящий мимо официант, но подробнее комментировать не рискнул. Талвани только моргнул.

– Беззащитность идет в задницу, – раздельно сказала я, поднимаясь и тоже направляясь к лестнице.

* * *

Я уже ложилась спать, когда в мой номер постучались.

Тот же стук, что до ужина. Я проигнорировала его, лишь накрыла голову подушкой, чтобы не слышать. Стук затих.

В свете луны, наискось падающем на пол, я увидела, как под дверь просовывается записка. «Прости», – было написано на ней незнакомым почерком.

Я скомкала записку и вышвырнула в окно.

* * *

Наш путь лежал через южный регион острова, где гористая местность неожиданно сменялась топкими болотами и обратно.

После сцены в таверне Талвани больше не докапывался до нас с Бакоа и в целом вел себя как душенька. Нередко случалось, что наши разговоры со стороны могли показаться и вовсе дружескими: Тилвас хорошо разбирался в истории, литературе и искусстве, и я с огромным удовольствием поддерживала такие беседы. Мокки вклинивался с теми или иными комментариями и вопросами, заданными нарочито презрительным тоном, но ответы слушал со всем вниманием.

Мы неплохо проводили время.

Мы даже шутили, небо прости.

Но по большей части, конечно, разговоры крутились вокруг плана грядущей двойной кражи. К счастью, у нас и до заказа ассасинов хватало данных о том, куда мы едем, потому что замок был одним из богатейших угодий Шэрхенмисты, и каждый вор в свое время прикидывал, чем и как там можно пожить.

Самым интересным считался верхний этаж поместья, где находился пресловутый сейф с кучей фамильных драгоценностей и важными документами – герцог Льовез возглавлял Торговое ведомство. На этом этаже всегда было много охраны, замков и ловушек-заклинаний. Туда по нашему плану отправлялся Мокки – в гордом одиночестве, действуя классическим воровским путем – то есть пробираясь тайно и скрываясь в тенях.

– А почему ты отказывался обнести этот сейф несколько лет подряд, если на самом деле столь многое знаешь о замке и можешь подготовить кражу за пару дней? – подозрительно нахмурился Тилвас Талвани.

– А я что, ручная собачка, что ли, чтобы брать все заказы подряд? – фыркнул Бакоа. – К тому же ограбить сейф Льовезов можно лишь единожды. А вот отказываться от ограбления, тем самым повышая ставку и свою будущую оплату, можно сколько угодно раз. Это бизнес, аристократишка. Благодаря моим отказам у этого сейфа невероятная репутация Невзламываемой Жести – не сказать, чтобы совсем не заслуженная, но...

– Так ты спекулянт? – хмыкнул Талвани.

– Я гений, – отрезал Мокки.

Тилвас посмотрел на меня и эдак недоверчиво вскинул бровь: *правда гений, что ли?* Я пожала плечами: *считай как хочешь*.

Я действительно не знала, можно ли назвать Бакоа столь громким словом, но он определенно был лучшим вором в Пике Грёз и окрестностях.

Сейчас большую часть его времени занимало управление Полуночным братством, но иногда Мокки выходил на полевую работу, для поддержания статуса и просто ради развлечения, – и обычно об этих кражах еще долго говорила вся столица.

Собственно, именно так он и заработал свою репутацию, когда мы с ним появились в городе. Бакоа своровал ряд предметов, кража которых считалась невозможной, и каждый раз оставлял на месте преступления свой знак – высушенный рыбий скелет. Этим Мокки создал себе некий полусказочный образ – газеты называли его «Рыбья Косточка», намекая, что он встал поперек горла властям и гильдийским ворам.

И только потом, уже прославившись таким образом, Мокки явился на порог Полуночного братства – самого хилого и вялого из трех воровских сообществ.

Две другие гильдии – братство Скользких и братство Сломанной отмычки – были озадачены таким пренебрежением со стороны знаменитого вора. Казалось бы, он мог выбрать лучших, разве нет?.. Но аппетиты Бакоа шли дальше, чем просто членство в гильдии.

Меньше года потребовалось Бакоа, чтобы сместить бывшего папочку Полуночи и самому стать шефом. А потом заменить и всю старую команду, ибо: «Если вы предали его, ребятки, то предадите и меня. У вас есть пять секунд, чтобы покинуть помещение. Аррьо!»

Еще через год Бакоа стер с лица земли Скользких и Сломанную отмычку. Кто-то перешел в братство Полуночи, другие просто бросили «профессию», третьих – особо упирающихся – ждали неприятные последствия. Под единоличным началом в Квартале Гильдий, всегда бурлящем от интриг и борьбы за власть, воцарился непривычный порядок.

Мокки приходилось крепко держать бразды правления. Я знала, как ему важен порядок (до маниакальной одержимости) и сколько сил отнимает у него управление кварталом, давая в ответ чувство удовлетворения, психическую стабильность и, конечно же, деньги.

Возвращаясь к теме Рыбьей Косточки: из-за огромного количества «шефской» работы эта ипостась Мокки поблекла, однако не сгинула совсем. Так, в таверне у Ричарда я заметила, что главный вор куда-то дел скелет окуня со своей тарелки...

В общем, с сейфом у нас в принципе все было схвачено.

Помимо дорожущего колье в замке Льовезов был интересный склеп – огромное древнее захоронение. Именно в нем находилась фигурка белого лиса пэяйрту, которую хотел добыть Тилвас Талвани. В этой части плана – немудреной, но симпатичной, – главной оказалась я.

Наконец мы приехали к Лесу лжецов.

На его границе располагался небольшой, однако весьма благополучный городок: наряду с обычными домами и зданиями вроде почты или аптеки здесь была хорошая гостиница, парфюмерный дом, театр... И симпатичное ателье готового платья. После заселения в номера и легкого ужина, во время которого я активно прислушивалась к разговорам за соседними столиками, Мокки ушел на разведку, а я потащила Тилваса Талвани именно в ателье.

– Я думал, расхищение склепа предполагает лопаты и фонари, а не новые сапоги, – вскинул брови Тилвас, когда я указала ему сначала на вешалки, а потом на примерочную.

– До гробницы надо еще добраться, – отозвалась я, прихватывая вечернее платье цвета ночного неба. – В склеп Льовезов нет входа с улицы. Только тайная лестница, начинающаяся в одной из комнат.

– А ты-то откуда знаешь?

– Давно присматривалась к этому захоронению.

– Могилку забронировать надеешься?

Я смерила его уничижительным взглядом.

– Тебе повезло, Талвани. Обычно я не занимаюсь кражей артефактов из частных владений, потому что это приносит слишком много хлопот, но все-таки... Все-таки я записываю некоторые дома в список желаний, назовем это так. На будущее, если вдруг захочется заморочиться.

– То есть мы с тобой идем в гости в замок, – подытожил Тилвас уже из соседней примерочной.

Я в своей старательно обматывала талию поясом с вышивкой в виде звезд. Пояс был таким длинным, что, даже завязанный, спускался почти до пола. В остальном платье казалось прекрасным: подол и лиф из плотного шелка, широкие тюлевые рукава, закрытая спина, что для меня немаловажно.

– Не просто в гости, а на свадьбу дочери хозяина. Она состоится через три дня, и туда приглашено множество людей. Как раз успеем как следует подготовиться.

– Ненавижу свадьбы, – сказал Тилвас.

– Я тоже.

9

Свадьба в тенистом замке

В Шэрхенмисте есть шесть университетов, каждый посвящен одному из богов-хранителей. Самый крупный и престижный – университет имени Рэндома в Пике Волн. Самый дорогой и закрытый – университет имени Селесты, расположенный на уединенном западном побережье.

Quo quisque est doctior, eo est modestior.

«Насколько человек образован, настолько он скромнее».

– Нам нужно как-то тебя страховать? – полюбопытствовал Тилвас, когда в день кражи мы с Мокки прощались возле лесного тракта.

Сосновый бор был полон багряных всполохов закатного солнца: овраги стремительно погружались в сумрак, но верхушки деревьев все еще затапливала янтарная патока, дарующая ощущение спокойствия и благополучия. Темно-зеленую траву и кустарники расцвечивали сизые горошины ягод под названием «Поцелуй зимы». Если наступить на такую ягоду, она лопнет с тихим хлопком, и вверх взмоет облачко, пахнущее снегом и корицей.

Выглядели мы втроем, конечно, зажигательно.

Я в шикарном платье – шелк и серебряная вышивка; Тилвас в изумительных брюках и плотном красном таори.

И мелкий Мокки в черном комбинезоне – как приبلудившаяся сирота.

– Вам нужно разобраться со своей миссией так, чтобы не поднять весь замок на уши, придурки, – процедил Бакоа, накидывая глубокий капюшон своего воровского наряда и проверяя инструменты на поясе. – Если тут кому-то кого-то и стоит страховать, так это мне вас. Вот только я не из племени альтруистов – поэтому просто постарайтесь не сдохнуть. А если и сдохнуть, то хотя бы не выдав мое присутствие перед этим.

– Хм, а ведь это идея, – прикинул Талвани, элегантно отбрасывая волосы со лба. – Если что не так, сразу орём: «В библиотеке вор! В библиотеке вор!» Они отвлекаются, мы выживаем. Что скажешь, Джеремиа?

Я двинула бровью:

– Выжить, чтобы потом призрак Мокки ныл у меня над ухом до глубокой старости? Сомнительная перспектива.

– Ныл? Что значит – «ныл»? – оскорбленно прошипел Бакоа. – Я буду душить тебя цепью, как минимум.

– Что-то я не вижу цепи на твоём комбёзе.

– Ничего, сейчас в замке специально прихвачу. Первым делом, – пообещал он.

Тилвас закатил глаза:

– Многоуважаемые воры, я рад, что вы так активно готовитесь к своим посмертным ролевым играм, но я предпочитаю все-таки двинуться на праздник. Джерри? – Он подставил мне локоть.

Мокки изобразил, что его тошнит при виде того, как мы чинно стоим под ручку, и, шагнув назад, бесшумно исчез в овраге. Лесные кусты шевелились по очереди сообразно тому, как вор удалялся.

Мы с Тилвасом наняли кеб и в нем легко проникли на территорию замка, представившись родственниками со стороны жениха, после чего успешно затерялись в праздничной толпе, гуляющей по освещенному саду. На гравийных дорожках тут и там светлели высокие фуршетные столики, уставленные изысканными закусками. Прямо в землю были воткнуты факелы, дающие не только свет, но и тепло – лица гостей играли румянцем, многие кокетливо раскрывали веера.

На празднике действительно было очень много людей – замок Льовезов, хоть и находился в глуши, считался одним из крупнейших поместий на юге острова.

Играла музыка – в темном углу сада сидела арфистка, создавая нежную атмосферу для тех, кому мила романтика, а ближе к главному входу расположилась группа с флейтами. Мимо нас на руках проходили артисты, полностью покрытые золотой краской, официанты разносили на подносах деликатесы – кукушкины сердечки, щечки гаранов, малину, вымоченную в терпком вине. В центре сада была огорожена территория, полностью засыпанная тлеющими углями, и над ними на вертелах жарились бобер, павлин и лиса – прямо в шкурах. Мало кто из гостей радовался таким традиционным блюдам, и Тилвас тоже поспешил отвернуться.

Настроение у него, кажется, испортилось. Я заметила, что он равнодушен к животным, и в моих глазах это определенно прибавляло ему очков.

– Возьми меня под руку, – процедил Талвани.

– С чего бы это? Тебе подурнело от роскошеств, бедняга?

– Нет, просто ты ведешь себя неприлично. Ты леди, а идешь, сложив руки на груди. На тебя все смотрят.

– Они смотрят на меня потому, что я красотка, – строго сказала я и морально приготовилась к какой-нибудь словесной оплеухе из серии «Ага, надейся».

Но Тилвас только улыбнулся этой своей странной, обворожительной улыбкой – когда верхняя губа поднимается так, что видно десну, большинству такое не идет, а ему почему-то даже очень, – и повторил:

– Возьми меня под руку. А то кто-нибудь решит, что ты свободна, а вовсе не моя пара, и уведет тебя в танец. Тебе это надо, воровка?

– Ты не поверишь... – усмехнулась я.

Как будто в подтверждение слов Талвани к нам целенаправленно пошел молодой человек, отделившийся от группки разговаривавших у фуршетного столика гостей. Он нес два бокала с вином из лепестков лотоса и – да – явно двигался с ними ко мне, предварительно скользнув по Тилвасу неуверенным взглядом.

– Учти, он нормальный и скучный. Вряд ли в твоём вкусе, – через плечо бросил мне артефактор перед тем, как отойти.

Я с нежной улыбкой встретила незнакомого юношу. Мы очаровательно поболтали и потанцевали, в ходе чего я выяснила, что вон тот паренек в голубом таори – сын хозяина замка. Я возжаждала с ним познакомиться, чтобы поблагодарить за отменный вечер. Пока я благодарила, по ходу дела незаметно вытягивая информацию о том, где именно в замке открывается потайная дверь в склеп с сокровищами, вокруг нас образовался небольшой кружок.

Хотя нет, даже большой.

Я оглянулась через плечо, надеясь, что самовлюбленный Тилвас Талвани видит, какой бешеной популярностью я пользуюсь на вечере, и с удивлением обнаружила, что он тоже не скучает – флиртует, небо голубое, с самой невестой.

А сзади сиротливо жмется жених. Класс.

Мои кавалеры жаждали танцевать, и мы танцевали. Я всей душой любила танцы и обожала находиться в центре внимания. Воровская стезя не удовлетворяла мою тягу к тому, чтобы на меня смотрели десятки глаз одновременно, поэтому я искренне наслаждалась сегодняшним вечером.

Я скучала по сцене.

По гулкому стуку каблучков о паркет. По скрежету сменяемых декораций. По тому, как публика с подмостков воспринимается единым миражным существом – вскрикивающим, задерживающим дыхание, подающимся вперед в напряженных сценах... Я скучала по той диковинной струне в душе, протянутой будто бы из другого мира, возникающей, когда на сцене ты забываешь, что люди вокруг тебя – не герои трагедий, а твои друзья, с которыми вы еще десять минут назад хрипло смеялись, подначивая друг друга перед спектаклем, и с которыми потом будете кутить всю ночь, после чего наутро мастер Хлогекс просто уничтожит вас на поэтике, сию же минуту внушит, что вы не только актеры – *бестолочи, эгоцентрики, извращенцы*, – но еще и словесники...

По ходу танцев я цепляла на рукава своих кавалеров крошечные дымовые артефакты.

Их целый день мастерил Тилвас Талвани. Мокки просто сгрузил колдуну на колени гору материалов, заявив:

– А это будет *твоя* плата за *нашу* помощь *тебе* с кражей статуэтки.

Тилвас возражать не стал – зачаровал все как миленький.

Артефакты были нашей мерой предосторожности: если у Мокки вдруг что-то пойдет не так, я нажму специальную кнопку, и две дюжины блестящих гостей вдруг начнут дымиться по-страшному. Охрана, какой бы вышколенной она ни была, отвлечется – и нам будет легче сбежать.

Впрочем, бакоаские «планы Б» я больше всего люблю за то, что до них обычно не доходит.

Объявили танец *фацхель* – общий танец, в котором каждые тридцать два счета идет смена партнера. В один прекрасный момент напротив меня оказался Тилвас Талвани.

– Ты, кажется, говорила, что не любишь свадьбы? – напомнил он. Его рубашка уже была расстегнута на одну пуговицу ниже положенного, а волосы как-то задорно взлохмачены – интересно, кто тому виной?

– Я не люблю тот момент, где все клянутся друг другу в вечной верности и сморкаются в носовые платки, – уточнила я. – Пока до этого не дошло, мне тут замечательно. А ты что, заскучал, артефактор?

– Да. Потому что у меня чуть более изысканный вкус, – усмехнулся он. – Но я понимаю, что тебе даже такие праздники в новинку. Не волнуйся, я не собираюсь отбирать у тебя конфетку. Наслаждайся: это действительно приятно – иметь допуск в высший свет. Хотя бы разок за всю жизнь.

И он резко наклонил меня к земле – как, впрочем, и полагалось по рисунку танца.

– Ты так старательно возводишь между нами стену социальной пропасти, – проворковала я, – что у меня возникают сомнения насчет того, насколько ты все-таки аристократ. Очень уж явные комплексы. Ты не бастард часом, милый?

– Это не комплексы. Просто мне интересно, что еще тебя может задеть, кроме беседы о том дёрганом психе, который сейчас корячится по внешней стене замка на уровне третьего этажа.

Я невольно вскинула глаза вверх после этих слов. Но никакого Мокки среди плющей, густо увивавших здание, не было.

– Пф. Ну уж точно не общественное положение. – Я сдула с глаз упавшую прядку волос.

– А почему? – Тилвас закрутил меня против часовой стрелки и после прижал к себе спиной, покачиваясь то вправо, то влево. – Ты же воровка. Зачем ты ворует, если тебе плевать на материальные блага?

– Мне не плевать. Но они не имеют никакого отношения к моей самооценке. Я хороша что с деньгами, что без них. Что в дорогом платье, – я кокетливо повела плечом, – что в дерюжном мешке.

– Я уж думал, ты скажешь: «...что без него», – вздохнул Тилвас Талвани. – Ай, думал, этот вечер становится интереснее.

– И не надейся.

Круговорот танца вновь сменил направление. Звуки лютни стали тише, на первый план выступил напряженный бой барабанов: привет, интерлюдия! Это был самый активный этап фацхеля, где партнерам приходилось хорошенько попотеть.

Обычно эту часть танца опускали на праздниках: она считалась слишком древней и сложной. Ее не учили просто так, для развлечения, однако при этом фацхель считался традиционным танцем шести шэрхенмистских университетов – студенты гуманитарных направлений исполняли интермедию на зимних праздниках. Немного странно, что эту часть танца решили вставить в сценарий свадьбы... Хотя, наверное, хозяева хотели подчеркнуть классическое образование дочери и ее жениха.

Многие покинули круг, и Тилвас вроде как тоже дернулся в сторону с площадки, но я никуда не торопилась. Аристократ удивленно приподнял бровь, увидев мою упрямую готовность плясать, и почти незаметно пожал плечами: *ну как хочешь*.

Под бой барабанов мы с Тилвасом переплели пальцы и стали быстро сходиться-расходиться, разворачиваться, подпрыгивать и подныривать под руки, иногда резко отпуская друг друга и делая ритмичные хлопки то над головой, то у бедер. В нужные моменты мы и остальные пары поочередно выкрикивали слова старинного университетского гимна – призывы радоваться проявлению жизни в каждой капле дождя и каждом падающем лепестке цветущей вишни. Всякий раз тяжелые удары гонга подчеркивали эти слова. Со стороны все это было больше похоже на нарочитую театральную сценку, чем на танец, – так и задумывалось.

– Где ты выучила шаги интерлюдии? – выдохнул Тилвас, когда эта часть танца закончилась, вновь сменившись стандартным ритмом.

Мы оба были покрасневшие, довольные, и я невольно рассмеялась:

– Undae occultae arcanos tenebras celat!

«*Таят в себе секреты воды темных волн*» – это была еще одна строка из студенческого гимна.

Тилвас пытливо прищурился:

– Да кто же ты такая, Джеремиа Барк?

– Кто *ты* такой, Тилвас Талвани? – подмигнула я. – Что, ты уже готов сменить нашу политику обмена секретами – начать раскрывать карты?

– Мм, нет, ни в коем случае. Просто до опасного очарован. Ностальгия – мое слабое место, признаюсь.

– Неужели факультет артефакторики в Пике Волн был настолько хорош?

– Я учился не на артефакторике, а на тварях, сущностях и духах, – спокойно сказал Талвани, глядя мне в лицо.

Мои глаза округлились от изумления.

– Подожди, Талвани. Какого гурха ты не сказал, что ты заклинатель? Колдовство облегчило бы нам жизнь во много раз!

В отличие от артефакторов, которые зачаровывали магические предметы в спокойной обстановке, размеренно, используя те и другие инструменты, колдуны-заклинатели умели обуздывать энергию «в моменте», творя полноценные магические формулы. Их профиль был гораздо шире: и боевые плетения, и призывы сущностей, и всевозможные ритуалы, связанные с сущностями и тварями, населяющими архипелаг... Кроме того, заклинатели владели холодным оружием, что тоже было не лишним.

Я непонимающе смотрела на Талвани.

– По определенным причинам я не могу применять заклинательские плетения, – он покачал головой.

– Так ты поэтому стал артефактором? Или все-таки из-за своего медальона?.. Или эти две вещи связаны, а, Талвани?

Тилвас загадочно-беспечно пожал плечами: мол, а фиг меня знает. Но мне не нужно было слышать ответ, чтобы понять: я на шагок приблизилась к разгадке его тайн. И, что любопытно, Тилвас явно упомянул про свой факультет, чтобы увидеть мою реакцию.

Спрашивается: зачем?

Вдруг нас прервали.

– Вы уже три тура танцуете вместе, весь круг из-за вас стопорится! – прошипел один из организаторов праздника, подскочив к Талвани со стороны. – Либо меняйте партнершу, либо выходите из игры и не мешайте остальным получать удовольствие!

– А потом удивляются, что в стране сплошные измены... – пробормотал аристократ, покидая круг танцующих.

На его место тотчас подскочил кто-то из ожидавших. Пару туров спустя я до конца распределила все свои «дымовушки» и вышла. Я хотела найти Талвани и отправиться в склеп, но вдруг мне в глаза бросилось нечто очень странное.

А именно: у одной из девушек, разносивших напитки, на груди болтался... медальон с двуглавым вороном.

Точь-в-точь, как у Тилваса Талвани.

Остров Нчардирк – слышали о таком?

«Hic sunt rehhes» – «Здесь обитают рёххи» – фраза, которую наносят на картах Шэрхенмисты со стороны безымянных северных островков.

Я встала столбом, всматриваясь в амулет незнакомки и пытаюсь понять, не кажется ли мне. Но нет, все было верно: такая же гордая черная птица, серебряная оправка, холодный блеск черного стекла.

В остальном девушка-подавальщица ничем не отличалась от своих коллег, работавших на празднике. У нее были светло-льняные волосы, слегка отдающая синевой кожа, как у жителей северных островов, широкие штаны и туника до середины бедра – так выглядел весь персонал на свадьбе.

Я, энергично пробираясь между танцующими, рванула к ней.

Девушка с вежливой улыбкой замерла, предлагая мне взять напиток с серебряного подноса. Я так и сделала, а потом как бы невзначай бросила:

– У вас красивый амулет.

– Благодарю, госпожа, – пискнула подавальщица.

По правилам ей нельзя было много болтать с гостями.

– У него есть какие-то магические свойства? – не отставала я.

– Нет, госпожа, – мило ответила девушка и хотела было уйти дальше со своим подносом, но я решительно преградила ей путь.

– А можно я рассмотрю его поближе? Люблю необычные украшения. Если позволите, я здесь же, при вас, его изучу и верну вам, – широко улыбнулась я.

Девушка заметно смешалась, глаза у нее забегали.

Ага. Значит ли это, что передо мной стоит еще одна жертва медальонной магии? Неужели, если я сдерну с нее амулет, подавальщица тоже попробует откиннуться?

Пока девушка мялась, я завертела головой, пытаюсь углядеть в толпе Тилваса. Вот только я не знала даже, что будет лучше: позвать его посмотреть или, наоборот, скрыть от него факт присутствия тут коллеги с загадочным амулетом?..

– Вы можете рассмотреть мой медальон, если хотите, – наконец сказала девушка, немало удивив меня согласием. – Только я не могу сейчас поставить поднос, и я боюсь, что будет выглядеть неприлично, если вы начнете сами расстегивать его на мне. Если вам он настолько интересен, я могу найти вас ближе к концу вечера и... подарить вам его.

– Подарить?! – вот тут я ахнула.

– Да, – девушка пожала плечами. – У меня дома есть еще парочка таких.

– Я думала, это уникальное украшение.

– О нет, госпожа! Совсем нет! – живо запротестовала подавальщица. – Это просто сувенир. Я родом с острова Нчардирк – слышали о таком? Нет? Понимаю... Нчардирк находится на самом севере архипелага, выше только безымянные необитаемые земли. Наш остров ничем особенно не славен, но у нас очень красивый герб – двуглавый ворон. И поэтому, когда к нам все-таки заезжают гости – это происходит редко, но все же – мы дарим им такие амулеты на память. Я переехала сюда пару лет назад и прихватила несколько медальонов, чтобы дарить

новым друзьям и вот так, потихоньку, разносить славу своей родины... Правда, мне так и не удалось никому вручить ни одного украшения: говорят, ворон слишком большой, вульгарный даже... – она вздохнула. – Так что я рада, что вас он заинтересовал!

Я кивала, все больше поражаясь ее радостному щебету. Остров Нчардирк? Дешевый сувенир?..

Как-то это не очень вяжется с той штукой, которая болтается на груди Талвани.

Я вспомнила один кусочек информации об аристократе, которую Жан Герань дал мне перед кражей амулета: «После окончания университета он уезжал куда-то на север на несколько месяцев, а вернувшись, продал свой замок».

И, кстати, это как раз сходится с комментарием Талвани о том, что «я потратил шесть лет, пытаясь снять эту дрянь». Вчера вечером за ужином один из официантов встал в позу и заявил, что не продаст нам вино, пока не увидит наши удостоверения личности. Мол, вдруг мы несовершеннолетние? Мокки в ответ чуть его не загрыз, я выругалась, а Тилвас как ни в чем не бывало полез в карман за значком. Естественно, после того, как официант изучил его, уже я выхватила удостоверение аристократа.

Там было указано:

– полное имя: Тилвас Хлогорун Талвани

– название родового замка: Крыло заката

– дата рождения: девятнадцатое апреля тысяча девятьсот девяностого года от ухода богов-хранителей

Таким образом, по моим расчетам, Тилвас как раз примерно шесть лет назад и получил высшее образование.

Значит, аристократ выпустился. Причем с факультета заклинателей. Потом уехал в путешествие на север. Там у него появился медальон – предположительно сувенирный – и сопутствующая ему проблема.

Потом Тилвас вернулся, продал замок и долго и упорно изображал для всех знатного бездельника, а сам сменил профиль на куда менее престижный – стал изучать артефакторство.

Так. Мне нравится мысль о том, что он начал практиковать науку артефакторства затем, чтобы разобраться в медальоне, висящем у него на груди. Но почему он делал это тайно? И, получается, проблема не в амулете как таковом, а в том, как он зачарован? Но кто его зачаровал? И зачем?

Вполне вероятно, что изначальное образование Тилваса – твари и духи – связано с тем, что сейчас мы отправляемся за фигуркой пэярту. Возможно, это же связано и с медальоном.

Вот гурх, зацепок-то немало.

Пока я раздумывала над всем этим, к нам с девушкой-подавальщицей подбежал уже знакомый мне свадебный организатор. На сей раз он накричал на нее – за то, что она стоит со мной, а не кружит по саду, как полагается. Девушка послушно ретировалась, а ко мне вскоре приблизился Тилвас.

– У тебя такое лицо, будто ты решаешь задачки по высшей математике, – хмыкнул аристократ.

– Нет, – лениво отозвалась я. – По географии. Ты когда-нибудь слышал об острове Нчардирк? – невинно закончила я, пристально глядя ему в лицо.

Уголок рта Талвани непроизвольно дернулся. Неожиданно в его глазах полыхнула такая неприкрытая ярость, что я отшатнулась, – мне показалось, он сейчас вцепится мне в горло. Кроме того, мне почудилось, что черты его лица заострились, а в зрачках рассыпались красные всполохи – хотя, возможно, это было отражением факела в руках проскользнувшего мимо нас танцора. *Что за гурх?*

Заметив мой неподдельный испуг, Тилвас выругался и прикрыл глаза рукой. Когда он убрал ладонь, его лицо снова было таким же, как всегда, – красивым, благородным, улыбочиво-спокойным.

– Не припомню такого острова, – наконец спокойным тоном сказал артефактор и дружелюбно приобнял меня за плечи. – Джерри, я думаю, нам пора в склеп.

* * *

Пока мы поднимались по каменным ступеням в замок и шли через главный холл – там все было красиво подготовлено к церемонии, которая, по нашим традициям, будет проходить ровно в полночь, – я вновь взяла себя в руки.

У всех бывают галлюцинации, в конце концов.

Решив, что не стоит сдаваться, я стала вслух пространно размышлять о разных островах архипелага Шэрхенмисты и их гербах. Но Тилвас не поддерживал разговор, предпочитая отшучиваться и переводить тему. Его пальцы у меня на плече каждый раз сжимались, когда я вновь и вновь, как попугай, упоминала остров Нчардирк.

Я заткнулась, только когда ладонь аристократа вдруг мягко, но демонстративно легла мне на спину между лопаток, и слегка надавила. Сквозь ткань платья стали ощущаться бугры шрамов под татуировками, и я замерла, как пойманный кролик.

– Если я сейчас начну повторять: «шрамы-шрамы-шрамы», как заведенный, тебе будет приятно, госпожа Барк? – серьезно спросил Тилвас, поймав мой затравленный взгляд.

Глаза у него были грустные. Глубокие. Никаких привычных шуточек и издевок. Гнева тоже нет. Я медленно отрицательно качнула головой.

– Вот и мне неприятно, – тихо сказал Тилвас, отпуская меня.

Я тотчас напряженно повернулась к нему лицом, будто пыталась инстинктивно защитить спину. Какое-то время мы стояли, всматриваясь друг в друга.

Этот взгляд Талвани... Парадоксально-знакомый. Будто он тоже пережил нечто ужасное. Нечто такое, что навсегда остается с тобой, в тебе, извращенной тенью следует по пятам.

В глазах Тилваса я видела старую боль. Он был как фреска в разрушенном храме: старый, затертый временем лик, полный потерь и страданий.

– Я... – начала я, чувствуя странное желание извиниться.

Но аристократ вдруг будто очнулся, тряхнул головой и с улыбкой предложил мне руку:

– Пора продолжать наш путь, верно?

Морок рассеялся. Поколебавшись, я вложила свою руку в его – приятно-теплую. Какое-то время мы шли молча, но уже к третьему лестничному пролету господин Талвани вновь стал веселиться и хорохориться, будто крылышки после дождя расправил.

Собственно, будем считать предположение верным: свой амулет и сопутствующие ему проблемы Тилвас получил именно на острове Нчардирк.

* * *

Как бы удивительно это ни звучало, но вход в семейный склеп находился в гардеробе в спальне хозяина замка.

Видимо, это было переложением известной фразы про скелеты в шкафу.

По коридорам мы крались, таясь в тенях, а со спальни вышла неприятная заминка, связанная с тем, что хозяин оказался на месте. Причем не то чтобы спящим или, не дай небо, в чьем-то обществе – он просто благообразно скучал в кресле и читал газеты, что-то недовольно брюзжа под нос и явно никуда не торопясь.

Это было неприятным осложнением. Как-либо выдавать свое присутствие – ударом по голове или кляпом в рот – мне совершенно не хотелось, как минимум потому, что так мы могли навлечь беду заодно и на Мокки. Но, сколь бы искусной в хождении по теням я ни была, незаметно пройти мимо сидящего в кресле, бодрствующего человека я не сумею.

– Что ж, твой выход, артефактор, – я развела руками. – Какие фокусы покажешь?

– А какие нужны?

– Разве у тебя широкий ассортимент?

– Ты даже не представляешь насколько.

Я с сомнением окинула взглядом его фигуру. У меня самой под подолом платья был прицеплен кинжал, набор отмычек, веревка и несколько маг-свитков для упокоения нежити. Но я не помнила, чтобы Тилвас как-то особенно готовился к нашей миссии.

– Выбери что-нибудь подходящее случаю, – попросила я.

– Хорошо, – сказал он и открыл дверь в спальню, не размениваясь на размышления.

Хозяин замка, герцог Льовез, тотчас всполошенно вскочил со своего кресла.

– Что такое? – возмутился он, глядя на нас.

Я была солидарна с ним в этом вопросе.

– Ох, гурх, – сказал Тилвас, мрачно хмурясь на герцога. – Мне сказали, это будет моя спальня.

– Кто вам сказал? – опешил хозяин, на ощупь ища сброшенные тапки под креслом.

– Ваш бой. Пирси или как его там. Хабловий малый.

– Какой бой?! На каком языке вы разговариваете?! – взревел господин Льовез.

– На языке любви, конечно же, – осклабился Талвани и, резко обернувшись ко мне, вдруг страстно меня поцеловал.

Я так опешила от этого поворота, что даже не сразу среагировала.

Одно мгновение я пыталась понять, что от меня требует дальнейший сценарий, а осознав, что никакого сценария нет и Талвани просто всюду развлекается, я залепила ему такую пощечину, что артефактор аж зашипел.

– Да вы с ума посходили! Развратники! – ахнул господин Льовез и, пробежав мимо нас в коридор, начал истошно вопить, призывая слуг и справедливость попеременно.

– Ты сдурел? – чуть более емко высказалась я.

– Тщ-щ! – шикнул Тилвас и вдруг бросил в коридор какой-то маленький стеклянный шарик, который до этого крутил между пальцами.

Шарик, упав на каменный пол, вспыхнул туманным облачком и вдруг обратился двумя нашими фигурами – достаточно призрачными вблизи, но кажущимися вполне реальными издали. Фигуры о чем-то говорили, размахивая руками.

– Что стоишь? Взламывай шкаф! – со смехом подтолкнул меня артефактор.

Я, ругнувшись, отправилась в гардероб. Замок на шкафу был элементарный – несмотря на то что в склепе хранится немало ценностей, предполагалось, что немногие воры захотят туда вот так пробираться. Те же ритуальные штуки можно найти в более приемлемой обстановке.

Замок поддался, я распахнула резные дверцы. За ними обнаружилась винтовая лестница, убегавшая куда-то вниз.

В коридоре слышались шаги и крики – это хозяин возвращался со встревоженной подмогой. Тилвас хлопнул в ладоши, и наши призрачные фигуры в коридоре перестали бесхозно топтаться на одном месте и побежали, посмеиваясь и обжимаясь, в противоположную сторону от явно ускорившихся – судя по воплям – свидетелей.

Мы зашли в шкаф.

Я закрыла за нами двери и на сей раз стала так же активно запираяться. Тилвас терпеливо ждал, только стоя почему-то вплотную ко мне и похихикивая у меня над ухом.

– Ты чокнутый, – наконец пробормотала я. – Абсолютно, мать твою, неадекватный. У тебя эмоциональные качели с размахом в тысячу метров, никакой страховки, а поручни намазаны маслом – соскользнешь в самую пропасть и не заметишь.

– Мне кажется или ты завидуешь масштабу моей личности?

– Я скорее сочувствую той лепешке, что останется, когда ты сорвешься.

– То есть я психопат?

– Полный.

– Твой типаж, да?... – мурлыкнул он, и я подумала, что еще немного – и я спрячу отмычку у него в солнечном сплетении. А что, надежный тайник. Не хуже прочих.

Мы побежали вниз по лестнице в склеп.

11

Склеп

Via spirituum non est deceptio.
«Путь духов вовсе не обман».

Чем ниже мы спускались, тем плотнее становилась тишина вокруг. Как темная вода, она со всех сторон обступала нас с Талвани, затапливала мысли холодом, заставляла сердце биться медленнее, будто нехотя.

Светильники, освещавшие шахту винтовой лестницы, становились все более тусклыми, а потом и вовсе погасли. Я отцепила от платья крохотный магический фонарь, и наши с Тилвасом тени на влажных стенах теперь казались очень острыми, болезненно-тонкими, хрупкими, – *возьми и переломи.*

Не стесняйся.

Мы все – твои косточки, смерть.

Мысли путались. Восприятие искажалось здесь, в царстве уснувших мертвых. Я чувствовала, как во мне расцветают скорбь и язвительность одновременно.

Когда мы спустились на первый уровень захоронений, я глубже вдохнула местный воздух, чуть более пряный, чем был на лестнице.

Мм, тлен и безнадега!.. Мой любимый запах, хоть меня от него и мутит.

Наверное, я тоже психованная.

Съехавшая на полную катушку, раз вместо собачки или кошечки завожу воронов, иногда скребущих стены в поисках мышей, пью копченый чай, залитый крутым кипятком, и получаю странное удовольствие, когда подправляю форму бровей, выщипывая лишние волоски – больно и сладко одновременно, жуткий, соблазнительный контраст.

Хотя это многие любят.

Но, с другой стороны, с какой радости мне сравнивать себя с другими, если я хочу убедиться в своей нормальности? В этом мире нет нормальных, это мир чокнутых, пропащих, заблудших и поехавших, мир, где, пытаясь выделиться, ты оказываешься в толпе таких же пестрых и поломанных, и единственный способ выжить – либо заранее смириться со своей благополучной серостью, либо с гиканьем ухнуть в водоворот омерзительнейших вещей, потому что с каждым новым днем тебе нужен все больший кач психики для прежнего удовольствия, потому что ты подсаживаешься на любую силу, будь то вдохновение или боль, и единственное, что бесит тебя по-настоящему – это та самая пресловутая безмятежность и спокойствие, она же – смерть.

Чем хуже, тем лучше.

Вот как я живу.

Вот почему сейчас я воровка, хотя могу быть кем-то другим. Вот почему я сохну по Мокки Бакоа, хотя хорошие парни нередко зовут меня на свидания. Вот почему я согласилась отправиться сюда с Талвани, хотя могла послать его очень далеко и безапелляционно...

Я просто больная, и я выбираю себе больной мир. Осознаю это? Да. Хочу променять его на нормальный? Нет, спасибо. Не в этой жизни.

Не для того я росла на долбанных речах древних ораторов и учила мертвые языки, просаживала легкие на галлюциногенных благовониях, обещавших путешествия между мирами,

изучала человеческие тела и души, чтобы теперь стать сытой, скучной, отвратительной серой посредственностью.

Мы молча шли по склепу.

Верхний этаж кладбища Львовезов отводился для будущих поколений и сейчас полнился лишь мрачными, пылью затянутыми скульптурами. Помещение было огромным, как ипподром. Сырость и темнота, мягкий глиняный пол.

На втором уровне уже были захоронения. Маг-фонарь погас. Я провернула камень на одном из своих колец, и он загорелся тусклым зеленоватым светом, чей луч теперь высвечивал маленькие склепы-домики, похожие то ли на древние храмы, то ли на гигантские собачьи конуры. В их двери были вставлены цветные стекла, а у порогов рассыпана защитная соль – на случай, если упокоенный родственник вдруг решит прогуляться.

В конце второго этажа находилась небольшая часовня, посвященная богу Теннету. Мы искали не ее, однако я не удержалась от соблазна зайти внутрь.

Хранитель времени. Самая безжалостная из всех шестерых тварюга.

Внутри было тихо. Крохотное помещение, зато с высокой треугольной крышей. Клан Львовезов вообще не скупился на разрытие холма под замком – думаю, склеп в глубину уходил на столько же метров, сколько само здание занимало в высоту, не меньше.

Скульптура Теннета изображала молодого бога сидящим на большом камне. Он замер, понутив голову, и в его руках, сложенных лодочками, лежал сломанный циферблат с разбитыми стрелками и перепутанными цифрами.

«Никто, ничто, никогда», – было выведено на подоле божественного одеяния. Вьющиеся волнами волосы падали вниз, скрывая лицо хранителя, но, если наклониться и все-таки заглянуть в него, было видно, что глаза Теннета закрыты, а из-под век льются каменные слезы.

Я посветила кольцом вокруг. Справа от ноги хранителя лежал суконный мешочек, который я подняла и деловито развязала. Оттуда мне будто улыбалось несколько драгоценных камней.

– Тебе это надо? – хрипло спросила я каменного хранителя, потрясая перед ним мешком. – Если надо – скажи. Дай знать. Не то я заберу себе – зачем им здесь пропадать.

Скульптура не шевелилась.

– Мать твою, как меня бесит, что вы, древние существа, никогда не размениваетесь на ответы, – помолчав, с чувством сказала я. – Как я могу в вас верить, если вам абсолютно по барабану? Что должно склонить меня перед вами, если вы никогда не отвечаете? Всю свою гребаную жизнь я вслушиваюсь в пустоту только затем, чтобы убедиться – по ту сторону нет никого и ничего, кроме вселенской тьмы. Ну и зачем вам поклоняться? Что это меняет?

Скульптура не издавала ни звука.

Я почувствовала, как в горле у меня встает комок.

– А может, ты и сам не знаешь ответа, – с горечью сказала я. – Или знаешь. Но он такой безнадежный, что куда милосерднее – промолчать.

Я подбросила мешочек в руке и вышла из склепа, не оглядываясь. Тилвас Талвани стоял снаружи, рассматривая кинжал, который я ему дала.

– Я думал, ты им молишься, – сказал он, поднимая на меня свои непостижимые глаза, совсем дикие в зеленоватом свете перстня. – А ты с ними ругаешься, оказывается. С сурком на горе тоже поцапалась, да? Приходишь снять стресс, оборать того, кто не может ответить?

С сурком я не ругалась, но мне не хотелось объяснять это Тилвасу.

– Заткнись, – только и бросила я ему.

– Я их тоже не люблю, если хочешь знать. Богов-хранителей. Им слишком легко все досталось – и вечная молодость, и могущество, и тела.

– Мне плевать, Талвани.

– Было бы плевать, ты бы эту тему не поднимала.

– На твоё мнение мне плевать.

– Вот как.

Тилвас наклонил голову набок, задумчиво всматриваясь в мои глаза. Многовато у нас гляделок для одного вечера. Так и привыкнуть можно.

– Короче, знаешь, – проговорил Талвани наконец. – У всех нас есть свои болезненные наросты на этой странной мышце под названием сердце. И иногда они такие здоровенные, что мешают дышать. Это ужасно и нормально одновременно: дурацкий побочный эффект бытия человеком. Захочешь поговорить – я готов. Где ещё делиться тайнами, как не глубоко под землей?

– Нигде, Талвани. Тайны на то и тайны, что ими делиться не надо.

Он закатил глаза.

– Ты *слишком* сурова, Джерри. Ладно. Тогда вот что скажу: боги-хранители пусть катятся к праху бабушке, тем более тут недалеко, – он многозначительно оглядел склепы вокруг нас. – Но что касается рёххов: давай ты хотя бы с пэйярту грызться не будешь, когда мы спустимся, мм?

– Не буду. Просто сопру фигурку, и все, – пообещала я.

* * *

Святылище пэйярту располагалось на нижнем уровне склепа.

Все захоронение Льовезов было наполнено тишиной, но тут, в царстве самых старых мертвых, эта тишина едва не вибрировала от толщи давящих на нее веков.

Мы с Тилвасом осторожно шли по дому усопших. Артефактор с интересом оглядывался, хотя в темноте немного можно было разобрать, а я старательно прощупывала путь перед нами железным прутом, выломанным из одного захоронения.

Гробницы и ловушки часто ходили рука об руку, причем в случае частных захоронений это была скорее традиция, чем реальная необходимость. Однако традиция, исполняемая со всем тщанием... И мне совсем не хотелось, чтобы мне сейчас снесли голову какой-нибудь мимо пролетающей секирой.

– Кстати, а почему тебе нужен именно этот пэйярту? Что в нем такого особенного? – спросила я, когда мой прутик все-таки наткнулся на едва заметную натянутую леску, и теперь я сидела у стены, деактивируя капкан.

Крючок за крючком, осторо-о-о-ожненько. Тилвас терпеливо ждал рядом.

– Говорят, в местную статуэтку вплавлен коготь самого Белого Лиса, – отозвался он.

Я утерла пот со лба – ловушка выматывала – и строго наставила на аристократа отмычку:

– В смысле – «вплавлен коготь»?

– В прямом смысле, то есть в магическом. Один колдун взял и – р-р-р-раз! – оторвал у зверюшки коготь, изверг, а потом заключил его в статуэтку.

– Но ведь так же, как рёххи не могут касаться людей, люди не могут касаться рёххов.

– Некоторые – могут! Это тот редкий случай, когда «Записки о поисках духов» не врут.

«Записки о поисках духов» были компиляцией рассказов, сказок, легенд, песен и слухов о рёххах, собранных исследователем Горо Хоо в XIV веке. Несмотря на почтенный возраст, эти истории были любимы и популярны по всей Шэрхенмисте и сегодня.

Горо Хоо частенько вставлял в свои сказки героя-человека с суперспособностью осязать рёххов, и такой бедолага, буде он появлялся, тянул на себе весь драматический конфликт. Читать такие сюжеты было гораздо интереснее, чем истории об одних только духах: ведь когда в таинственном мире загадочных и непостижимых рёххов появлялся кто-то понятный, как минимум материальный, читателю было кому сопереживать... И эмоции тотчас нарастали.

Хотя да, безусловно, рёххи тоже имеют свои истории и характеры, за ними любопытно наблюдать, как за персонажами. Чего стоит хотя бы история о том, как искомый нами пэйярту устроил турнир по изящной словесности среди духов и обыграл всех откликнувшихся, включая неподражаемого горфуса!

Это так взбесило Черного Волка, что он обвинил пэйярту в жульничестве. Пэйярту сказал: ну да, я обманывал, я же лис. Горфус призвал остальных духов объединиться и развеять пэйярту так, чтобы он как можно дольше не мог вернуться на землю (рёххи не могут умереть совсем, лишь теряют свою сущность на некоторый срок). Духи возразили: ну он же действительно лис, чего ты ждал? Горфус оскорбился повторно. Конфликт начал нарастать и в итоге расколол общество рёххов, обратился войной духов с духами, из-за чего страдала вся Шэрхенмиста. В итоге вмешался единый союз морских рёххов во главе с альбатросом эндольфом и заключил горфуса в призрачную тюрьму на тысячу лет.

Это было чем-то новеньким в сфере духовной пенитенциарной системы. И, пожалуй, карой не менее суровой, чем развеивание: тогда как оно напоминало просто глубокий обморок, то в тюрьме, расположенной далеко-далеко в океане, горфуса ждала омерзительная пытка скукой.

А морские рёххи после заварушки поняли, что на волне энтузиазма ввязались в какую-то очень обязывающую историю – ведь это им же горфуса еще и сторожить. Осознав, что никто не хочет снять с них эту нудную задачу, морские прокляли собственную инициативность и с тех пор больше не пытались играть в борцов за справедливость.

Неподражаемый эндольф и вовсе стал символом могущества и пофигизма. Появилось даже такое расхожее выражение: «играть эндольфа» – что означало сохранять упорный нейтралитет, даже если вокруг все полыхает войной и в кресло под твоей задницей уже заложена бомба.

– Не все, что названо сказками, является выдумкой, – продолжил Тилвас Талвани. – Просто некоторые вещи всегда выгоднее скрывать от широких масс.

– Это я-то широкая масса? – вздохнула я, уже даже не обижаясь.

– Как минимум ты далекий от магии эгоцентрик, который все меряет по себе. А вот я – эксперт по духам, если ты вдруг запаматовала.

– Ты мне еще экзамен по своей биографии устрой... Как тут не забудешь, если еще вчера ты был артефактором, а неделю назад – просто аристократом? Тилвас, скажи честно: завтра мы выясним, что ты еще и бог?

– Ну это ты хватанула, конечно. Возвращаясь к статуэтке: именно коготь реального пэйярту внутри делает ее такой особенной. Этот коготь – один из компонентов, которые нужны мне для запланированного ритуала.

Я обратила внимание, что на этих словах артефактор непроизвольно коснулся амулета на своей груди.

– Дай догадаюсь: ритуал связан с тем, что ты хочешь наконец-то избавиться от медальона.

Рука Тилваса тотчас метнулась в карман, будто его поймали на горячем. Аристократ опустился рядом со мной на корточки.

– Джеремя, – проникновенно проговорил он, – а тебе никогда не говорили, что ты чересчур наблюдательная девица?

Я вскинула брови, с ехидцей на него покосившись, и резко дернула за последний крючок капкана. Тотчас из стены в каких-то десяти сантиметрах от нас выдвинулся и прошил весь коридор насквозь длинный игольчатый бур.

Я надеялась, что Талвани завизжит, как девчонка. Но он лишь продолжал внимательно смотреть на меня, даже не шелохнувшись. Все его лицо выражало то ли лукавство, то ли расположение – так с ходу и не поймешь.

– Нет, не говорили, – я выпрямилась. – Сочту за комплимент.

Мы пошли дальше.

Впереди нас ждало еще несколько ловушек. Одна из них оказалась до безобразия сложной: нужно было взломать ряд замков, и у меня никак не получалось справиться с одним из них.

– На, скушай яичко, успокойся. – Аристократ, сидевший на полу склепа, вдруг протянул мне на ладони пару перепелиных яиц.

– Откуда ты их взял? – опешила я.

– Прихватил на фуршете. – Тилвас рукой похлопал по своему широкому рукаву.

– Ты положил перепелиные яйца в шелковый карман таори? Серьезно? Да уж, это ни капельки не странно, – пробормотала я, садясь рядом с ним.

Впрочем, я была рада угощению. Тилвас пожал плечами.

– Я подозревал, что быстро мы тут не справимся. Икру или ягоды с собой не положишь, а перепелиные яйца я люблю, – он ногтем подковырнул пеструю скорлупку.

– Я тоже их люблю, – сказала я. – Да и вообще еду. Признаться даже, я люблю ее больше, чем людей.

Тилвас расхохотался.

– Чокнемся за это.

Мы стукнулись яйцами.

– Ну что, попробуешь все-таки разобраться с этим замком? – Талвани кивнул на ловушку. – А то твой дружок Мокки Бакоа, наверное, уже справился со своим заданием в библиотеке и устал нас ждать.

Это вряд ли: сейф, с которым где-то наверху должен был разбираться сейчас Бакоа, сложнее всей нашей миссии, да и дорога к нему для вора должна была быть долгой. Мокки предстояло не только вскарабкаться по гладкой стене замка, но еще и обойти все посты охраны внутри, нейтрализовать охранные заклинания и многое другое.

Впрочем, Тилвас был прав: мне пора и поработать. После привала ловушка все-таки поддалась. Как говорится, своевременный отдых – топливо для успеха.

Мы продолжили путь, и вот наконец впереди замаячил слабый огонек: лампада, стоявшая в святилище белого лиса.

Мы приблизились к нему. Это был небольшой домик – аккурат в человеческий рост – выполненный из белого мрамора. Камень исчерчивала резьба, изображающая пейзаж кедровой рощи в горах. По ней бежал стремительный белый лис, чьи отпечатки были выдавлены в камне, как настоящие. Из-за стволов некоторых деревьев высывались мордашки других, робких рёххов, с интересом подглядывавших за шебутным пэйярту. В пещере, темнеющей в углу пейзажа, угадывался силуэт разгневанного горфуса.

Я наклонилась, чтобы не удариться макушкой о притолоку, и зашла внутрь святилища. На сей раз Талвани последовал за мной.

На постаменте в центре домика сидел лис. У него между лапами были сложены сокровища-подношения: гранатовые браслеты, золотые монеты, мешочки со специями, привезенными из разных уголков мира. А также лежала небольшая серебряная фигурка в виде точно такого же лиса: уши торчком, распушенный хвост, умный и хитрый взгляд.

– Хм, все оказалось так просто, – подивился Тилвас, глядя, как я тянусь к статуэтке. – Я представлял себе процесс расхищения более... увлекательным.

– Слушай, Талвани, если бы это ты разоружал ловушки, а не яйца трескал, ты бы сейчас иначе пел, – проворчала я.

– Но мы не встретили никого из нежити. Я ждал ее.

– Мы в фамильном склепе, – я пожала плечами, уже убирая трофей в сумку. – Как я вижу, за ним все-таки немного ухаживают, поэтому у нежити не было достаточного количества времени и одиночества, чтобы переродиться и устроить тут веселую жизнь.

– Однако я не чувствую здесь запаха людей.

– Ну, наверное, они все-таки моются перед тем, как навещать родственников.

– А вот потусторонний запах тут достаточно мощный.

И в этот самый момент откуда-то снаружи раздался сиплый и жадный рев.

Так... Кажется, Талвани был прав в своей парфюмерной оценке.

Мы не успели и шагу сделать из святилища наружу, как в его дверях показалась фигура *цавраску*. Эта нежить выглядела как земляной монстр в виде старухи, у которой отсутствовало лицо, а руки были обвиты многочисленными прыгучими змеями. В ладонях цавраску сжимали костяные ножи, выточенные ими из человеческих ребер.

Цавраску рождались на забытых кладбищах, которые посещали слишком редко, и самоотверженно брали на себя заботу о покинутых мертвых. Они сохраняли территорию кладбищ в чистоте, но любых чужаков считали незваными гостями и видели в них единственную пользу – возможность упокоить их рядышком со «своими», тем самым расширив владения.

Взвыв, старуха-цавраску вскинула руки, и змеи, разматываясь, бросились на нас шипящим клубком.

Я наискось рубанула по ближайшей из них кинжалом. Потом отскочила вбок, уворачиваясь от брошенного старухой костяного ножа, и потратила несколько драгоценных секунд, чтобы отцепить от себя еще одну змею, пока она не успела меня укусить. Когда я выпрямилась, то увидела, что цавраску заносит нож над Тилвасом, стоящим в углу. Я хотела помочь ему, но в этот момент третий змей вдруг вцепился мне в щиколотку острыми клыками.

Гурх.

Это плохо.

Клыки таких змей были ядовиты: они мгновенно вызвали страшные галлюцинации, однозначно мешавшие соображать. Так случилось и со мной: я не успела отодрать мерзкую тварь и швырнуть ее на камни святилища, а мир вокруг уже затопило искаженной иллюзией.

Краски как будто потухли, сменились палитрой в серых тонах: серые камни, серые змеи, белое пятно старухи. Я увидела, как цавраску воткнула нож прямо в живот Талвани, а он только широко, как-то по-звериному улыбнулся ей в ответ. Его тень на стене превратилась в лисью. Тилвас протянул руки к цавраску, и все вокруг полыхнуло ярко-оранжевым светом, а монстр и его прихвостни страшно завывали, превращаясь, как мне показалось, в хлопья пепла...

Я мешком осела на пол.

Мир пропал.

* * *

Знаете, как отличить кошмарный сон от реальности?

Да никак.

Если это полноценный кошмар, не стесняющий себя в средствах, то как ни готовься, а все-таки застынешь кроликом перед распахнутой пастью ужаса. А у меня-то и времени на подготовку не было: я только и успела что отметить – сейчас будет плохо и беспамятно – и стало очень, очень плохо.

Все как заказывали.

Иллюзия под авторством цавраску отправила меня в городок Зайверино. Туда, где я познакомилась с Мокки Бакоа. Туда, где узнала, что такое настоящий ужас.

Туда, где оказаться вновь было сродни мучительной смерти...

Воспоминание о Зайверино

Maris fluctus memoriam nostram lavare non possunt.

«И морским волнам не под силу смыть нашу память».

Это была середина июля, пять лет назад.

Отгремели университетские экзамены, давшие нам степени мастеров второго уровня, и теперь, если мы хотели учиться дальше, нам нужно было готовиться к новым вступительным испытаниям. Но сначала, конечно, хотелось как следует отдохнуть.

Мы с однокурсниками собрали вещи и на два месяца покинули холодные, но такие родные дортуары университета – разъехались по домам.

Вернее, большинство из нас – по замкам.

Потому что обучение в университете имени Селесты – очень маленьком и закрытом учебном заведении, специализирующемся на архаичных гуманитарных науках, – стоило просто бешеных денег. Сюда в основном поступали младшие отпрыски древних родов, которые могли позволить себе заниматься такой приятной и бесперспективной вещью, как учеба на отделении драматургии, актерского мастерства или поэтики.

У меня, единственной на курсе, имелась полная стипендия, выданная за выдающиеся академические способности.

Раньше меня звали Хэвергри Лайсо. Я родилась в Пике Волн, в семье ученого и актрисы. В жилах родителей текла старая знатная кровь, но они происходили из обедневших родов и всего в жизни добились сами – добрались до того уровня, который у нас принято считать «крепким средним классом». Еще у меня было два младших брата. Я всей душой любила Пик Волн, наш дом находился неподалеку от озера Истинных Намерений, и я часто гуляла возле него, заглядывая в темную воду, которая никогда не отражала твое лицо – только твои потаенные мысли, как бесплатный и очень жестокий психолог...

Я росла как нежная принцесса: родители не жалели денег на мое образование. Мне нравилась работа матери – актриса, – но меня также прельщали исследования отца. Мне точно стоило пойти куда-то в область гуманитарных наук.

Я никогда не мечтала о том, что я хочу получить. Только о том, какой хочу быть.

Умной. Красивой. Утонченной. Обходительной. Я хотела быть леди, которая живет в красоте, создает красоту, чье сердце отдано искусствам и познанию. Я хотела быть ласковой и игривой, вдумчивой и загадочной, целеустремленной, гибкой и смелой. Идеалом женщины из древних поэм.

И, конечно, я хотела учиться в закрытом университете имени Селесты на западном побережье острова – и нигде больше. Когда я добилась этого, получила стипендию в самое чарующее из учебных заведений Шэрхенмисты, то была совершенно счастлива.

Помню свой шок в первый год обучения. Мир богатых аристократов, помешанных на древности, оказался куда более наркотически-томным, чем я представляла себе из нашего сада с цветущими глициниями. Но он понравился мне, боги, да, он мне понравился!..

Пьесы, сцены, темнота, красота – это было квинтэссенцией нашего бытия в университете Селесты. Наверное, кто-нибудь мог бы сказать, что я пошла по наклонной дорожке, но эта дорожка вилась среди таких прельстительных книг, грохочущих океанских волн, мраморных

скульптур и красивых – *невероятно* красивых – людей, что, ступив на нее, я решила, что уже не променяю ее ни на что и никогда.

К тому же есть разница между тем, чтобы бесконтрольно и бездумно отдаваться пороку, и тем, чтобы вдумчиво выбирать для своей жизни разные цвета и оттенки – составляя свой, ни с чем не сравнимый, неповторимый витраж. И если мою эстетику составляют черный, темно-красный и холодный серебряный тона – то это мое решение и мое право, а другие пусть занимаются собой.

Моей лучшей подругой в университете была Финна Торчергуд. Тем летом я ненадолго заехала домой, а потом отправилась гостить к ней – наряду с другими студентами.

Финна была наследницей замка Зайверино, стоящего на морском побережье, неподалеку от одноименного городка. Незадолго до выпуска Финна перевелась с отделения филологии на теологию и поставила себе целью объединить две компании друзей – «литературную» и «божественную».

Как я сказала, у нас небольшой университет. Нас, словесников (объединенное отделение актерского мастерства и литературы), насчитывалось всего лишь шесть человек на курсе. Теологов – и того меньше, пятеро. Получалось маленькое, но восхитительное соцветие томных интеллигентов, свихнутых на богах и поэзии, расслабленных, довольных жизнью и немного снобских.

О да, мы были хороши.

В Зайверино к нашим услугам был весь пустой замок – горничных отпустили, а семья подруги где-то путешествовала.

Пара дней прошли как один дурманный мираж – я только и помню, как мы бесконечно зависали в старинной библиотеке, узкой и высокой, похожей на колодец. Шторы опущены. Зажжены разноцветные магические сферы. Их огни отражаются в черненых зеркалах, и все, о чем мы жалеем, – что слишком жарко для розжига уютного камина...

Я возлежала на кушетке из темно-бордового бархата и наизусть читала поэму Шуки Макадуру «Ты и все твои звезды», старательно воя и закатывая глаза на особенно пронзительных пассажирах. Кашфиэль ныл, что в коктейль принято класть только одну оливку: *что за безобразие, скупость человеческая границ не знает!* – и все пытался умыкнуть горьковатый плод из бокала Чокчи Фламберга – рослого парня, специализирующегося на средневековой комедии и всегда игравшего на сцене роль героя-любовника, хотя в жизни он был таким забитым зайчиком, что мы непрерывно его стебали. Патрик и Кларисса искали себе жертву, чтобы попрактиковаться в искусстве шибари, Финна играла на скрипке, а студенты-теологи жарко спорили о чем-то своем, внеземном. Один из них – Дерек – иногда так внимательно смотрел на меня из-под густых ресниц, что я уже предчувствовала отличное продолжение каникул...

На субботу Финна решила запланировать какую-то эксцентричную вечеринку.

– Пока ничего не скажу, но вам понравится, – пообещала она, загадочно понизив голос. – Это будет *незабываемый* опыт. Грандиозный.

И, выгнав нас всех на море, подруга принялась готовить нечто секретное в Малой гостиной.

Но я не смогла принять участие в развлечении.

Перед приездом в Зайверино я взяла несколько частных уроков по акробатике – хотела освоить пару новых трюков, которыегодились бы нам на сцене. Один раз переборщила с прыжками, сильно ударилась, упав, и меня еще какое-то время преследовали мигрени.

В день вечеринки головная боль вспыхнула нестерпимо.

Это было ужасно обидно. Вечерело. Финна вот-вот должна была пустить нас в Малую гостиную для своих таинственных развлечений, но мне пришлось оставить ребят у бассейна и пойти – а точнее, поползти – в спальню.

Я была разочарована и зла. Я заткнула уши, чтобы не слышать их хохота и не завидовать, закинулась таблетками от головной боли – которые, конечно же, не помогали, – опустила шторы, нацепила маску для сна и, ругаясь под нос, обмотав голову мокрым холодным полотенцем, легла в кровать, в уютную пещерку балдахина.

Я быстро уснула.

Но позже... Меня что-то разбудило.

Сердце билось, как ненормальное. Я резко села в кровати. Вытащила беруши. Мне послышались снизу какие-то звуки... Я не могла даже предположить, *что* это было – тихое, хлюпающее, странно чавкающее, – но мне стало так страшно, что я буквально оцепенела.

Долгое время я сидела в кровати, не решаясь даже пошевелиться. Потом все затихло. Я понимала: нужно проверить, что там происходит.

Дрожащими руками я зажгла свечу. Потом медленно, на цыпочках, вышла из комнаты и двинулась по толстым коврам второго этажа к лестнице... Замок Зайверино стоит практически на пляже. В окна светила полная луна, море вдалеке угрожающе перекачивало темные ночные волны.

Снизу не доносилось ни звука. Мне казалось, я иду сквозь плотное море страха и колдовства – каждый шаг давался с трудом. Чем ближе была лестница, тем отчаяннее что-то во мне кричало: «Плохое! Случилось что-то действительно плохое!» – хотя внешне ничего не менялось.

Интуиция, обоняние, аналитика – не знаю, что было тому причиной, но перед тем как спуститься вниз, я завернула в кабинет герцога Торчергуда и, вытащив почтового ворона из клетки – он трясся, как на холоде, – послала с ним записку в отделение городской стражи. В ней было всего одно слово – «Помогите!».

А потом я все-таки спустилась. И, пройдя темный коридор, приоткрыла дверь Малой гостиной.

То, что я увидела, останется со мной до конца жизни. А может, и дальше – в беспросветном океане космоса, в каждой частичке всепронизывающей энергии бытия.

Гостиная была залита кровью и колдовством.

А все мои друзья – мертвы.

Все.

Спирали светящегося ядовито-зеленого тумана бродили по комнате, как приглашенные зрители, выхватывая то изломанную фигуру Кашфиэля со свернутой головой, то растерзанное тело Фламберга.

Когда я увидела, что стало с Клариссой, меня затошнило.

Везде были следы бурного праздника. Душно благоухали лилии в высоких вазах. На столе, уставленном яствами, дымились благовония и лежали книги: потрескавшиеся кожаные переплеты, шелковые ляссе. Гранатовые косточки были рассыпаны на каменных досках. Ладан, терпкий, немного хвойный, раскачивался в серебряном сосуде над столом. В разожженном камине тлел пучок дурмана. Через спинки стульев были перекинuty ткани с серебряными вышивками... На них было что-то написано...

Слезы застилали глаза, я схватилась за угол стола, пытаюсь не упасть, и с трудом сфокусировала взгляд на ближайшем полотне.

Святая Селеста, снизойди!

Святая?... Селеста?...

Финна, что ты наделала?

Кого вы вызвали сюда?

Из моей груди вырвалось короткое рыдание, и я рухнула на пол рядом с Клариссой. Как в бреду, не понимая, что делаю, я пыталась прикрыть ее страшные раны, собрать ее обратно.

Меня мутило. Где-то там, глубоко внутри, я знала, что мне надо встать, что нельзя ничего касаться, надо уйти – здесь некому помочь, здесь может быть опасно.

Но я просто не могла остановиться. Я видела, что случилось, – и не верила. Я безмолвно перемещалась от одного к другому: Шейла... Рори... Нахаби, боги, Нахаби...

Я садилась возле их тел, перебирала их волосы и беззвучно шептала: *вернитесь, вернитесь*, – мне хотелось трясти их, умолять, кричать, но голос пропал так же, как и все мысли.

В замке стояла гудящая тишина, но... Вдруг ее прервало странное, хлюпающее чавканье, как то, что разбудило меня. Я застыла, чувствуя, что меня буквально пригвоздило к месту. Я моргнуть не могла, не то что шевельнуться.

Чавканье прекратилось. Зеленый туман снова качнулся, обнажив дверной проем в дальнем конце зала, а за ним – мертвое тело Финны.

Подруга лежала в следующей комнате – на полу среди цветов и свечей. Ее платье тлело, кончики пальцев были покрыты копотью, остекленевшие глаза смотрели вверх, рот раскрылся в безмолвном крике.

А над ней сидел студент-теолог Дерек, так понравившийся мне на днях.

На мгновение я задохнулась, решив, что он тоже только что пришел, что пытается помочь. Но затем мое сердце как будто бы вышло, хлопнув ребрами: Дерек поднял лицо, и я увидела, что его губы и зубы испачканы кровью, а у Финны на шее – дыра.

Вот тогда я завизжала. Я визжала так, что у меня немела гортань, а стекла в высоких арочных окнах замка мелко тряслись.

Дерек зарычал, задрав верхнюю губу, и медленно поднялся во весь рост. Он выглядел... странно. Человеческое тело, человеческие глаза, но в то же время – что-то дикое проступало за ним, стояло как будто тень, обнимая за плечи. В руке Дерек сжимал столовый нож.

Оцепенение, завладевшее мной до этого, спало.

Я развернулась и бросилась прочь из гостиной. По счастью, некоторые комнаты в Зайве-рино имели внешние замки – я лихорадочно накинула цепочку на дверь и что есть силы припустила к главному холлу. Сзади раздался звериный рык, два удара, глухой треск – и вот уже Дерек уверенно шагал по лакированному паркету.

– Не надо бежать, дорогая. Нас ждет прекрасный вечер, – со смешком сказал студент. Его сытый голос разносился по холлу, будто усиленный заклинанием.

Я всхлипнула и всем весом навалилась на входные двери замка. Они распахнулись. Я выбежала на крыльцо и сломя голову понеслась прочь по песчаной дороге. Мне бы бежать в сторону города, но я знала, что те ворота заперты на ночь. А вот дорога на пляж – свободна. Я стрелой летела туда.

Свеча у меня в руке давно потухла, и я бежала впотьмах, только редкие замковые фонари давали какие-то ориентиры. Все небо было затянуто низкими грозовыми тучами. Землю как будто расплющило под весом небес, море выглядело бурлящей смолой, береговые сосны казались щепками, которые сейчас раздавит и сломит. Ни звука. Птицы молчат. Цикады умолкли. Ветра нет.

Вдруг раздался удар грома... Мгновение спустя – вспышка молнии, разорвавшая небо до самого горизонта.

– Дорогая-я-я-я... – издевательски пропели сзади в воцарившейся тишине.

Гораздо ближе, чем мне бы хотелось: Дерек стремительно сокращал расстояние. Снова гром. Снова молния. Черное море, как будто бы вставшее на дыбы. Хриплый хохот.

Я вдруг с отчётливой ясностью поняла: я сейчас утоплюсь. Что угодно, лишь бы *это* не нападало на меня. Лишь бы не разорвало, не сожрало, не выпотрошило, как Клариссу...

До воды оставалось пять шагов, когда мой преследователь ухватил меня за плечо.

– Я же сказал: *не надо бежать*, – прорычал Дерек, дергая меня на себя.

Сжав мне челюсть, будто животному, он провел носом по моему лицу, принюхиваясь, оценивая. Кровь моих друзей, стекавшая из его рта, оставалась на моих щеках и губах.

– Пожалуйста... Отпусти... Пожалуйста... – пыталась бормотать я.

Дерек лишь рассмеялся, а потом толкнул меня на песок. Я хотела уползти, встать, вывернуться, лягнуть его – севшего на меня сверху, перевернувшего меня лицом вниз, – но он был гораздо сильнее и быстрее.

Гораздо.

Нечеловеческая сила.

Дерек одной рукой надавил мне на голову, заставляя захлебываться песком и слезами. А второй... Стал резать мне спину столовым ножом, взятым из замка. Разорвав рубашку, он рисовал на мне *что-то*, одновременно тихонько мурлыча под нос.

Я орала. Я плакала. Я молила богов прийти и спасти меня.

Потом – убить.

Но богам было плевать.

Я все еще продолжала бороться, но уже как-то устало, заранее зная, что проиграла. Я не понимала, что происходит и зачем, просто хотела, чтобы это закончилось. Чтобы не было этого мурлычащего пения. Этой боли, омерзительного запаха крови.

И вдруг в поле моего затуманенного зрения появился еще один человек.

Он вывалился прямо из моря: черное на черном, такое странное в искаженном электрическом свете молнии. Человек был мокрым с головы до ног, вода стекала с него, и влажные волосы облепили лицо. Он сорвал с лица маску, похожую на медузу, и уперся руками в колени, приходя в себя.

– Чтоб вас, – наверняка сказал он. Шторм бушевал у него за спиной.

Грохот. Вспышка. Мурлыканье. Нож.

– Ты такая красивая, – шепнул Дерек, ведя лезвием мне вдоль хребта.

– Спасите! – заорала я.

Незнакомец вздрогнул и обернулся.

И вот – в момент крошечной темноты между молниями – он рванул к нам. Прыгнул на Дерек, сбивая его с меня. Я тотчас вывернулась, пнула наугад. Дерек взревел.

Вспышка молнии. Нож, упавший на песок. Дерек толкнул незнакомца с такой силой, что тот отлетел на прибрежные камни, но тотчас вскочил и вновь бросился в драку, как мелкая злая ящерица. Я нащупала нож на песке – он был весь липкий. Моя спина – одна огромная рана, глаза застилала кровавая пелена. Пошатываясь, я поднялась и кинулась вперед: Дерек уже повалил моего неожиданного спасителя и теперь готовился сделать с ним что-то плохое. Но я была быстрее.

Я напала со спины, вложив в удар всю силу и ярость. Дерек дернулся и взревел, разворачиваясь, отшвыривая меня в воду одним мощным ударом, – но нож оставался у него в боку. Шустрый незнакомец тотчас перехватил рукоятку и, выдернув оружие, нанес еще удар. И еще. И еще.

Несмотря на раны, Дерек не становился слабее.

Я, захлебываясь приливом, схватила какой-то камень и что есть силы ударила Дерек по виску. Мерзкий звук. Ему было плевать. Я продолжила бить. Он хохотал, хотя его голова стала кашей.

– Идиоты, – смеялся он, душа незнакомца. – Идиоты.

И вдруг на пляже зажглись маг-фонари городской стражи. Топот, крики, свист, грубая ругань – все это показалось оглушающим и неуместным.

Дерек внезапно отпустил чужака.

От него будто отошла какая-то тень – хотя, возможно, это свет фонаря, смешавшийся с морским туманом и ужасом, застилающим мои глаза, дал такой эффект.

– Всем лечь! Руки за голову! – орали стражи, приближаясь.

Я и собиралась так сделать, но вдруг Дерек, все еще перемазанный кровью – моей, своей, чужака – рухнул на песок и жалобно закричал:

– Помогите!.. Они убивают меня!.. Мое лицо!.. Помогите!..

Я потеряла дар речи от такого поворота. А мой спаситель вдруг, ругнувшись, сипя и кашляя, выполз из-под Дерека и бросился прочь, и не думая останавливаться по приказу стражи. Ему в спину понеслись стрелы, но в темноте он ловко исчез между прибрежных сосен.

Гром. Вспышка.

Наконец хлынул дождь...

Дальнейшее было скомканным и окрашенным сплошь в багровые тона. Кажется, я потеряла много крови – когда стражи приблизились, мои ноги подкосились, и я просто отключилась.

А очнувшись я в камере для преступников. Меня колотило, температура была высочайшей, я ничего не соображала. Вся спина пульсировала и горела. Я смутно помню, как меня допрашивали, как орали, что это я убила их – десять студентов, включая изуродованного Дерека, который на пляже умер от ран, повторяя, что я вытащила его из замка и напала на него с каким-то парнем, вылезшим из воды.

Я пыталась объяснить стражам что-то, но у меня плохо получалось. Единственный мотив, который я запомнила, – это повторяющаяся мысль о том, что я сумасшедшая и завистливая «беднячка», «драматургическая душонка», которая «тусовалась среди знати», и поэтому, вероятно, «исходила завистью» – и однажды слетела с катушек.

– Вы не понимаете... Они провели ритуал, они вызвали кого-то, какую-то сущность...

– Гребаные студенты! Накуритесь какой-то херни, а потом давай жрать друг друга!

– Я никого...

– У тебя на губах чужая кровь, идиотка! На пальцах – кишки! Везде – твои отпечатки! Колдуны изучили замок, там не было признаков никаких темных сущностей! Никого друзья твои не вызвали: это все ты сделала, завистливая маленькая сучка, это ты их убила со своим напарником!

– Мне нужен адвокат, – бормотала я. – Я не буду говорить без адвоката...

Но адвоката мне не спешили предоставить. Я догадывалась, что весь Зайверино и вся западная Шэрхенмиста тогда ходили ходуном, потеряв столько молодых аристократов.

Дни шли за днями. Я металась в полубреду, мне отказывались вызывать лекаря, не разрешали никаких посещений. Позже я узнала, что тогда все ждали какую-то шишку из Правого ведомства, который бы занялся «Резней в Зайверино». Без него боялись начинать. До его приезда все встало на паузу, как в заклинании остановки дождя.

В моей камере было два окна: одно в стене и крохотное на потолке. Как-то днем вдалеке слышались крики, скандирование толпы, и вдруг в большом окне появилось множество искаженных яростью лиц. «Убийца!!!» – орали они и трясли решетки, и кто-то плюнул сквозь прутья, а кто-то – кинул нож, но не попал.

А ведь Дерека действительно убила я...

Прибежала стража. Толпу линчевателей разогнали, окно заколотили.

В окне на крыше целыми днями сидел черный ворон. Между своими галлюцинациями и снами я решила, что он – мой друг. Более того, что он – дух природы, ворон *лорли*, покровитель вересковых пустошей. Он был единственным маяком реальности в духоте кошмаров, наполнивших тогда Зайверино и мое сознание.

Кажется, именно то присутствие ворона толкнуло меня к двум вещам в будущем: к тому, что в дальнейшем я прониклась симпатией к духам-рёххам и теперь не прохожу мимо их святилищ без короткой медитации; и к тому, что потом я завела воронов дома.

Между тем ночью, примерно через неделю после Резни, когда я металась во сне на жестких нарах, замок в двери моей камеры неожиданно щелкнул. В узкой полоске дрожащего лунного света, проникающего в окно, я увидела того незнакомца с побережья.

Несмотря на спутанность моего сознания и болезнь, я сразу его узнала – эти бешеные черные глаза на треугольном лице. Я почему-то испугалась, что он убьет меня, но он только резко шикнул:

– Молчать! – пружинисто подпрыгивая ко мне и накрывая мне рот ладонью. – Я не причиню тебе вреда, пока ты не причинишь его мне – а у тебя на это сил не хватит. Надо двигаться отсюда, потому что ты не хочешь на виселицу. А они повесят тебя рано или поздно. Уж я-то знаю таких ублюдков. Сейчас я уберу руку. Крикнешь – потеряешь свой последний шанс. Ясно?

Я кивнула. Он убрал ладонь.

– Кто ты? Почему ты помогаешь мне? – пробормотала я.

– Да просто не люблю беспорядок, – процедил незнакомец.

Но тут он слукавил.

* * *

Когда мы выбрались, оказалось, что у незнакомца был еще и более прагматичный мотив, чем просто ликвидация бардака.

Он был чужеземцем – рабловцем. А у нашей страны есть магическая защита: чтобы чужак получил возможность свободно перемещаться по острову, кто-нибудь из народа шэрхен должен *авторизировать* его, прочитав ритуальное приветствие⁶. В теории это может сделать кто угодно, но, учитывая обстоятельства, у чужака было не много вариантов – весь Зайверино искал его, моего «сообщника». Так что он выбрал меня.

Незнакомца звали Мокки Бакоа. Он был вором в Рамбле и решил остаться им в Шэрхенмисте. А я с его легкой руки вором стала.

Но сначала мы просто пытались выжить.

Мои раны, жар, галлюцинации и кошмары. Его сломанные ребра, непривычность к суше, незнание острова. Как две разорванные тени, мы блуждали по лесам, скрываясь от стражи. Остерегались разжигать костры и в темноте сидели друг напротив друга, глядя исподлобья, хрипло дыша. Сигнальные огни облавы иногда подбирались так близко, что я молча плакала от бессилия и ужаса, а на изнанке век у меня облизывалась страшная фигура Дерека...

Кого вызвали мои друзья?

Просто – *кого*?

...Израненные и заблудившиеся, мы с Мокки добрались до Пика Грёз и спрятались там от целого мира.

Мы не доверяли друг другу, но остальные для нас и вовсе были врагами. Я иногда просыпалась от собственных рыданий, и Мокки молча протягивал мне воду. Он, бывало, во сне бормотал что-то очень зло, а потом начинал сам себя расцарапывать до крови – тогда я будила его.

Я учила его тонкостям шэрхенлинга и культуре шэрхен. Он добывал нам еду, находил места для ночевки, присматривался к городу, в чьих темных кварталах уже тогда хотел навести порядок.

Мне все время казалось, что за мной кто-то следит. Я боялась собственной тени, шарахалась от людей. Мокки был единственным, кому я позволяла прикасаться к себе – чтобы перевязать раны на спине.

– Они выглядят странно, – однажды, помолчав, сказал он. – Будто какой-то язык или шифр.

⁶ Размер «зоны прибытия» зависит от побережья. Где-то чужеземцам дается сто шагов, а где-то – пара миль вглубь острова.

Я хотела сказать: «Да, я тоже так думаю», но вместо этого... разрыдалась. Бакоа обнял меня и не отпускал до утра. Его объятия были похожи на тиски охотничьего капкана, но я не хотела, чтобы он разжимал руки.

– Чего ты хочешь? – иногда спрашивал меня Мокки, чья карьера Рыбной Косточки постепенно шла в гору.

– Я хочу безопасности, – честно сказала я.

– Ты в безопасности со мной.

Но я упрямо качала головой и не верила.

А однажды я сказала:

– Я хочу узнать, что это за шрамы у меня на спине. И убедиться, что *та тварь* больше не появится. Никогда. Нигде. Не причинит никому вред.

Мокки долго смотрел на меня, потом резко кивнул.

– Тогда за дело, – сказал он. – Я не оставляю тебя с этим одну.

И мы с ним стали исследовать разные магические традиции. Книги. Свитки. Артефакты. Что угодно, чтобы понять, что это за странные закорючки у меня на спине. Постепенно Мокки стал совмещать это с воровством в местах, куда мы ходили. Однажды я ахнула: «Это что, легендарный артефакт из сказаний Аврелианна?!» – «Да, – ответил Мокки. – Тебе он знаком?» Конечно, он был мне знаком по учебе в университете...

Еще через несколько ночей Мокки обвешался кирками, лопатами и отправился на кладбище. «Ты куда?» – «Раздобыть золотую чашу Парама». Я заволновалась. «Я хочу с тобой». Мокки не стал возражать.

– Мне кажется, или тебе нравится добывать артефакты? – еще пару недель спустя сказал он.

– Это как будто приближает меня к прошлой жизни, – призналась я.

Потом я сходила на подобное дело одна. Потом еще раз. И еще. Мокки занимался обычными кражами, а я – «историческими». Так я стала воровкой – авантюристкой, расхитительницей гробниц, как хотите, – которая специализируется на поиске древних артефактов.

Постепенно я стала профессионалом своего дела. Меня увлекло это. Поиски ключа к шифру на спине оставались такими же важными, но они были сопряжены с болью, ужасом, страхом, полностью не покидавшими меня *никогда*, тогда как авантюрная работа вызывала азарт и отвлекала. Воровство стало для меня пластырем, которым я пыталась заклеить свою рваную душу.

Иногда Мокки спрашивал меня:

– Чего ты хочешь теперь?

Я качала головой. Пусть жизнь и обрела новые краски, я все еще не чувствовала себя в безопасности, а пока ты не закрыл базовый уровень потребностей, невозможно тянуться к чему-то большему. Это так не работает.

Сам Мокки всегда хотел одного: свободы и власти над гильдийским кварталом. И шаг за шагом он добивался этого, пока не встал во главе братства Полуночи, подмяв под него заодно братство Сломанной отмычки и братство Скользких.

Два года назад произошло нечто странное.

Власти Зайверино объявили, что нашли Хэвергри Лайсо – то есть *меня* – и приговорили ее к смертной казни. Девушку успели повесить к тому моменту, как я прочитала об этом.

Я была в шоке. Я прибежала к Мокки. Он только недавно возглавил воров, его власть находилась под сомнением, но он все равно оставил братьев и сестер Полуночи на неделю – и мы направились в Зайверино, где взломали судебные архивы. Я раздобыла документы следствия, а Бакоа разговорил помощника судьи. Мы выяснили, что та девушка умирала от болезни и согласилась на такую сделку в обмен на щедрые выплаты ее семье.

– Это дело надо было закрыть, понимаете? Надо было закрыть... – всхлипнул клерк, привязанный к стулу, стоящему на краю крыши, с ногой Бакоа, упершейся в перекладину: легкий толчок – и...

– А родители Хэвергри Лайсо были на казни? – ласково уточнил Мокки, раскачивая стул на задних ножках.

– Нет. Они не приехали. Сказали – это не их дочь. Мы попросили... Попросили газеты сказать так: «Чета Лайсо отреклась от дочери-убийцы».

Я тихонько выдохнула.

Все эти годы я слала родителям анонимные письма, суть которых сводилась к тому, что я жива и однажды обязательно вернусь. Но пока – нельзя. Как и отправить мне ответную весточку.

– Что ж, теперь ты сможешь жить спокойно как Джереми Барк, – сказал Мокки, когда мы возвращались в столицу.

– Ничего подобного, – покачала головой я. – Теперь я еще сильнее хочу узнать правду.

Однако некоторым мечтам не суждено сбыться.

Несмотря на все старания, мое исследование не продвигалось ни на йоту. Я не смогла ничего узнать ни об ошибках в ритуалах вызова, ни о сущностях, подобных той, что вселилась в Дерека, ни о шрамах на своей спине – которым уделила особенно много времени.

Иногда мне начинало казаться, что мой поиск бессмысленен, а это действительно просто раны.

Просто темный образ, поглотивший Дерека, *получал удовольствие*, терзая свою последнюю жертву. Серверуя меня, разрезая нежную белую кожу перед тем, как испить кровь, выпотрошить мое тело и облизнуться.

Ведь он слишком торопился с моими друзьями – был ненасытен и голоден. Он убил их, урча, жадно глотая горячую кровь в окружении лилий, в полчаса – одним махом, одной сумрачной тенью – перерезал десять звенящих жизней. Когтем подцепил и выбросил.

Финна

Кларисса

Фламберг

Каифиэль

Патрик

Шейла

Рори

Нахаби

Лофин

Дерек

Я вас помню.

Я помню вас.

Я не забуду...

13

Шмоточки

Ulcera animi sananda magis, quam corporis.

«Душевные раны лечатся труднее телесных».

– Джерри. Джеремя. Барк. Госпожа Джеремя Барк. Мать твою четырежды за ногу левым способом, да хватит уже дрыхнуть, воровка!

Кто-то мягко щекотнул меня пальцами по шее – очень неожиданно и гуманно после таких-то слов. Я думала, Тилвас меня тряхнет или пнет, ан нет.

Я открыла глаза и тотчас сурово нахмурилась. Мы больше не были в склепе! Мы находились под стеной замка, на улице. Еще точнее – я живописно раскинулась под розовым кустом, а Тилвас Талвани – невероятно грязный, уже без таори, только в рваной черной тунике – сидел рядом со мной, вертя в руках статуэтку белого лиса. На запястье у него висело несколько мешочков – явно с ценными камешками, прихваченными из склепа. А судя по звукам музыки и хохоту издалека, на противоположной стороне замка все еще продолжался праздник.

У меня же было такое ощущение, будто прошло лет сто, не меньше.

– Как мы здесь оказались? – не поняла я, резко садясь и сбрасывая руку артефактора со своей шеи.

– Я нас вывел. Ты, конечно, тяжелая, но не настолько, чтобы тебя не дотащить.

– Сам ты тяжелый, – поморщилась я.

– Я еще тяжелее, да. Особенно характером, – улыбнулся аристократ.

– А что с цавраску?

– Ничего.

– В смысле – ничего?

– Я ее убил. – Его серые глаза оставались абсолютно безмятежными.

У меня челюсть отвисла.

– Как? – только и спросила я.

Он прищурился:

– Тебя технические подробности интересуют? Или это просто способ показать, что ты шокирована? Если первое – что ж, и такой артефакт у меня тоже нашелся. Если второе – я польщен столь бурной реакцией.

– Но ты... Подожди. Ты ранен?

Я вдруг поняла, что все эти бурые пятна, покрывающие лицо и руки артефактора, – это вовсе не грязь.

– Нет. Я не ранен. Тебе показалось.

– А откуда дыры на тунике?

– Сам на груди разорвал – победу праздновал, – на полном серьезе сказал Тилвас.

Я хотела еще что-то спросить, но тут меня резко повело вбок из-за головокружения – сказывались последствия яда цавраску. Я невольно прилегла обратно под куст, изо всех сил делая вид, что так и было задумано, а Талвани нахмурился:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хуже, чем хотелось бы.

– То есть возвращаться на праздник и вновь танцевать мы не будем?

– Грязные и обвешанные краденым добром-то?.. Да, это было бы триумфальное появление, что уж тут сказать.

– Я люблю эпатаж.

– Я заметила, – пробормотала я, вновь прикрывая глаза.

Держать их открытыми было невозможно: посмотришь вправо – там неуместно красивая рожа Тилваса, посмотришь прямо – звезды, ходящие ходуном, а слева вообще какая-то обшарпанная стенка. Совсем не то, что требуется умирающему человеку.

– Понятно, – вздохнул артефактор.

Я не успела спросить, что именно ему там понятно, как он сгреб меня в охапку, поднял, установил условно вертикально и эдак по-братски закинул мою руку себе на плечо.

– Идем-идем, – подбодрил Тилвас. – Надо добраться до места встречи с Мокки, а там уже туда-сюда, завалимся в какую-нибудь карету – и домой. Точнее, в гостиницу. Несколько часов не пройдет, как окажешься в кровати. Закажем тебе чай – или что там приболевшая преступность хлещет – накроём этим мерзким одеялом с гусиными перьями... И жизнь наладится.

Голос у него был на удивление дружелюбный. Даже странно.

– Гхм, – пробормотала я, плетясь вслед за аристократом вдоль замковой стены. – Ты что, провинился в чем-то, Талвани? С чего такой милый тон?

– Да я вообще ничего так, – мгновенно отозвался Тилвас.

– А если серьезно?

– А что, я должен был бросить тебя в склепе и свалить, предварительно пнув сапогом в живот?

– Скорее доканывать подколками без передыха.

Талвани открыл рот, чтобы что-то сказать, но потом резко захлопнул его. Продолжая поддерживать меня и упрямо тащить по хрустящей гравийной дорожке, он элегантно движением убрал волнистые волосы набок, прикусил губу, явно над чем-то раздумывая, а потом, поколебавшись, все-таки протянул:

– Если коснуться человека, который видит иллюзии, насланные цавраску, то ты тоже увидишь.

Я аж подпрыгнула, что по меркам моего тогдашнего самочувствия было долбаным чудом.

– Нет!..

– Да.

– И ты... ты посмел, – мой голос дрогнул, – тронуть меня? Залезть в мою голову? В мой – лично мой, будь ты проклят, Талвани! – кошмар?!

Кровь отлила от моего лица. Тилвас взглянул на меня исподлобья.

– Я думал, что смогу помочь тебе. Мне очень жаль, что с тобой такое случилось... Хэвергри Лайсо.

Я смотрела на него, чувствуя, как в груди набатом колотится ярость. Моя рука невольно скользнула к плечу и спине – старые шрамы разболелись после видения. Мне хотелось убить Тилваса Талвани, закопать его, придушить за то, что он стал свидетелем произошедшего... Я почувствовала, как у меня задрожали губы, будто перед плачем. Тилвас галантно отвел взгляд.

– Я не хочу говорить об этом, – прошипела я. – Ты слышишь, Талвани? Не вздумай меня расспрашивать, или сочувствовать мне, или «припоминать»: а, дескать, резня в Зайверино, я слы-ы-ы-ышал, ух ты, ух ты, да ты оттуда, дорогая?.. Я не намерена обсуждать это, как-либо дискутировать об этом, ставить, мать твою, автографы или что-то вроде. Не вздумай даже заикаться на эту тему. А если ты попробуешь выдать меня властям – хоть мысль об этом допустишь, хоть замечтаешься на секунду, – я найду тебя где угодно, Тилвас Талвани, и поверь: тебе это совсем не понравится. Ты понял меня, аристократ? – зашипела я, крепко хватая его за тунику и приближая свое лицо к его лицу.

Тилвас остался серьезен и спокоен. Меня колотило от стыда и ярости.

Преимущественно от стыда. Я не слабая. Я не жертва.

Меня

не надо

жалеть.

Тилвас, не отрывая от меня бесстрастного взгляда и не пытаясь высвободиться, кивнул. Мы были так близко, что я почувствовала между нами напряжение, какое возникает между двумя магическими сферами – или ладонями, если перед этим их хорошенько, до жара, потереть друг о друга.

Несмотря на мои угрозы, Талвани продолжал поддерживать меня. Глупый Тилвас. Зачем удерживать от падения того, кто готов перегрызть тебе глотку? Отпусти – будь нормальной среднестатистической сволочью, ну. Не ломай шаблоны.

– И никаких больше грустных физиономий, пока мы не закончим с нашей миссией, – продолжала диктовать я условия, подтягивая его за ворот еще чуть ближе. – Все, давай расчехлай свое ехидство и легкомыслие! Быстро! Живей, Талвани! Ты ничего не слышал. Ты ничего не знаешь. Я – несносная воровка, которая тебя бесит аж до дрожи. Ясно?

Он снова серьезно согласился. На дне его глаз мне виделись волны далекого моря: спокойные, вечные, безмятежные.

А потом Тилвас моргнул и... сделал все ровно по заказу. А именно – криво, бестолково ухмыльнулся:

– Предельно ясно, леди, – фыркнул он, панибратски меня обнимая. – Но поддерживать-то я тебя могу, воровка? Я имею в виду, физически. Ты, кажется, сейчас упадешь из-за количества яда в крови.

Это правда: меня шатало, будто мачту на ветру.

Вскоре мы углубились в лесную чащу – все еще территория замка, но уже тихая, благообразно-полуночная. Постепенно меня перестало колотить, вернулось спокойствие. Впереди показался небольшой лесной источник с установленным возле него причудливым фонарем в виде цветка и музыкальными чашами, подвешенными к деревьям на нитках. Именно тут мы должны были встретиться с Мокки Бакоа.

– Мокки про цавраску говорить не будем, – решила я. – Не хочу, чтобы он знал, что ты в курсе нашей истории. Боюсь, он просто тебя прикопает прямо тут – и все.

– Хм. Спасибо за заботу, но мне кажется, твой друг не настолько идиот, чтобы не заметить, что ты какая-то вялая, – вскинул брови Тилвас, поудобнее перехватывая меня, чтобы я не грохнулась.

– Скажем, что просто головой стукнулась.

– В детстве, ага.

Я застонала от нового приступа слабости, и Тилвас, критически цокнув языком, позволил мне элегантно возлечь на землю у фонаря. Лежать рядом с бегущей водой было приятно. Я смотрела на темное отражение: в нем виднелась бледная горизонтальная я и задумчивый Тилвас, стоящий рядом и барабанивший пальцами одной руки по локтю другой.

Судя по залегшей между бровей морщинке, он думал о чем-то настолько напряженном, что не шло ни в какое сравнение с думами предыдущих дней.

Наконец он вздохнул:

– Джерри, я полагаю, пришло время нам немного пересмотреть наши...

Но не успел он договорить, как ветки деревьев качнулись, и в речной рамке появилось еще одно действующее лицо.

* * *

А именно – тень Мокки Бакоа, бесшумно выступившего из-за деревьев.

Мокки шагнул к Тилвасу сзади и двумя руками ухватился за горло артефактора.

– Что. Ты. Сделал. С. Джерри? – очень тихо и ну о-о-о-очень нехорошо прошипел воровской мастер, сжимая пальцы сильнее.

Тилвас булькнул. Секунда потребовалась мне, чтобы осознать, что это обо мне так несвоевременно заботятся.

– Да я просто головой ударилась!

– Она просто головой ударилась! – синонимично прохрипел Талвани.

Мокки прищурился, становясь похожим на ящерицу, и отпустил пальцы, от которых на шее аристократа осталось аж десять мутных пятен.

Только теперь я заметила, что Мокки выглядел слегка специфично. А именно: у него на шее, поверх черного гильдийского комбинезона, болталось шикарное кольцо, сверкавшее в свете взошедшей луны.

Редчайшие эльфийские бриллианты, с ума сойти.

– Я так понимаю, кража удалась? – резюмировала я.

Мокки в ответ молча раскрыл передо мной пальцы веером. На каждом было по перстню с впечатляющим камнем.

– Что у вас? – отрывисто спросил вор.

– У нас – хорошие манеры, – процедил Тилвас, гневно проводя ладонью по свежим отметинам.

– И яйца, – сказала я.

– Что? – не понял Мокки.

– Яйца. Перепелиные. Хочешь?

– Она прямо сильно стукнулась, не обращай внимания, – вздохнул Тилвас. – Хотя, возможно, с тобой как раз на таком языке и надо? Минус десять пунктов интеллекта, и все сразу становится понятнее.

– Грохнуть бы тебя, но я слишком жаден. Так что искренне предупреждаю: как заплатишь мне за работу – вали из города подальше, аристократишка, – прошипел Бакоа, подходя ко мне и помогая подняться.

– Хм... Я одного не понимаю: как так вышло, что вашу якобы настоящую столицу держит шпана с расстроенной психикой? – цокнул языком Талвани.

Мокки замер. Я услышала, как он отчетливо скрипнул зубами. Его руки на моей талии напряглись, и... В следующее мгновение все пошло прахом.

...Наверное, мы все просто устали к этому моменту. Вчерашний день был долгим. Сегодняшний – тоже долгий. Про ночь я вообще молчу.

Так или иначе Мокки неожиданно зарычал и бросился на Талвани, отпустив меня на безжалостную волю гравитации. Тилвас охнул, каким-то чудом уклонился и поставил вору подножку. Я едва успела подняться, как тут Мокки рухнул и ударил по колену уже меня – я упала на Тилваса, мимоходом рубанув его по кадыку, – Тилвас взвыл и негодуя вцепился мне в плечи в стиле «Как ты смеешь?!», и мы оба сверху грохнулись на Мокки Бакоа, издавшего сдавленный хрип.

...Небо над лесом расцветилось фейерверками: это в замке до кульминации дошла свадебная церемония. *Клянусь быть с тобой единым целым, пока смерть не разделит нас*, и все такое.

– Идите к гурху, – пробормотала я, закрывая глаза.

По всем драматическим канонам мне нужно было упасть в обморок, но три обморока за неделю – это немного слишком. Так что я просто лежала пластом, не реагируя на внешние раздражители, и позволила этим двоим переругиваться, скидывать меня на землю, потом поднимать и ворчливо тащить куда-то, обсуждая мое «слабое здоровье».

А что?

Неплохая оказалась тактика.

* * *

Вскоре таким образом мы вырулили к тайнику, где лежала заранее припасенная сменная одежда и сумка для драгоценностей. Дурацкий яд цавраску продолжал волнами перекачываться у меня в крови: мне становилось то немного лучше, то гораздо, гораздо хуже. Общая слабость не покидала, и к ней добавилось мерзкое жужжание в ушах: комары в мозгу, бабочки в животе, ну что ж такое-то.

Пока я мучительно долго ковырялась с переодеванием, а Мокки хмурился, уточняя, точно ли я сама ударилась, а не эта каланча меня головой обо что-нибудь приложила, упомянутая «каланча» удалилась в кусты, а вернулась с каким-то белым, светящимся в темноте цветочком.

– Это тебе, – сказал Талвани. – Конечно, обычно я преподношу девушкам цветы в букетах, но сегодня получается вот так. Пожуй лепестки, они помогут с шумом в ушах.

После этого нас ждала долгая и неприятная дорога через чащу – мы не собирались возвращаться в гостиницу, с которой начали, предпочтя вместо этого добраться до лесного городка Шга'Нчаух, располагавшегося с другой стороны от Леса лжецов.

На рассвете мы сумели поймать случайный кеб: сегодня они катались тут и там, надеясь на праздничных пассажиров. Для кебмена Тилвас и Мокки разыграли великолепную сценку, которая была призвана как-то объяснить наше неурочное присутствие в этой части леса.

Легенда заключалась в том, что мы были крестьянской компанией – парень с девушкой и их младший братишка (Мокки), которые надеялись пробраться на свадьбу в замке, но их турнули прочь, предварительно сыпанув немного золотых, – щедрость во время праздников считается хорошей приметой.

Кебмен поверил и всю дорогу до города расспрашивал нас о свадьбе. Мокки угрюмо молчал, я жевала цветок, пребывая в полубессознательном состоянии («Мухоморов наелась», – объяснил Тилвас), зато сам Талвани разливался счастливым соловьем, живописуя свадьбу – «вид из-за забора».

К вечеру кучер выкинул нас у какого-то амбара, игравшего роль нашего дома. Едва он скрылся за поворотом, как мы перестали махать ему. Мокки скинул с плеча мешок и вручил нам еще другую одежду.

– Снова переодеваемся, – велел он.

– М-да, – цокнул языком Тилвас. – Мое главное открытие за последние несколько суток: основная часть работы воров – наряжаться. Кто бы знал, что вы такие шмоточники.

На сей раз Мокки вновь надел воровской комбинезон, я оказалась в наряде усталого торговца-мужчины с обвисшими усами, а Тилвас – в костюме шута-черной-птицы.

Это аристократу не понравилось.

– И к чему такой выбор? – хмуро спросил он, поднимая руки, от которых вниз убегала имитация черных крыльев.

– В таком антураже твой амулет незаметен, – пожал плечами вор. – Скажешь, что работал на празднике клоуном, а кеб взял пополам с господином торговцем, чтобы дешевле вышло, – и Мокки издевательски подмигнул аристократу. – Заходите в гостиницу с главного входа и снимайте комнаты. Я через окно приду, незваным гостем.

– К кому из нас?

– В пустой номер, естественно, – осклабился Мокки и растворился в темноте.

В гостинице при помощи Тилваса я кое-как добралась до спальни.

– Чай, кофе, еще могильный цветок или, может, душевные разговоры? – на прощание предложил артефактор, глядя на то, как я большим чугунным ключом едва нащупываю скважину.

– Я сейчас сдохну, какие разговоры?.. Стоп. Ты сказал могильный цветок?! Я ела могильный цветок?!

– Да, там кто-то был прикопан в лесу, кажется. Но ведь помогло?

– Напомни мне такие на твоей могиле посадить, артефактор, когда я или Бакоа тебя все же пристукнем.

– Какие же вы оптимисты, а, – фыркнул Тилвас.

Я зашла в комнату и рухнула на кровать в изнеможении.

* * *

Однако мне не дали как следует выспаться.

Северный крест

Capienda rebus in malis praeceps via est.

«В беде следует принимать опасные решения».

Окна гостиницы украшали раздвижные бумажные панели с рисунками журавлей, танцующих на болоте: они скрывали происходящее внутри от любопытных глаз, но, даже задвинутые, пропускали свет. Так вот за этими панелями все еще было темно, хоть глаз выколи, когда за дверь моего номера послышался разговор.

– Торговец остановился здесь, а шут – вот там, – тихонько сказала хозяйка гостиницы.

– Отлично. Ключ. И выматывайтесь отсюда, – потребовал неприятный мужской голос.

Надо сказать, что каждый вор обладает тремя очень хорошими умениями: чутко спать, мгновенно просыпаться и приходить в полную боевую готовность при любом подозрительном звуке. Так и тут: к тому моменту, как дверь открылась, я успела бесшумно спрыгнуть с кровати и метнуться в угол комнаты на огромный сундук – примитивная засада.

В мою спальню ввалилось сразу двое наемников. Они прямоком бросились к постели, одеяло на которой топорщилось, будто под ним кто-то есть, и, не мудрствуя лукаво, рубанули по нему топорами.

Класс.

Доброе, чтоб тебя, утро.

– Здесь пусто, шеф! – взревели наемники, увидев вместо крови лишь кучу гусиных перьев.

Их предводитель, оставшийся в коридоре, что-то ответил, но его слова заглушили вопли и грохот, раздавшиеся из соседней комнаты.

Итак, несмотря на то что мы далеко забрались, нас с Тилвасом каким-то образом выследили и вновь пытаются усекновить. Радует одно – это не ассасины из Алого братства, а обычные громилы из злочных районов. У них больше мышц и меньше мозгов – довольно оптимистичный прогноз для жертвы.

Наемники обернулись от кровати, и перед ними предстала я во всей красе – сидящая на сундуке. Я спрыгнула с него, одновременно прокручивая перстень на безымянном пальце – он выпускает несколько очень ярких, дезориентирующих лучей света.

Выиграв этим еще пару секунд и получив много нелестных слов в свой адрес, я прошмыгнула в ванную комнату. Там было узкое прямоугольное окно – я ввинчусь в него, а вот наемники вряд ли.

Крики в соседнем номере стали громче, все здание легонько трянуло.

Я запрыгнула в ванну и целомудренно задвинула за собой ширму. Потом одной рукой схватила фарфоровую лейку для душа, второй – открыла окно. Первый наемник влетел в комнату и бросился ко мне, снося ширму, как ненужную декорацию. Я встретила его горяченьким шоу: резко провернула кран и обдала нахала бодрящей порцией кипятка в лицо. Он с вскриком отшатнулся, я перевела душ ему под ноги. Мужик поскользнулся на мокрых плитках и стал падать назад – на своего появившегося в дверях коллегу. Оставив их разбираться друг с другом в слишком маленькой ванной, я ухватилась за оконную раму, подтянулась и угрем выскользнула наружу.

Помню, с вечера под гостиницей стояла телега с сеном, и... Она все еще здесь! Идеально!

Приземлившись на кипу ароматных трав, которые мгновенно налепились мне на влажную кожу, я невольно вдохнула полной грудью – а приятно пахнет! Пряно, горьковато, бодрит не хуже нападения!

Потом я спрыгнула на землю и огляделась, оценивая обстановку в гостиничном дворе Шга'Нчауха. В свете двух фонарей у ворот и маг-сферы, болтавшейся над крыльцом, было видно много интересного...

Окно соседней с моей комнаты на втором этаже разбилось, и в него вылетело тело, грузно рухнувшее на землю и застонавшее. Внутри этой комнаты вспыхивали какие-то разноцветные огни и слышалось много брани, частично выкрикиваемой певучим голосом Тилваса Талвани. По острому коньку крыши легко и быстро бежал Мокки – будто на утреннюю прогулку вышел – и не успела я удивиться, какого гурха он там делает, как Бакоа помахал мне, ловко соскользнул к упомянутой комнате и впрыгнул внутрь.

Брань тотчас сменилась криками ужаса.

Так, я надеюсь, вор помогает Талвани, а не убивает исподтишка...

На крыльцо гостиницы выскочила испуганная хозяйка, окна тут и там распахивались, в них появлялись растерянные лица других постояльцев. Из разбитого окна на мгновение появился Тилвас:

– Джерри! – свистнул он и швырнул в меня статуэтку пэйярту.

Не успела я ответить что-нибудь значительное или просто спросить, как дела, как Тилвас с коротким вскриком исчез снова. Ладно. Будем считать, он просто предпочитает спускаться по лестнице, а не кто-то принудительно втянул его внутрь. Рассудив, что нам точно пора валить, я рванула к лошадям, взволнованно перетаптывающимся у ворот. Судя по всему, это были кони наших незваных гостей. Едва я успела отвязать их, как ко мне от главного входа с мрачной решимостью бросились мои «покинутые» наемники – мокрые, слегка ошпаренные и очень злые.

Я тоже была зла.

Эти идиоты разбудили меня до рассвета, да еще и настолько невежливо! К тому же я не успела забрать ни свои маг-свитки, ни кинжалы, и это меня откровенно бесило. И вообще: я вынуждена защищать свою жизнь и честь в трусах и майке, в которых спала! Какого гурха!

Наемники были уже близко, когда я, засунув статуэтку за пояс трусов, запрыгнула на лошадь и тотчас поднялась на ноги на ее спине. Привет, акробатика. Лошадь удивилась, но не успела сделать что-либо непростительное, как я прыгнула с седла еще выше – на один из двух гостиничных фонарных столбов. Он был выполнен в виде изогнутого цветочного стебля с маг-сферой в распускающемся бутоне и с приветственной табличкой «Добро пожаловать!», болтавшейся на цепях на изгибе. Теперь на табличке болталась еще и я, а подо мной скакали, ругаясь, преступники с топорами.

Я подтянулась и села на столб верхом. Наемники слегка растерялись, потому что швырять в меня тяжелым оружием было явно не оптимальной идеей (гравитация вернет топор обратно и все такое), а повторить трюк с лошадью они не могли хотя бы потому, что все пять коней теперь как угорелые носились по двору, слишком расстроенные происходящим.

Из окна гостиницы вылетело еще одно тело. Началась истерическая миграция ни в чем не повинных постояльцев к задней калитке.

Я отмотала от щиколотки трубочку со снотворным дротиком – ношу ее, привязанную тканью, как раз для таких экстренных случаев, – и одним плевком уложила более крупного наемника баиньки. Наемнику помельче моя помощь не потребовалась, так как одна из теней двора вдруг будто ожила, превращаясь в Мокки Бакоа, и мгновение спустя мужик уже смирно лежал в придорожной пыли.

– Где Тилвас? – спросила я, съезжая со столба.

Мокки молча указал пальцем вбок. Там господин Талвани каким-то образом умудрился поймать двух лошадей и теперь бежал к нам, держа их под уздцы.

– Валим, – коротко приказал Мокки, глядя на то, как из гостиницы выбегает последний наемник.

Незнакомец сильно хромал и пошатывался, но все равно был полон решимости поймать нас. А еще он был заклинателем.

Традиционное красное таори до колен выглядело потрепанным, но все же сидело на колдуне с иголки. Бусины ярко выделялись в светлых волосах, бледные глаза навывкате смотрели на нас холодно и жестко. Бровь пересекал короткий шрам.

Судя по всему, именно колдун был главным в шайке наших преследователей.

Он выкрикнул магическую формулу, руны, вышитые на его поясе, вспыхнули, в руках начала собираться воронка заклинания. Однако, когда готовое плетение полетело нам в спины, мы уже на полном скаку вылетели за резные ворота гостиницы. Я оглянулась и увидела, как один из двух уличных столбов с флагом осыпался черным пеплом.

Мы скакали прочь по предрассветным улочкам Шга'Нчауха: Тилвас на одном коне, мы с Мокки на втором. Наш невольный спектакль разбудил этот маленький каменно-деревянный город, и теперь, сообразно нашей скачке, тут и там зажигались огни в окнах, а придорожные фонари разбуженно вспыхивали оранжевым светом при нашем появлении.

– Какой план? – поинтересовалась я у своих спутников. – У них еще остались лошади, но у нас хороший отрыв. Поскачем в сторону столицы? Ты ведь успел взять колье, Мокки?

– Естественно, – рявкнул Бакоа и похлопал себя по груди: только сейчас я увидела, что под черной рубахой с капюшоном у него что-то топорщится. – Я спал в нем. Начинаю привыкать. Еще пару ночей вместе, и я вообще не захочу с ним расставаться.

Тилвас – взъерошенный и невыспавшийся – усмехнулся:

– Бакоа, мне кажется или ты за мной повторяешь в плане украшений? – и аристократ постучал пальцем по своему амулету-ворону.

Мокки явно хотел ответить ему что-то резкое, но вдруг над всполошенным городом Шга'Нчаухом поплыл страшный звериный вой... Яростный и голодный. Глубокий и хриплый. Он проникал в самую душу и выжимал ее, будто мокрую простыню, выдавливая слезы и мольбы о пощаде.

– Браксы!.. – выдохнула я, узнавая этот вой. Те же твари, которые гнались за нами с Тилвасом в Плачущей роще.

Наши лошади встали как вкопанные посреди переулка. Ночная темнота будто бы стала гуще, стены домов начали искажаться в перспективе, накрывая нас куполом.

Тилвас резко перестал улыбаться.

Один вой, второй, третий... Десяток звериных потусторонних голосов, стягивающихся со всех сторон. Наемники были не одни.

– Что за хрень это воет? – напряженно сказал Мокки.

Не успела я ответить ему, как Тилвас, скрипнув зубами, протараторил:

– Браксы – это темные призывные сущности, духи проклятых кладбищ, которых некоторые заклинатели умеют обращать в рабство, что бракам, естественно, не нравится. А они и без того не отличаются славным характером. Но сейчас не настолько важна их природа... – аристократ мрачно обернулся на нас. Лицо его в свете уличного фонаря опасно заострилось. – ...Сколько то, что у меня больше нет артефакта, который помог бы нам скрыться. А в бою с ними мы не выстоим. Поверьте.

– Тогда нечего трепаться! Гоним быстрее! – прошипел Мокки, подстегивая лошадь, но она не двинулась: стояла, крупно дрожа всем корпусом.

Вой стал ближе. Неба над нами практически не было видно из-за исказившихся домов – уж не знаю, было то магией браксов или чародея, вызывавшего их, но с пространством творилась максимально сюрреалистичная муть.

Гребаные колдунишки.

– Куда гоним, интересно? – саркастически поинтересовался Талвани, окончательно потерявший все свое великосветское обаяние и шуточки. – Я могу заставить лошадей поскакать, но, как видишь, город браксам не помеха. На равнине они догонят нас еще быстрее.

– Я видела указатель на оружейную лавку, – крикнула я. – Через два поворота налево. Тилвас, что нам пригодится в бою против этих тварей?

Он нервно рассмеялся.

– Увы, браксов может обуздать только магия, Джерри. Либо совместные силы нескольких заклинателей, либо магия еще более темная, чем та, которой наполнены сами браксы, такая, которой гончие банально испугаются... Вряд ли в Шга'Нчаухе кто-то владеет подобным колдовством... – к концу фразы Тилвас вдруг стал говорить тише и медленнее, будто напряженно вспоминал что-то – или лишился всяческих сил.

– Не вздумай падать в обморок от страха, артефактор! – рывкнул на него Бакоа. Тилвас только отмахнулся и жадно уставился на меня:

– Джерри, ты же у нас спец по легендарным местечкам. Монастырь Северного креста – слышала о нем?

– Конечно, – я нахмурилась, не понимая, с чего вдруг такой вопрос.

Новый вой браксов раздался так близко, что я невольно подпрыгнула в седле и тотчас почувствовала на своем плече тяжелую ладонь Бакоа: *не дергайся, не вздумай выпасть, замри.*

– Он же где-то рядом, да? – возбужденно забормотал Талвани, поглаживая своего коня по гриве так, что тот вдруг отмер, перестал трястись и даже удивленно переступил ногами. – Не так далеко от Шга'Нчауха?

– Да, но...

– Ты знаешь, как туда добраться отсюда? Сможешь привести нас? – Серые глаза аристократа вдруг блеснули каким-то странным, нездешним пламенем, и я прикусила язык, на котором так и вертелась тысяча вопросов и возражений.

– Смогу.

– Тогда, пожалуйста, сделай это, – широко, я бы даже сказала торжествующе, улыбнулся Талвани.

Потом погладил нашу с Мокки лошадь тоже, заставив и ее как будто очнуться от страха. Мы с Бакоа переглянулись, и вор сделал такую физиономию, типа: «Я удаляюсь из зала заседания, разбейтесь сами».

Что в принципе означало его пассивное согласие.

– Н-н-но! – хлестнула я лошадь, направляя ее вперед по переулку.

* * *

Наша гонка длилась долго.

Как это всегда и бывает, подскочивший уровень адреналина заставлял меня воспринимать время непривычным образом. Оно растягивалось, будто смоляная жвачка, и в каждую его секунду вмещалось куда больше событий, чем принято по стандарту.

Мы летели прочь из Шга'Нчауха.

Мир вокруг продолжал искажаться от колдовства, будто неведомый скульптор поливал песочный замок водой. Никто из нас не оборачивался, но, когда мы скакали по широкой каменистой долине к северу от города, в свете восходящего солнца стало видно, что нас догоняют узкие длинные тени... Браксы были нестерпимо близко.

Мы пересекли долину, потом чудом перескочили на лошадях какую-то расщелину, исходящую сизым паром (судя по краткому вою боли позади, кто-то из браксов в нее упал). Затем, поднимая шумные брызги, преодолели Плещойверо – по сути, огромную зелено-синюю лужу глубиной сантиметров тридцать, на картах обозначенную как озеро и таящую в себе множество загадочных цветов. Я очень боялась, что лошади поскользнутся, но обошлось. Что касается браксов, то, судя по всему, они слегка растерялись при виде Плещойвера – гончие явно отстали, но недостаточно для того, чтобы прекратить преследование. Потом я увела коней на извилистую горную дорогу... Над Шэрхенмистой медленно поднималось солнце – бледно-желтое, слабое, будто ему было плохо. Мне казалось, что еще немного – и наши лошади падут, но Тилвас иногда кричал им что-то на незнакомом мне языке – и они лишь еще ускорились.

Интересно. Он же сказал, что не может колдовать «в моменте»? Тогда что это за язык?

– Долго еще?! – поинтересовался Мокки. Всю поездку я чувствовала его присутствие – шутка ли, на одном коне едем – и это слегка успокаивало.

– Почти приехали!

– Хорошо, – резко кивнул вор. – А что это за монастырь?

– Скажем так: в любой другой ситуации я бы туда не совалась! – крикнула я.

И мы вывернули из-за острой графитовой скалы – последней в хаотичном лабиринте этой части гор. Я услышала, как Мокки удивленно буркнул что-то на дольном языке – наречии подводной Рамблы, – а Тилвас сзади ликующе гикнул.

Впереди, за огромным полем, поросшим пшеницей и васильками, клубились лиловые сумерки. Будто день вдруг начал угасать или неведомый художник случайно мазнул по пасторальному пейзажу темной кистью. Чем ближе к темноте, тем хуже обстояли дела у пшеницы: она жухла, колосья пригибались к земле, а дальше и вовсе валялись мертвыми сухими трупами, в воздухе мерцали огоньки с темными аурами, становившиеся все гуще и гуще. Фиолетовый сумрак был прозрачным, как драгоценное стекло островов Нохлиси, но пугающе-ледяным. В нем виднелись развалины древнего монастыря: несколько полуразрушенных зданий, разбитые арки, изуродованный фонтан и щербатая колокольня...

Это и был Северный крест.

Когда-то – оплот духовности и науки, сейчас – зона отчуждения, на которую не указывает ни один дорожный знак. Давным-давно Северный крест сгорел в страшном пожаре, после чего его решили не восстанавливать, а забросить.

Это было необычное решение для нашего педантичного народа: я подозреваю, что уже тогда жители монастыря почувствовали некую темную силу, захватившую Северный крест. И возможно – только возможно, уж простите мне мое драматическое мышление, – огнем они пытались очистить свой дом... Но не вышло.

Шли годы, и лиловая темнота поднималась от земли, заволакивала развалины. Монахи, жившие здесь, пошли по всем городам и везде планомерно стирали, вычеркивали и вымарывали свой монастырь из карт и атласов Шэрхенмисты. На все вопросы они отвечали: «Забудьте об этом месте, отдайте его темноте, лучше пожертвовать камни, чем души».

Но легенды и сказания о блестящем прошлом Северного креста – очень детальные, подробные, как и водится у архаичной лирики – остались. И благодаря им я знала, как его найти и как монастырь выглядит – выглядел раньше – внутри.

Мы на полном ходу приближались к Северному кресту. Я нервничала. Было видно, что там, в лилово-прозрачной темноте, развалины поросли крапивой и влажно-бархатистыми звездочками цветов.

На странном гортанном языке Тилвас снова крикнул что-то нашим лошадям, собравшимся было тормознуть перед первыми щупальцами сумрака. И кони, пусть и с явной неохотой, не стали замедлять свой бег.

– Ну спасибо. Меньше всего на свете я хотел попасть в наземную пародию на Рамблу! – с омерзением скривился Мокки, когда мы преодолели бывшие стены монастыря, сейчас – лишь длинные ряды камней.

И действительно, все вокруг напоминало морское царство. Воздух стал более тягучим и прохладным, как вода. От копыт лошадей во все стороны прыскали ящерицы и лягушки, в небе откуда-то взялась призрачная луна, в полном молчании восходившая над щербатыми стенами, под ступнями времени с тихим шорохом крошились камни.

Вой браксов сзади продолжался какое-то время, а потом резко затих. Кажется, Тилвас был прав, и наши преследователи не рискнули сунуться в монастырь.

Я натянула поводья, чтобы остановить лошадь, но аристократ гаркнул:

– Рано! – и, вырвавшись вперед, повел коня в самый центр развалин.

Только там Тилвас спрыгнул, затем дождался, пока спешимся мы с Мокки, и непрерываемо указал на железную крышку какого-то, кажется, подвала, едва видимую в густой траве у колокольни.

– Мокки, помоги мне открыть! Нам надо спрятаться! Быстро! – потребовал аристократ, двумя руками хватаясь за ржавую скобу.

– Псины отстали, в чем подвох? – проворчал вор, хватаясь за другую.

– Нет, Мокки, псины не отстали, – вдруг слабо промямлила я, обернувшись. – Просто *их едят*.

15

Здравствуй, Ори!

In aqua quieta aconitum truciус latet.

«В тихой воде таится более грозная отрава».

Как вы, возможно, догадываетесь, всё, что связано с пожиранием трепещущей плоти, вызывает у меня крайне негативные ассоциации и воспоминания. А у подобных эмоций есть одно плохое качество: они мешают здраво мыслить и сосредотачиваться.

Мне очень хотелось завизжать при виде того, как тучные тени, поднимающиеся от земли, обглаживают браксов, но я не располагала правом на такую роскошь. Так что я просто хлестнула наших лошадей:

– Бегите! Прочь отсюда, живо! – и Тилвас, как раз распахнувший свою створку люка, пронзительно добавил им что-то на своем колдовском языке.

Кони рванули – я надеюсь, им удалось убраться, – а мы, подгоняемые жутчайшей тишиной, изредка прерываемой слабым скулежом, один за другим скатились вниз по скрипучей лесенке. Тилвас, спускавшийся последним, захлопнул железные дверцы, и нас поглотила крошечная темнота.

Пару секунд мы молчали, и только хриплое дыхание разрывало воцарившееся безмолвие.

Потом я сняла свой Блистательный перстень, провернула камень на нем и положила на пол: несколько лучей света выстрелили во все стороны и слегка подсветили окружающее пространство. Судя по сводчатым потолкам, истлевшим полкам и терпкому аромату, мы находились в бывшем винном погребе монастыря. Воздух здесь, как и снаружи, был наполнен неясной зловещей силой.

– Лучше не повышайте голос, – шепнул Тилвас, напряженно всматривающийся в границу света и тени.

– Я правильно понимаю, – едва слышно, но крайне ядовито процедил Мокки Бакоа, – что мы, образно выражаясь, отгрызли себе руку, потому что нам мешал заусенец? Свалили от браксов в объятия чего-то более страшного? Умирать – так с размахом, да, аристократишка?

– Молодец, вор, твои когнитивные способности начинают меня радовать, хотя пессимизм удручает, – рассеянно отозвался Талвани и еще чуть подался вперед, будто вслушиваясь. – Я знаю, что делать. Все будет хорошо.

Я сложила руки на груди и слегка приподняла одну бровь.

– И что же нам делать? – бесстрастно уточнила я.

Тилвас в ответ бесцеремонно сграбастал меня за руку:

– Вам – немножечко подождать вот там... – пробормотал артефактор и уверенно потащил меня куда-то во тьму подземелья. Сохранять невозмутимое достоинство в таких условиях было сложно. Мокки, чертыхнувшись, двинулся следом за нами – причем задом наперед, не желая поворачиваться спиной к люку, ведущему на улицу.

Тилвас указал на самый угол погреба: каменный пол, какие-то истлевшие тряпки, кованный сундук. Причем при виде последнего Талвани резко втянул воздух ноздрями, издал удивленное восклицание и открыл крышку. Потом достал изнутри припыленную бутылку вина, обнюхал ее по кругу – это выглядело *очень* странно в исполнении долговязого аристократа – и вручил Бакоа:

– Мм, сливовое! А как хорошо сохранилось! Сидите. Пейте. Болтайте – только негромко. Ждите. Я скоро вернусь.

– Ты совсем больной? – в ответ вкрадчиво и даже как-то сочувственно поинтересовался Мокки. – Талвани, сволочь ты сухопутная, ты правда думаешь, что меня устроит полное отсутствие объяснений? Либо ты сейчас же рассказываешь свой гребаный план – и молись, чтобы он у тебя был, – либо я...

– Либо ты, – перебив, покорно согласился Тилвас.

А потом неожиданно мягко шагнул вперед и обнял Бакоа. Крепко, будто родная мать.

– Что... ЧТО?! – ахнула я, мигом растеряв всю свою строгость, когда вор обмяк и начал съезжать вниз. – Что ты с ним сделал?!

– Да ничего, просто усыпил ненадолго. – Талвани, усадив гильдийца у стены, повернулся ко мне. – Джерри. Пожалуйста. Я тебя очень прошу, пойми ты: *я знаю, что делать*, – он на мгновение замер, тревожно прислушиваясь к чему-то. – И если мы хотим выбраться отсюда, то просто. Сядь. У. Долбаной. Стены. И подожди, ясно? И когда *этот* очнется, убедись, что он никуда не денется! Вот, – Тилвас вдруг схватил наручники, висящие на камнях (зачем монахам наручники в винном погребе – неизвестно и, пожалуй, не слишком и хочется знать). – Можешь приковать его, если тебе так хочется. Главное, не дергайтесь.

Где-то там, в темноте у нас за спинами, вдруг заскрипел и застонал люк, ведущий наружу. Мой пульс участился. Значат ли эти звуки, что неизвестные тучевые твари насладились браками и идут за нами?..

– Почему я должна тебе верить? – мрачно спросила я Тилваса.

Аристократ двумя пальцами взял меня за подбородок и заглянул в глаза. В его зрачках плескалось сочувствие – что раздражало меня, *ужасно*; и понимание, что удивляло. А еще странная, зыбкая нежность и что-то вроде принятой ответственности.

Это был плохой взгляд.

До пепла плохой.

Когда такие встречались на сцене, становилось ясно: до следующего акта кто-нибудь не доживет. Героический подвиг. Горькое самопожертвование. Роковая ошибка, имеющая последствия, которые протагонист после долгих терзаний согласен встретить лицом к лицу. Смерть – или как минимум разбитое сердце, раскрытый жестокий обман, – вот что по всем законам должно было следовать за таким взглядом.

– Ты и не должна мне верить, – серьезно сказал Тилвас. – Уж кому-кому, а мне не должна, это правда. Но я, представляешь, хочу изменить такое положение дел. Считай это моей прихотью или долгом. Когда мы выберемся отсюда, я расскажу тебе свою историю: про остров Нчардирк, про амулет, про запланированный ритуал с фигуркой пэйарту. И может быть даже... – он вздохнул, – и может быть, даже свои идеи о том, кем была тварь, убившая твоих близких.

Я вздрогнула и подалась назад, глядя на него с ужасом. Тилвас даже не шевельнулся. И правильно сделал: попробуй он удержать меня или схватить в такой момент, силой подтянуть обратно – он бы мгновенно стал для меня врагом – на инстинктивном уровне.

«Не хватай убегающих, испуганных не хватай – их страх облачит твоё прикосновение в дерюгу безжалостного палача».

– Сядь у стены, хорошо? Пожалуйста, – терпеливо повторил свою просьбу Тилвас. – Те твари с улицы сюда не зайдут. Испугаются.

– Замечательно. То есть здесь у нас третий уровень потустороннего трешака.

Талвани подмигнул, не говоря ни да, ни нет. Я выругалась, напряженно глядя в сторону люка, о который что-то скреблось, и опустилась рядом с прикорнувшим Бакоа. Тилвас всунул мне в руку пыльную бутылку сливового вина, кивнул, сделал два шага назад и будто исчез, растворившись в сумраке подземелья.

– Выключи свет, – напоследок шепнул он из ниоткуда.

Я подняла и провернула камень на перстне. Мрак и тишина обступили меня со всех сторон.

* * *

Понятия не имею, сколько прошло времени, но, пусть условия и не менялись, в итоге мне просто надоело напряженно вслушиваться в каждый шорох. Всему приходит конец, знаете ли. В том числе нервам: вероятно, они у меня сгорели дотла, и я обратилась железной леди из старинных гномьих поверий.

А потом и Мокки очнулся.

Пробуждение Мокки было не слишком-то приятным. Потому что Бакоа действительно очень любит контролировать происходящее, а на свете нет ничего менее похожего на контроль, чем ситуация, когда тебя вырубает какой-то непредсказуемый хлыщ в проклятом монастыре, а очухиваешься ты в кромешной темноте в сыром подвале.

В общем, первым делом Мокки резко втянул воздух ноздрями, выбросил руку ударом вбок и так засадил мне локтем в солнечное сплетение, что я даже пикнуть не сумела. Мгновение спустя вторая рука Бакоа сжалась у меня на горле, и вот тогда он каким-то образом все-таки понял, что это я, а не невидимый враг.

Отсипевшись и тихонько откашлявшись, я обрисовала ему ситуацию.

Не то чтобы там многое можно было рассказать: сидим и ждем, и вроде нас пока никто не жрет, что тоже плюс, а где носит Талвани – а гурх его знает. Радовало то, что я наконец полностью оклемалась от последствий яда цавраску. Я была бодра и даже парадоксально весела. Свежая как огурчик и, как он же, немного пупырчатая – от мурашек, ибо нижнее белье и ледяное подземелье в царстве вечной ночи были не самыми сочетаемыми вещами.

Мокки молча снял свою рубаху с капюшоном и отдал мне. Я прикинула, как теперь он выглядит: мягкие шаровары, голый торс и шикарное ожерелье. *Неплохо*. Потом вор, шипя сквозь зубы какие-то ругательства на дольнем языке, отмычкой вскрыл бутылку вина.

– Значит, отдыхаем, – мрачно подытожил он, и в темноте послышалось бульканье. Оно немного поплясало под сводами забытого погребца, затем прервалось.

* * *

...Интересно, где там шляется Талвани?

Я помнила по двум поэмам VII и IX веков («Песнь о Грофшиси» и «Кольцо Рибаринда»), что вино из погребов Северного креста развозили по всем замкам Шэрхенмисты. На здешних бутылках всегда стоял монастырский знак качества, а к горлышкам привязывались пергаменты с благословением от того или иного хранителя, что очень нравилось клиентам и успокаивало их совесть, волнующуюся из-за вредных привычек. Местные виноградные и сливовые плантации были восхитительны, а система подземелий – вдохновляюще огромна...

Что означало: Тилвас с равной вероятностью мог как ушагать прах знает куда, хоть обратно на половину пути к Шга'Нчауху, так и молча сидеть в нескольких метрах от нас – темнота, как и смерть, может скрывать многое.

Мокки меланхолично постукивал ногтями по бутылке. Я прикрыла глаза и, поколебавшись, нашла в темноте его острое холодное плечо – и положила голову на него.

Вдруг тихий потусторонний скрип о люк над нами – уже привычный – сменился куда более натуральным звуком: рокочущим раскатом грома, за которым мгновенно последовал тяжелый шум дождя.

С ума сойти. Опять гроза. Даже в этой проклятой зоне!.. Не люблю весну именно за это – слишком часто, слишком беспощадно льет и терзает, раскалывает город, горы, горе пополам.

Я невольно провела рукой по задней стороне шеи, над шрамами и рисунками, и Мокки почувствовал мое шевеление.

– Так, по ходу, впереди нас может ждать что угодно, и поэтому я хочу напомнить тебе, что ты сильная натура, Джерри, – хрипло и непрерываемо заявил он. – Ты не станешь бояться какого-то долбаного дождя. Все. Прекращай. Иначе я вынужден буду применить воспитательные меры на эту тему.

– «Воспитательные меры» на тему дождя? Мокки, ты шутишь.

– Нет, Джерри, я однозначно, недвусмысленно серьезен. Шуточки – вообще не моя стихия, и я поражен до глубины души тем, что все еще веришь, что мы с юмором иногда заходим друг к другу в гости.

Я прямо видела, как Бакоа в темноте закатил глаза.

– Слушай, ну с поэтикой у тебя все отлично, – проворчала я. – А там и до юмора недалеко. Юмор, как ни крути, это просто гимн отчаянью, когда мозг не может совладать с контрастом между красотой и болью окружающего мира.

– Прекращай свои текстовые штуки, Джеремиа.

– Прекращай говорить со мной приказным тоном. Ты мне не шеф.

– Я и не говорил с тобой по-шефски. Разговоры по-шефски – это удел тех избранных, кого на следующий день хоронить будут. А тебя я меньше всего хочу увидеть в деревянном ящике со сложенными на груди руками. Ведь это мне придется платить за твои похороны, разве нет?

– Ты просто козел, Бакоа.

– Вот так новость, с ума сойти.

Я пнула его. Мокки дернул меня за ухо, потом тяжело вздохнул и вновь забулькал вином.

– Уху больно, между прочим, – сказала я.

Мокки вдохнул поглубже, как для новой язвительной реплики невиданной колкости, но в итоге просто молча подул мне на ухо, как ребенку – на ранку. Даже заботливо. Даже нежно.

У рыбки боли, у дельфина боли, а у Джеремиа не боли, а то будешь иметь дело со мной, сволочь такая.

Мы сидели. Время шло.

– Ты все равно дрожишь, – недовольно резюмировал вор минуту спустя. – Это дождь, просто дождь, Джеремиа. Вода, низвергающаяся вертикально. Нет смысла бояться.

– Ты же знаешь, что дело не в дожде, а в Зайверино. Гроза напоминает мне о случившемся.

– Ну и что?.. Однажды тебе все-таки придется оставить это в прошлом, – Бакоа философски пожал плечами. – Хотя соглашусь: ночь и впрямь была дерьмище. Я знал, что суша не встретит меня с распростертыми объятиями, но *такое*?.. Недружелюбие Шэрхенмисты превзошло все мои ожидания. Хоть обратно ныряй, матерясь.

Я усмехнулась.

Мне вспомнилась третья ночь после нашего побега из Зайверино, когда мы с Мокки заговорили друг с другом. Лил дождь, никак не получалось разжечь костер. Мы пересекали лес секвой: огромные деревья стояли, как стражи, навывтяжку, песчаную почву совсем развезло, и мы забились под вздыбленные корни одного дерева, тщетно пытаясь согреться. Где-то вдалеке были волки.

– Расскажи мне что-нибудь о себе, – попросила я Мокки сиплым после двух дней тишины голосом. – Что угодно: правду или ложь. Просто давай перестанем молчать, пожалуйста.

Он кивнул и короткими рублеными фразами рассказал, что вырос в районе Бездны. Что у него было трое сестер и брат, что мать тяжело болела. Отец жил с ними, но лучше бы не жил – беды от него всегда было больше, чем проку, и если чему-то он и научил своего старшего сына, так это умению ненавидеть, ненавидеть от всей души.

Рассказал о том, как у всех подводных жителей закладывало уши, когда они пересекали границы домов и улиц Рамблы: часть из них, большинство, располагалась под огромными куполами, полными воздуха, в других была зачарованная, облегченная вода, в третьих – просто вода, и, оказываясь там, ты чувствовал всю беспросветность, жестокость и тяжесть моря, сколько бы ни было на тебя надето магических масок и артефактов.

Мокки рассказывал о знати, приходящей в притоны с жемчужной пылью, и о полуночных вылазках бедняков на поверхность, о смельчаках, спускавшихся в Бездну и больше не возвращавшихся из нее, о перламутровых трезубцах подводного дворца, о соленых губах и белых зубах морской пены на рассвете.

Об одном лишь Бакоа всегда молчал – о том, почему он покинул Рамблу тем летом.

И я подумала, что, возможно, сейчас – в нашей хриплой темноте, которой не видно ни конца, ни смысла, – у меня есть шанс наконец-то узнать об этом.

– Однако в Зайверино ты все-таки не нырнул обратно, – сказала я. – Несмотря на все обстоятельства, ты решил остаться в Шэрхенмисте. Почему, Мокки?

Вор тяжело вздохнул. Потом переместил мою уставшую голову себе на грудь, и, приобняв, проговорил:

– В Рамбле за мою голову назначена такая цена, что даже распоследняя селедка с удовольствием ее отпилит. Найдет где-нибудь лобзик и давай потихонечку-полегонечку, до победного конца. Я мог бы жить и скрываться под чужими именами, но... Джерри, давай по правде: в Рамбле до ужаса скучно. У вас всё гораздо интереснее и быстрее. Но если однажды мне надоест – я вернусь. И с удовольствием побегаю от этих идиотов.

– Да, я знаю про цену, и я помню, как ты всегда ругаешь Рамблу за ее медлительность. Но скажи честно, Бакоа, мне просто хочется все-таки узнать... Что именно ты натворил?

Этот вопрос я задавала уже тысячу раз. И Мокки – ну надо же – всегда пропускал его где-то мимо ушей, между пальцев, мимо мыслей – вышвыривал прямо в окно, под ноги полночным гулякам Квартала Гильдий. Однако...

– Я связался не с тем человеком.

Ну надо же!.. Он ответил!.. Наверное, на небесах что-то сдвинулось.

– Я думала, для всего окружающего мира ты сам и есть «не тот человек». Или на всякую рыбу найдется рыба побольше?

– Я не имею в виду с преступником, – проворчал Мокки. – Наоборот. Тот человек был приличным. Слишком приличным, чтоб его.

Бульк-бульк – звук долгого глотка из бутылки.

Я забрала у него вино. Бульк.

– И что именно ты сделал с тем приличным человеком, раз теперь считаешься таким большим преступником в Рамбле? – Подойдя к запретной теме бакоаского прошлого, я не собиралась отставать.

Мокки вздохнул, а потом – я знала его привычки – подпер острую скулу рукой и сузил глаза.

– Твои идеи, – лениво протянул он.

– Очевидная: обокрал.

– Нет.

– Убил.

– Ты же у нас вроде начитанная. Давай варианты поинтереснее.

– Обесчестил.

Мокки усмехнулся, ткнувшись подбородком мне в макушку.

Я уже открыла рот, чтобы выдать еще что-нибудь не менее драматургическое, но Бакоа вдруг процедил:

– Вот и они так это называли, прикинь.

Я поперхнулась.

– Да ладно. Я не верю. Быть не может.

Судя по недовольному шевелению, Бакоа начал раздражаться.

– Не мои проблемы, – почти прошипел Мокки, – что определенные слои населения исповедуют определенно устаревшие нормы. Моя совесть чиста, на хрен. Все было по взаимному согласию – и даже не вздумай сомневаться в этом, Джерри: я легко режу всяких ублюдков, но я никогда не причиню вред безоружному – тем более вред такого толка.

– Это с кем же надо перепихнуться, чтобы за твою голову назначили цену?

– Сама подумай! – рявкнул Мокки, свирепо сжимая пальцы на моем плече.

О да.

Судя по его реакции сейчас, он устроил в Рамбле знатный переполох.

Возможно, теперь по подводному дворцу бегают какой-нибудь черноглазый малолетний уголовник. Хотя, может, все было не так плохо. Да и с дворцом я могла хватануть лишнего – это так, первая мысль.

Понятия не имею, что там в Рамбле с верховной властью – знаю, что блёснами давно уже правит владычица с непроизносимым именем, но вот что насчет подводных принцесс, доступных для порчи... Вопрос открытый. Надо будет просветиться.

Я задумалась над тем, имеет ли смысл сейчас продолжать разговор на волнующую тему (или Мокки удар хватит), как вдруг тишину подземелья наполнил странный шепот...

Он звучал, как дуновение ветра по осени – шорох листьев, скребущих по старой брусчатке на улице Гнутой подковы, что к югу от столичного Квартала Гильдий. Шепот начался в отдалении, за поворотом, а потом пауками разбежался по всем углам, и мы с Мокки замерли, как пойманные на горячем. Могильным холодом потянуло по каменным плитам.

Что-то приближалось.

Мы с Бакоа поднялись и встали бок о бок, спинами прижавшись к шершавой каменной стене.

Впереди – очень далеко, только сейчас я начала действительно осознавать размеры подземелья – зажегся крохотный зеленый шарик света. Судя по всему, он выплыл из какого-то бокового тоннеля. Свет странно манил – будто заколдованный болотный огонек, увлакивающий путников в самую топь. Потом рядом с ним появился еще один. Они оба слегка подрагивали и прыгали, как пламя свечи у окна.

Ледяные струйки воздуха, ползущие вдоль пола, стали сильнее.

Огни поплыли к нам. Они приближались – а вдалеке вспыхивали, появляясь из-за поворота, их братья...

– Что это? – шепнула я.

И, будто в ответ мне, первые два огонька начали менять форму. Они стали расти в размерах до тех пор, пока не обрели неясные контуры людей... А еще точнее: монахов в глубоких капюшонах и со скорбно опущенными лицами. Прозрачно-зеленые сияющие сущности наполнили подземелье: пара за парой. Очень медленно, в тревожной патоке-тишине. Под капюшонами я видела нижние части их лиц – рты шевелились. *Монахи беззвучно пели.*

Мурашки побежали у меня по рукам при виде этой загробной мессы.

– Призраки? – меж тем с откровенным презрением процедил Бакоа.

Свет зеленых монахов наполнил пещеру, и я разглядела, как Мокки одной рукой сжал свою бритву, снятую с цепочки, а второй поудобнее перехватил бутылку – на манер биты. Я сама стояла, сжав кулаки, – никакого другого оружия у меня не было.

– Я не понимаю, что происходит, – напряженно сказала я, когда зеленые монахи двумя колоннами замерли перед нами. Получился как будто очень широкий коридор, уводящий вперед.

Призраки казались несчастными, полными боли, но... неопасными. При взгляде на них меня затапливало сочувствием, а не страхом. Поддавшись наитию, я вдруг шагнула вперед, решив, что фантомы показывают нам путь куда-то.

Но стоило мне шевельнуться, как ближайшие два монаха вдруг мигнули, как неисправные фонари. Мне по ушам резанул яростный визг, подземелье пронзила нестерпимо яркая вспышка света, и на одно мгновение монахи превратились в искаженные образы скелетов, замахивающихся на меня мечами. Я вскрикнула и отшатнулась. Свет угас, и перед нами снова были молчащие призраки.

Пальцы Мокки крепко обвили мое запястье, чтобы больше не дергалась.

Призраки не шевелились. Подумав, Бакоа наклонился, положил бутылку вина на пол и подтолкнул ее вперед. Когда она докатилась до первой пары призраков, вспышка, крики и скелеты повторились.

Вот только вино, в отличие от меня, не дернулось обратно. Вместо этого стекло вдруг хрустнуло и рассыпалось осколками, будто на него наступили.

– Ага. Класс. Так, ну и где нашего прикурка носит? – пропел Мокки, обводя изумрудные силуэты недовольным взглядом. – Мне кажется, самое время для каких-либо объяснений.

– Пожалуй, – согласилась я.

Меня не покидало ощущение, что на меня кто-то смотрит: внимательно, изучающе, решая, как быть.

Нет, не монахи. И не Мокки, прикидывающий, что нам делать. И даже не Тилвас, который, мне казалось, вполне может прятаться за одним из углов, будто хитрая лисичка из детской книжки-игрушки, где нужно искать животных, незаметно помещенных в причудливые пейзажи и городские улочки.

Кто-то другой... Кто-то, кого я не осязаю, но о чьем присутствии догадываюсь.

– Джерри? Что с твоей одеждой? – вдруг спросил Мокки.

Я сначала почувствовала, а потом опустила взгляд и увидела, как ткань майки на моем животе оттягивается, будто кто-то взялся за нее и тащит на себя. Я сглотнула и потянула ткань обратно. Она сопротивлялась. Мокки, нахмурившись, резко провел рукой *передо* мной – если б там был кто-то невидимый, тянущий за одежду, он бы почувствовал. Но ладонь Мокки не встретила сопротивления. Зато сразу после этого неведомая сила потянула и за штаны Бакоа, таща его вперед.

– Какого гурха?! – возмутился вор.

И одновременно с этим, не успела я решить, что пора раздеваться, раз странная сила влияет на вещи, но не на людей, под сводами погребца разнёсся голос Тилваса Талвани.

– Здравствуй, Ори, – низко и певуче сказал откуда-то артефактор, будто пропел заклинание.

А потом и появился во плоти: шагнул из полной темноты в коридор призраков, в дальний от нас конец. У меня перехватило дыхание.

Тилвас Талвани выглядел не так, как раньше...

Его лицо по-прежнему было удивительно красивым, но черты заострились, а улыбка из добродушно-игривой стала ледяной и опасной. Глаза Талвани горели ярко-красным светом, а опущенные ладони окутывало пронзительное сияние. Во всем его облике чувствовалась самоуверенность и власть, отталкивающая и одновременно чарующая. Амулет с вороном весь искрился и чуть ли не дымился на груди артефактора.

– Будь добр, не трогай моих людей. Посмотрел – и хватит. Щупать запрещено, – усмехнулся Талвани и растянул губы в хищном оскале.

Моя майка и штаны Бакоа тотчас вернулись в нормальное состояние. Призрачные монахи все как один развернулись в обратную сторону – лицом к Тилвасу.

– Да, мне жаль, что мы нарушили твое уединение, – кивнул Талвани, хотя его интонация говорила вовсе не о раскаянии, а о насмешке. – Да-да, я помню: тебя все достали, и ты хотел покоя, и в итоге даже согласился на то, чтобы рядом с тобой жили те отвратительные тени-хищники, которые сейчас разгуливают наверху и облизываются после поедания полудюжины браков... У вас получился не очень-то позитивный, но взаимовыгодный симбиоз, да? Ты не терпишь присутствия смертных и других духов, поэтому позволил хищникам жить при тебе, как рыбам-прилипалам. Хищники отпугивают все живое, а ты спишь – в кои-то веки спокойно. Они кормятся твоими снами, и если какая-то бестолочь придет на твою территорию – то кормятся и этой бестолочью заодно!.. Сами хищники к тебе не приближаются, но *отпечатки* всех, кого сожрали, отправляют к тебе сюда, вниз, как подаяния. Я смотрю, у тебя уже собралась прекрасная коллекция монахов. Да что ты говоришь, в дальних залах еще есть авантюристы?.. Историки? Влюбленные?.. Скоро и браксы появятся, да. Будут у тебя прекрасные изумрудно-призрачные псинки.

Пауза.

– Нет, Ори, нет, – после недолгого молчания Тилвас вдруг улыбнулся еще шире. Холодок пробежал у меня по спине от этой улыбки: тонкой, как лезвие дорогого клинка. – Моих людей вам с прихвостнями нельзя взять. Нет. Ни кусочка. Да, даже несмотря на то, что мы так охамели, что проникли в твои владения. Да, даже несмотря на то, что я сейчас так выгляжу.

Мы с Мокки переглянулись.

– Почему нельзя, спрашиваешь? – издевательски вскинул брови Тилвас. – О. О, тут все элементарно. Просто я *сильнее*.

И в следующее мгновение Тилвас Талвани резко упал на колени, а потом ударил своими сияющими ладонями по камням. Грянул гром, подземелье содрогнулось, и жемчужно-белое с алыми всполохами сияние рвануло во все стороны, наполняя вековую тьму нестерпимым светом.

Призрачные монахи, дико воя, перекидываясь то в скелеты, то вновь в монахов, рванули в разные стороны, раздирая друг друга пальцами, а потом сжались до крохотных стеклянных шариков и градом осыпались на пол. Мы с Мокки сиганули было вбок, но свет достиг нас быстрее – и не причинил вреда.

Так что мы замерли, зачарованно глядя в центр погребца. Там, весь опутанный красно-белыми сияющими сетями, исходящими от Тилваса, дергался, стонал и пытался вырваться, переступая с ноги на ногу, огромный мохнатый паук с молочно-белыми глазами...

«Ори, – подумала я, не в силах оторвать от этого зрелища взгляд, – а точнее: оришейва – один из характерных духов природы, повелитель зимних садов. Слепой. Слышащий всё и вся. Легендарный...»

Паучьи тропы

Calles antiquos servas veteres et amicos.

«Береги старые тропы и старых друзей».

Тилвас еще какое-то время удерживал свое заклинание, заставляя паука конвульсивно подергиваться и расплескивать волны чистой ярости. Потом оторвал ладони от пола...

Сияющие путы, связывавшие Ори, исчезли. Свет потух. Тьма и молчание заполнили подземелье.

– Верни свои огоньки, оришейва, – ледяным тоном приказал Талвани. – Так будет удобнее разговаривать. И проявись для моих спутников: уважай гостей.

Постепенно вокруг нас вновь разгорелись изумрудные фантомы монахов. А между ними чуть погодя вновь появился паук: он тоже был полупрозрачным, призрачным – что совсем не мешало ему выглядеть устрашающе.

– Так-то лучше, – подмигнул ему Тилвас.

Казалось, аристократ постепенно возвращается к своему привычному облику... Его глаза медленно становились нормального серого цвета, усмешка, заставлявшая сердце обмирать от ужаса, сменилась маской холодной бесстрастности. Тилвас стоял как ни в чем не бывало: изящно отставив вбок одну ногу, сложив руки на груди и задрав подбородок. Его ладони уже не светились белым, однако пальцы... Я сглотнула, увидев, что они покрыты копотью и дымятся. Я все смотрела на эту черную обугленную кожу, на оранжевые всполохи в зрачках колдуна, и волоски поднимались дыбом у меня на затылке.

Что ты такое, Талвани?..

Между тем оришейва переступил с одной мохнатой ноги на другую и вдруг припал на передние, будто кланяясь Тилвасу.

– Ну, ну, не стоит, – рассмеялся аристократ. – Мне не нужно твое унижение, Ори, мне нужна только информация.

– Какая?

Когда паук произнес эти слова, у меня внутри все завибрировало. Его голос был низким и далеким, как рокот волн в океане забытой планеты. Казалось, голосом Ори говорит сама ночь, и звезды, и вечность.

– Кто из рёххов сейчас находится в людях? Пошли своих паучков разузнать, будь добр. Мне нужны все имена.

– Зачем тебе это, ferkhen Тилвас Талвани?

Когда я услышала, что оришейва назвал артефактора тем же именем, под которым его знала я, у меня странным образом отлегло от сердца. Не то чтобы это отменяло все странности колдуна, но хотя бы немножечко – отчасти – оставляло его на знакомом мне уровне понимания.

А вот ferkhen?.. Я нахмурилась, припоминая это слово: оно точно встречалось мне в книгах. Но где именно... И что это...

Озарение пришло быстрее, чем можно было ожидать. Ferkhen – «тюрьма» на протошэрхенлинге. Кажется, ори так долго спал, что говорит на архаичном наречии.

Тюрьма Тилвас Талвани, серьезно?

Вдруг Мокки Бакоа нарочито громко, нарочито небрежно зевнул, высказывая этим всю степень своего пренебрежения к С Ума Сойти Какой Безумной Ситуации. Тилвас покосился на нас с вором и следующую реплику сказал на том же странном языке, на котором общался с лошадьми.

Вот это я уже не могла перевести.

Ори, кажется, забеспокоился. Он толкнул достаточно длинный монолог, после которого Тилвас вскинул бровь и воскликнул на шэрхенлинге:

– Иссохли?!

– Да, ferkhen.

– Sakken... Ладно. Повторяю: мне нужен весь список имен.

– Хорошо, но это займет время.

– Сколько?

– Я не знаю. Ты приперся ко мне с этими двумя кусками мяса, потревожил мой сон, запретил завтракать и хочешь, чтобы я был продуктивен? – В голосе паука появились капризные интонации. – К тому же, что, если теперь и на меня захотят охотиться? – Ори расстроенно загудел.

– Ой, да кому ты нужен, старый хрен, – отмахнулся Талвани.

Не очень-то вежливо, но оришейва не обиделся. Хотя не берусь сказать, как бы я сумела идентифицировать обиду паука: не считая того крайнего случая, где он откусывает Тилвасу голову.

Вместо этого паук вдруг призрачной ногой мягко, почти по-дружески ткнул в грудь артефактора – как раз в амулет двуглавого ворона. Мне показалось, что в глазах Тилваса на мгновение мелькнул страх, но... Возможно, это отсвет зеленых монахов и собственная фантазия сыграли шутку.

– А кому нужен *ты*, Тилвас Талвани? – протянул оришейва.

– Хороший вопрос. Еще недавно я был уверен, что никому, но я как-то забыл взять в расчет вашу духовно-природную компашку... – пробормотал артефактор.

– «Вашу», – вот на сей раз паук обиделся. И даже еще разок повторил: – «Вашу»... Впрочем, ты прав, ferkhen. Я дам тебе список имен, когда он у меня будет. Шэрхенмиста должна быть спокойна, все должны находиться на своих местах, потому что, когда они шастают тут и там, мои сны пахнут тревогами. А сейчас забирай своё мясо и уходи.

Тилвас вскинул бровь.

– Уходи?.. – повторил он, как бы размышляя о чем-то.

Оришейва вздрогнул и опять поклонился.

– Пожалуйста, уходи, ferkhen... – исправился рёхх, и мы с Мокки снова переглянулись.

– Я не к этому, – отмахнулся Талвани. – Я к тому, что мы хотим уйти по паучьей тропе. Втроем.

Паук, поняв, что второй поклон был лишним и оттого совсем унижительным, тотчас разворчался.

– «Засуньте свои желания себе в одно место» – кажется, так нынче говорят люди? – прогудел оришейва.

– Мм, думаю, так люди говорят уже много-много веков. Можем у Джерри спросить, она словесница, – Тилвас вдруг подмигнул мне. Доброта его быстрого взгляда в мою сторону совсем не вязалась с предыдущим образом. – Но я не думаю, что это настолько важно, чтобы открывать ученый диспут. А про паучью тропу я не шучу. Ты вроде предпочитаешь жить без гостей, верно? Так вот, если мы выйдем из Северного креста, нас наверняка скоро снова найдут. И поймут, что ты и твои прихвостни отпустили нас, хотя сожрали браков. А так они решат, что сожраны все и проникнутся к тебе таким уважением, что еще тысячу лет будут

обходить монастырь по широкой дуге. А не, скажем, забредать прямо сюда в поисках драгоценностей.

– Но я и впрямь могу сожрать вас всех. Точнее, скормить хищникам.

Тилвас непреклонно покачал головой и раскрыл перед пауком ладонь, в центре которой вновь загорелся свет. Паук ощутимо сглотнул и даже попятился.

– Хорошо, – пробурчал Ори пару секунд спустя. – Но я не в состоянии взаимодействовать с мясом, ты же знаешь.

– Зато я еще как в состоянии. Открой тропу в Лайстовиц, а дальше я разберусь.

Паук вздохнул.

* * *

А потом оришейва приподнял одну из своих лап и слегка покрутил ей в воздухе, что-то заунывно бормоча. Нога исполинского паука засветилась глубинным багровым сиянием, и он потянулся ею куда-то вбок, будто хотел достать до какой-нибудь чашечки или деликатеса на полке на собственной кухне. Его бормотание стало громче, потом дошло до торжественной высокой ноты, и вдруг в подземелье появилось бесчисленное множество слабо серебрищихся нитей-паутинок...

Они шли отовсюду – и всюду: сквозь стены, потолок, пол, причудливо пересекаясь. Некоторые нити были тоньше, другие – плотнее. По одной штучке прошивали меня и Мокки Бакоа насквозь в области сердца, еще две дырявили Тилваса Талвани.

Паучья сеть...

Я не многое знала о магии оришейвы, но эти нити были похожи на энергетические каналы, связывающие все вокруг нас.

Ори лапой подцепил одну из нитей и потянул на себя.

– Лайстовиц... – бурчал паук. – Лайстовиц, Лайстовиц... Придется сделать пересадку.

– Ничего страшного, – благосклонно кивнул артефактор.

Оришейва проделал с выбранной нитью какие-то манипуляции, тогда как все остальные каналы угасли, вновь став прозрачными. Другой ногой паук очертил на полу окружность, которая засияла глубоким черничным светом. Ори натянул нить вниз так сильно, что она, казалось, готова была лопнуть – и коснулся ею пола. Нарисованный черный круг тотчас превратился в бурлящую воронку.

– Готово, – объявил паук.

– Замечательно. Джеремя, Мокки, подойдите ко мне, пожалуйста, – попросил Тилвас.

Я молча шагнула вперед. Мокки, с которого в любой другой ситуации, где им бы вот так пренебрегли, долго не включая в беседу, сталось бы устроить препирательства с последующим факультативным избиением всех неугодных, сейчас тоже с абсолютным спокойствием выполнил просьбу Талвани. Бакоа был напряжен и тих...

Здесь гурх знает что происходит.

Я остановилась на границе черного варева булькающей червоточины и подняла глаза на артефактора.

– И что теперь?

На слепые молочные глаза оришейвы мне смотреть не хотелось.

– Теперь будет немного странное ощущение, – объяснил Тилвас, смотревший на меня с открытой улыбкой. – Не отпускай меня в процессе, договорились? А то потеряешься в энергетических потоках Шэрхенмисты, и всё. Будешь максимум как невнятная тень в зеркалах заброшенных особняков появляться, уборщиков пугать, а реального твоего тела уже не останется... Мокки, и ты тоже держись. Я вижу по блеску твоих глаз, что тебе многое хочется сказать, а еще, кажется, нехило меня отдубасить, но, чтобы это желание осуществилось, надо добраться

до Лайстовица, а для этого – взять меня за руку и умудриться пробыть в таком состоянии минут десять...

– Хватит трепаться, Талвани, – процедил Бакоа и, скривившись, сам сомкнул руку на запястье артефактора в стиле живых кандалов.

Я предпочла чуть более классический вариант: ладонь в ладонь, за что получила пугающе дружелюбное пожатие от аристократа.

– Пересадка будет на Дварф-Гауче, – сказал оришейва.

– Отлично, – согласился Тилвас. – Тогда до связи. Веди себя хорошо, паучок.

А потом он шагнул в червоточину и потянул меня за собой. Мокки шагнул сам. Полмгновения ничего не происходило, затем амулет в виде двуглавого ворона на груди артефактора буквально надулся изнутри, взбухнув стеклом так сильно, что я испугалась – лопнет. Глаза Тилваса вновь засветились красным, зрачки стали вытянутыми, а ухмылка – странно-чужой. И тотчас я почувствовала, как невидимая сила хватает меня за майку – совсем как паук оришейва полчасика назад – и куда-то тащит, прямо-таки выдергивает. Хорошо хоть, целиком, а не только внутренности!

– Держись, Джерри! – повторил Талвани.

И я держалась. Мир превратился в безумные всполохи алого цвета – будто языки пламени с вождением облизывали реальность, – а я вцепилась в ладонь артефактора – горячую, крепкую, всю в саже – и разрешила невидимой нити тащить меня чуть ли не за пупок в неизвестном направлении. Ни Тилваса, ни Мокки не было видно – только море алых огней вокруг и внутри.

В какой-то момент случилась «пересадка».

Это произошло так: мы вдруг снова оказались в нашем пласте реальности (не знаю, как назвать это иначе), причем в каком-то... этническом ресторане, что ли. С трудом я припомнила, что Дварф-Гауч – это городок с большим анклавом кошкоглавых, расположенный на западе нашего острова. И действительно: вокруг в огромном количестве сидели на низких скамеечках и за квадратными столиками кошкоглавые. Разносчица-рысь с кокетливыми кисточками на ушах, увидев нас, так и грохнула поднос с оранжевыми плошками креветочного супа, и со всех сторон донеслось злое рычание и урчание.

– Продолжаем держаться! – приказал Тилвас и в ответ так ощерился на кошкоглавых, что бедняги обмерли на своих местах. А артефактор сделал шаг вперед – мы с Мокки за ним, – и под его ступней вдруг забурилась еще одна червоточина.

Ощущение «дергания за ниточки» повторилось.

А еще несколько минут спустя все закончилось.

Первым делом я почувствовала под босыми ступнями мягкий и немного влажный мох. Потом появилось птичье пение – многоголосое, торжественное и совершенно незамутненное: так могут петь только птицы, которых не донимают круглыми сутками скачущие мимо кебы, всадники и гаррары, не перекрикивают торговцы и не отстреливают из арбалетов гильдийцы в плохом настроении...

Затем возник шум падающей воды. Когда огненные всполохи окончательно угасли, появилась и картинка.

Как красиво!..

Мы втроем стояли в центре потаенной изумрудной долины, спрятанной среди темно-синих и острых гребней гор. Причем с большинства склонов текла вода – узкие и широкие, но неизменно высокие водопады обрывались где-то далеко внизу, насыщая воздух миллионами крохотных капель. Солнце стояло высоко в синем небе, мимо него то и дело стаями проносились птицы.

Под ногами был мох, нежная, мягкая трава и мириады нежно-розовых цветов. Рядом с нами раскинулись какие-то древние развалины – белоснежно-парадные колонны и портики забытого храма или, возможно, обсерватории. Вся долина состояла из таких пластов земли,

для каких у геологов наверняка есть специальное и умное название, а вот мне они больше всего напоминали рассыпанные щедрой рукой зеленые чипсы. Вдалеке я увидела горный тоннель, явно ведущий прочь из долины, и рядом с ним – несколько очаровательных избушек с соломенными треугольными крышами. Вдоль всех окружающих нас скал земля обрывалась, заставляя центр долины будто парить в невесомости – по краям находились глубокие ущелья, и моя драматургическая душа решила, что надо обязательно заглянуть вниз, восхититься, но сначала необходимо поговорить о, кхм, насущных проблемах с Тилвасом Талвани.

Или кто он там такой...

– Итак? – Я еще несколько раз моргнула, чтобы зрение приноровилось к яркому дневному свету, и, вынув ладонь из руки артефактора, мрачно воззрилась на него снизу вверх. – Сам объяснишься, или нам с Мокки пора вспомнить искусство пыток?

– Я думал, это агрессивное предложение будет исходить от Бакоа, – проговорил Талвани, с улыбкой покосившись на вора.

Мокки меж тем был странного зеленого цвета: его явно укачало от нашего невозможного путешествия. В каждом из бриллиантов украденного кольца, которое он приподнял, чтобы глянуть на себя со стороны – видимо, проверить свою целостность, – отражалось бледное острое лицо Бакоа, и я подумала, что впервые за все пять лет вижу его таким обалдевшим.

Да уж, вестибулярный аппарат способен сбить спесь с кого угодно.

Однако вор собрался с силами и даже вполне пугающе пообещал:

– От меня, аристократишка, жди реализацию.

– Заметано, – улыбнулся Тилвас. Как-то слабенько, бледно улыбнулся, не чета прежнему ассортименту улыбок.

А потом вдруг его глаза закатились, артефактор резко втянул носом воздух и упал навзничь, где стоял, лицом к небу.

– Ты что?! – ахнула я.

Амулет с двуглавым вороном на его груди стал бешено пульсировать, потом слабо дзынькнул – и на шее птицы я увидела трещину.

– Тилвас!..

Из угла рта и ушей Талвани потекла кровь, кожа стала бледной, как некрашенная ткань, дыхание замедлилось. Так. Стоп. Мы это уже проходили. В день знакомства. Когда я сорвала гурхов амулет, и все завертелось. Но сейчас-то!..

– Амулет на тебе, эй! Перестань умирать, придурочный! – возмущенно взревел Бакоа.

Я упала рядом с артефактором на колени и начала трясти его за плечи.

– Тилвас! Не отключайся! Как тебе помочь?!

– Можешь снова поцеловать, – едва слышно пробормотал Тилвас.

– ...Это сработает?

– Нет, но мне будет приятно.

– Судя по всему, он не так уж и страдает, – тотчас едко заметил Бакоа, но был неправ.

Артефактору явно было плохо.

– Найдите... Галасу... Дарети... – прохрипел Тилвас на прощание и отключился под пение какой-то малиновой птички, опустившейся рядом с нами на камень.

17

У госпожи Галасы Дарети

Tempus est nobis ad villam.

«Пора в деревню».

Мы с Мокки переглянулись и смотрели друг на друга достаточно долго – по меркам наших экстренных обстоятельств.

Я не знаю, какие мысли крутились в голове Бакоа, но у меня большими буквами было написано прямо на лбу: ну и во что мы *теперь* ввязались? И кем, трижды гурх по семерчатой вафле, окажется эта Галаса Дарети, раз предыдущее знакомство Тилваса не влезало ни в какие рамки реалистичности?

– Сделаем, как он просит? – наконец кисло спросил Мокки. Так кисло, что, ответь я: «Нет, давай сбежим отсюда, пусть умирает», вор явно бы согласился. Причем с облегчением.

– Сделаем, – запоздало натянув свою любимую маску невозмутимости, кивнула я.

– Тогда ищи эту тетку, а я потащу его.

Бакоа решительно взвалил Тилваса на себя и, кляня рост артефактора на чем свет стоит, поплелся с ним к одноэтажным домикам на том конце долины. Я побежала вперед, обгоняя их.

Сомнительно, что мне, в моем-то потрепанном виде, будут очень рады в этой деревне. Как там она называется? Лайстовиц?..

Впрочем, деревня безмолвовала. Несмотря на разгар рабочего дня, на ее единственной улочке не было ни души, хотя в садовых загонах я увидела и кур, и лошадей. А также несколько коз, которые при моем приближении испугались и поэтому дружно и обреченно завалились набок, выставив одеревеневшие ноги. Причем одна коза так усердствовала в имитации своей смерти (читай: несъедобности), что умудрилась скатиться в канавку в таком «окоченелом» виде. Обожаю наших шэрхенмистских козочек: они прекрасные актеры, можно брать пример.

А вот людей в Лайстовице не было. Причем вблизи стало видно: дома нежилые. В одном прямо на крыше устроил гнездо аист, в другом – порог был засыпан опавшими цветами яблони так, что даже дверь толком не откроешь.

– Так, на всякий случай: еще одних призраков сегодня я не выдержу, – сквозь зубы процедила я, вихрем проносясь по деревне. – Слышишь, мироздание? Не нарывайся, не зли меня и вообще – знай меру. Да, обычно мой нравственный принцип заключается в том, чтобы не быть такой стервой, как диктуют обстоятельства. Но иногда, знаешь ли, принцип идет в задницу.

Безмятежное мироздание ответило шаловливым цветочным ветром.

И только с последним домом мне повезло. Он выглядел гораздо живее, а во дворе на веревке сушилась одежда. Я перемахнула через низенький заборчик и вскоре уже колотила в дверь.

– Кто там? – донесся спокойный и очень тихий женский голос изнутри. Возможно даже, он уже несколько раз спрашивал: «Кто там?» – просто я из-за грохота ударов не слышала.

– Я ищу Галасу Дарети!

– Зачем? – так же тихо.

– По просьбе Тилваса Талвани. Ему плохо. А если драматизировать, я бы сказала, что он умирает.

Дверь распахнулась.

Женщина, стоявшая на пороге, совсем не выглядела отшельницей, спрятавшейся в кольце гор в заброшенной деревеньке. Наоборот, у нее была настолько яркая внешность, какой могут похвастаться не все жители двух столиц.

Кожа госпожи Дарети была темнее самого черного кофе, а вот длинные волосы, частично связанные в узлы по бокам от макушки, оказались платиново-белыми. Необычные, почти прозрачные светло-зеленые глаза смотрели устало, но ясно. Свободное серое платье с широкими рукавами, уходящими в пол, украшали вышитые надписи на стародольнем языке. Пробежавшись по ним взглядом, я выхватила несколько слов из тех и других известных целительских заговоров. В руках госпожа Дарети держала пучок каких-то пахучих растений.

– Вы знахарка?

– Да. Где господин Талвани? Что с ним?

– Вон он, – я пальцем указала в начало деревни, где как раз появился пошатывающийся Мокки с Тилвасом. – Потерял сознание, побелел, течет кровь. До этого он... колдовал, – обтекаемо закончила я, глядя на то, как госпожа Дарети отбрасывает пучок трав, тщательно моет руки, потом хватает какой-то сундучок из-под шкафа и делает еще миллион предположительно целительских приготовлений.

– Я так понимаю, дело в его амулете... – продолжила я. А потом с нажимом закончила, внимательно прищурившись на отшельницу: – Или в его *особых способностях*.

Она в курсе тайны Тилваса или нет?

Госпожа Дарети, наклонившаяся за еще какими-то штуками, осталась совершенно спокойна. Она никак не среагировала на мои интонационные выкрутасы: только побежала вглубь дома, молча поманив меня с собой.

Избушка была уютная. Огромная деревенская печь с камином и лежанкой, переоборудованной в место для чтения; альков с кроватью, над которой висело много-много разноцветных ловцов снов и перышек; кресло-качалка и три шкафа: платяной, посудный и книжный. В центре комнаты находилось два стола – один явно «бытовой», для жизни – с чашкой чая, букетиком мать-и-мачехи, какой-то вышивкой в пяльцах; второй – ближе к окну – уставленный разнообразными ступками, ретортами, банками с ингредиентами и прочим целительским добром. Кухню отделяли от основного помещения шторы из деревянных бусин и музыкальные чаши, выстроенные по полу в ряд.

Мы с Галасой освободили один из столов.

– Разожгите камин, Джерри, – тихо попросила она, и я вздрогнула, услышав свое имя из чужих уст.

– Мы знакомы?..

– Нет, – мягко улыбнулась Галаса, и, видя эту улыбку, я вдруг поняла, что она совсем не молода – как минимум в полтора раза старше меня, а то и в два. – Но я иногда вижу кое-что о людях. У меня такой дар.

– Очень странно, что вы увидели именно имя Джерри, – резко сказала я, но невозмутимость Галасы не дрогнула.

– Вы ведь так себя называете, – уточнила знахарка. – Думаю, мой дар обладает некоторым чувством такта.

В этот момент на пороге избушки появился Мокки. Он скользнул по Галасе изучающе-цепким взглядом и водрузил артефактора на стол. Молчаливая госпожа Дарети быстро, но без спешки осмотрела Тилваса, проделала над ним какие-то магические манипуляции и кивнула.

– Мне нужна ваша помощь, – сказала она и стала просить нас то растолочь какие-то травы, то принести свежей воды из колодца, то перемешивать зелье, поставленное на огонь.

Сама Галаса замерла над Талвани с закрытыми глазами и медленно водила руками над его телом, иногда что-то тихо напевая, не размыкая губ. Я заметила, что ловцы снов под потолком начали раскачиваться, хотя окна в избушке были закрыты, а музыкальные чаши тихо и переливчато зазвенели. Руки женщины то и дело начинали слабо светиться, а кожа Тилваса поочередно покрывалась испариной и мурашками.

– Зелье кипит, – сказала я от печи.

Мокки, у которого уже не было задания, просто стоял рядом со столом, сложив руки на груди, и отнюдь не добро следил за действиями знахарки. Я бы наверняка была недовольна таким пристальным вниманием к своей работе, но Галаса и глазом не моргнула. То ли она перебарщивает с валерьянкой и всякими благовониями, то ли медитирует тут по семь часов в день и давно познала истинное спокойствие океана.

– Хорошо, спасибо, – сказала знахарка, убирая ладони от Тилваса. – Лечение займет достаточно много времени. Сейчас я попрошу вас уйти. В соседнем доме есть вода и еда, можете переночевать там. Берите все, что нужно, чтобы удобно устроиться.

– А если мы хотим остаться? – прищурился Бакоа. – Мало ли что вы тут делать собираетесь.

– Я не причиню вашему другу вреда, – кротко сказала Галаса.

– Он нам не друг. Должник, – ослабился Мокки.

– Зато мне – друг, – наклонила голову целительница и вежливо, но непреклонно кивнула на дверь, которая приглашающе заскрипела, открываясь.

Мы с Мокки вышли за порог, и дверь закрылась за нами.

– Ну и денёк, – вздохнула я, с силой потирая виски.

Золотисто-медовое солнце уже подкатывалось к кольцу острых скал, окружающих долину. Не пройдет и получаса, как нас затопит холодом, стремительным и беспощадным.

Мы неприкаянно сходили на разведку в указанный травницей дом. Ожидание – это всегда самое невыносимое. Я рассеянно поела, Бакоа сомнамбулически и машинально взломал замки на всех ларях – совершенно зря, лари были пустыми.

В конце концов, уже когда давным-давно миновала полночь и близился рассвет, стало понятно, что лучше бы нам и впрямь все-таки лечь спать. Быстрого лечения не будет. Но мы не остались в пустом доме: вернулись обратно на участок Галасы. Там Мокки самоуверенно подошел к бельевой веревке, снял с нее одеяла госпожи Дарети и одним обмотался сам, а второе протянул мне.

В подсвеченном зашторенном окне было видно, как целительница делает какие-то пассы руками над аристократом.

Переглянувшись, мы с Бакоа обогнули избушку травницы. С задней стороны к ней примыкал ночной сад, полный лекарственных растений – на каждой грядке имела табличка, а впереди – импровизированное святилище змеи сайнаджо. Небольшой источник, каменная статуэтка змеи, моленная скамеечка и черпак на длинной медной ручке. Также тут стояла крохотная жаровня: если у тебя есть какое-то пожелание к змее – покровительнице водопадов, ты можешь написать его на специальной бумажке, поджечь в жаровне и повторить ритуал с омовением рук столько раз, сколько получится за то время, пока идет дым.

Я вздрогнула, еще раз вспомнив о страшных молочных глазах оришейвы.

– Я действительно собираюсь ночевать прямо здесь, – мрачно предупредил Бакоа.

– Как и я. Хотя я не ожидала, что и тебя будет так беспокоить судьба нашего спутника, Мокки. Ты им все-таки проникся?

Вор неожиданно взвился, подпрыгнув аж на метр.

– Что-о-о?! – завопил он. – При чем тут аристократишка?! Я ночую на свежем воздухе, потому что это полезнее! Тилвас – да пусть хоть сейчас откинется, ради неба, мне вообще нормально! Какого гурха, Джерри!

Меня поразила его невероятно бурная реакция. Сев на корточки, я стала раскатывать свое одеяло на траве, а Мокки так и стоял столбом, завернувшись в свое, ошеломленно глядя на меня сверху вниз. Он выглядел таким... взъерошенным, что ли, таким опешившим, – невероятное зрелище, очарование деревни, – что я не удержалась от нервного смеха.

– Мокки, – я лукаво глянула на него исподлобья, – знаешь, я никогда не поднимала эту тему, но ты вообще в курсе, что переживать за других – не зазорно? Ладно, я уже привыкла, что ты объявляешь всем и каждому, что тебя наплевать на меня, хотя мне бывает больно от этого, Бакоа, – голос мой непроизвольно стал жестче, – но, в общем и целом, никто не умрет от того, что если ты хоть разок признаешь, что тебя заботят проблемы других!

– Я...

– Да, Тилвас – тот еще тип, но учитывая, что мы вместе пережили за последние дни, испытывать к нему сочувствие и волноваться о его здоровье – это нормально, Мокки! Это – нормально! – уже в полный голос рявкнула я.

Я и сама не заметила, как запланированный мной шуточный упрек превратился в полноценный наезд.

– Если ты, Бакоа, начнешь показывать людям – не всем, но *хоть кому-нибудь*, – что ты не такая отбитая сволочь, какой любишь себя выставлять, что у тебя в груди есть хоть *какие-то* добрые чувства, хоть *какой-то* намек на привязанности, – продолжала чеканить слова я, – то так будет гораздо лучше для всех, прикинь. Я *не* верю, что ты пришел сюда ради свежего воздуха, слышишь?! И я рада, что это не так! Очень здорово, что наш спутник для тебя не только мешок с деньгами! Ура! Ты в состоянии что-то чувствовать! Значит, ты все-таки не психопат! Аллилуйя, блин! – и я зааплодировала.

Мокки побледнел. Я, устыдившись своей вспышки, уронила руки, выругалась и отвернулась.

Вор сел на корточки напротив меня и отобрал мое одеяло.

– Джерри, – Мокки взял меня за подбородок и заглянул в глаза. – Я так понимаю, это *ты* переживаешь из-за аристократишки.

– Да, и в отличие от тебя я не стыжусь своих чувств, – прорычала я. Мокки дернулся, как от пощечины, и раздул ноздри, но не отодвинулся.

– Ты не понимаешь. Мне на тебя не плевать, – сказал он.

Я промолчала.

– Джерри, мне на тебя не плевать! Ты слышишь?!

– ...

В его голосе звучала ненависть пополам с горечью. Отличный рецепт интонации, Мокки, отличный рецепт.

Я оттолкнула его руку.

– Если бы ты только знала, как я себя иногда ненавижу, – неожиданно почти выплюнул Бакоа.

Теперь уже я искала его взгляд. Он сидел напряженный, натянутый, как тетива, огромные черные глаза, казалось, не помещались на осунувшемся лице. Мокки практически колотило, зрачки у него были широченные, губы искусаны, кулаки сжаты, и я растерялась: прежде я не видела его таким.

Отчаянным. *Зовущим*.

Это было... внезапно.

Поймав мой изумленный взгляд, Бакоа со странным гортанным рыком сорвал какой-то стебелек, а потом буквально рухнул на землю и потуже завернулся в свое одеяло, как в саван. Закрыв глаза: «*Забирай меня, бледная леди*».

Вот и что это было, спрашивается.

Я устроилась неподалеку, натянув одеяло до подбородка. Я долго еще смотрела на высокие острые звезды, кружащиеся над частоколом гор, и на постепенно розовеющую из-за наступающего рассвета воду горных водопадов вдалеке и прозрачное журчание источника рядом.

– Мне на тебя – не плевать! – услышала я, уже засыпая.

* * *

Я уснула надолго. Проспала добрых двенадцать часов, совершенно пропустив дневной Лайстовиц как явление – сразу попала в вечер.

В принципе немудрено после суток, полных хаотичного безумия и темных событий. Если бы я была чуть моложе или чуть наивно-оптимистичнее, то могла бы предположить: я и до этого спала, и все, начиная с замка Льовезов, мне приснилось.

Но нет.

Мир не добр, а я не принцесса из лесной сказки: я знаю – все было на самом деле.

Я проснулась, почувствовав чей-то взгляд. Резко выпрямилась: на щеке будет отметина от ладони. Обернулась. Там Мокки, запахнувшись в простыню и свернувшись клубочком, спал среди серебристо-зеленых трав под светом закатного солнца. Удивительно мирное зрелище. Мне бы хотелось посмотреть на него еще, но я подняла глаза выше: госпожа Галаса Дарети стояла, прислонившись к стене своего дома, и вытирала руки о влажную тряпочку, пахнущую календулой.

– Я закончила. С Тилвасом всё хорошо, но он пока спит, – сказала знахарка. Она молча посмотрела на свои одеяла, перепачканные травой, однако никак не прокомментировала их преобразование.

Мокки, услышав ее голос, резко сел и привычно схватился за бритву. Потом поморщился, поняв, что тревога ложная. Я начинала понимать, что вору для хорошего расположения духа прямо очень нужна веселая потасовка. Видимо, из-за нехватки подобных развлечений его вчера так и накрыло. Все эти мистические штуки не в счет: в них мы были скорее зрителями, а не участниками, а Мокки бесит быть зрителем. «Это моя жизнь, и я достаточно жаден для того, чтобы желать прожить ее на полную катушку. Везде – главная роль, на меньшее я не согласен», – говорит иногда он.

– Вы хотите есть? – спросила Галаса Дарети.

Ох. *Очень.*

– Да, но первым делом мы хотим знать правду о Тилвасе, – я подошла к знахарке.

Одновременно с этим алое солнце, наколовшееся на горный пик, будто лопнуло, скрывшись за ним целиком, и Лайстовиц поглотили фиолетовые сумерки. Так что свой следующий вопрос я задавала под жужжание и разгоравшееся сияние светло-зеленых светлячков, летавших по саду целительницы.

– Он рёхх, да? – спросила я. – Тилвас Талвани – не человек, а долбанный дух природы? От человека в нем только тело – «кусочек мяса», как выразился Ори. А внутри сидит дух. Я права?

Галаса улыбнулась. В сумраке и на контрасте с кожей ее зубы казались белыми, как засахаренный миндаль.

– Вы не правы, – мягко возразила она. – Тилвас Талвани – человек. У него человеческая душа, человеческий ум, человеческий опыт, надежды, память. Поверьте, я знаю. Мы с ним знакомы давно, я преподавала ему целительство, когда он учился в университете. И хотя для Тилваса это не было профильной дисциплиной, некоторые обстоятельства привели к тому, что я стала его неофициальной наставницей. Нет, – Галаса подняла руку с раскрытой ладонью, увидев, как цепко прищурился Мокки: он так щурится, когда уже придумал какой-то каверзный вопрос, после которого люди обычно белеют и начинают дрожать. – Я больше ничего не скажу. Тилвас очнется и сам все объяснит.

– А что это за амулет двуглавого ворона у него на груди? – поинтересовалась я.

Галаса покачала головой и повторила:

– Я ничего не скажу. Это слишком похоже на сплетню. А три самые черные судьбы – это сплетни, ложь и воровство.

Я моргнула. Мокки пренебрежительно фыркнул:

– Три самые черные судьбы – это глупость, лень и гордыня.

– Как скажешь, – наклонила голову набок госпожа Дарети.

Мы вдвоем вернулись в избушку. Тилвас так и лежал на столе, но теперь вокруг него стояли низкие деревянные подставочки с благовониями, у головы – букет полевых цветов, а у кистей и ступней – низкие белые свечи.

Мне вдруг подурнело. Я вспомнила Малую гостиную Зайверино и своих друзей. А также то, что обгоревшие пальцы Тилваса – сейчас их обматывала чистая ткань – напоминали руки Финны в ту страшную ночь.

– Сюда зло не пройдет, – твердо сказала Галаса, протягивая мне чашку с густым горячим супом и кусок свежего дрожжевого хлеба. – Не сегодня.

Мы молча ели, сидя на печи. Я все смотрела на то, как на углу стола замерла фигурка пэйярту, украденная из склепа – мы чудом не потеряли ее в монастыре и на паучьих тропах. Казалось, белый лис смертельно устал.

Галаса собрала корзину, накинута на волосы платок и сказала, что идет в долину за лечебными цветами, которые появляются из-под земли только в это время суток. На обратном пути она поухаживает за всеми своими животными.

– А почему ты здесь одна, знахарка? – мрачно спросил ее Мокки. – Где остальные жители Лайстовица?

– Они давно покинули эти края. Еще до того, как я пришла сюда. Долина красива, но здесь сложно и одиноко жить. Я же искала уединения.

– Почему?

Я думала, Галаса проигнорирует вопрос и красиво растворится в ночи – это было бы очень в духе ее образа, как мне кажется, но целительница ответила Бакоа.

– Тому две причины. Во-первых, здоровым людям я приношу скорее вред, чем пользу. Я часто вижу то, что нарушает выстроенные ими границы – это неприятно и им, и мне, потому что все мы – огромные духовные миры, вынужденные делить одно материальное пространство, и вторгаться в то, что человек не показывает, значит быть взломщиком его души. К тому же, увидев что-то, поняв, где сломано, я всегда очень хочу помочь... Но нельзя помогать тем, кто не просит помощи, ведь так мы вмешиваемся в их судьбу и в уроки, которые им нужно пройти. Однако и проигнорировать страждущего – жестоко. Так что моральную дилемму того, как быть с людьми, мне еще предстоит решить: в уединении. А во-вторых, я продолжаю учиться своему ремеслу. С определенного момента ступени любого учения переходят из внешнего мира во внутренний – и отшельничество неизбежно для всякого, ищущего мастерства.

Она говорила так медленно, так убаюкивающе, что я снова чуть было не начала клевать носом. Но Мокки не терял делового настроения.

– И что, Галаса, во мне ты тоже видишь что-то сломанное? – вызывающе спросил он.

В ответ на вопрос Мокки целительница едва заметно приподняла свои контрастные светлые брови.

– Вижу, вор, – сказала она без тени вызова или улыбки.

– Ну и как же ты хочешь помочь мне?

Галаса несколько мгновений молча смотрела на него. Мокки равнодушно грыз аппетитную хлебную корочку.

Наконец женщина неспешно заговорила низким, грудным голосом:

– То, что кажется тебе изъясном, на самом деле – красивый узор. Такой же прекрасный и необычный, как многие другие. И в глубине души ты это знаешь, Мокки Бакоа. Но столь многие говорили иначе, что ты сам стал наносить увечья своей жизни, пряча за ними этот узор. Перестань калечить себя. Ты прекрасен, Мокки. Ты прекрасен. Ты достоин. Тебе ничего не надо для этого менять, ты и так хорош, изначально. Ты имеешь право любить себя, более того – мир хочет, чтобы ты себя любил.

После этих слов повисла пауза.

Да такая, что стало слышно, как в окно бьется светло-зеленый мотылек. А затем Мокки, замерший было, скорчил такую кисло-«задолбанную» физиономию, что всякая магия растворилась. Увидев это, Галаса молча развернулась к двери избушки. Открыла ее, уже ступила на порог, но в последний момент все-таки оглянулась...

Ее зеленые глаза чуть прищурились, и целительница вдруг небрежно, будто что-то очень неважное, бросила:

– И еще. *Честнее было бы рассказать.*

И знахарка вышла в ночь.

– Во всех этих «духовных учителях» и «просвещенных», которых такое неадекватное количество на вашем острове, меня больше всего поражает то, что они настолько *одинаковые*, – едва за ней закрылась дверь, зашипел Мокки. – Говорят негромко, одеваются «природно», считают, что вселенная нас любит и все такое. Энергию туда же приплетают. Про религию особенно не упоминают, потому что это не модно, но мотивчики все те же. И главное: если ты не реагируешь, они говорят, что, дескать, не-не, он среагировал, но точно среагировал внутри, ребята, я вас уверяю, но его всякие там колючки и плохие черты характера не дают ему это показать, ведь ему БОЛЬНО!.. И в конце так драматично: «я вижу твою боль, я понимаю тебя», – у Мокки получилась настолько идеальная скорбно-сочувствующая интонация, что я хмыкнула.

– А вот этот твой монолог не означает, что ты среагировал? – пожурела его я.

– Нет! – возмутился Бакоа. – Этот монолог означает, что я в край задолбался. Тилвасу пора проснуться и объяснить, какого гурха тут происходит, иначе я встану прямо сейчас и пойду домой. Заберу своих воров у Алого братства, а потом разверну такую бойню в гильдийском квартале, что в итоге вообще никаких других гильдий не останется – лишь одна, имени Мокки Бакоа. Подомну весь город. Зря, что ли, эта Галаса сейчас сказала, что я достоин? Вот, считай, мотивировался. Не в том направлении, в котором она хотела, зато как успешно!.. – он ухмыльнулся во весь рот.

Я фыркнула. Потом еще раз. Потом не выдержала и в голос расхохоталась. Мокки тоже стал смеяться, еще громче.

Мы сидели на огромной белой печи, заваленные подушками, и смеялись так, что окна тряслись. Взлохмаченные и мокрые волосы Мокки – он успел сходить в душ – торчали во все стороны, как птичьи перья, и то и дело падали ему на глаза, я тоже отчаянно заправляла за уши свои выбившиеся из хвоста синие прядки.

Мы оба были одеты в какие-то расшитые халаты, выуженные для нас госпожой Галасой из огромного узорного ларца, и сами себе напоминали торговцев из увеселительного квартала Пряной Ласточки. Пока мы хохотали, ловкие пальцы взломщика не переставали привычно крутить в руках какую-то прихваченную на столе финтифлюшку – Мокки часто что-то вертит в пальцах, чтобы не терять навык. Чаще всего – когда нервничает... Я же все время придерживала халат – он, безразмерный, украшенный тяжелым бисером, так и норовил съехать с плеча, оголить его, и я упорно этому препятствовала, хотя... Может, халат прав?

Я вспомнила взгляд Бакоа вчера в саду. «*Ты не понимаешь. Мне на тебя не плевать*». Ту его напряженность. Ту тайну. Впервые за годы нашего знакомства я почувствовала, что внутри

Бакоа ворочалось что-то, напоминавшее метания человека, который пытается потушить чувства к другому, но не может.

Сейчас за окном была весенняя ночь и мириады пляшущих светлячков висели в воздухе. Камин потрескивал, печь тихо гудела, на столе дрожали свечи. Было сумеречно-интимно и как-то распахнуто-оголтело – особенно из-за всего этого хохота и предшествующих ему приключений, – и я подумала, что Мокки точно должен меня поцеловать.

Ну прямо должен. Ну как иначе. В теории я и сама могу, но...

Мокки вдруг очень резко перестал смеяться и, подавшись вперед, посмотрел на меня в упор. Мы оказались волнующе близко. Наши носы почти касались друг друга, и я видела крохотный белый шрам над правым глазом Бакоа. От Мокки пахло свежим бергамотовым мылом и немного морем – потому что от него всегда пахнет морем – бескрайним, черным, ночным. Закрывать глаза и утонуть, забывшись, – что может быть проще? В шальных зрачках Бакоа отражалось мое взбудораженное, настороженное лицо. Сам вор выглядел странно. Он был разгоряченным и гневным, будто сейчас кто-то его очень разозлил. Я нахмурилась.

– Джерри, – тихо сказал Мокки, кладя обе ладони мне на плечи и вцепляясь в них до боли, так, что я чуть не зашипела. – Джерри, я должен...

Но именно в этот момент на кухонном столе случилось экстренное восстание из мертвых. А именно: Тилвас Талвани резко сел, снял с глаз два фиалковых цветка, за каким-то гурхом положенные туда целительницей, и вздохнул, глядя на них:

– Хорошо хоть, не свежие огурцы.

Потом аристократ повернулся к нашей живописной композиции и слегка, на полсантиметра, вскинул бровь:

– Я помешал?

Не успела я удивиться тому, как, оказывается, рада увидеть его живым и снова приятно-румяным – несмотря на все отягчающие обстоятельства, связанные с его личностью и *крайне* неудачным моментом пробуждения, – как Мокки зарычал.

– Я тебя сейчас уничтожу! – гаркнул Бакоа и одним каким-то диким кошачьим прыжком перелетел с печи на стол, где кульком сбросил Тилваса на пол и, запрыгнув на него сверху, начал трясти.

История артефактора

Rerum natura nullam nobis dedit cognitionem finium.

«Природа не дала нам знаний о пределах вещей».

Впрочем, длилось это недолго.

Что ни говори, а логика у Мокки тоже присутствует: убивать того, кого только что спасли и кто хранит нужную тебе информацию, – довольно глупая затея.

Тилвас тоже это понимал, поэтому даже особенно не сопротивлялся нападению. Просто переждал внеплановый жесткий массаж, а потом с издевкой спросил:

– Угомонился, Бакоа? Тогда слезь, будь добр. Или близость ко мне – необходимый элемент твоего душевного спокойствия?

– Я просто *мечтаю* о том дне, когда все это закончится и я наконец тебя грохну, – с чувством сказал Мокки, напоследок пнув артефактора. – Сделаю чучело, поставлю при входе в гильдию. Будешь всем улыбаться и махать в стиле старой сенаторши Бесты⁷.

– Гадость какая. У тебя совершенно нет вкуса, вор. Напомни, я порекомендую тебе учителей: такую фантазию нужно направить в мирное русло, – развеселился Тилвас, садясь и глядя на собственный амулет в виде ворона.

При виде трещины, пошедшей по стеклу, аристократ побледнел и прикусил губу:

– Sakken... – пробормотал он.

Я спрыгнула с печи и опустилась на корточки напротив артефактора.

– Тилвас, – голос у меня был даже строже, чем я планировала. – Мне кажется, самое время для правды. *Всей* правды. Ты обещал.

Талвани поднял на меня свои удивительные глаза того странного серого цвета, по которому не поймешь – теплый он или холодный. Как и по самому Тилвасу, впрочем.

– Ты права, – наконец сказал он. – Тем более времени у меня осталось совсем немного.

– Это еще что значит?

Вслед за аристократом я посмотрела на его амулет. Мокки тоже недоуменно сощурился на двуглавую птицу, сувенир с острова Нчардирк. Из крохотной трещины на ее шее будто сочились какие-то слабые мерцающие искры – и растворялись в теплом воздухе натоленной избы.

Талвани не ответил на мой вопрос.

Он встал, вытянувшись во весь рост, и уточнил:

– Может, прогуляемся? На ходу думается лучше. Не говоря уж о том, что так легче рассказывать о своем прошлом: появляется приятное ощущение, будто ты оставляешь его за спиной шаг за шагом.

– Это иллюзия, – жестко отрезала я.

– Вся жизнь – одни сплошные иллюзии, что поделать. Остается только выкачивать из них максимум, «сшивая» под себя.

Мы вышли в ночь.

⁷ Шэрхенмистой управляют десять сенаторов. Трое из них – женщины, одну зовут Беста, она самая старшая.

* * *

Рассказ Тилваса Талвани

На бытовом уровне колдовству может научиться практически каждый – было бы время, желание и упорство. Но некоторые изначально рождаются с теми или иными магическими способностями, выданными, что называется, «сверх нормы».

Так, есть люди, одаренные (или, скорее, проклятые?) способностью видеть чужое прошлое – как Галаса Дарети, например. Есть те, кто понимает шепот деревьев, и те, чьему обаянию сложно противостоять, есть оборотни, в конце концов. Способности бывают очень разные, у кого-то они развиты сильнее, у кого-то слабее. Кто-то пользуется ими, другие – игнорируют.

Я, Тилвас Хлогорун Талвани, наследник угасающего знатного рода, тоже родился с определенным даром. Очень редким.

А именно: я вижу даже скрытые сущности из мира духов. Все невидимые и бесплотные существа, в изобилии населяющие Шэрхенмисту, не являются для меня секретом. Я чувствую их, находясь рядом, я вижу их, даже если они не хотят показываться. Более того, я могу взаимодействовать с теми из них, кто обычно никак не пересекается с людьми: собственно, это касается рёххов.

Грубо говоря, по какому-то небесному недосмотру у меня есть доступ к пласту реальности, в котором они существуют.

В детстве, помню, всё это дико напрягало моих родственников. Я мог часами пялиться в пустой угол комнаты и угукать, и смеяться, и рыдать, а чуть позже – возбужденно и деятельно рассказывать пустоте о своем дне и спрашивать ее мнения...

– Кто там, Тилвас? – обеспокоенно спрашивала нянюшка. – Там никого нет!

– Есть! Там черный человек с оленьими рогами! – восторженно объяснял я. – Вон, прямо у окна!

– Нет, Тилвас, там никого нет, тебе кажется!

– Есть! Вот! Он шагнул к тебе, он стоит у тебя за спиной – ну посмотри в зеркало, ты что, не видишь?!

Нянюшки увольнялись одна за другой.

Когда стало ясно, что я действительно *вижу*, а не обладаю излишне богатым воображением, старый колдун Хавэций Остилиар, друг моего давно почившего деда, посоветовал мне не особенно распространяться на эту тему.

«Оборотная сторона любого дара в том, что он несет за собой соблазны для других и искушения для тебя», – сказал он.

Скажем так: я послушался его отчасти. Я специально не афишировал свой дар, но если кто-то о нем спрашивал – то не скрывал правды. Плюс на тот момент я еще не знал, что мой дар распространяется на рёххов – в городах духи природы практически не водятся, а в том, чтобы созерцать и шпынять мелких сущностей, живущих бок о бок с людьми, большой заслуги я не видел.

Хотя, возможно, лучше сказать иначе: мне *нравилось* иметь тайну. Тайны – лучший на свете парфюм, привлекательнее феромонов.

После школы я поступил в университет имени Рэндома, на факультет заклинателей. Я ошибочно думал, что среди моих однокурсников наверняка будет много людей с таким даром. Однако духов могла видеть только госпожа Галаса – наша преподавательница по целительству. Я выяснил это в один осенний день, когда мы с ней, не сговариваясь, объявили волонтерскую охоту на злокозненного духа гаэко. Это такое не очень приятное существо, которое высасывает

энергию из тех, кто, по его мнению, пытается предстать храбрецами во мраке ночи, хвастаясь бесстрашием, несмотря на тьму, одиночество и тишину этого времени суток. Короче, дух – радикальный блюститель порядка. Гаэко было чем поживиться в университетских стенах, и многие студенты ходили выжатые, как тряпки, – они винили наши роскошные празднества, но на деле их тихо подьедал гаэко.

И вот я решил его отловить, и госпожа Галаса Дарети решила сделать то же самое, и мы столкнулись как-то ночью в Гранатовой библиотеке с заклинаниями и дерюжными мешками наперевес и, успешно отловив гаэко, подружились.

– Я предпочитаю не рассказывать о своем даре никому, – сказала Галаса. – И не хочу как-либо с его помощью влиять на мир. Этот инструмент кажется мне неправильным.

– О моем даре здесь знает только декан, – пожал плечами я. – Я сказал при поступлении, надеясь, что мне подкинут пару лишних баллов.

– Значит, однажды за тобой придут, Тилвас.

И они пришли.

Это случилось на последнем курсе, в самом конце обучения.

* * *

После слов целительницы я невольно ждал чего-то плохого.

Однако человек, который однажды вечером постучался в мою спальню, выглядел безобидно: хрупкий седовласый старичок в мягком джемпере с замшевыми заплатками на локтях. В книгах ужасов таких «профессоров» обычно убивают первыми. Старик был энергичным и явно увлечен своим делом, его добродушные глаза прятались за огромными круглыми очками, а на пальце правой руки виднелась мозоль от частого письма. Посетитель смотрел на меня с невиданной надеждой.

Он представился сэром Айтешем и пригласил меня прогуляться по Пику Волн. У него была смешная курительная трубка: мы то и дело останавливались, чтобы он неспешно, с удовольствием набил ее цветочным табаком.

– Если мне не солгали, молодой человек, – дребезжаще, но дружелюбно говорил Айтеш, – то вы просто прекрасно подходите для одной замечательной работы! Милый Тилвас, вы когда-нибудь слышали об Ордене Сумрачной Вуали?..

Но не успел я ответить отрицательно, как старичок разулыбался и замахал руками:

– Впрочем, конечно, не слышали! Ведь это одна из самых тайных организаций в стране. Если бы вы сейчас сказали: «Да, я читал о ней вчера в вечерней газете», то я сначала бы поперхнулся, потом бы пережил инфаркт, а под занавес был бы вынужден немедленно принять меры – и по отношению к вам, и по отношению к себе... Ведь это я – глава Ордена и обязан в том числе блюсти его секретность. Это мой высший долг. Тилвас, не буду томить вас и сразу скажу как есть. Орден Сумрачной Вуали занимается тем, что подселяет рёххов в людей. Это происходит исключительно по взаимному согласию и приносит обеим сторонам выгоду – хотя мне больше нравится говорить, что это *помогает* рёххам и людям. Специалисты с вашим даром нужны нам, потому что только вы можете взаимодействовать с духами природы и тем самым организовывать первый этап подселения.

...Несмотря на то что сэр Айтеш выглядел немного сумасшедшим, дальнейшее общение показало: он говорит истинную правду. Это действительно был один из самых влиятельных людей Шэрхенмисты.

У меня, конечно же, имелся миллион вопросов и подозрений, но старичок в зеленом джемпере успешно развеял все мои сомнения. Он делал это постепенно: мы встречались много раз, проводя за беседами долгие часы.

Оказалось, что Орден Сумрачной Вуали существовал уже несколько столетий. Причем организовал его не кто иной, как один из моих предков по имени Тулли Талвани. Я, конечно, мгновенно заподозрил в происходящем некий мошеннический подтекст: что еще за совпадения? Но оказалось, что это, скорее, закономерность: редкий дар общения с духами часто возникает в одних и тех же семьях, передаваясь по наследству сквозь века.

На личном опыте – его жена умирала от неизлечимой болезни – мой пра...прапрадед Тулли выяснил, что если подселить рёхха к человеку, то тот выздоравливает от всех болезней, а рёхх получает невероятный, бесценный опыт – возможность побыть *материальным* существом с *плотным* телом.

– Вы даже не представляете, милый Тилвас, как интересно духам природы почувствовать себя *по-настоящему* живыми, – объяснял сэр Айтеш. – Для них это – самая волшебная магия. Чудесатое колдовство!

– А что происходит с сознанием? Как они делят тело? – любопытничал я.

– Человек остается главным. Рёхх сидит в теле, как будто в театре, но у носителя появляются некоторые его черты. Например, одна моя знакомая с мышкой *флейкой* внутри после *подселения* очень полюбила тыквенные семечки, зато кошек теперь терпеть не может.

– А если рёхх захочет захватить власть над человеком?

– Не сможет. Да и не захочет! Для рёхха такой концерт – *жизнь* – это само по себе настоящее чудо. К тому же мы подселяем только самых миролюбивых духов: мышек, птичек, ящерок... Да еще и берем с них миллион нерушимых клятв. К характерным рёххам нашим кодексом запрещено даже приближаться, потому что они, конечно, могли бы наворотить дел. Да и человек с сильным рёххом окажется... негармонично могущественным, – пожал плечами Айтеш. – Впрочем, те характерные рёххи, с которыми мы все же успели встретиться, и сами не хотят соединяться с людьми. Они презируют нас, считают неповоротливыми гниющими кусками мяса, обреченными на разложение с самого момента своего появления на свет. Зачем им такая обуза?

Я непроизвольно вздрогнул, услышав такое неприятное и в то же время четкое определение.

– А к *кому* вы подселяете рёххов? – уточнил я.

– К тем, кто смертельно болен и кого мы не можем вылечить другими методами. Да, Тилвас, это действительно сложно, – старичок поднял ладонь, не давая мне задать новый вопрос, – понимать, что с помощью духов можно помочь далеко не всем, ведь больных больше, чем рёххов. Дух подселяется навсегда: он освободится только в момент смерти человека, потому что иначе все болезни, которые лечит магия рёхха, мгновенно вернуться. Но я верю, что лучше так, чем никак, – сэр Айтеш помолчал, прежде чем со вздохом добавить: – Пусть даже наш выбор построен на циничных рассуждениях о том, чья жизнь сейчас особенно нужна обществу... И все же. Если у тебя есть двадцать ампул с лекарством и сто умирающих, будет очень глупо выбросить эти ампулы вместо того, чтобы спасти хоть часть людей, так я считаю.

Позже я узнал, что эта реплика была завуалированным упреком госпоже Галасе Дарети, которая в свое время категорически отвергла приглашение вступить в Орден. Галаса верила, что, если кому-то суждено умереть – он должен умереть, и приплетать сюда духов – дурная затея, противоречащая некоему всеобщему замыслу.

– Тем более, – говорила целительница, объясняя свою позицию, – они ведь не смотрят в глаза тем, кого *не* вылечат. Организация тайная, о ней узнают лишь те, кому повезло.

– А разве это так уж важно – смотреть в глаза? – возразил я. – Иногда лучше не знать.

– Знать нужно всегда.

– По-вашему, они злодеи? – я многозначительно подвигал бровями.

– Нет, совсем нет, – со вздохом признала Галаса. – В Ордене состоят нормальные люди, которые верят, что делают доброе дело. И, наверное, действительно делают его до некоторой

степени... А еще они безобидные. Они даже смирились с тем, что я знаю о них: по идее Орден стирает память всем провалившимся кандидатам, но со мной этот трюк не прошел, потому что мой дар быстро возвращает мне воспоминания. И за это никто меня не убил и даже не пригрозил расправой: меня просто по-человечески просят молчать, иногда напоминая об этом конфетами. Ты не в счет, – улыбнулась она, – ты же хочешь с ними работать, как я поняла?

И да, она поняла правильно. В общем и целом мне понравился Орден Сумрачной Вуали.

Я согласился стать переговорщиком – то есть специалистом, который находит рёхха, предлагает ему подселение, обсуждает с ним все нюансы, а потом помогает духу перейти в специальный артефакт Объединения, из которого рёхх уже попадет в «своего» человека.

– Официально мы сможем принять тебя только после тестового задания, – объяснял сэр Айтеш. – Если ты не справишься с ним или просто поймешь, что не хочешь работать с нами, – это нормально.

Идеальный шеф!

В итоге я просто не мог дожидаться окончания университета и выпускного: настолько мне хотелось отправиться на первую миссию.

Меня попросили поехать на север архипелага Шэрхенмисты и попробовать найти там певчую птичку *слявкойли*.

– Когда найдешь птицу, нужно будет договориться с ней. Объяснить все плюсы и минусы. Потом – с ее разрешения – втянуть ее в артефакт и вернуться с ним, чтобы здесь мы провели ритуал. Если слявкойли не захочет присоединяться – ничего страшного, есть еще много свободных рёххов, мы найдем кого-то другого.

Сэр Айтеш вручил мне загадочный стеклянный диск с вырезанной серединой – так называемое внешнее кольцо артефакта Объединения. Дырка в центре артефакта была очень странной формы. Это сделано специально: только когда в нее вставят подходящую внутреннюю часть и проведут назначенный ритуал, дух перейдет в клиента. Артефакт Объединения был невероятно сложной штукой, чей механизм держался в тайне (естественно) и который лучшие артефакторы Шэрхенмисты разрабатывали веками. Без шуток. *Веками*.

– Ну, с богами-хранителями! – сэр Айтеш попрощался со мной туманным летним утром, и я отправился на север.

Поиски слявкойли шли очень долго и привели меня на скалистый остров Нчардирк. Действующий грязевой вулкан, высокогорные кедровые рощи, скалы и ущелья, море и всего одна деревушка – такой была эта неблагополучная земля, путь до которой занял почти месяц: лодки между северными землями, широко разбросанными по морю, ходили очень редко.

Но именно на таких удаленных территориях нередко обитали рёххи, которых пугала активная жизнь главного острова Шэрхенмисты.

В Нчардирке мне – молодому, веселому и *очень* редкому гостю – были рады. Жители деревни думали, что я картограф – я представился так, чтобы оправдать свой интерес к дальним и пустым территориям острова, куда собирался отправиться в одиночестве. Селяне подарили мне амулет со своим гербом – огромный и вычурный медальон в виде двуглавого ворона. Он выглядел до одури жутко, но я надел его, чтобы им было приятно...

Путешествовать в одиночку по промозглым, туманным нагорьям Нчардирка оказалось невероятно тяжело. Мне кажется, до того в моей обласканной благами жизни не было ни намека на подобные испытания.

У меня имелись: я сам, огромный рюкзак со сменной одеждой и припасами, остроконечная шляпа с сеткой, защищающей от комаров, внешнее кольцо артефакта Объединения, кое-какие магические свитки и копия кодекса Ордена, которую я взял в дорогу, чтобы как следует изучить.

Кодекс писали кровью, он был затянут магической сеткой непреложных клятв и обетов. В нем сотрудники Ордена и пациенты расписывались в соблюдении самых главных правил,

нарушение которых каралось многолетним заключением в тюрьме, а то и казнью. Да-да. Пусть даже краеугольным камнем Сумрачной Вуали была некая целительская история, правонарушителей ждала страшная расправа.

Так, сотрудники ни при каких условиях не имели права подселять рёххов в себя – только если сами попадут в программу как пациенты и будут единогласно одобрены для подселения. Также запрещалось приближаться к характерным рёххам и как-либо вступать с ними в связь. Пациент вы или член Ордена, нельзя было обсуждать происходящее ни с кем, даже с самыми близкими родственниками. Возбранялось показывать кому-либо артефакт Объединения и тем более использовать его или копировать.

Все эти нарушения карались безжалостно. Когда ты поступал в Орден, то подписывался под правилами, и, если нарушал их – белки твоих глаз чернели, и все видели твою ложь. А еще эти клятвы распространялись на то, что у нас принято называть «стукачеством»: если бы ты узнал о промахе кого-то из коллег и не донёс об этом, твои глаза тоже сменили бы цвет.

В общем, это было не самое радужное чтение в не самых оптимистичных условиях!

Прахов дождь на острове Нчардирк вообще не прекращался, и я забыл, что такое сухая одежда. Я забивался под каменные навесы скал и там пытался разводить костры, но получалось далеко не всегда. Как я ни прислушивался, как ни подманивал рёхха, на стылых землях Нчардирка не было ни намека на нужную мне птичку слявкойли. У меня саднило горло, я охрип и замерз и в какой-то момент решил, что, наверное, надо сворачиваться, но...

Почуял далекий след рёхха.

Ура!

С новыми силами я рванул на охоту, подчиняясь чутью, отыскивая призрачные следы духа природы. Для меня они выглядели как мерцающие пятна, появляющиеся то на камнях, то на деревьях, то прямо в воздухе – их было видно, только если я определенным образом расфокусировывал взгляд, и они очень быстро таяли.

След рёхха привел меня в самую дикую часть острова – в долину Уркус-Файя. Она была похожа на страшный сон: в Уркус-Файе сплошняком торчали острые каменные скалы с глубокими проломами между ними, и все они постепенно становились выше, выше, пока не заканчивались хищным грязевым вулканом. Вулкан бурлил, далеко плевался валунами, иногда сбивая те или иные части скал и растущие на них каменные кедры. Мне казалось, я попал в другой мир.

А еще в бинокль я наконец-то увидел слявкойли!

Крохотная лазоревая птичка летала над долиной. Я попробовал призвать ее, но было слишком далеко. Тогда я поудобнее подтянул лямки рюкзака, поправил шляпу и полез по скалам вперед. Вскоре я окликнул птицу, но она, судя по всему, никогда прежде не видела человека с даром – и так испугалась, что рванула прочь, вновь увеличивая расстояние. Ругаясь и пытаясь объяснить ситуацию, я скинул тяжелую ношу и налегке бросился следом за ней. Отшельница слявкойли улепетывала, несясь впереди светлым пятном, я гнался за ней, оскальзываясь на валунах, долина Уркус-Файя ревела и сипела странными испарениями, и вдруг...

Вдруг вулкан заревел, зарычал, плюнул – и несколько мгновений спустя огромный камень сбил меня со скалы в черное ущелье, по ходу дела ломая и кроша мне кости.

Удар об острые камни. Бесконечная боль.

Темнота.

* * *

...Тилвас Талвани лежал на спине, захлебываясь кровью.

Небо было грязно-серым, бессмысленно-плотным. Как будто старый матрас висел над островом, и ошметки облаков были похожи на торчащие нитки. С неба сыпался мелкий дождь, похожий на порошок.

Тилвас не мог шевелиться.

«Не закрывай глаза, – думал он. – Не закрывай глаза: на этот раз ты их не откроешь...»

Не было ни единого шанса, что кто-то найдет его на этой далекой земле. Разве что жители деревни через пару недель отправят поисковый отряд... Но будет поздно. Судя по крови, kloкочущей в горле, ему осталось недолго.

Рука Тилваса непроизвольно дернулась, и он почувствовал под пальцами артефакт Объединения, лежащий в нагрудном кармане. Да уж... Штучка оказалась куда крепче его. Стоило соглашаться на такую работу – помочь кому-то выжить с помощью рёхха, – чтобы самому погибнуть.

Боги-хранители, как же глупо...

Он даже ничего не сделал в этой жизни. Едва успел *начать* жить... Ни любви, ни свершений, ни особых знаний – зачем ты вообще родился, Тилвас?

Можно плакать. Никто не увидит.

Небо как будто стало еще ниже. Зрение подводило; все расплывалось.

«Нет, – подумал Тилвас, – нет, я не сдамся. Я... – он смог чуть-чуть изменить положение тела, – не сдамся!..»

Уже стемнело. Над островом восстала глухая и ледяная ночь, полная далекого волчьего воя, тихого гула моря, когда Тилвас смог отползти от места падения на... полтора метра.

Полтора жалких метра. За ним тянулся широкий кровавый след.

Талвани не хотел прекращать борьбу. Он мысленно подбадривал себя, ставил маленькие, но жесткие цели – *«ты проползешь еще полтора метра до рассвета, парень, и это не обговаривается»*, – но беда в том, что Тилвас умирал.

Тихо и с сожалением отказывали его разбитые органы. Кровь, впитываясь в шершавые камни Нчардирка, темнела от горя – *я покидаю тебя, любимый*. Зрение почти угасло, а в груди пережало что-то – и каждый вдох оказывался страшной борьбой, полной хрипа и крови.

И вдруг... Перед лицом колдуна появилась белая лисья морда. Почти прозрачная. Морда с любопытством склонилась над ним и тихо втянула воздух вытянутым носом. Глаза у лисы были ярко-багровые, взгляд удивительно осмысленный.

«Предсмертные галлюцинации», – решил Тилвас.

– *Ты видишь меня, человек?* – произнес лис, наклоняя морду набок. Лис ощерился и недобро сузил глаза. Передней лапой он наступил на грудь колдуна, и это призрачное касание породило волну боли.

Тогда Тилвас понял, что это по-настоящему.

Пэйярту.

К нему пришел сам пэйярту – Белый Лис, хранитель кедровых лесов. Один из сильнейших характерных рёххов, герой многочисленных легенд – коварный, хитрый, опасный Белый Лис.

Который сейчас с живейшим интересом смотрел на Талвани.

– Да... Я... вижу... духов... – едва слышно прохрипел Тилвас. – Здравствуй... пэйярту...

Лис хищно облизнулся.

– *Ты даже имя мое знаешь.*

– Да.

– *Откуда?*

Тилвас закашлялся кровью. Ему было слишком тяжело говорить. Он попробовал прикрыть глаза, чувствуя, как растворяется в волнах боли, как молочная белизна небытия посте-

пенно окутывает его пуховым одеялом, но тут лис пэйярту вдруг изо всех сил ударил его лапой по груди.

– *Говори, человек! Говори!* – приказал он, и глаза его еще сильнее разгорелись алым. – *Это ты охотился сейчас за слявкой? Зачем мы тебе? Что это за магическая вещь у тебя в кармане? Не смей умирать! Говори!*

«Боги-хранители, да зачем ему это... Он не знает про подселение?.. Идиотский пэйярту...» — мысленно простонал Тилвас, но все-таки начал рассказ. Едва слышно, запинаясь. Если он замолкал, призрачный Лис бил его когтями по груди – и судя по тому, что эти удары ощущались очень болезненно, Лис не жалел сил.

Когда Тилвас рассказал ему всё об Ордене Сумрачной Вуали, пэйярту вдруг встал на него всеми четырьмя лапами и стал деловито ходить туда-сюда.

– Что ты делаешь? – простонал Тилвас, ощущая тяжелое давление духа.

– *Думаю, что можно вставить в центр твоего артефакта взамен отсутствующего куска.*

– Зачем?..

– *Я хочу объединиться с тобой, человек.*

Тилвас попробовал рассмеяться. С каждым смешком кровь струйкой вытекала у него из рта. Лис раздраженно махнул хвостом.

– *Ничего смешного,* – прорычал он, скалясь.

– Еще как смешно. Меня хочет спасти пэйярту.

– *Мне нет дела до твоего спасения, человек! Я просто тоже хочу познать материальную жизнь. Я ушел сюда, в Нчардирк, несколько сотен лет назад. Я не знал о том, что мы можем объединяться с людьми. Теперь знаю. И не собираюсь упускать свой шанс.*

– Вы – характерные и не можете с нами объединяться. Это запрещено.

– *Ты правда думаешь, что мне не плевать?* – блеснул глазами пэйярту.

– Мне сейчас тоже плевать, – просипел, соглашаясь, Тилвас. – Но я не умею проводить ритуал.

– *Жить захочешь – проведешь. Так. Мне кажется, вот это подойдет для внутренней части артефакта,* – лис зубами приподнял дурацкий амулет в виде ворона, который каким-то чудом не разбился, продолжая висеть на шее аристократа. – *Давай. Запикивай меня туда, а потом в себя. Нет ничего невозможного. Есть только недостаточно нужное.*

– Учти: мы оба можем погибнуть, – едва слышно пробормотал Тилвас.

– *Я не могу. Я же дух. А ты так и так сейчас сдохнешь – хотя бы попробуй, что ли.*

И лис, ощерившись, вложил амулет юноше в руку.

Сцена у водопада

Infandum renovare dolorem.

«Ужасно снова воскрешать боль».

В этой части своего рассказа Тилвас Талвани надолго замолчал.

Мы втроем дошли до края долины Лайстовица, и теперь земля перед нами обрывалась куда-то вниз. Там, невидимые в темноте, бурлили потоки водопада, ревевшего по другую сторону ущелья. Водопад был высоким, маслянисто-черным и опасным в ночи. Мне пришлось задрать голову, чтобы увидеть его верхушку и гребень горы. Наверное, он куда выше, чем та скала, с которой упал Тилвас шесть лет назад. Но даже если так, больно представить, что Талвани чувствовал во время падения. И, конечно же, после него.

Взъерошенный Мокки вытащил из кармана флягу, которую прихватил в избушке целительницы, и без слов протянул ее артефактору. Тилвас улыбнулся, будто оттаивая от своих темных воспоминаний. Он приподнял фляжку, салютуя, но пить не стал.

– В общем-то мы оба тогда ошиблись, – сказал аристократ уже бодрее. Он сел на краю ущелья и свесил ноги в пустоту. – Я, когда пытался провести ритуал. И *пэйярту*, когда сказал, что не может погибнуть, потому что он дух.

Тилвас подобрал какую-то палочку и на рыхлом клочке земли нарисовал большой круг, а в нем кляксу.

– Ритуал подселения происходит следующим образом, – объяснил он. – У артефакта Объединения есть внешняя часть и внутренняя, на них нарисована схема-маршрутизатор, зачарованная под конкретного рёхха. Колдун шепчет заговор, и рёхх добровольно входит во внешнюю часть. После этого вставляется внутренняя часть, и схема загорается, отмечая маршрут. Колдун надевает амулет на клиента, и рёхх перетекает в него. Так должно быть согласно плану. У нас же получилось прах знает что. Амулет с вороном не был оригинальной запчастью, схема на нем отсутствовала, да и форма подкачала. Пэйярту равен *кроткому* рёхху, умноженному примерно на тридцать, и артефакт не предназначался для такой мощи. Я понятия не имел, какой заговор читать, а еще я как бы умирал, поэтому прошептал что-то почти наугад, вкачав в заклинание всю свою оставшуюся энергию и благополучно отключившись. Белого Лиса это не смутило: он «зашел» в артефакт и... – Тилвас вдруг коротко хохотнул, – застрял. Будто хвост прищемило. Дверью. Межпространственной.

Мокки тоже было хмыкнул, но аристократ погрозил ему пальцем:

– Не вздумай ржать, Бакоа. Над собственным горем могу смеяться лишь я сам.

– Да не больно-то и хотелось. Я чихнуть собирался: у меня аллергия на лисий мех.

– С каких это пор? – я посмотрела на него с укором.

– Аккурат с того момента, как ты заявила в мою гильдию с этим придурком.

Тилвас стер с земли свой рисунок и бросил палочку вперед, где ее тотчас сломали и закрутили тугие струи водопада.

– В общем, застрявший пэйярту не обрадовался и попробовал выйти обратно. Ритуал не предполагал такого трюка. Лис упирался, а ведь силища пэйярту – это не шутки. Он так упорствовал, что... Хм. Представьте себе эффект от разорвавшейся резинки в пакете с мукой. Взрыв. Сумятица. Полная неразбериха. Мы с пэйярту смешались, перепутались и слились в

одну сущность, расколотую между моим телом и амулетом. – Он похлопал по украшению в виде двуглавого ворона. – Поэтому я и умираю, если снять медальон. Ко мне не только возвращаются старые раны, но еще нас с пэйярту как бы разрывает. Причем обоих. Однако в тот момент ритуал казался величайшей победой... Когда я очнулся, то понял, что мое тело излечилось. А еще я был очень, – он ухмыльнулся, – очень доволен собой. И могущественен. И вообще – неприлично хорош.

– То есть ты утверждаешь, что завышенная самооценка досталась тебе от лиса? – я вскинула брови.

Тилвас прищелкнул пальцами и указал на меня в стиле «бинго!».

Я села на край ущелья рядом с ним. Прохладные брызги водопада долетали до наших лиц, остужая воспоминания.

– Тилвас, так ты все-таки скорее рёхх или человек? Галаса сказала – второе, но... – я пожала плечами.

Он отзеркалил мой жест.

– Давай сойдемся на том, что я – экспериментальная модель? – подмигнул он. – Впрочем, если судить по памяти, опыту, желаниям и манере держаться в обществе (за редкими игривыми исключениями) – я человек. Лисья сущность будто разлилась по черно-белому рисунку моей жизни, окрасив его в новые цвета, но не изменив сюжет. Думаю, получилось весьма органично. Хотя со стороны я могу казаться персоной с раздвоением личности: так резко меня мотает от мягких контуров человеческой натуры к ярким краскам животной сущности.

– Да уж, это мы заметили.

– Молодцы, сто баллов в зачетку. А вот в Ордене, к счастью, никто не обратил внимания. Внешняя часть артефакта Объединения разрушилась после ритуала, и мне пришлось возвращаться с пустыми руками, надеясь, что я смогу обмануть сэра Айтеша. Иначе, согласно кодексу, меня бы просто отдали под суд и казнили. С ложью все прошло легко: тут лисья сущность показала себя во всей красе. Я подстраховался: перед тем как уезжать с острова, устроил небольшое крушение на рыбацком судне. Благодаря этому у меня было много свидетелей того, как я отчаянно тону и теряю все свои вещи, которые тотчас утягивают подводные зыбучие пески. Я и моряки чудом спаслись, но вот мой рюкзак – увы. В нем якобы был и артефакт – так я сообщил в Ордене. Про птичку слявкойли я сказал просто: не нашел. Я успешно выдержал все собеседования и проверку на маг-детекторе лжи, а потом со стыдом направился в комнату стирания памяти – такова финальная ступень для провалившихся кандидатов. По идее это было секретом – но мне-то о нем умудрилась сболтнуть Галаса Дарети... Так что я заблаговременно написал себе подробное письмо с рассказом о произошедшем. В итоге Орден остался разочарован моей неудачной поездкой, но не затаил зла. И тогда для всего мира я стал легкомысленным безработным аристократом, а сам тайно придумывал, как все-таки снять с себя медальон и объединиться с застрявшей в нем частью... Быстро выяснилось, что для этого нужно знать артефакторство, поэтому я углубился в эту науку. Я учился у лучших, но инкогнито. Бесконечно практиковался. Даже замок продал, чтобы расплачиваться за такое... хобби. Собственно, так и прошли для меня эти шесть лет.

Мокки пожал плечами:

– Шесть лет – немалый срок, аристократишка. Почему бы просто не смириться с украшением и не жить с ним в свое удовольствие? Я так понимаю, в целом у тебя все хорошо.

– Я бы так не сказал, – покачал головой Тилвас. – Во-первых – и это самое очевидное – мне очень не нравится то, что у меня на груди находится вещь, потеря которой может меня убить. Даже если большинство людей не в состоянии коснуться медальона, я в теории могу зацепиться за что-то типа колеса кареты или потерять его в море. Неловко получится. Во-вторых, о нежных объятиях можно забыть, ведь всех, кроме Джерри, шарахает током, а Джерри

появилась на сцене недавно и скорее обнимет фонарный столб, да?.. – Он быстро стрельнул в меня глазами, и я сделала вид, что оцениваю перспективы.

– Столб не так уж и плох, – подытожила я.

Ответом мне было довольное фырканье. *Чего еще от тебя ждать, воровка? Я так и знал, я люблю пикировки, Джерри.*

– В общем, в отсутствие близости моя чуткая лисья душа страдает: я так хотел испытать человечность! И где? И что? Не так-то удобно спать с людьми, все время следя за тем, чтобы они случайно не коснулись моей груди. Но продолжим список моих недовольств. Его третий пункт гласит: амулет действует как ограничитель. Все воспоминания, а также большая часть рёххова могущества застряли в нем.

– А вчерашнего могущества тебе мало, что ли? Не налей, – возмутился Мокки, морщась при воспоминании о паучьем подземелье.

Тилвас проигнорировал его реплику. Просто продолжил, вновь перейдя на серьезный чеканный тон:

– Ну и в-четвертых, представьте, что амулет – это как отрезанный палец. Сразу пришить его можно. А вот какое-то время спустя – уже не получится. Но у нас в уравнении – не палец, а часть души. С каждым годом мне все больнее жить без нее. Это почти физическое ощущение потери. Как... вечный холод. Будто у тебя внутри – ледяная иголка, и она с шорохом проворачивается в тебе днём и ночью, и что бы ты ни делал, где бы ни был – ты слышишь этот шорох, похожий на тихий, с ума сводящий шепот мёртвых из-под льда. Ты можешь заткнуть уши, закрыть глаза – но ты слышишь это бормотание смерти и беззвучные шаги, уходящие за горизонт. И когда часть, заключенная в амулете, окажется *слишком* далеко, перейдет невидимую грань – мы погибнем. Лис и я, – глухо закончил он.

Тилвас откашлялся, ловко поймал пролетающего мимо светлячка и вновь отпустил его мгновение спустя.

– А что касается могущества, Мокки... В том-то и беда. Вчера я насильно постарался вытянуть свои силы из амулета, фактически призвать самого себя будто отдельного духа. И, как помнишь, последствия неприятные, – Тилвас поморщился, поочередно глядя то на свои замотанные бинтами пальцы, то на треснувший медальон. – Видите эти искорки? – он указал на крохотные мерцающие точки, просачивающиеся сквозь раскол. – Грубо говоря, я теперь не только расщеплен, но еще и истекаю кровью. Точнее, энергией. И если это не прекратить, я просто умру. И у меня в запасе уже не несколько лет, как предполагалось раньше, а меньше месяца.

Тилвас замолчал и, сцепив руки в замок на затылке, упал назад, на траву.

* * *

Густой изумрудный клевер примялся под аристократом волной. Луна выплыла из-за туч, и в ее серебристом свете мне почудилось, что по лицу Тилваса бродят призрачные тени.

Я вдруг почувствовала, что он стал мне гораздо ближе после этого рассказа. Не просто понятнее – по всем формальным составляющим, – а именно ближе.

Ледяная игла внутри, отмеряющая время. Шуруп вечного холода, который всегда с тобой – в любой, даже самый счастливый момент. Смерть – это зашитый в людей сюрприз, специальная начинка в фирменном блюде жизни, которую ты обязательно надкусишь, но никогда не знаешь, *когда* и *как*...

Я устроилась рядом, обняв себя за колени, и свежий ночной ветер играл моими волосами. Мокки раскачивался взад-вперед, сидя на самом краю утеса. Тилвас, казалось, уснул, вымотанный своей исповедью.

Так забавно.

Помню, на свадьбе в замке Льовезов в какой-то момент я поймала себя на том, что была *особенно* зла на Тилваса Талвани – и заодно на себя. Я тогда заметила, насколько легко мне общаться с Тилвасом: перекидываться цитатами из древних книг, исполнять сложнейшие этикетные выкрутасы, залихватски ругаясь в паузах, с одинаковым интересом смотреть на какую-нибудь изысканную финтифлюшку на гербе – потому что мы оба знаем ее происхождение. Мы выросли в похожих условиях богато-интеллектуальной жизни и, кажется, относились к ней с одинаковым расслабленным пренебрежением. И меня это одновременно привлекало и бесило в артефакторе. От него веяло той жизнью, которую я потеряла в Зайверино. В некоторых наших перебранках я ругалась не по сценарию, а от души – я действительно... завидовала ему. И злилась.

А теперь...

Я покосилась на аристократа и осторожно прислушалась к своим чувствам. Мне казалось, сейчас я пойму, что вместо раздражения во мне поселилось сочувствие, но...

О. Нет, смотрите-ка. Он меня все еще бесил. Даже сильнее.

Но теперь из-за того, что так сладко вырубился, оставив меня в растерзанных чувствах после своего рассказа.

– Подъем, – приказала я, щелкнув Тилваса по лбу.

Он мгновенно открыл глаза – внимательные и настороженные.

– Твоя история не закончена.

– М-да? А по-моему, вполне закончена. Это называется открытый финал.

– Открытые финалы для слабаков. Рассказывай дальше.

– Что именно? – удивился Талвани.

– Как мы будем тебя спасать.

– «Мы»? Мне нравится, – на губах артефактора зазмеилась тонкая усмешка.

– О нет, поверь, тебе не понравится, – пообещал Мокки.

Тилвас изумленно к нему обернулся:

– У нас настолько широкое «мы»?

– Пока я с тобой, у меня набегают проценты за переработку, – вор пожал плечами. – Ты ведь не потратил все деньги с продажи замка, не так ли? Иначе мне придется попросить что-то поинтереснее. Например, своего рёхха внутри.

– Даже не думай! – вдруг рявкнул Талвани так жестко, что я вздрогнула, а Мокки, до того равнодушно сидевший спиной, заинтересованно обернулся.

– Больше никаких рёххов внутри, – холодно сказал артефактор. Глаза его сверкнули алым. – Ни у кого. Ни ради спасения, ни как-либо иначе.

– Почему? – я нахмурилась.

Аристократ пружинисто поднялся, сложил руки на груди и посмотрел на меня сверху вниз.

– Когда мы встретились, я действительно не знал, кто мог заказать мое убийство. Но постепенно появлялись детали, и теперь я практически уверен: за нами охотится кто-то из характерных рёххов в теле человека. Он силен и хитер. Мы – не первые его жертвы. Он уже заставил исчезнуть двух людей с подселенными младшими рёххами: так, что территории, которым они покровительствуют, внезапно иссохли... Раньше такого не случалось, – на всякий случай объяснил артефактор Мокки Бакоа. – Что-то могло исчезать из мира природы, но *само*, постепенно. Сами духи бессмертны. Даже если рёхха временно развеять или, как горфуса, заключить в тюрьме, вверенная ему территория или явление будут в полном порядке. Лишь *страдания* рёххов влияют на материальный мир... Вероятно, сейчас их, в их человеческих телах, пытаются. И это отражается на земле.

Тилвас вновь перевел взгляд на меня:

– Мы с тобой – новый объект его охоты. Он знает, кто я, и знает мою историю. А еще он знает *твою* историю, Джереми Барк. Помнишь, в тюрьме Зайверино тебе сказали, что в замке не было следов присутствия темных сущностей? Никаких следов одержимости, из-за чего твоя история казалась неправдоподобной? Там и не было сущностей, Джерри. Там был рёхх, каким-то образом сумевший проникнуть в Дерека из-за ритуала. Рёхх, которого заклинатели не смогли почувствовать, потому что дух природы не является темной сущностью. И сейчас этот рёхх выбрал тебя для моего убийства специально, потому что он понимал, что ты сможешь коснуться моего медальона...

Тилвас прикусил губу и продолжил чуть более низким голосом:

– Ведь он сам подарил тебе эту силу... Тогда. В Зайверино. Пять лет назад.

Мне на щеки будто плеснуло горячей водой. Пальцы онемели. Я не могла ничего сказать, голос просто исчез, и только сердце сумасшедше колотилось, а шрамы на спине как будто извивались, смеясь.

– Зачем? – невозмутимым тоном поинтересовался Мокки.

Тилвас ответил ему так, будто это я задала вопрос: обращаясь ко мне, смотря на меня.

– Дерек был лишь временной оболочкой. Тот рёхх хотел жить в тебе, Джереми Барк. Он готовился овладеть тобой. И хотя у него не получилось, он все еще считает тебя своей добычей. И присматривает за тобой.

Я резко вскочила на ноги. Голова кружилась. Будь я чуть менее ловкой, упала бы назад, в рычащую мглу водопада.

Тилвас потянулся ко мне, чтобы поймать, но я рявкнула:

– Не трогай меня! Отойди!

– Джерри?

– «Подарил», значит, да?! – Я металась на краю ущелья, словно кошка, попавшая в западню. – «Подарил мне силу» твой друг, я правильно расслышала? «Овладеть» хотел? Серьезно? «Присматривает»?! Это так теперь называется?!

Тилвас сквозь зубы выругался.

– Я просто так выразился, Джерри, – он вновь настойчиво протянул ко мне руку, с опаской глядя на землю, крошащуюся и летящую вниз под моими ногами.

Я зарычала:

– Не вздумай касаться меня, рёхх! – последнее слово я почти выплюнула, с ужасом чувствуя, что в глазах собираются слезы злости и страха. – Не подходи ко мне, не смотри на меня и только попробуй до меня дотронуться! Я убью тебя, слышишь?! *Я действительно тебя убью.* Как убила Дерека. Как убью всех, кто посмеет причинить мне боль. Мне плевать, сколько вас и какие у вас способности. Я вас всех уничтожу, я сотру вас с лица земли – я клянусь тебе, я смогу, только троньте.

– Джерри... – выдохнул Тилвас.

– Мать твою, Джерри, ты уже перебарщиваешь, – скороговоркой выпалил нахмурившийся Бакоа.

Я судорожно втянула ноздрями воздух, сама оттолкнула Тилваса двумя руками и побежала прочь.

Быстро. Еще быстрее.

Сквозь полночную долину, под вой далеких волков, по прохладной траве босиком. Мысли путались. Спина горела. В голове я вновь и вновь слышала тихий смех и мурлыкающий голос Дерека: «Дорога-а-а-я...» Ровно с той же интонацией, с какой Тилвас поёт: «Джереми-и-и-я...» Их образы начали путаться, соединяться в моем мозгу, воспаленном паникой, болью, усталостью, возможно – банальным безумием человека, однажды попавшего в беду...

В глубине души я всегда знала, что Дерек – на свободе. Что эта сущность никуда не делась, что она бродит по острову, скребет когтями кору старых буков и облизывается на луну.

Что ее губы покрыты кровью, а пальцы помнят растерзанные тела моих друзей. Я знала: зло существует.

Но я думала, что живу в воровской тени, спрятанная от него. Я думала: я в безопасности.

Я бежала до тех пор, пока не споткнулась о какую-то корягу и не упала. Тогда вместо того, чтобы подняться, я свернулась калачиком на влажной земле, закрыла глаза, сжала виски руками и долго, долго беззвучно рыдала во тьме.

«Дорога-а-а-я...»

Одеяльные дела

In nocte consilium.

«Решение приходит ночью».

Когда слезы закончились, я продолжала лежать.

Я не шевелилась и только медленно дышала. Вдох на восемь, задержка дыхания на десять, выдох на двенадцать. Спо-кой-не-е... Мысли неслись хаотичным потоком, но вот он становился слабее, уже не грозил утопить. Я старалась пропускать все мимо себя, ни на чем не сосредотачиваться, позволить моей внутренней тишине умыть меня и утешить.

Восемь.

Десять.

Двенадцать.

Не знаю, сколько времени прошло.

Я почти задремала, что здорово, ведь сон исцеляет, как вдруг почувствовала чье-то присутствие. Резко открыв глаза, я увидела Тилваса, стоящего в паре метров от меня. У него в руках было свернутое пуховое одеяло, и артефактор тянулся им вперед, явно собираясь положить на землю – максимально близко ко мне, но не пересекая воображаемую черту. Будто принес корм дикому животному и пытается просунуть сквозь решетку. Брови Тилваса были сведены в одну линию, губа прикушена от усердия. Он пытался быть максимально незаметным и с этим справлялся на ура – я не слышала его приближения, сработала чистая интуиция.

Талвани поднял взгляд и наткнулся на мои воспаленные заплаканные глаза. По его лицу скользнуло странное выражение. С минуту мы молчали, глядя друг на друга.

– Я не собираюсь тебе мешать и, конечно, не стану приближаться, Джерри, – наконец тихо произнес артефактор. – Я просто хотел оставить одеяло. Земля холодная.

– Кинь его мне.

Мой голос звучал хрипло и холодно.

Тилвас кинул. Я поймала. Затем села, тыльной стороной ладони вытерла щеки – наверняка все в красных пятнах – и, опустив голову, стала методично разворачивать теплое одеяло. Тилвас без слов наблюдал за тем, как я это делаю. Когда я легла, он бесшумно развернулся и двинулся прочь, его силуэт казался очень черным на фоне поляны, залитой лунным светом.

– Я уйду утром, – резко сказала я ему в спину. – Не буду заходить в дом Галасы. Прощай, Тилвас Талвани.

Аристократ остановился.

– А как же Мокки? – оглянулся он.

– Захочет – найдет меня сам.

Тилвас поколебался, прежде чем сказать:

– Ты поняла, что не только он сможет найти тебя, если захочет?

– Угрожаешь? – я приподняла верхнюю губу, будто скалясь на артефактора.

– Нет. Пожалуйста, вспомни еще раз те мои слова, которые тебе так... не понравились у водопада.

Он мог не просить. Они и так проносились у меня в голове снова и снова, никакая медитация не заглушит их полностью.

Он хотел жить в тебе, Джеремиа Барк. Он готовился овладеть тобой. И хотя у него не получилось, он все еще считает тебя своей добычей. И присматривает за тобой.

– «Присматривает» – не метафора, – сказал Тилвас. – Джерри, тот рёхх чувствует тебя. Ты – его маячок.

– Я *поняла* это! – рявкнула я. – Не обязательно повторять по сто раз.

– Не обязательно уходить.

– Зато тебе – обязательно. С этой поляны. Сию же секунду. Все, что от тебя требовалось, аристократишка, это вежливо ответить мне «Прощай» и свалить на все четыре стороны, а не задерживаться для долгих разговоров. Все, мы уже не союзники. Я знаю, кто хочет меня убить, мне этого достаточно. Ты тоже знаешь – с моей помощью. Супер, сделке конец, я больше на тебя не работаю.

– В таком случае я хочу с тобой расплатиться, – сказал он.

Вот сволочь Тилвас Талвани: не уходит и не уходит, зараза такая. Плюс, как специально, выглядит очень усталым, абсолютно человеческим без всяких там примесей, смотрит проникновенно. И слабачка я: поддаюсь, отвечаю, забываю, что он – враг.

– Кстати, ты так и не сказала, что хочешь в оплату.

– Ничего мне от тебя не надо. Считаю это благотворительностью по отношению к сирым и убогим. Поломанным и скоро сломающимся вновь. В двойном объеме. Ты должен был сдохнуть, а сам взял займы у жизни, Тилвас, и теперь расплатишься двумя душами вместо одной, поздравляю. В чем-то это даже справедливо. Неужели хитрый лис не знал, что за все прилетает ответочка?

Вот тут я все-таки дотянулась до его больного места. Глаза Тилваса потемнели, губы сжались. Он резко опустил на корточки – то ли чтобы оказаться на одном уровне со мной, то ли повинувшись какому-то лисьему инстинкту – и подался мне навстречу таким плавным и стремительным движением, что два метра как-то внезапно превратились в один.

– Да, прилетает, – гортанно пророкотал он, и черты его лица вновь стали неумолимо заостряться, как в подземелье оришейвы. – Спасибо, что напомнила, а то я-то ни секунды не потратил на подобные размышления. Знаешь, Джеремиа, ты можешь злиться, и бояться, и ненавидеть меня, можешь насмехаться или пытаться самоутвердиться за мой счет – ты абсолютно в своем праве, – но я бы на твоём месте попробовал извлечь из собеседника пользу, раз ты считаешь себя такой умной.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок? – огрызнулась я.

Мое недавно обретенное спокойствие унеслось к праховой матери, уступив место желанию сбить спесь (или то, что казалось мне спесью) с красивого лица Талвани.

– Да, молодец, ты словесник и выучила много поговорок, мы все это поняли... – недобро начал Тилвас, но я перебила:

– И это кто еще за чей счет самоутверждается?

– Ты хочешь узнать, что я тебе предлагаю или нет?! – заорал он, обеими руками в ярости ударив по земле.

Я мгновенно втянула голову в плечи, вспомнив, что так активировалась магия рёхха в подземелье у паука. Да и этот его звериный оскал – теперь расстояние между нами лишь полметра – не чета моей пародии... В этот раз ничего не случилось – ладони и земля, земля и ладони, внимательные серые глаза артефактора без единого всполоха алого цвета, – но паника, промелькнувшая у меня на лице, и весь мой защитный жест были, видимо, настолько очевидными, что Тилвас мгновенно отпрянул и выругался сквозь зубы.

– Джерри...

– Заткнись, – я почти плакала.

– Я не хотел тебя испугать.

– Умолкни и уйди уже, Тилвас, *пожалуйста*. Такая мудрая мысль была явиться сюда с одеялом, и так ты ее испоганил. Третий раз говорю: прощай.

Он покачал головой: мол, нет, я тебе не отвечу тем же, иди к гурху со своими придуманными правилами.

– Две вещи, – упрямо объявил Талвани, вновь поднимаясь и делая шаг назад. – Первое: я могу попробовать сделать так, что тот рёхх не сможет тебя найти, но это потребует твоего доверия. Второе: в Лайстовице мы в безопасности. Над этой долиной висит одно старое заклятие, которое не даст нас найти. Никому. Спокойной ночи.

И он наконец-то ушел.

* * *

Я проснулась, вся замотанная в одеяло, только нос торчал. Под боком у меня сидели две белки и самозабвенно жрали орехи, запоздало раскопанные после зимы. Тот факт, что гора, о которую они опирались, оказалась живым человеком, поразила их столь глубоко, что я всерьез забеспокоилась: беличьи глаза не вывалятся от удивления?..

Зверьки сиганули прочь, отчаянно матерясь (Тилвас бы их наверняка понял), а я села, кое-как взбила волосы и двинулась в сторону дома Галасы Дарети. Одеяло лежало у меня на плечах как плащ и тянулось длинным шлейфом.

Такими темпами мы перепортим целительнице все белье.

Погода была чудесная: яркое солнце, пронзительно-синее небо, припекает. Шум воды, окружающей Лайстовиц, настраивал на благодушный лад.

Проходит ночь – проходит паника. С большинством проблем нужно просто переспать. Я имею в виду метафорически. С людьми-проблемами спать не надо. (Рубрику «Мудрые советы от Джереми Барк» объявляю открытой.)

Когда я открыла дверь избушки, на меня разом обернулись все трое: Мокки, Тилвас и Галаса. Они завтракали, а вокруг них на дубовом столе были разложены карты острова и архипелага.

Воцарилось молчание, полное напряженных взглядов. Наконец Галаса спросила:

– Чай или кофе?

– Чай, – ответила я, и эти простые слова как будто растопили ледяную корку ушедшей ночи.

Я села за стол и молча пододвинула к себе миску с фруктами, свежим хлебом и орехами.

– Выспалась? – спросил Мокки.

– Вполне.

– Я не стал искать тебя, потому что знаю, что в таких ситуациях требуется одиночество.

– А что ж ты артефактора-то не просветил? – буркнула я.

Стук ложек о тарелки. Опасливое молчание со стороны сероглазой каланчи: у него чуть ли нос не шевелится, сидит, принюхивается, как там у нас теперь с отношениями.

– Ну так в няньки он меня еще не нанял, – ухмыльнулся Бакоа и похлопал Тилваса по плечу. – Пс-с, артефактор, как тебе идея?

– Я, кажется, уже рассказывал, что с няньками у меня с детства не складывалось? – вскинул бровь тот, покачивая в руках крохотную чашечку кофе.

– Таких, как я, у тебя еще не было.

– Невероятный и ужасный господин Бакоа, гроза всех сейфов и стражей, грезит о карьере моей сиделки? Я в восторге.

– А, ну раз в восторге, тогда не грежу, – лениво отмахнулся Мокки.

Они с Тилвасом вели себя так, будто сцены у водопада не было: будто мы обсудили биографию артефактора, и, порадовавшись сдвигу в деле, спокойно и даже задорно пошли дальше.

В принципе в таком отношении ко вчерашнему дню тоже был здравый смысл.

– Мы тут сварганили план, – вор деловито побарабанил пальцами по картам. – В общем-то сначала мы хотим постараться объединить Тилваса с пэйярту, пока он не откинулся. А потом уже укокошим того, кто ведет за вами охоту. И – факультативно – прикроем Орден, если кому-то хватит золота на оплату такого широкого фронта работ.

– Хорошо, – я кивнула. – А если мы провалимся уже на первом этапе?

– Капец ты оптимистка, – процедил Талвани.

– Ты шесть лет потратил на свой медальон. С чего ты взял, что снимешь его за месяц?

– Потому что шесть лет я не потратил, а *проинвестировал*, Джеремия.

Взгляд аристократа был полон возмущения и какого-то такого выражения типа: «Хей, так нечестно. Уже утро, мы должны отставить оружие, разве нет?» Я кивнула: «Согласна. Это я по инерции». И сказала вслух:

– Что ж, хорошо, что шансы есть. И что нам нужно сделать?

Талвани вытащил откуда-то из-под стола фигурку белого лиса, добытую в замке Львов-зов, и объяснил.

Чтобы объединиться с пэйярту, нужно было провести двухступенчатый ритуал.

Первая ступень заключалась в том, чтобы вытянуть рёхха из Тилваса и медальона, то есть освободить его. Для этого и нужна была старинная статуэтка из склепа: ее следовало использовать как магнит-ловушку.

Во время второго этапа ритуала надлежало запихнуть лиса в аристократа заново, на сей раз полноценно. Для этого нужен был артефакт Объединения, созданный «по меркам» пэйярту. За прошедшие годы Тилвас уже подготовил все магические и технические формулы, но у него до сих пор не было материала, из которого делается артефакт. А еще он не смог до конца просчитать схему вживления духа: ту самую, которая рисуется на внешнем и внутреннем кольцах артефакта и приводит весь механизм в движение.

– ...Итак, мы отправляемся за лунными кораллами? – подытожила я. Именно из них следовало делать артефакт.

– Не просто лунными кораллами, а лунными кораллами, которые видели лик хранительницы Дану.

– Что-то я сомневаюсь, что божественный взор влияет на свойства материи, – встрял Мокки.

– Что-то я сомневаюсь, что ты когда-либо изучал этот вопрос, – парировал Тилвас. – А вот я изучал.

Бакоа закатил глаза и так лихо откинулся на стуле, что буквально попрал все законы гравитации, не грохнувшись.

– Ну и как мы отделим святые кораллы от обычных? – спросил вор.

Уж не знаю, был ли у Тилваса заготовлен ответ, но тут я хмыкнула и отмахнулась, как от простейшей задачи на свете.

– Например, с помощью поэмы «Поучения благого ассасина», – покровительственно сказала я. – Это такая дидактическая книжечка второго века до нашей эры. Ее написал убийца, который раскаялся, увидев красоту богини Дану, и с тех пор ходил за ней по следам и дотошно описывал все ее действия, щедро приправляя их моралью. Причем местами очень заметно, что мораль натянута – Дану в те два года, пока он за ней таскался, вела весьма... богемный образ жизни, назовем это так. Но ассасин был упорен и дотошен, в этом ему не откажешь. По его «Поучениям» можно написать целый путеводитель по Восточным пределам той эпохи, причем с точными координатами. И если большая часть мест, где бывала Дану, не сохранилась до сегодняшнего дня, то вот западное побережье нашего острова практически не изменилось. Я не помню все детали поэмы, конечно, но ее можно найти в любой крупной библиотеке... И так мы получим местоположение нужных кораллов.

Мокки, выслушав мою тираду, с расстановкой поаплодировал. Тилвас вдруг улыбнулся и подмигнул.

Мы вгрызлись в наш план, углубляя его, уточняя детали. Галаса Дарети не участвовала в обсуждении, занимаясь своими делами на кухне, но иногда приносила Тилвасу какие-то чашечки с зельями.

– Раньше пятницы я не выпущу вас из Лайстовица, – сказала она. – Я знаю, что твое время на исходе, Тилвас, но тебе нужно еще хотя бы несколько суток, чтобы восстановиться.

– Кстати, мы как-то забыли со всей этой кутерьмой про Алое братство, – нахмурилась я. – Они ведь должны отпустить воров и дать нам имя заказчика в обмен на кольцо, – я кивнула на ожерелье Льовезов, беззаботно сверкающее на подоконнике.

Бакоа фыркнул-кивнул в стиле: «Кто забыл? Никто ничего не забыл, Джерри!» Потом он подкинул яблоко, поймал его, с хрустом надкусил и обратился к целительнице:

– Пс, Галаса! Тут почта есть?

– В восьми милях отсюда есть небольшой городок.

– Супер. Отправлю Алым подарочек. И заодно, может, там продается лапша? – поморщился он, явно не вдохновившись фруктом.

– По почте, серьезно?.. – не поверил Тилвас.

– Я поставлю на коробке знак Рыбей Косточки. Поверь, *эту* посылку они доставят с величайшими почестями, – осклабился вор. – И ответ нам тоже пришлют первым классом.

Потом Мокки подхватил кольцо и, небрежно крутя на указательном пальце что-то вроде трех миллионов серебров, пошел на улицу.

– Я пойду с ним, – вздохнула Галаса. – Хоть паучьи тропы и смогли вывести вас в Лайстовиц, остальные пути в мою долину зачарованы и скрыты от чужих глаз. Если Бакоа выйдет – обратно не вернется.

– Так, может, оно и к лучшему! – прыснул Тилвас. – А если серьезно: просто покажи ему входную руну – и все.

– Нет уж, Талвани. Ключ к Лайстовицу я не доверю никому, пока это не станет вопросом жизни и смерти, – целительница покачала головой. – Это мой *дом*, Тилвас. Я слишком люблю его, чтобы показывать вход первому встречному.

– И не только первому: мне тоже до сих пор не показала, – сокрушенно вздохнул аристократ. – Беспощадная Галаса Дарети: никакого душевного тепла...

Галаса только хмыкнула.

Да, строг мой нрав, легионеры, но тем я и жива —

Прошу заметить: все мои «суровые»,

как вы кричите, меры —

Не действия, а всё же лишь слова, —

вспомнились мне слова одной старой пьесы при взгляде на целительницу.

Оставшись вдвоем, мы с Тилвасом начали расписывать наши дальнейшие перемещения. Мы упорно обходили несколько тем стороной: тему Дерека; тему меня-маячка и тему того, что первый этап нашего плана – полноценное подселение пэярту – все-таки выглядит очень сомнительным, каким бы оптимизмом мы ни пытались его раскрасить...

Потому что кто гарантирует, что Белый Лис, покинув тело артефактора, согласится сразу в него вернуться?

21

Я посмотрю?

Oportet esse fortis: vide in oculis hostium.

«Будь смелым: загляни в глаза своему врагу».

Прошло три дня.

Мокки опять ушел охотиться на фазанов в ближайший лесок – это стало его хобби. Лайстовиц вообще вызывал у вора какие-то удивительно теплые чувства: Бакоа с удовольствием шлялся по окрестностям (принося беду местным птицам, конечно), а за ужинами смеялся и весело сверкал глазами. Галаса Дарети радовалась общительному гостю, а мне просто не верилось, что Мокки бывает таким *нормальным*.

С другой стороны, у человека случился первый отпуск за пять лет. Его можно было понять.

Алое братство сдержало обещание и назвало имя заказчика. Им оказался высокопоставленный чиновник из Ратуши. Но два дня назад он утонул. «Несчастный случай», – объявило Скальное ведомство. «Мы ни при чем!» – заверили ассасины. «Разбираемся, но идет тяжело!» – отрапортовали информаторы.

Значит, наш рёхх сидел еще выше... Плохо. Впрочем, пока мы как-то сместили фокус с разоблачения преследователей на подселение пэйярту.

Четверг клонился к вечеру. Я отправилась на пробежку. Проблемы проблемами, но для меня физическое благополучие всегда было базой, на которой выстраивалось все остальное. Так что я решила, что, какие бы подянки мир ни совал мне под подушку, я буду упрямо и дисциплинированно придерживаться режима.

Я сделала несколько хороших кругов по долине, потом потренировала баланс и гибкость и, наконец, вернулась в деревушку раскрасневшаяся и решительная. Приняла душ и, несколько раз глубоко вдохнув-выдохнув для спокойствия, поднялась на второй этаж домика.

Там в светлой комнате, увешанной пучками разнотравья, у окна сидел Тилвас. На коленях у него лежала книга, но он не читал ее, вместо этого невидящим взором глядя в розовато-синее небо за распахнутыми ставнями. В глиняной чашке на подоконнике дымился горячий мятный чай. В четком профиле артефактора с растрепанными надо лбом волосами сквозила печаль, длинные пальцы машинально барабанили по кожаному книжному корешку. В мягком свете, заливающим комнату, было видно, как наравне с пылинками пляшут черные искорки, просачивающиеся из его медальона наружу. Утекающая грамм за граммом лисья душа.

Как бы бесшумно я ни поднималась, аристократ все равно обернулся, стоило мне шагнуть на порог.

– Я готова. Давай сделаем это, – сказала я и начала расстегивать рубашку.

Тилвас ехидно-изумленно вскинул брови.

– Какой внезапный способ поднять мне настроение! Не ожидал от тебя, Джеремиа.

– Иди к гурху. Ты знаешь, что я имею в виду.

– Догадываюсь, – он сощурился, с интересом наблюдая за моим разоблачением. – Только вот кто тебе сказал, что для этого надо раздеваться?

Я стала так же технично и спокойно застегивать пуговицы обратно.

– Не-не, ты все правильно делала, – рассмеялся Талвани, вскакивая с кресла. – Я просто удивился.

– А всё, а поздно уже, я тебе уже не верю, – процедила я. – Снимай с меня заклинание так.

– Я бы не назвал это заклинанием, – задумчиво пожевал губами Тилвас.

Он захлопнул книгу – это оказался справочник по рёххам, – и брякнул ее на подоконник, по ходу дела удачно убив одного из первых в сезоне комаров.

– Скорее это некая связь, которая позволяет врагу чувствовать тебя и находить, когда он считает это нужным, – уточнил Талвани.

– Называй как хочешь, только разберись. Пожалуйста.

– С ума сойти, мы дошли до «пожалуйста»?! Воровка, да это прогресс. Я горжусь тобой!

– Ты какой-то слишком веселый для умирающего, нет?

– Ну когда-то же надо начинать веселиться?

В процессе диалога артефактор смотрел на меня так и эдак, прищуривая то один глаз, то другой, вглядываясь сквозь веер разноцветных стеклышек, вытащенных из кармана. Затем он удовлетворенно кивнул, обошел меня и встал сзади. Я видела его через зеркало, висящее на стене, но все равно поморщилась: *ненавижу*, когда кто-то находится у меня за спиной.

– Можно? – совсем другим, серьезным тоном спросил Тилвас, потянувшись к моим волосам.

Я кивнула. Он осторожно собрал их и перекинул мне через плечо, чтобы обнажить шею и верхнюю часть спины. Там уже виднелись первые шрамы. Поймав через зеркало мой настороженный взгляд, Талвани стал разматывать повязки на своих обожженных пальцах. Один слой... Второй... Я двинула бровью, когда увидела совершенно чистую здоровую кожу.

– Кажется, Галаса Дарети действительно хороший целитель, – оценила я.

Тилвас подмигнул и элегантным жестом дорогой стриптизерши сбросил ненужные бинты на пол. Они легли, будто змеиные шкурки. После этого Талвани как-то нехорошо хрустнул пальцами...

А затем внезапно наклонился вперед и легонько подул мне на голую шею – волоски на ней стали дыбом от мятной прохлады его дыхания. Сразу после этого Тилвас пробежался пальцами по верхнему шраму, видимому над воротом рубашки, – тому, что шел почти вдоль всего позвоночника. Хотя я и стояла навытяжку, как солдат, а все равно дернулась от неожиданного прохладного прикосновения.

– Тише. Всё хорошо, – почему-то шепотом сказал Тилвас. Он слегка надавил на позвонок в начале шрама и начал мягко его массировать, одновременно пристально рассматривая. У меня сразу же зачесалась шея, я потянулась к ней, но Талвани небрежным щелчком отбил мою ладонь и покачал головой. В зеркале я увидела его строгий взгляд исподлобья.

Тише.

– Сейчас будет немного странное ощущение, – наклонившись к моему уху и чуть ли не задевая его губами, негромко предупредил аристократ.

Его глаза снова наполнились красными всполохами, а в голосе появились те дурманные, многообещающие интонации, которые явно принадлежали пэйярту.

– Странное или болезненное? – постаравшись, чтобы голос звучал по-деловому, спросила я.

– А тебя не проведешь, да, Джерри? – Тилвас улыбнулся, и теперь потянулся к моей шее почему-то носом. – Странное. Я предпочитаю называть вещи своими именами.

– Не ври. Я встречала немногих, кто темнил бы так же часто, как ты. Даже рассказ о твоей биографии оказался каким-то чокнутым детективом.

– Тем не менее я уже раскрыл тебе все свои тайны. В рамках необходимого.

– Раз в рамках, то не считается, разве нет?

– Я бы подумал, что ты со мной флиртуешь, если бы не видел, как панически бьется жилка у тебя на шее.

– Я бы подумала, что ты меня соблазняешь, если бы не верила в совесть у людей – ты же знаешь, что мне нравится другой.

– Совесть у людей, что?.. Так я же не совсем человек.

Не отпуская меня, Тилвас потянулся к стене, на которой на длинных гвоздях висели разнообразные магические диковинки.

Стена была достаточно далеко, и Талвани пришлось растянуть обе руки по сторонам, да еще и балансировать на одной ноге, чтобы достать до нее. Наконец он подцепил что-то вроде зеленой лупы с большим количеством рычажков на рукоятке. Все это время он не переставал массировать мою гурхову шею, и меня это, признаться, слегка сбивало с толку. Мне было очень приятно, а это не то ощущение, которое ждешь в подобных обстоятельствах.

Тилвас поднес лупу к моему шраму, дернул один крючок на ручке артефакта, и из изумрудного стекла мне на кожу полился мерцающий свет. Талвани стал проделывать какие-то махинации с этим светом, одновременно сосредоточенно нюхая мою кожу за ушами и у основания плеч.

Я не вполне понимала, в чем смысл этих действий, но спрашивать не стала.

Внезапный сеанс массажа после появления лупы закончился, и я расслабилась и даже слегка заснула, когда вдруг заметила, что от деревянного пола поднимается смутная темная аура. Я нахмурилась, решив, что это какой-то дым – готовка внизу пошла не по плану? – но дым явно был потустороннего происхождения. К нему добавился еще один эффект: деревянный пол комнаты стал медленно покрываться черными лужами. Из углов поползли клубы теней и порванного в лоскуты грифельно-серого тумана. Неуверенный треск донесся с потолка: я подняла взгляд и увидела, как встревоженно искрит маг-светильник, со всех сторон осаждаемый темнотой.

– Это нормально? – напряженно спросила я.

– Что?

– Я вижу... тени.

Тилвас не сразу ответил. Он отложил лупу и теперь снова касался меня пальцами, медленно вел ими по узору шрама, будто ища что-то на ощупь.

Мне уже казалось, что в комнате наступила глубокая ночь, хотя времени было едва шесть вечера. Все звуки тоже стихли, будто бы уши мне обложило ватой. Я не видела свои ноги до колена, потому что они были полностью погружены в черноту. Теперь она сгустилась до состояния воды – гладкой и холодной зеркальной поверхности, быстро поднимающейся все выше и выше. На потолке комнаты тоже собирались черные капли, тягучие, как смола. Они просачивались сквозь доски и, медленно набухая будто черная кровь, срывались вниз.

Кап. Кап. Кап.

Во всех углах комнаты.

Кап.

Черные круги шли по вязкой черной крови, наполнившей дом. Стены уплывали в никуда, отдаляясь, уменьшаясь сообразно расстоянию. Все вокруг растворилось в незряче-зеркальном космосе пустоты, и остались лишь мы с Талвани – две фигуры, погруженные в воду.

Кап. Кап.

Безумие.

– Джерри, – попросил Тилвас, и в его интонации чувствовалось сомнение, – позволь я все-таки осмотрю *всю* твою спину?

Он не знал, что мы скоро утонем. Я опустила голову и посмотрела на наши отражения в зеркальной воде. Я вся была покрыта запекшейся кровью, а глаза и руки Тилваса светились

багряно-красным цветом, тьма венчала его короной. Его отражение скалило зубы, примериваясь к моей шее сзади.

– Это точно иллюзия? – с трудом выдавила я.

– Да, – уверенно сказал артефактор, тогда как Тилвас-Во-Тьме впился в меня острыми звериными клыками, и мое отражение затряслось в безмолвном вопле. – Так можно?

Я закрыла глаза, кивнула и резко рванула рубашку на груди, стремясь закончить все это как можно быстрее. По полу посыпались пуговицы, и это странным образом успокаивало – значит, в реальности пол действительно есть, пол – не вода...

Тилвас осторожно оттянул ткань рубашки вниз, обнажая мне плечи и спину, и нежно повел пальцами по рисунку шрамов. Я на мгновение приоткрыла глаза, но зря. Зеркально-черная бесконечность никуда не делась, и альтер эго Тилваса в воде уже беззвучно топило меня, вгрызаясь в плоть острыми зубами.

Но в этот раз в отражении был кто-то третий. Два немигающих глаза наблюдали за убийством из темноты. Они удовлетворенно, садистски шурились, перебегая взглядом с моей царапающейся, захлебывающейся фигуры на голодного Тилваса. Я шумно сглотнула.

– Тилвас, тут есть кто-то, кроме нас.

– Кого ты видишь? – резко спросил он, замерев.

– Я... Не знаю. Только глаза.

– Цвет?

– Не разобрать.

– Какое у него лицо?

– Я не вижу.

– Всмотрись.

– Я...

– Если ты будешь смотреть на него, не моргая, есть шанс, что увидишь больше.

Я не хотела смотреть на него. Совсем. Тем более я не хотела видеть то, что делает со мной Темный Талвани, потому что сцена от минуты к минуте становилась все страшнее.

– Ты же сказал, что это иллюзия. Тогда какая разница, что я там рассмотрю? – запротестовала я.

Он догадался.

– Там что-то еще происходит, да? Что-то плохое?

– Я... Ох, небо. Нет! НЕТ!

Происходившее там было уже слишком.

– НЕТ! – заорала я, собираясь нырнуть в темноту, чтобы спасти отраженческую себя.

– Секунду! Дай закрою каналы! И всё, прекращаем! – крикнул сзади реальный Талвани, не давая мне вырваться, и вдруг с силой провел ладонью по моей спине снизу вверх, а потом вновь странно уцепился за позвонок на шее, прошептав какую-то формулу.

Черное видение рассыпалось хлопьями пепла.

Но я уже все-таки пнула артефактора – острым локтем в солнечное сплетение – заставив его отшатнуться, а сама по инерции сделала пару шагов вперед, врезавшись в угол журнального столика и уронив его.

– Твою мать! – взвыла я, когда к очевидным душевным невзгодам добавилась еще и острая боль в колене.

– Так тебе и надо... – проворчал сзади Талвани, потиравший грудь, и комком швырнул в меня мятую рубашку. – Я же сказал: секунду!

– Знаешь, учитывая, что за жуть я видела, там и секунду прождать нельзя было!

– Видела ты, а виноват я? – язвительно поинтересовался он.

Я поморщилась и промолчала. Что есть, то есть.

– Тебе удалось разорвать мою связь с тем рёххом? – буркнула я наконец.

Аристократ вздохнул.

– Нет, я не могу вот так с ходу разорвать ее. Но теперь я знаю, какие травы тебе надо пить, чтобы у врага сбилась к праховой бабушке вся наводка. Мы возьмем их с собой и дважды в день будем устраивать изысканное чаепитие по всем правилам, благодаря которому нашим преследователям придется искать нас безо всяких там магических побрякушек. Я обещаю тебе: в этом смысле ты будешь в безопасности.

– А в каком не буду?

– Ну, слушай, мы вроде как в состоянии войны с кем-то из характерных – и я пока не знаю с кем, потому что за свое долгое существование пэйдарту успел насолить практически *всем*...

Я фыркнула. Это точно. Хорошо хоть, главный враг лиса – волк горфус – вне игры, потому что до сих пор сидит в тюрьме.

– Плюс жизнь в принципе полна неприятных сюрпризов, плюс нам надо найти святые кораллы – и вся моя интуиция, что человеческая, что лисья, утверждает, что по пути мы нахлебемся приключений, так что... Безопасности почти нет, – Тилвас развел руками.

– Класс, – подытожила я, прикидывая, хватит ли мне терпения собрать с пола все пуговицы от рубашки и пришить их обратно. Солнечный свет, льющийся в окно, действовал умиротворяюще и помогал забыть неприятный опыт, но шитье... Это какой-то новый уровень садизма.

– А зачем ты меня нюхал, Талвани?

Артефактор небрежно пожал плечом.

– Да просто. У нас с тобой это как-то с первого дня повелось: или как, по-твоему, я нашел тебя тогда в горах после нашей сделки в «Приюте пилигрима»?

Я вытаращилась на него.

– Так там не было маячка?!

– Сначала был – после дерева и нашей встречи, – но он саморазрушился через пару часов. Дальше – чисто обоняние. Ты всегда пахнешь лавандой и перцем, что чистая, что грязная, что в гостинице, что в склепе – ты в курсе? Я специально замеряю и экспериментирую.

– Ты сейчас раскаяньем запахнешь, экспериментатор гурхов! – зарычала я, кидаясь на него.

Тилвас с хохотом увернулся, щелкнул меня по плечу – осалил! – подмигнул и проворно сбежал с лестницы. Мне так и виделся у него за спиной пушистый лисий хвост.

А ведь он бы ему пошел.

Бал-Варал

Mendacem memorem esse oportet.

«Лжецу надо иметь хорошую память».

Как и было намечено, мы ушли из долины в пятницу утром. На прощание Галаса Дарети снабдила нас каким-то невозможным количеством пузырьков и смесей – что-то для Тилваса, что-то для меня.

Только Мокки не полагалось никаких лекарств. Вор умудрился оскорбиться на это и в ответ устроил небольшую диверсию: стащил несколько зелий на свой вкус, о чем, впрочем, никто из нас не догадывался до определенного момента, которому еще лишь предстояло наступить.

– Пожалуйста, держи меня в курсе событий, – попросила целительница Тилваса на пороге. – И я бы хотела помочь тебе, насколько это в моих силах.

– Галаса, я боюсь, помощь может потребоваться уже на этапе прямой конфронтации. Вряд ли это то, что ты любишь, – шевельнул бровью Талвани.

– Если бы мы делали только то, что любим, мир был бы достаточно странным местом, – пожала плечами она.

Мы попрощались и уехали на ее лошадях – отправим их обратно, когда доберемся до ближайшего города и разыщем себе какой-то другой транспорт. В городке – он назывался Бал-Варал и был населен сплошь горняками – мы собирались разделить.

Я направлялась в библиотеку за экземпляром «Поучений благого ассасина» – нашей маршрутной картой. Тилвас хотел пойти в банк – снять немного денег со счета, потому что наши финансы таяли – ко всеобщему огорчению.

Но Мокки внезапно воспротивился этому:

– Нет. Никаких денег.

– Да ладно? – хмыкнул Тилвас, глядя на Бакоа сверху вниз. – В тебе что-то сломалось, что ли? Деньги, деньги – прием, прием. Просто хочу напомнить, что это – те самые круглые золотые штуки, которые ты так любишь.

– Еще сильнее я люблю свободу, – ядовито отозвался Мокки. – Я смирился с тем, что ты накачиваешь Джерри непонятной травой, убирая Якобы Магическую Связь, но ты полный придурок, аристократишка, если... Хотя нет, погоди, – вдруг перебил сам себя вор. – Полный придурок ты в любом случае, это не обсуждается. Но деньги в банке ты снимать не будешь. Потому что для знающих людей это – куда более четкий след, чем какая-то потусторонняя гадость, давшая тебе, кобелю, повод раздеть Коготочка!

Последние слова Мокки неожиданно для всех почти проорал, что было совсем не в его характере. Мы с Тилвасом аж с шага сбились. Бакоа и сам встал как вкопанный посреди улицы, кажется, слегка ошарашенный собственной вспышкой.

Я почувствовала, как мое лицо непроизвольно каменеет, не понимая, как тут реагировать, а сердце замирает, будто прислушиваясь: что там происходит снаружи? Мне доложите, будьте добры.

– Он тебя *Коготочком* зовет, серьезно? – после паузы Талвани повернулся ко мне с неподражаемым и неподдельным выражением ужаса на лице.

Впрочем, за этим ужасом скрывалось что-то вроде восторга.

– Обычно не зовет, – я странно посмотрела на Мокки.

Он все еще стоял как оглушенный, и его уши медленно краснели. «Какого гурха с тобой творится, Мокки?» – подумала я.

Тилвас никак не мог утомиться:

– Значит, сегодня есть особенный повод, а, Джеремя?

– Спроси у него сам.

– Эй! Очень странно, что два таких образованных сноба, как вы, не в курсе, что в третьем лице говорить о присутствующем – дурной тон, – рявкнул наконец-то пришедший в себя Бакоа. – Встретимся в пять у фонтана на ратушной площади. Деньги я добуду. Дернешься к банку, артефактор, – я тебя зарежу. Не смей доставать нам денег!

И Бакоа, утопив руки в глубоких карманах шаровар, бесшумно и мгновенно скрылся в узком, почти незаметном переулке.

Мы с Тилвасом переглянулись. Конкретно так, надолго переглянулись.

Уж не знаю, что там происходило за серыми зеркалами артефактора, за которыми предполагалось наличие то ли одного, то ли аж двух мозгов – человеческого и лисьего, – но у меня все пресловутое душевное «спокойствие океана» обрушилось в бездонную впадину, вызвав и цунами, и торнадо, и банальный шторм.

– Он ревнует, – наконец вслух сделал вывод артефактор, растягивая губы в маниакально-торжествующей улыбке. – Джеремя, мать твою, Барк! Твой социопатичный приятель только что явил нам образец чистейшей, прекраснейшей, я бы сказал – хрестоматийной ревности! Боги-хранители, да это было *великолепно*!

– Это было странно, – нахмурилась я. – Пять лет до этого Мокки было по барабану, а в последние дни... Нет. Возможно, это все-таки не ревность.

– Да точно ревность! Просто теперь у него есть достойный соперник – я, вот он и прозрел! Это ж надо! Прямо как по нотам! И главное: он ведь сам понял, что мы поняли, что он сморозил что-то, что не планировал. Что его в секунду, мгновенно выдало! Ты вообще оценила, с какой скоростью его сдуло?

Тилвас чуть ли не в ладоши хлопал. Он был взбудоражен, а взбудораженный Тилвас – это очень красиво. Блестящие глаза, раскрасневшиеся губы и щеки, энергетика, расходящаяся от артефактора волнами, хоть подключайся напрямую к его унни, если хочешь поколдовать. Он был похож на алый цветок, на ветер в листве, на звон колокольчиков посреди карнавала. Я поймала себя на том, что не могу оторвать от Талвани взгляд, что мне хочется дотронуться до него, почувствовать гладкость его кожи... Я тотчас мысленно залепила себе оплеуху.

Что же касается Мокки Бакоа...

– Я бы на твоём месте не веселилась, Тилвас. – Мои брови сошлись на переносице. – Ты знаешь, что Мокки делает, когда он недоволен?

– Дай подумать. Вредительствует?

Откуда-то с соседней улицы донесся дикий вопль. Тилвас поперхнулся своей улыбочкой. У меня тоже вытянулось лицо.

– Не факт, что это Мокки, – спокойно, но отнюдь не уверенно прокомментировала я. – Тут много других бандитов. Но в общем и целом недовольный Бакоа – это либо очень эффективно, либо очень опрометчиво.

– Если ты хотела меня напугать, то увы: мне нравится и тот и тот вариант, если честно, – признался артефактор.

– Мне тоже, – после некоторых раздумий сказала я. – Судя по всему, я сейчас неправильно выразилась.

– Пожалуй. Я все еще полагаю, как и в первый день знакомства, что твой угловатый друг экстремально опасен. И тем приятнее было сейчас увидеть, что он умеет... ну... смущаться? В

своей неподражаемой манере, конечно, – Тилвас был таким довольным, что мне невыносимо захотелось залепить ему в лицо тортом или чем-нибудь еще, просто чтобы посмотреть, как наиболее эпично можно стереть такое выражение с его физиономии. – Повторять не будем, наверное. Ну, в плане, специально его провоцировать не будем.

– Не будем, – решительно согласилась я.

– Хотя я не до конца уверен, что это все-таки ревность. Может, просто он взбесился от того, что в доме случилось что-то интересное, пока он отсутствовал.

– Ты же сам сказал: точно ревность, чистейший образец?

– Джеремиа, это может тебя шокировать, но иногда даже я ошибаюсь.

– Да ревновал он, эй.

– Не факт.

– Тилвас. Он ревновал.

– Блин, я слишком тебя обнадежил. Джерри. Ты же сама знаешь: у господина Бакоа – эмоциональное расстройство личности, да еще и россыпь нарциссических черт. Может, он какую-нибудь таблетку забыл с утра выпить, вот и дернулся не вовремя. Если бы он был в состоянии ревновать, вероятно, ты бы видела подобные вещи и раньше – вы же давно знакомы. Ну или еще увидишь в нашей поездке. Один раз – это просто случайное совпадение. Оно не говорит ни о чем: ни в ту, ни в другую сторону. Я имею в виду... Маловато для выводов. Я не хочу давать тебе ложные надежды за счет такой ерунды.

– Тилвас, а Тилвас, – нехорошо прищурилась я, хватая его за воротник рубашки и подтягивая поближе, чтобы он не посмел отвернуться, спрятав лицо. – Ты меня совсем за идиотку держишь?

– Что? Я? Почему?!

Сама невинность.

– Потому что сейчас *ты* провоцируешь *меня*.

– Небо голубое, да на что, Джерри?

– На то, чтобы повторить. Повторно сделать что-то, что вызовет ревность Мокки. Или не вызовет. Ты прямо сейчас разводишь меня на что-нибудь... Что-нибудь эдакое.

– Как ты можешь говорить такое, Джеремиа! – ахнул Талвани.

Я видела уголок улыбки, старательно припрятанной у него на губах. Я цепко шурилась. Я ждала признания и одновременно наблюдала за собой: мои руки радовались, сжимая ворот Талвани, мое сердце обливало терпкой горячей кровью, а моя внутренняя Суровая Джерри одновременно хлестала меня по щекам, приговаривая: «Что за беспредел! Фу, фу! А ну отошла!»

Лицо мое было строгим и непроницаемым.

Тилвас меж тем оскорбленно поцокал языком, легко оторвал мои руки от своей рубашки и, пылая праведным гневом, сокрушенно повторил:

– Как ты можешь говорить такое!

После чего подмигнул и ускользнул куда-то в рабочие переулочки Бал-Варала.

Я долго еще смотрела на свои ладони.

* * *

Ночь давно опустилась на городок Бал-Варал. Тучи набили небо до самого горизонта, как перезревшие сливы – бутылку вина, и ледяной ветер, шастающий между домами, пьянил головы и склонял ко сну.

Я сидела за угловым столиком в таверне «Веселый висельник» и с карандашом дочитывала украденную книгу. Вокруг меня на грубом деревянном столе полукругом стояли пустые кружки из-под самых разных напитков: в своем вынужденном читательском запое я перепро-

бовала чуть ли не все меню. Подавальщик уже трижды менял свечи на столе – в такой глуши не было маг-светильников, и я иногда задумчиво скребла ногтем лужицы подтаявшего воска.

Рядом дремали Тилвас и Мокки. Тилвас спал, безалаберно распластавшись по всей скамье, расслабленно откинув затылок на стену, и прядка растрепанных каштановых волос упала ему на глаза так, что мне очень хотелось ее поправить.

Мокки, наоборот, бахнулся лбом на сложенные на столе руки. Иногда он вздрагивал во сне и один раз так дернул ногой, что коленкой врезался в мое колено. И замер. Теперь я угрюмо не шевелила этой ногой, хотя она уже прилично затекла.

Бакоа, как и обещал, раздобыл нам денег – и похоже, сделал это достаточно незаметно, раз нам не пришлось незамедлительно бежать из города, хотя сумма оказалась внушительной. Тилвас весь день бился над формулой переселения, и судя по вороху разорванных бумаг, высящихся перед ним, ничего у него не получалось.

Но артефактор не унывал. Я начинала думать, что он на это в принципе не способен. Хотя его рассказ в Лайстовице полнился глухой скорбью, и то, как Тилвас говорил о своей истории и своих ощущениях, звучало далеко не оптимистично.

«Ты можешь заткнуть уши, закрыть глаза – но ты слышишь это бормотание смерти и беззвучные шаги, уходящие за горизонт. Этот шорох, похожий на тихий, с ума сводящий шепот мёртвых из-под льда».

Я вздохнула.

Других посетителей в таверне в этот поздний час не было. Нам бы тоже уже стоило разойтись по комнатам, но я слишком увлеклась чтением и не заметила наступления темноты, Талвани, видимо, так же сильно погрузился в работу, пока не отрубился, а Мокки...

Мокки вообще был как на иголках: лихорадочное остервенение сквозило в каждом его жесте, и мне все сильнее казалось, что добром это не кончится. Ревность виновата или нет, но у темпераментного папочки воров наступала беспокойная фаза его психического (не)благополучия. Насколько я его знаю, в ближайшие дни он станет совершенно бесчувственным и агрессивным, будет мыть руки по пятьдесят раз и педантично соблюдать симметрию в предметах, а если кто-то случайно толкнет его – вполне сможет сломать неосторожному человеку руку и расхохотаться. В гильдии в такие периоды все ходят по струнке и работают впятеро усерднее, за неделю-две делая чуть ли не годовую выручку. Но братьев и сестер Полуночи под рукой нет, так что отдуваться придется нам с Талвани.

Подумав над этим еще немного, я все-таки убрала свое колено от колена Бакоа.

Я дочитала последние абзацы книги: *«И хранительница Дану, протянув мне руку на прощание, сказала, что никогда еще у нее не было такого настойчивого спутника, как я, и она счастлива, что теперь я решил написать книгу о наших путешествиях, пусть даже это значит, что я больше не буду сопровождать ее».*

Глубоко вздохнув и счастливо улыбнувшись – ибо ей нужно было преподать мне урок смелости перед лицом выбранного решения, – она ушла, не оборачиваясь и вскинув две руки в кулаках над головой. "Свобода!" – крикнула Дану, и голос ее был полон ужаса перед грядущим одиночеством. Но я знал – я должен написать эту книгу и донести будущим поколениям всю мудрость моей богини. Так что я крикнул: "Благость!" – заставив богиню вздрогнуть, зашел в дом, взял стопку превосходного пергамента и, обмакнув деревянную палочку в чернила, начал писать...»

Я закрыла «Поучения благого ассасина» и задумчиво побарабанила пальцами по волшебному корешку. Пора было будить парней и рассказывать им о доступных вариантах. Я снова посмотрела на прядку волос, так маняще и бесстыже упавшую на глаза Талвани, и в итоге ощутило ткнула артефактора в бок.

– Подъем!

– Боги, да почему ты меня так не любишь! – застонал Тилвас, отпихивая мою руку и, не открывая глаз, отполз дальше по лавке.

Не просыпаясь, конечно. Я уже хотела ткнуть его повторно, возмущеннее – негодная прядка стала еще прельстительнее, – но тут проснулся Мокки.

Бакоа с урчанием потянулся, одновременно выбрасывая по сторонам сразу все конечности, пальцы и даже отмычки в сладкой истоме, зевнул, пристально посмотрел все на ту же тилвасовскую прядь и, резко перегнувшись через стол, сдул ее.

Вот и увели игрушку.

– От тебя табаком воняет, – мгновенно отозвался артефактор.

– Сейчас еще и вином будет, – снова зевнул Бакоа, деловито заглядывая во все подряд кружки в поисках хотя бы одной не пустой.

Все в сборе и более или менее вменяемы; пора возвращаться к делам.

– Я бы сказала, что у нас всего один приличный вариант для поиска святых кораллов. – Я протерла глаза и махнула рукой подавальщику, чтобы принес кофе.

Ночь за окном медленно перевоплощалась в утро. Она снимала черные тени аллей и острые каблучки преступных кинжалов, смывала алые губы-фонари, пушистые ресницы полных шепотов – заменяла все это на розовую комбинацию рассвета и душистую росу пробуждающихся клумб. Я завидовала ее обновлению и спешила закинуться хотя бы кофе, раз закинуть саму себя в постель пока что не вариант.

– Согласно книге Дану и ассасин точно видели коралловые рифы в четырех местах: в Жемчужном море (это нам не подходит, другой конец света), у атолла Невервайл (тоже), в ста километрах к югу от Пика Волн (уже лучше, но все еще далеко) и неподалеку от Дабатора. Буквально в нескольких километрах от берега. Собственно, вот этот вариант кажется мне наиболее удачным.

– Дабатор – это ведь плавучая рыбацкая деревушка на западном побережье острова, верно? – припомнил Талвани, отпивая глоток горячего кофе по-русалочьи, который варят с солью. Я кивнула. – И впрямь неплохо. Отсюда всего три дня пути: тогда предлагаю поспать и двинуться туда.

– Поддерживаю... Мокки, что с тобой?

Вор так мрачно смотрел в кружку, будто увидел там в отражении врага. В принципе в какой-то степени так и было, наверное, ведь у всех нас есть претензии к собственному «я», но...

– Ничего, – яростно прошипел вор и встал так резко, что весь стол подпрыгнул, зазвенев посудой.

Бакоа сорвал с ремня шаровар мешок с золотом и чуть ли не с вызовом швырнул в меня:

– Расплатитесь. Я спать. Выезжаем на закате.

При этом скользнул по мне, а потом по Тилвасу настолько невидящим и одновременно ненавидящим взглядом, что я даже растерялась. Не успел кто-либо что-то сказать, как Бакоа быстро и бесшумно исчез из обеденного зала – причем провернул свой уход в воровском стиле, утонув в тенях.

– Это что сейчас было? – нахмурился Тилвас, уже без дневных прибауточек.

– Понятия не имею.

– Но явно не ревность, да?

– ...Талвани, что у тебя вообще в голове творится?

– Разнообразные восхитительные процессы, частично гениальные.

– Это был риторический вопрос.

– Ну-ну. Хм. Может, Мокки не любит русалочий кофе? Он же из Рамблы. Вдруг это для него оскорбление? – Тилвас задумчиво качнул в руках чашку.

Это было бы очень странно, но в теории возможно.

– Ладно, пойдем спать, – вздохнула я, оставляя свою порцию недопитой.

– Это приглашение? – артефактор встрепенулся и подмигнул.

Я скорчила рожу.

– Нет, серьезно, учитывая, что у нашего лохматого друга психика разъезжается по швам, мне просто опасно ночевать с ним в одной комнате. А на третий номер у нас уже не хватает бюджета.

– Иди к гурху, Талвани.

– Да, по сути, к нему и иду, – аристократ закатил глаза. – Гурхи – это ведь те сумасшедшие и глазастые степные сущности, которые выворачивают кости путешественникам, забывшим поприветствовать их перед сном? Чем-то похоже на Мокки.

На прощание он пробарабанил пальцами по столу какой-то незатейливый, но бодренький ритм, глядя на меня исподлобья так хитро, что я очень, ну просто очень хотела улыбнуться в ответ. Но все же собрала волю в кулак и привычно сухо пожелала Тилвасу доброго и, главное, безопасного утра.

Едем на дилижансе

Lacrimae dicunt plus quam verba.

«Слезы значат больше, чем слова».

К Дабатору мы решили отправиться общественным транспортом.

Западное побережье острова Рэй-Шнарр достаточно густо заселено, каждые десять-двадцать километров тут обязательно торчит какая-нибудь деревушка или крохотный городок, чьи черные витые башни – наша архитектура *зигзается* на черных витых башнях, как вы уже, вероятно, поняли, – видно издалека. Путников встречают ворота и болтающиеся на тонких столбах алые полотнища, хлопающие на ветру. На них вертикально написаны руны, обозначающие название местности. Это – чистый выпендрей и фирменная фишка западного побережья.

Между всеми этими городками и деревушками проходят маршруты дилижансов. Стандартно общественные кареты рассчитаны на восемь-двенадцать человек, в них могут быть впряжены как лошади, так и ящеры-гаррары (в этом случае проезд стоит дешевле, так как путников неприятно трясет).

У нас после Бал-Варала сбился режим: мы тогда проспали весь день, выехали в ночь и, собственно, следующий день провели так же – днем отсыпались, ночью ехали. В чем-то это было хорошим решением: на ночные маршруты претендовало не так много желающих, так что последний участок пути мы провели втроем, не считая возницы.

– Вы торговцы изумрудами, а? – спросил нас кучер, когда мы забирались в карету.

– Нет. С чего вы взяли? – ответила я, окидывая нас троих быстрым взглядом.

В нас не было ничего, что говорило бы об этой профессии. Из кармана Мокки не свисали ничьи украденные украшения, Тилвас не щеголял никаким из-за пазухи вынутым колечком. И я сомневаюсь, что грубоватый кучер таким способом планировал сделать комплимент цвету моих глаз.

– Торговцы очень часто пользуются этим маршрутом, – объяснил возница. – И всегда предпочитают ехать ночью, чтобы оказываться на бирже драгоценных камней Шавершохана к открытию. Завтра там вообще какие-то большие торги, очень много народа должно собраться! И еще торговцы изумрудами обычно тоже тройками ездят: красавица и двое охранников.

– Понятно. Нет, мы не торговцы.

– Я похож на охранника? Серьезно? – возмущался Тилвас, когда мы тронулись и словоохотливый кучер за стенкой перенес свою говорливость на лошадей, то бодро рассказывая им что-то, то напевая.

– Удивительнее даже, что на охранника похож я... – проворчал Мокки, вытягиваясь на лаковой лавке во всю длину и прикрывая глаза.

– У тебя на ремне четыре ножа висит, – напомнила я.

Вор купил их вчера на рынке. Просто так. Чуть ли не с каждым часом Бакоа становился все взвинченнее и тревожнее, и это невозможно было исправить, только переждать, хотя Мокки, очевидно, старался сдерживаться. Однако его настроение все же ходило за нами, как новый спутник и темная туча, иногда отплевывалось молниями проклятий, иногда совершало глупости.

– У тебя тоже ножи на ремне, – пожал плечами вор. Потом вдруг хохотнул: – Вообще, наверное, кучер нас с тобой, Джерри, принял за охранников. А Тилваса – за «красавицу». Его синяки под глазами похожи на размазавшиеся поутру тени у служительниц Томного переулка.

Я прыснула, аристократ оскорбленно фыркнул.

– Феминность в мужчинах – это тренд, – заявил он, но потом обеспокоенно покосился в стекло кареты.

Я подозревала, что вчера Тилвас вообще не спал, предпочтя вместо этого снова заниматься разработкой схемы-формулы для переселения. Из-за этого его глаза и впрямь были будто обрисованы темной каймой усталости.

Талвани не обсуждал с нами свою работу – ни я, ни Бакоа не разбирались в теоретическом колдовстве и не могли бы помочь, но я видела, что артефактор нервничает. Где-то там. Внутри. А еще иногда он невольно прикасался к своему амулету – мерцающие искорки продолжали виться вокруг него тонкой струйкой, и я заметила, что одна из двух голов ворона стала как будто уже не такой черной. Она выцветала.

Как-то Тилвас перехватил мой любопытный взгляд, устремленный на медальон, и немигающе, прямо, спокойно держал его, пока я сама не отвернулась. Он будто хотел сказать: «Да, я умираю. И что в этом такого?» В том взгляде духа пэйярту было явно больше, чем человека.

Дилижанс ехал сквозь темное предрассветное ущелье. В скалы по правому боку были вбиты гвозди с латунными колокольчиками и алыми шелковыми ленточками – местные жители таким хитрым образом загадывали здесь желания. Когда в ущелье дует ветер, оно все звенит и поет чужими мечтами. Слева от нас темнела расческа корабельных сосен. Скрипели, старые. Раскачивались во тьме.

Я дремала, упершись затылком в стекло, Мокки дрых на лавке напротив, а Тилвас в полусумраке единственной маг-сферы шуршал по блокноту пером: за эти два дня он израсходовал бумаги больше, чем некоторые столичные компании – за год...

Вдруг снаружи послышался хлопок, и дилижанс резко остановился.

– Эй! – крикнул наш кучер. – Уйдите с дороги! Что вы вообще тут делаете...

Он не договорил: слова сменились хрипом и тишиной. Лошади заржали, тотчас снаружи послышались какие-то приказы, крики, топот.

– Твою мать, – с чувством сказал Талвани, откладывая перо. – На нас что, *опять* напали?

– Причем, кажется, по ошибке... – вздохнула я, расслышав слова «И чтоб ни один изумруд не забыли!».

– Не опять, а снова, – ликуя осклабился Бакоа еще до того, как открыть глаза и сесть на лавке. – Ну наконец-то. А то я уже заскучал.

Дверь дилижанса открылась, и внутрь швырнули ядо-дымовую гномью гранату – характерный серебристо-лиловый бок подкатился к моей ступне.

– Наберите воздуха и закройте глаза! – крикнула я.

До этого я потянулась было за маг-свитками, но теперь передумала: локтем выбила окно кареты и мгновение спустя выпрыгнула в него. Окошко было небольшое, мои спутники, не такие ловкие, в него бы не вылезли. Я, сгруппировавшись, приземлилась на размякшую после дождя дорогу, и откатилась вбок. Краем глаза заметила, как в то место, где я только что находилась, воткнулось несколько арбалетных болтов.

Пока нападавшие перезаряжали оружие, я набрала в грудь воздуха и скрылась в темном дыму, который полностью скрыл дилижанс и распространился вокруг него, энергично выступая сквозь разбитое мной окно. Через минуту-две он уже выветрится, но пока в нем было удобно прятаться.

Я запрыгнула на крышу дилижанса и, нащупав пожарный люк, распахнула его. В лицо мне дыхнуло ядом. Я свесилась вниз – все еще с закрытыми глазами – и наугад схватила кого-то из ребят, потянула на себя. Ага, это Мокки. Он все понял: дважды шлепнул меня по запястью

– универсальный гильдийский жест – и мгновение спустя подпрыгнул, подтянулся и, едва я успела отодвинуться, вылез на крышу.

В полном молчании – в дыму таких бомб нельзя ни говорить, ни дышать – Мокки скатился с крыши дилижанса. Вскоре раздалось его хищное:

– Приве-е-е-е-тики! – и, судя по крикам и звону оружия, завязался бой.

Я же, набрав еще свежего воздуха, вновь нырнула в упругую ядовитость кареты. Где там Тилвас?

Не сразу, но мы все-таки нашли друг друга во мгле, и вскоре аристократ вслед за мной вылез на крышу дилижанса. Я спрыгнула на землю. Черный дым уже расходился, и я наконец увидела наших врагов.

Так.

Понятно.

Кажется, люди на западном побережье очень любят изумруды. Прямо *очень*.

Вокруг обнаружилось никак не меньше дюжины разбойников, снабженных оружием всех мастей, в том числе магическими артефактами. Их было *действительно* много, я никак не ожидала такого количества покушающихся на нашу честь идиотов. Часть из них стояла с арбалетами: они тотчас направили их на нас, и мы с Тилвасом только каким-то чудом умудрились увернуться, брызнув в стороны, как сумасшедшие кошки. Другие разбойники окружили Мокки, который огрызнулся кинжалами и остротами, но, увидев нас, расформировались и кинулись в бой.

Мне очень хотелось уведомить их, что никаких драгоценных камней у нас нет и лучше бы разбойникам не тратить ресурсы на настолько бессмысленные телодвижения, но времени на светские беседы не оставалось. К тому же вряд ли бандиты передумали бы вести бой и со всем почтением посадили нас обратно в карету: подозреваю, они убили бы нас просто так, из обиды на то, что обманулись сами.

Так что оставалось драться. Хорошо хоть, арбалетки не рисковали стрелять, когда мы в клубок сцеплялись с их товарищами.

На меня напал один из грабителей, ловко орудующий средних размеров клинком, и я много раз прокляла его сквозь зубы. Несколько неумелых противников куда лучше одного мастера – они мешают друг другу и дают тебе больше пространства для маневра, а этот бандит был хладнокровен и четок в своих действиях и пристал ко мне как банный лист. Из стратегических соображений я не могла убежать от него – меня бы тотчас догнали арбалетные болты, жадно следящие за нами из кустов, будто зрители с непомерно дорогими билетами – на спектакль. Так что я вынуждена была исхитриться делать что-то на расстоянии вытянутого клинка. Позвать на помощь Тилваса и Мокки тоже не представлялось возможным, так как у ребят хватало своих врагов. Мокки медленно выжимал кровь из своих противников где-то поодаль – порез за порезом, тысяча штук, настоящая пытка в традиционном стиле, – а вот Талвани со своими «поклонниками», так и жаждущими отрезать кусочек аристократической плоти, крутился совсем рядом со мной.

Несколько раз «мой» бандит чуть не продырявил меня насквозь, а в один момент рубанул мечом так резко, что срезал кулон у меня на шее – я еле уклонилась. Мгновение спустя выяснилось, что это был мой *любимый* кулон, теперь печально разбившийся о камень на дороге. Единственная из моих вещей, не считая нижнего белья, которая пробыла со мной все время с начала нашего приключения. Более того: единственная из вещей, сохранившаяся у меня с эпохи до Зайверино... Когда-то мне его подарила Финна, моя милая Финна. Это был стеклянный цветок дурмана с тычинкой-глазком. «Разобьется – влюбишься!» – пророчила подруга.

Я посмотрела на осколки кулона, потом перевела взгляд на разбойника. Нет. На суженого он никак не тянул.

– Вот это было зря, – мрачно сообщила я и, рискованно поднырнув под блеснувший меч, сбита противника с ног подсечкой.

Бандит потерял равновесие и упал. Я резко выбила меч у него из руки и планировала уже запрыгнуть сверху, чтобы негодуяще придушить, но мне помешала сделать это серия последовательных щелчков.

– Джерри! – услышала я окрик Тилваса Талвани.

Арбалеты.

Гурх, арбалеты.

Я же сама про них говорила, а теперь...

Я невольно вжала голову в плечи, ожидая своего неминуемого превращения в решето, но ничего не случилось. Лишь перед глазами промелькнула тень – кто-то красивой рыбкой пролетел мимо меня, падая на землю.

Это был Тилвас.

В полёте он странно дернулся... А теперь лежал, пробитый полудюжиной болтов, и нежно-зеленый мох под ним быстро окрашивался кровью.

Один болт торчал прямо из горла. Глаза артефактора раскрылись еще шире, стекленея.

Все замерли. Разом.

...Странный эффект, снова и снова возникающий в бою: казалось бы, обе стороны готовы к смерти, даже жаждут ее, но когда кто-то погибает на твоих глазах – друг ли, враг ли, – ты на мгновение цепенеешь. Так и сейчас: на несколько долгих ударов сердца над темным ущельем повисла тишина.

– Нет, – произнес чей-то надломленный голос, и я не сразу поняла, что он принадлежит мне. – Тилвас! Нет!..

– Да, – возразил один из разбойников, видимо решив, что это – лучшее время для переговоров. – Отдавайте изумруды, не то вас постигнет судьба вашего друга.

– Вот теперь вам точно конец, – вместо этого так тихо и с такой нежной улыбкой сказал Мокки Бакоа, что бандиты вокруг него невольно подались назад, хоть и были на голову-две выше вора.

Я же неверяще смотрела на Талвани.

Чувство несправедливости и тупой, до кишок пробирающей горечи затопило меня целиком, и я вдруг поняла, что никак не была готова к такому. Пусть даже мы столько раз сталкивались с опасностью за эти дни. Мне казалось, если Тилвас или кто-то из нас и погибнет, то точно не в таких обстоятельствах. Это было несправедливо и так... буднично.

Он столько лет боролся со своей старой смертью, чтобы вот так прыгнуть и вместо меня поймать шесть смертельных выстрелов – притом что мы даже не стали друзьями – колкостей в наших беседах было куда больше, чем близости... Хотя нам было о чем помолчать, и о чем пошутить, и каждый раз эти периоды молчания и шутки становились для меня как будто ценнее.

– ...Вам конец, – собравшись с силами, ледяным тоном повторила я вслед за Мокки и наклонилась за выбитым у бандита мечом.

И, кажется, наших грабителей пробрало. Если на такую же реплику Бакоа они среагировали мелкими подрагиваниями и лишь лёгкой потерей самообладания, то мои слова неожиданно заставили их замереть с распахнутыми глазами и выронить оружие из рук.

Впрочем, мгновение спустя, когда я сморгнула злые слезы, оказалось, что это не я причина такой моральной разлуки в рядах противников.

Просто бледный как смерть Тилвас Талвани судорожно вздохнул, захрипел, сел и одеревеневшими пальцами с мерзким хрустом вырвал из своего горла арбалетный болт.

А потом вырвал другой – из груди. Еще из груди. Два из живота. Наконец – из ноги.

Все стояли, не шевелясь, слишком пораженные происходящим.

Каждый раз выламывание болтов сопровождали тихое злое постанывание Талвани и фонтаны, ручьи, брызги темной крови, остро пахнувшей железом. Но уже пару мгновений спустя раны на теле артефактора начинали светиться... Ночь вокруг нас засияла, как день.

Тилвас поднялся во весь рост. Выпрямился.

Потоки света лились от него во все стороны. Глаза горели убийственно-красным, а вокруг тела вились маленькими смерчами черные искры. Крошки земли, мох и трава как будто бы отползали от Талвани, оставляя артефактора одного в круге тьме и огня.

Ни следа прежних улыбочек и ухмылочек, паясничества и смеха, легкомыслия и обаяния не было в господине Талвани. Только холод, смерть и темнота.

– Вам... – странным двоящимся голосом начал аристократ.

– Конец, – шёпотом согласились бандиты и сиганули кто куда.

* * *

Мы с Мокки, прикрыв глаза от яркого света, разглядывали Тилваса Талвани.

Поначалу смотреть на него было захватывающе и жутко – словно наблюдать за цунами. Заострившиеся черты лица. Ледяная ярость, давящая энергия, эти полыхающие глаза...

Но потом личина могущественного заклинателя стала таять, сменяясь знакомым нам образом взбалмошного аристократа.

И вот уже Тилвас неловко морщился, рефлекторно крутя в пальцах вырванный арбалетный болт. Вокруг была тишина и смолянистая чернота лесной дороги, и только он торчал посреди тракта, как свечка, неловко переступая с ноги на ногу. Вдалеке затихали перепуганные вопли разбойников.

– Ты что, раньше не мог сказать, что светишься? – вздохнула я. – Сэкономили бы на фонариках.

– Чтобы ты каждый вечер пыталась меня убить? – Талвани усмехнулся. – У тебя слеза на щеке, кстати. Должен сказать, я польщен тем, с какой готовностью ты стала меня оплакивать.

– И не мечтай. Просто от моего противника резко воняло луком.

– Это так не работает, Джерри. Он же не луковица на ножках.

– Может, и луковица. Ты ведь не дал мне его расчленить, чтобы проверить.

– Ну, тем более: плакать не с чего. В случае луковицы ты начинаешь лить слезы, когда свежий сок вытекает из...

– Да заткнитесь уже, а! – закатил глаза Бакоа, нервно вытирая кинжал о сорванный лист папоротника. Мокки нужна чистота, идеальная чистота, и немедленно. До ужаса щепетильный убийца. – Ладно раньше у меня Джеремиа треплом под боком была, но когда вас двое никак не умолкнет – это похоже на персональную преисподнюю.

– А ты чего такой злой? – фыркнул Тилвас. – Ты хотел драку – ты получил драку, вор. Что не так-то?

– Мало, – односложно ответил Мокки и, подняв с земли ловко срезанный у кого-то кошель, стал педантично и сухо пересчитывать в нем монеты.

– А еще, – он мрачно крутанул один золотой на ладони, – у нас теперь нет транспорта. И я буду лжецом номер один в этом мире, если не скажу, что меня просто *задолбало* шляться пешком.

Дилижанса и впрямь у нас теперь не было. Лошади, перепуганные происходящим, умчались вместе с каретой. Судьба кучера осталась неизвестной: либо он был мертв, либо ранен, но той ночью на дороге тело мы так и не встретили.

Мокки продолжал брезгливо вытирать испачканное оружие, лицо и руки. Чуть ли не вылизывался, как кот. Тилвас светился еще какое-то время, прежде чем регенерация перешла в более скромную, незаметную фазу.

– До какой степени тебя можно разрезать, пока ты не умрешь? – спросила я, когда издали мы с Мокки перестали быть похожи на двух придурков, поджегших своего товарища.

Артефактор содрогнулся.

– Давай не будем экспериментировать?

– Ну а всё же?

– Я не ящерица: хвост или другую конечность не отращу. И, наверное, будь этих болтов в два раза больше, сил пэярту тоже бы не хватило. А если ударить меня прямо в сердце хирургически верным ударом и повернуть – то это точно конец.

– Но все-таки сорвать с тебя амулет – куда проще, чем убивать другим способом, да?

– Да, – кивнул Тилвас. – Поэтому подослать тебя ко мне было действительно мудрым решением со стороны нашего врага... И очень неожиданным. В этом смысле я расслабился за предыдущие годы.

Я вздохнула и покачала головой, вспоминая, как старуха цавраску пырнула Тилваса ножом в склепе. Теперь ясно: мне тогда не показалось.

– Мелкие раны затягиваются за четверть часа, – объяснил аристократ. – Большие – дольше. И... Нет! Не надо трогать! – отшатнулся он, когда я по-свойски потянулась к его горлу, чтобы изучить дыру от болта. – Боль настоящая, не усугубляй, будь добра.

– Тебе сейчас больно? – я искренне удивилась.

– О да, – ядовито ответил он, рукой проводя вдоль разорванной одежды и ассортимента дырок. – По-твоему, я проветриваюсь? Легкий бриз и свежий ветерок? К сожалению, нет.

Только теперь, снова привыкнув к слабому свету луны над нами, я разглядела, что у Тилваса запали глаза и над верхней губой выступили капельки пота. А пальцы легонько трясутся, и в принципе он все еще выглядит скорее мертвым, нежели живым. М-да.

– Так и не скажешь, что ты страдаешь, – все же буркнула я.

– Потому что ты не одна тут актриса, гурх тебя побери, Джерри!.. Я шесть лет всем постоянно вру. Ты в своем обожаемом университете училась меньше, чем у меня реальной практики лицедейства!

Я поморщилась, но на сей раз не стала острить в ответ.

Мокки, угрюмо сидевший на дороге, вдруг замер над чистой кинжалов, а мгновение спустя прижался ухом к земле. Выпрямившись, он сладко облизнулся.

– По дороге едет дилижанс, – прищурился Бакоа. – И что-то мне подсказывает, что это те самые ребята с изумрудами, за которых нас приняли по ошибке.

– Что ж, их можно поздравить с безопасной дорогой, – проворчал Тилвас, с неприязнью глядя на свою порванную рубашку.

– О нет... – Мокки улыбнулся еще шире, очевидно взбодрившись. – Нет-нет-нет. Потому что теперь их изумруды заберем мы. Нужна же мне хоть какая-то моральная компенсация?

– Я умираю, вообще-то, – пропел Талвани.

– Умирай в кустах. Мы с Джерри справимся.

– Джерри вроде не любит разбойничать? – двинул бровью артефактор.

Я развела руками.

– Тилвас, я все-таки воровка. И да. Изумруды – это красиво. А дилижанс – удобно. Двигай в кусты, и впрямь. Мы с Мокки будем сбрасывать стресс.

– Я бы мог подсказать вам способ поинтереснее, но никто же не спрашивает, – фыркнул артефактор, покорно спускаясь в овраг.

Вскоре у нас снова был дилижанс и несколько приятных мешочков с драгоценными камнями. Торговцев и кучера мы оставили на обочине, мило предложив им продолжить традицию и захватить уже следующую карету. Я не уверена, что они вдохновились, но возражать Мокки Бакоа благоразумно не стали.

* * *

И вот мы в Дабаторе.

Дабатор!

Небольшая плавучая деревушка, круглогодично пахнущая солью и водорослями. Древесно-скрипящий, бутылочно-зеленый камешек в мозаике острова Рэй-Шнарр. Очень, очень снобское место.

Бедное и снобское. Так бывает.

В Дабаторе нет лошадей и кебов, потому что там и земли нет: дома плавают прямо в море, соединенные деревянными настилами, и все это добро держится на огромных цепях и якорях, уходящих к морскому дну.

Чтобы попасть в деревню, ты должен пройти пешком почти милю по деревянному пирсу, тянущемуся от вулканического пляжа Забытой Слезы. И не дай небо тебе выйти в шторм: если тебя смоем волна, никто не нырнет на помощь. Никого рядом просто не будет: в Дабаторе в шторм крепко запирают ставни и жгут витые голубые свечи в честь *даллофи* – характерного рёхха – покровителя морских пучин.

С берега тоже никто не поможет: он пустынен и дик. Только чайки визгливо кричат на море, а море, рыча, иногда накидывается на них острым гребнем – и белые перья взмывают ввысь.

У входа на пирс стоит покосившаяся будка привратника – мрачного шэрхена с такими длинными волосами, что заплетенные косы доходят ему до пят.

Сейчас этот шэрхен взял с нас плату за вход (отнюдь не гуманную, изумруды оказались очень кстати), перебросился с нами с Тилвасом несколькими вежливыми словами и совсем не восхитился, узнав, что Мокки – блёсен.

– Блёсны... – сплюнул он.

Бакоа в ответ настолько крепко, до хруста, пожал ему руку на прощание, что лицо привратника побледнело, а кадык испуганно дернулся туда-сюда.

Мы пошли по пирсу. Небо было серым и низким. Накапывал дождь, и выглядело все вокруг так, будто у нас октябрь, а не сезон цветения.

– Предлагаю для начала найти ночлег, – сказал Тилвас, оценивая мутно-зеленую воду, булькающую под пирсом.

Мы согласились с этим планом.

Ночные разговоры

Invenias hominem cum quo potes intueri mare et es felicem.

«Найди человека, с кем можешь смотреть на море, и будь счастлив».

Всю ночь бушевал шторм. Нам пришлось разделиться, потому что ни один житель деревни не хотел принимать сразу трех чужаков, а такого понятия, как гостиница, в Дабаторе не существовало. С буквой «г» тут вообще было туго: «грохот», «гадалки» да «гонги», а «гости-ницы» нет.

Меня приютила женщина с кожей морщинистой и темной, как кора корабельной сосны. Она была заклинательницей жемчужин: каждое утро на рассвете садилась в лодку и пела, пела розовой кромке зари так, что ее голос отражался от воды и взмывал в небеса. А в море этот голос преображался, спускаясь в темные впадины, песчано-бархатные ущелья, и заставлял моллюсков приплясывать в своих раковинах, быстрее создавая жемчуг.

Я помогла колдунье приготовить ужин, а потом долго слушала ее рассказы. Ее звали Интиш Фаушах, что в переводе с древнего островного наречия значит «ракушка» и «тростниковая дудочка». Это имя госпоже Фаушах дали по старой традиции, до сих пор распространенной на некоторых островах архипелага. Обычай заключается в том, что перед младенцем выкладывают ряд мелких предметов, и те два, которые он возьмет, станут его именем и, возможно, судьбой...

– Нет, – сказала Интиш в какой-то момент. – Конечно, я не хотела провести в Дабаторе всю свою жизнь: я грезилась о путешествиях, богатстве, приключениях... Но день шел за днем, я каждый раз выбирала остаться здесь, откладывая переезд на завтра, и теперь мне кажется, что быть тут – далеко не худшая судьба. Рассветное солнце целует мои плечи, море поет со мной в унисон, а жемчужины, созданные в ритме моих мелодий, поблескивают на прилавках многих стран.

Мне казалось, она лжет: упущенные возможности тяжким грузом лежали на ее сердце, и, как бы она ни пыталась их игнорировать, они омрачали ее мысли и чувства. Но я лишь улыбнулась старухе в ответ.

Потом она легла спать в просоленный гамак, зацепленный посреди комнаты за потолочную балку. Мне предназначался матрас, который хозяйка вытащила из шкафа. Я легла на него, укрылась льняным отрезом ткани, но долго не могла уснуть.

Хижина раскачивалась из-за бури, весь Дабатор ходил ходуном под давлением моря. В окно было видно, как подвесной фонарь на столбе – пучеглазая железная рыба со светящимися глазами – летает туда-сюда булавой, и неумные мотыльки жадной стайкой следуют за его движением. А дальше – волны. Свинцовые темные волны, пахнущие песком и холодом, сметают пристани, иногда врезаются в стены хижин, скатывают плохо прибитые бочки – утром рыбаки отправятся их искать...

Под тихий храп хозяйки я ворочалась с боку на бок, но сон не шел, и я наконец сдалась: пошла на улицу. Дабатор спал, не горело ни одного окошка – только редкие уличные фонари. Лодки стучали бортами о деревянные настилы, у главной пристани этот перестук был совсем ритмичный – будто пляшущие мертвецы гремели костями.

Я направилась туда: села на почтительном расстоянии от воды и залюбовалась луной и ее мерцающей сизой дорожкой, всё рвущейся под натиском черных волн. Из хижины я прихватила деревянный термос и теперь, сняв с него крышку, наслаждалась запахом крепкого чая с едва заметным молочным оттенком.

– Не спится? – вдруг раздался голос у меня за спиной.

Ну конечно, и ты здесь, пэйярту.

– Талвани, будь добр – не подкрадывайся, а? – неспешно сделав глоток, попросила я.

Аристократ бесшумно опустился на доски рядом со мной.

– Я и не подкрадывался. Я всегда так хожу, а тут еще и волны глушат. Но ладно, если это принципиальный момент, в следующий раз я буду кричать тебе издали. Что-нибудь вроде: «Госпожа Джереми Барк, предупреждаю: я стою в двадцати метрах у тебя за спиной и готов пойти на сближение...» Пусть все в Дабаторе знают, да? – подмигнул он, сбросив с глаз каштановую челку.

– Что ты чокнутый? Пусть, – хмыкнула я и примирительно протянула ему термос. Талвани подозрительно принялся, потом с удовольствием попробовал темное варево.

– Нет. Пусть знают, что я готов пойти на сближение.

Последовала пауза, заполненная лишь моей вскинутой бровью.

– Давай дружить, Джереми, – пояснил аристократ.

– Хм... Но мы же и так дружим.

Теперь уже Талвани с интересом наклонил голову, ожидая объяснений.

– Мы сотрудничаем, – я пожала плечами. – Вытаскиваем друг друга из передраг. Я знаю главную задницу, случившуюся в твоей жизни. Ты знаешь про Зайверино. У нас похожее университетское прошлое, и, если я заговорю цитатами из Овредия, ты меня поймешь. Наверняка у нас немало общих знакомых – но узнать это иначе, как перечислять имена всех-всех-всех, не представляется возможным, а мне лень. Мы вместе танцевали, путешествовали, делили ужин и даже пару раз целовались – хотя это вряд ли относится к дружбе.

– Это было каким-то недоразумением, а не поцелуями, и я... – ввернул Талвани и явно не закончил на этом, но я перебила, «утешив»:

– Ты слишком самокритичен. Продолжая тему: у нас общий враг, а это, без сомнения, сближающий фактор. А сейчас мы вдвоем сидим под луной в одной из самых обворожительных деревень западного побережья и, если не отползем на пару метров назад прямо сейчас, то нас смоеет вон та волна...

Мы отползли. Волна разочарованно разбилась о пристань: будто головой о стену покаянно – «Эх, не удался маневр!»

– Хм. Должен сказать, в твоём пересказе наши отношения звучат внушительно, – усмехнулся Тилвас. – Мне кажется, я вообще впервые слышу от тебя столь долгую речь.

– Настроение такое. Дурное. Не хочу оставаться со своими мыслями наедине, вот и бегая в монологи.

– Что случилось?

Я поморщилась и подлила нам еще чаю. Молочный аромат не мог перебить запахи морской соли и пепла, разлитые в воздухе, но придавал обстановке приятный колорит уютной беседки у подножия цветущих гор.

– Все чаще жалею, что я не книжная героиня, – буркнула я.

– Оу. Вот как.

– Я имею в виду: у них в анамнезе обычно тоже есть беда. Что-нибудь поистине дерматическое, что заставляет волосы вставать дыбом, а читателей – покрываться сладостными мурашками. Но в комплекте с бедой всегда идет цель: вернуть все на круги своя, например. Возродить утраченный золотой век, только сделать его еще лучше, потому что в прошлом скорее всего были свои червячки. А вот будущее однозначно окажется великолепным. Эта цель героини,

она... Имманентна. Предопределена. Ее нельзя оторвать от персонажа, никак. Вектор выбран заранее: убить чудовище, выйти замуж за короля, вступить в свои права в том или ином смысле, но... В жизни-то все не так, Талвани. Среди нас очень мало людей с назначенными заранее судьбами, никакие деревенские ритуалы не могут этого изменить. Большинство из нас либо живет без цели, либо придумывает эту цель себе самостоятельно, как умеет, и божественного размаха в этом процессе хватает не многим. Я завидую им, гурх раздери. Этим несуществующим сироткам-избранным, лучшим ассасинкам придуманных миров, всего добившимся уже к семнадцати годам, невероятным главам магических орденов, подпавшим под проклятия принцессам... Им не надо ломать голову над сюжетом, он у них есть по праву рождения. Остается либо согласиться, либо резко воспротивиться – и то и другое дает красивую «арку», не так ли?

– А тебе демиурги, значит, не подкинули готовый шаблон.

– Именно. Зажмотили, твари. Все сама, все сама... Постигать созидание – шутка ли? И ведь постигать не на ерунде какой-то, а сразу на собственной жизни, такой единственной и неповторимой. Ленишься нельзя, если хочешь красивую историю. Нельзя «забить». Пустить на самотек. Мне иногда кажется – очень самоуверенное утверждение, заранее прошу прощения, – что мне всё вокруг не по размеру. Что Зайверино – я сейчас страшную вещь скажу – настолько ярче остальных событий моей жизни, что я не представляю, какую цель поставить впереди и кем стать, чтобы оно оказалось лишь шагом к будущему величию. Зачем я здесь, в этом мире? В чем смысл моей жизни? Чего я должна достигнуть? Есть ли у меня путь вверх – или я просто серая филистерка, бездарная фигурка, даже не пешка, а так – пыль в углу доски мироздания? Извне ответов ждать не приходится, а придумывать сюжет самой... Знаешь, не настолько я доверяю себе и своему драматургическому таланту, чтобы создать гениальный сценарий, да такой, в котором не будет этого сраного сладкого-горького конца в стиле наших драматургов. Я хочу великолепный сюжет, в котором при этом все будет хорошо, Тилвас, *все хорошо*... Но не знаю, как его себе придумать, – я помолчала. – Как у тебя с философией, а, Талвани?

– Да тоже не очень, три балла было, – он задумчиво отмахнулся. – Вообще, я так понимаю, Джерри, ты рассчитываешь на успех в нашей борьбе, раз уже страдаешь из-за недостаточности целей в будущем.

– Что-то вроде того.

– Ну, я тебя понимаю. Но мне всегда казалось, что путь открывается постепенно. И формируется тоже. Сейчас мы поставили целью вот тот горный пик – так давай доберемся до него по возможности живыми, а там наметим следующую амбициозную задачу. Довольно сложно придумать весь сюжет своей жизни разом: мы же растем и меняемся, прах побери. Все меняется. Логично, что ты не можешь сам себе сразу придумать великую кульминацию.

– То есть ты тоже не знаешь, в чем главная цель твоей несчастливой жизни.

– Конечно, не знаю. И пэярту не знает. Вообще никто не знает, зуб даю. И в этом есть не только ужас, но и... как думаешь, что?

Я посмотрела на море, уходящее далеко вперед.

– Свобода, – сказала я.

– Да. Свобода, – подтвердил Талвани. И тотчас улыбнулся: – Пугающие банальщины мы изрекаем, воровка.

– Обстановка способствует.

Тилвас кивнул. Потом задумчиво добавил:

– А еще... Как по мне, куда важнее жить, исходя из ценностей, а не из целей.

Я хмыкнула. Интересная мысль.

– А ценностей у тебя достаточно, – закончил аристократ. – Своеобразных, конечно... Не всегда, хм, общепринятых...

Я пнула его под ребро.

– Но тоже красивых, – смилостивился Талвани.

Мы молчали, сидя бок о бок.

Море ночью – странная штука, особенно штормовое. Царила та редкая погода, когда небо очень ясное – звезды можно считать, хватая руками, как ягоды ежевики, а ветер гнеливо-шквальный, поэтому темные горы волн вырастают неравномерно и сразу пугающе близко. Вдали – одна лишь чернота, стирающая мысль о горизонте.

Мы передавали друг другу крышку от термоса, наполненную чаем, и маленькими глотками по очереди потягивали темно-зеленую жидкость. Можно было отдать крышку Тилвасу, а самой пить из горла, но мне неожиданно понравился наш ритуал. В нем было что-то правильное: горячий напиток, горячие пальцы – контраст холодной ночи вокруг. Как будто не чай передаешь, а надежду, снова и снова. *Все будет хорошо.*

Когда чаша опять опустела, артефактор наполнил ее и протянул мне. Но не успела я забрать ее, как Тилвас уверенно и мягко накрыл мои ладони своими.

– Если что, я затронул вопрос о наших отношениях не просто так, – сказал Талвани, поднимая на меня глаза. Взгляд у него был серьезный, внимательный, будто ищущий что-то внутри меня.

Я застыла. Потом, повинуясь давней привычке, надела строго-рассерженное лицо. Нежные руки Тилваса на моих собственных вызывали у меня странное чувство, и оно бесило меня, провоцируя дать кому-нибудь оплеуху. Желательно себе, но можно и артефактору.

– Мы уже выяснили, что мы друзья, что еще тебе надо, Талвани? – буркнула я. – Если ты сейчас предложишь какие-нибудь отвратительно-милые ритуальчики типа скрестить мизинчики или сплести парные браслеты из красных ниточек – я возьму свои слова обратно, предупреждаю.

– Нет. Дело в том, что мне придется доверить тебе свою жизнь, Джерри.

Мои зрачки удивленно расширились.

– Мой ритуал. – Пальцы Тилваса сжались чуть крепче. – Когда первый этап ритуала закончится и пэйярту освободится, я не смогу не то что колдовать и использовать артефакт Объединения, – а вообще дышать не смогу. Ты уже видела это в день нашей встречи.

– Продолжай.

– Кому-то другому придется запустить артефакт и подселить лиса ко мне, пока я буду умирать. Я постараюсь сделать механику артефакта максимально простой, но, боюсь, запуск все равно потребует определенных усилий: у меня просто нет времени и возможности сделать процесс автоматическим, как в Ордене Сумрачной Вуали.

И Талвани объяснил, каких именно усилий потребует ритуал.

Задача звучала сложно. Очень сложно. Я нахмурилась, прикидывая шансы на успех.

– Так что скажешь, Джерри: я могу доверять тебе?

Он не шутил. Его взгляд бродил по моему лицу, ища то ли насмешку, то ли опору. Я внимательно смотрела на него в ответ. Красивые глаза, брови, будто созданные для виртуозной мимической игры, приятно-твердый подбородок. Каштановые волнистые волосы так и пляшут по лбу, повинуясь прихотям ветра.

Я вдруг подумала, что, знай я Тилваса в прошлой жизни, наверняка влюбилась бы. Мой типаж, надо же. Изящный и умный, в праздничной упаковке шуточек и лукавства.

Правда, в этой жизни мои потрепанные «бабочки» уже давно сделали убийственно-агрессивную раскраску крылышек и строятся безнадежным маршем при виде Мокки Бакоа. Помнится, я уже говорила об их дурном поведении. Но прежде вредители-насекомые были бы до пепла довольны образом артефактора...

Эта мысль вызывала смутное беспокойство. Будто предательство. Будто однажды ты выбрал биться головой о прекрасную кирпичную стену, а потом вдруг в крамольной этой башке родилась мысль остановиться. Ужас как непоследовательно. Подозрительно, странно, ошибочно.

– Да. Я сделаю все, что смогу, Тилвас, – пообещала я без налета обычной агрессии.

– Спасибо, – он кивнул, продолжая смотреть мне в глаза.

Мы все еще сидели, сплетя руки вокруг крышки, но теперь ощущение скрытого пламени, исходящего от пальцев аристократа, казалось мне интимным, а не братским.

Тилвас разжал пальцы, и я все-таки забрала чай.

Я сплела ноги в позу лотоса и выпрямила спину. Талвани же расслабленно откинулся назад, обеими руками упершись в шершавые доски пристани. Он поднял лицо к небу, и в свете луны стало видно глубокую ямочку между его ключицами. Из-под ресниц он наблюдал за мной, якобы тайно, но в итоге до неприличия откровенно, как за спектаклем для одного.

Это выглядело как типичный розыгрыш власти в отношениях двух людей. Кто свободнее? Кто сильнее? Кто доминирует? Напрашивался ответ: Талвани. Но я подумала: какого гурха?

Я развернулась и села к нему лицом. Задрала подбородок и, поигрывая пальцами на чашке, начала разглядывать его как будто бы сверху вниз. Тилвас лениво-саркастически вскинул бровь: «А это еще что значит?» Я продолжала вальяжно рассматривать его, позволяя себе изучать, что хочется, не заботясь о приличиях или его комфорте.

Тилвас растянул губы в хитрой улыбке и повернул голову чуть набок, обнажая еще больше шеи, в том числе сонную артерию – универсальный знак доверия у людей и животных... И приглашение к игре.

Не моргая, я глотнула чай и медленно облизнула губы. Талвани лениво сдул с глаз прядку волос и чуть прищурился: мягко, как хищник, изображающий дрёму.

Морские волны разошлись: остервенело бились вокруг, подбираясь все ближе. Я игнорировала их: не хотела разрывать зрительный контакт со своей игрушкой.

Главное правило: боишься, что кто-то возьмет над тобой власть? Возьми ее первой и больше не бойся.

Я твердо смотрела на Тилваса, чувствуя, что мое сердце бьется все медленнее. Тилвас смотрел на меня, его мышцы напряглись, а зрачки постепенно расширялись. Мы не шевелились и не разговаривали, а воздух неумолимо наполнялся электричеством, будто предшествующим грозе. Что-то неясное и темпераментное обволакивало пристань, отодвинув холод и шторм далеко-далеко за пределы мира, и в какой-то момент я поймала себя на том, что мне уже хочется не то чтобы выиграть в нашей спонтанной дуэли – мне просто хочется продлить это приятное ощущение еще немного... И еще... И...

Тилвас вдруг стремительным и плавным движением подался вперед, в полмгновения уничтожив разделявшее нас пространство.

Не успела я опомниться, как он впился в меня поцелуем: быстрым, очень быстрым и клеймящим. Одной рукой артефактор с силой сжал щиколотку моей согнутой ноги, другой – быстро повел вверх по бедру. *Ты уверена, что готова шутить со мной, Джеремия?* Я в ответ схватила его за плечо, цапнула за губу и царапнула обнаглевшую руку.

Все это заняло какую-то пару мгновений и было похоже скорее на столкновение – страшный удар двух всадников, развивших слишком большую скорость. Когда я опомнилась, Талвани уже равнодушно стоял во весь рост в метре от меня. Только лёгкий запах амбры и горячая острота на губах убеждали: мне не почудилось.

– Волна, – бесстрастно сказал артефактор, скрещивая руки на груди.

– Что? – хрипло переспросила я.

По телу бежали всполохи магических искр, будто кто-то раскинул ловчую сеть, и на контрасте с этим пламенем одна шальная волна – *ах, вот ты о чем, Талвани,* – неожиданно дотянулась до нашего места и рокотом, ледяным глубинным урчанием накрыла мои голые ноги, тело, мысли.

Спасибо, волна. Охладила дурную голову.

– И это тоже, конечно, не считается полноценным поцелуем, если вздумаешь продолжить подсчет, – едва слышным шепотом в самое ухо уведомил Тилвас, подняв меня после малого пристань-крушения. В глазах его плясал лукавый лисий огонь, но лицо оставалось невозмутимым. Уже в полный голос он добавил: – Доброй ночи, Джерри.

– Доброй ночи, – чинно ответила я, мысленно прибавив «засранец».

Как ни в чем не бывало мы разошлись в разные стороны. В зеркальце, висящем на чьей-то ставне для отпугивания злых духов, я увидела, что Тилвас будто нехотя обернулся, уходя. А потом еще раз. Я молодец: успешно удержалась от подобных соблазнительных идей.

Вернувшись в хижину, я долго не могла уснуть. Да уж, прогулка не спасла от бессонницы, а усугубила её...

Часть моих бабочек переобувалась в полете, и в конце концов я решила, что лучше всего будет завтра их всех перестрелять. Разом. Безжалостно. В монастырь уйти, мать его. Мать их. Обоих.

Морские охотники

Quidquid latet, apparebit.

«Тайное становится явным».

Весь следующий день мы готовились к нырянию. Погода была серая, промозглая, море затянуто тонкой пеленой тумана. Мы ходили, раздвигая его руками, будто кулисы, и жители деревни появлялись из него внезапно – призраки, а не люди. Только путеводные маячки тусклых фонарей позволяли не промахиваться мимо деревянных настилов.

В лавке зельевара – ее было легко найти по специфическому запаху трав – мы купили Эликсир Подводного Дыхания.

– Он какой-то особенный, что ли, что вы все слова с большой буквы написали? – фыркнул Тилвас, вертя в руках тускло-зеленую бутылочку.

После этого комментария мы лишились предложенной поначалу скидки.

А затем из-за Мокки нам еще и накрутили цену. Потому что Бакоа вихрем промчался по лавке, пощупав все, что можно, и в итоге презрительно вывел:

– Фуфлю.

– П-п-п-простите? – оскорбился интеллигентный зельевар.

– Подводные таблетки для нормализации давления у вас наполовину смешаны с известкой, – любезно пояснил Бакоа, кроша между пальцев тестовый образец упомянутого товара. – В зелье скорости, судя по запаху, подмешан банальный спирт. Яд для гарпунов, на которых ловят леди-мурену, на самом деле...

– Он что, рамбловец?! – возмутился зельевар, поворачиваясь ко мне.

– Да, – сказала я.

– Для чужестранцев стоимость другая – налоги, знаете ли, – мстительно подытожил зельевар.

Он хлопнул в ладоши, буркнув маг-формулу, и цифры на ценниках пренеприятнейшим образом изменились. Впрочем, под полкой неисправимый Мокки вынес чуть ли не полмагазина, так что внакладе мы не остались.

Затем я отправилась на Тихую пристань, где около двух дюжин рыбаков в треугольных шляпах сидели в ряд с длинными бамбуковыми удочками. За звонкую монету один из них рассказал мне о лучших местах для спуска за кораллами.

– Только... вы это... того... – шмыгнул носом рыбак. – Учитывайте: вообще-то охотиться под Дабатором нельзя, только рыбачить с поверхности. У нас издавна такое соглашение с Рамблой на этой территории: внизу их угодья, наверху – наши.

– Но ведь до Рамблы отсюда очень далеко?

Подводный город-государство, жители которого были знамениты специфическим нравом, и впрямь находился на полпути от Шэрхенмисты к материку.

– Да, но кое-кто из рамбловской знати любит охотиться на донных хищников именно здесь, и, в общем-то, мы заключили с ними соглашение...

Судя по тому, как начал мямлить рыбак, соглашение было отнюдь не государственного уровня. А рыбаки, как я вдруг заметила, не по статусу дорого одевались.

– Нас не интересуют рыбы, – сказала я. – Только кораллы.

– Ну вы всё равно блёснам на глаза не попадайтесь, – попросил рыбак. – У них... достаточно специфическое настроение во время охотничьих заездов. Им пыль азарта тревожит ноздри и застилает глаза, и они становятся жадными до смерти.

– Дикая охота, – кивнула я. – Наслышана.

– Да-да... Могут убить из праздного интереса, а потом сказать, что приняли вас за дельфина...

Учитывая, что у нас был Мокки, разыскиваемый соотечественниками, мы бы и так не стали нарываться, но сообщение об охотниках было не лишним.

Вообще, официально Дикая охота считается церемониальным праздником подводного мира. В дни Дикой охоты владычица и ее двор выезжают на своих черных конях эх-ушкье и галопом проносятся по Шепчущему морю, взбивая воду в пену и оставляя позади клубы песка, хохота и причудливой музыки. Но мы, ближайшие соседи блёснгов, знаем, что на самом деле в течение года проходит много тайных, зато *истинных* охот.

Средневековая дичь поехавшей знати, во время которой всадники действительно разят направо и налево, а жемчужная пудра, вдыхаемая ими из специальных амулетов, превращает цивилизованных людей в охочих до крови монстров.

Правильно Мокки говорил: рабловцы на всю голову отшибленные. Может, потому, что и впрямь обычно вынуждены двигаться медленно и чинно, из-за чего душа требует безумства в перерывах. Может, потому, что, почти не снимая, носят придонные маски – наверное, у всех испортился бы характер, если бы лицо все время было укрыто магической маской с длинными трубками, которую ты снимаешь, заменяя на эликсир дыхания, только изредка – для важных церемоний, похорон и любви.

– Кстати, про возможность встретить блёснгов. Может, мы просто нырнем без тебя, Бакоа? – предложил Тилвас вечером, когда мы ужинали в плавучей таверне «Луна и хлеб».

– Нет. Без тебя, – отозвался вор.

Мокки не ел, лишь остервенело крошил батон белого хлеба за борт. Рыбы были счастливы.

– Обожаю твои контраргументы. Точнее, их отсутствие, – вздохнул артефактор, подливая мне еще знаменитого черного вина восточных регионов.

Оно было очень терпким, элегантно-пьянящим и, по слухам, предсказывало судьбу. Я покачивала кубок из темно-гранатового стекла так и эдак, но антрацитовая мгла внутри только поблескивала и плескала, не показывая ровным счетом ничего.

Может быть, это к лучшему. А может, это мне не стоит нырять.

– Я серьезно. Ты остаешься на суше, аристократишка, – пожал острыми плечами вор.

– С чего бы это?

– А зачем ты нам там нужен? – лучисто улыбнулся Мокки.

Тилвас изумленно фыркнул.

– Мы с Джерри сработанная пара, а от тебя до сих пор проблем больше, чем пользы, – изволил развернуть свою мысль вор. – К тому же, если там все-таки будет Дикая охота и мы все-таки с ней столкнемся, Джерри я выторгую. А тебя уже ничто не спасет.

– Офигеть, так это что, *забота*? – восхитился Тилвас.

– Это логика, придурок.

– Слушай, Мокки, мне надоело слышать, что я придурок.

– Ну поплачь, я не знаю.

Я вздохнула и отставил кубок.

– Я ныряю одна, – безапелляционно объявила я, глядя на вора.

Сегодня Мокки был еще более нервным. Казалось, грядет какой-то срыв, катастрофа... Но я надеялась, что это мое слишком живое воображение произвольно ждет бури, оказавшись у моря.

– С какой это радости? – хором возмутились мои спутники.

– С той, что со своей тенью я еще сработаннее, чем с Бакоа, – я потуже затянула убранные в хвост волосы, перевязанные веревкой из рыбацкой сети. – Как я понимаю, Мокки, выторговывать меня ты собрался своей головой, если что. И это категорически не принимается. Ну а Тилвас – ни в какие рамки не вписывающаяся беда, что есть, то есть, – я подмигнула в ответ на возмущение, проступившее на роже артефактора.

– Я обсчитался. Вас тут двое – придурков, – после паузы резюмировал Бакоа и, не размениваясь по мелочам, вышвырнул за борт весь батон разом.

Какая-то рыба получила по кумполу.

– Никуда я тебя не отпускаю, – отдельно и внятно сказал мне Мокки.

А потом ушёл.

* * *

На рассвете я стояла на пристани для ныряния. Было зябко и пустынно, хотя ставни тех и других домиков уже потихоньку открывались, а какой-то петух – кто вздумал заводить петуха в морской деревне? – проорал уже несколько раз, да так громко, что, думаю, его кукареканье долетело по морю до самого материка.

Я намеревалась проверить операцию в одиночестве, еще до завтрака. У меня были с собой все необходимые для ныряния инструменты: ночью я стащила их из избушки, где ночевали парни... В конце концов, воровка я или кто?

Кража прошла легко.

После ужина в «Луне и хлебе» мы с Тилвасом еще довольно долго сидели вдвоем, почему-то не решаясь обсуждать Мокки. Потом пошли в сторону наших избушек, не удержавшись от того, чтобы не навернуть пару живописных кругов по деревне. По дороге Тилвас купил у ночных рыбаков кулек со светящимися хрустящими цнорками – нестандартную морскую закуску.

– Попробуешь? – предложил артефактор.

Я с опаской посмотрела на ультрамариновую засушенную водоросль.

– Спасибо, но нет. Выглядит чересчур необычно.

– Так в этом же самый смак, – артефактор улыбнулся и захрустел цнорками. – Подсознательно мы все без ума от новизны. От новых вкусов, знаний, поступков, от всего, что преобразует картину нашего мира... Страх иногда мешает нам наслаждаться новизной, но, если отпустить его, мы получаем колоссальное удовольствие от всего интересного. Вокруг столько нового – можно загребать двумя руками. У рёххов нет такого многообразия. И нет других им подобных, каждый – бессмертен и одинок, представляешь? – вдруг неожиданно закончил он.

Я подняла глаза на Тилваса. Талвани хрустел водорослью, глядя на море. Я вытащила одну цнорку из пакетика и, откусив, скривилась. Он по-доброму рассмеялся.

– Ну все равно ведь было интересно попробовать, Джерри?

– Было, – согласилась я. – Можно я зайду к вам воды попить? А к себе сама потом дойду.

Мы как раз стояли у избушки, где ночевали они с Мокки. Тилвас, ничего не подозревая, согласился, пустил меня, и на кухне я незаметно сняла крючок, закрывающий окно. А чуть позже, когда увидела, что свет погашен, незваной гостьей пролезла в дом.

Мокки и Тилвас спали в общей комнате в таких же гамаках, какие были у госпожи Интиш Фаушах. Мешок с нашими снастями для ныряния лежал под боком у Бакоа. Я на цыпочках подкралась и осторожно, не дыша, потянула его на себя. Вор завозился... Его зрачки беспокойно бегали под опущенными веками, русые волосы торчали во все стороны, а нос казался ужасно острым. Ловкие пальцы вора дрогнули, когда я дотронулась до мешка, но Мокки, к

счастью, не проснулся. Забрав снасти, я позволила себе какое-то время молча полюбоваться на Рыбью Косточку.

Да быть не может, чтобы ты, вор, все эти годы не видел, как я к тебе отношусь.

Да, ты чокнутый, но не дурак ведь? И пусть я актриса, но некоторые вещи написаны на лбу. Если видел, почему ничего не скажешь? И эти твои вроде-как-намеки-на-ревность последних дней – как их объяснить? Если бы я тебе нравилась – разве не логичнее было бы поговорить об этом? А если нет – не честнее бы?

«Честнее было бы сказать», – вспомнились мне слова Галасы Дарети, обращенные к Мокки, и я мысленно застонала, глядя на шальное лицо Бакоа. Надеюсь, однажды ты все-таки договоришь фразу, начатую тогда на печи.

Мне показалось, что спину мне буравит чей-то внимательный взгляд. Но когда я оглянулась на гамак Тилваса, аристократ спал.

* * *

И вот я на пристани.

Я сделала небольшую разминку, готовясь к нырянию в холодное море. Сумку для кораллов повесила на плечо. Затем поочередно опрокинула в себя несколько пузырьков зелий: для дыхания, для зрения, для скорости, тепла и от давления. Подумав, по логике «не пропадать же добру?», я глотнула еще и говорильного зелья – того, что позволяет звуку четко распространяться под водой.

Теперь точно все готово.

Я оглянулась через плечо на солнце, медленно восходящее над Шэрхенмистой, и, последний раз вдохнув воздуха, прыгнула в воду. Очень скоро утренний свет – и без того слабый – сменился темно-зелеными сумерками моря.

Я плыла все ниже и ниже в безмолвном подводном мире и наконец оказалась на дне. Белый песок, редкие ракушки и множество подводных цветов. Стайки рыб сигали во все стороны, тут и там огромные валуны были облеплены морскими звездами и моллюсками. Эпическая темнота, и только благодаря эликсиру я видела все вокруг хоть немного.

Согласно «Запискам благого ассасина», где-то тут находились руины времен Позабытой эпохи – темных веков еще до появления хранителей и драконов. Богиня Дану спускалась, чтобы изучить их, и как раз вокруг руин произрастало множество кораллов. Я отправилась на поиски, и вскоре вдалеке замаячило что-то вроде песчаной поляны, по бокам которой росли кораллы, а в центре высилось несколько каменных скал-пальцев.

Я уже собрала все необходимые кораллы, когда разноцветные рыбы, привыкшие к моему обществу, вдруг испуганно метнулись в разные стороны, а вода зашевелилась чуть энергичнее, чем прежде. Не успела я оглядеться, ища причину, как ко мне беззвучно и стремительно подплыл Мокки Бакоа... Под водой его волосы шевелились, как медузы, худощавое тело казалось сделанным из мрамора, а глаза приобрели непривычный зеленоватый оттенок. Он даже ничего не сказал, просто одной рукой вцепился мне в плечо и, развернув к себе, мрачно посмотрел мне в лицо.

– Я сказала, что нырну одна, – огрызнулась я.

– А я сказал, что это очень плохая идея, – процедил Мокки. – Блёсны, помнишь? Маршрут Дикой охоты идет четко вдоль этих руин. Более того: именно здесь всадники любят останавливаться на отдых.

– Откуда ты знаешь?

– Принимал как-то раз участие.

Я поджала губы.

– Ладно, Мокки. Вот только сейчас рассвет ничем не примечательного вторника. Дикая охота проходит несколько раз в год и обычно по выходным. Ты правда думаешь, что нам *настолько* не повезет?

– Да, Джерри, думаю. Потому что фортуна от меня без ума, – самоуверенно заявил Бакоа.

И, кажется, он был прав в этом громком заявлении. Ведь вдалеке почти сразу же раздался звук волшебного охотничьего рога.

Я посмотрела на Мокки. Он растянул губы в горькой усмешке, потом вдруг болезненно расхохотался, а два мгновения спустя его лицо уже сменилось холодной, отстраненной маской. Вода на западе стала темнеть от поднятого песка.

Мы с Бакоа рванули в сторону группы острых скал, вокруг которых извивалось множество водорослей. Ободрав локти и колени, мы прорвались в самый центр каменного круга и замерли.

Звук охотничьего рога повторился еще пару раз, приближаясь, а затем сменился звонкими и будто неземными голосами, диковинными мелодиями, хрипением подводных коней эх-ушкье. Сквозь щели между скалами мне стало видно вереницу всадников, появившихся вдалеке.

Блёсны.

* * *

Кавалькада охотников выглядела так, будто сошла с полотна старинного гобелена.

Прохладные синие и зеленые наряды, развевающиеся в воде. Бледная кожа сверкает серебром в свете жезлов-фонарей, которые держат слуги, спешащие перед знатью на толстых рыбах. Носы и скулы скрыты дыхательными масками со множеством тонких трубок: из-за них блёсны немного похожи на призрачных кошек. В глаза втерта жгучая мазь, защищающая их от воды – из-за нее радужки у блёснсов совсем черные, а белки – слегка голубоватые. Тонкостные и безжалостные, на огромных мускулистых конях эх-ушкье – воплощениях смерти, в руках – гарпуны и копыя.

Причудливое, странное зрелище, все в дурманной жемчужной пылице, шлейфом тянущейся за Охотой.

Медноволосую голову блёсна, скачущего впереди кавалькады, украшал ракушечный венец. Одетый в изящный темно-зеленый костюм с широкими длинными рукавами, он был самым красивым из рабловцев. Я невольно залюбовалась его точеным профилем, высоким лбом и гордым орлиным носом, заметным под маской. Густые локоны цвета красного дерева доходили ему до плеч и слабо колыхались под водой, мягкие губы напоминали розовые лепестки.

На мелодичном дольном языке блёсен приказал своему двору остановиться. Охотники, спешиваясь с черногривых эх-ушкье, хохотали и пели, огрызались и целовались. Слуги, сопровождавшие вереницу, стали спешно распаковывать припасы, устилать морское дно тяжелыми тканями, уставлять напитками и яствами подводного мира. Донные яблоки – медовые и сладкие; устрицы и морские ежи; зажаренные птички-ныряльщики, нашпингованные пастернаком и черемшой.

Кто-то из блёснсов, почти не целясь, швырнул за скалы гарпун – и слуги вытащили из зарослей мертвое существо, похожее на дельфина. Алая кровь облачками взмывала вверх.

– А вот и завтрак: зажарьте его для нас, – мелодично пропел блёсен в венце и лег на блестящую ткань.

Слуги начали колдовством разводять подводный огонь – нестерпимо синий – а другие охотники и охотницы садились и ложились вокруг своего господина, велеречиво переговариваясь, скаля белые, будто жемчуг, зубы, передавая по кругу табакерки с пылью. Их смех

был похож на звук бьющегося хрусталя, а бешеные, злые взгляды напоминали Мокки – только будто замедленного в своем бытии.

Мы с Мокки не могли уплыть: нас тотчас стало бы видно на большой песчаной поляне.

Бакоа зашипел от гнева и беззвучно саданул кулаком о камень, после чего закрыл глаза и погрузился в ожидание. Я наблюдала за блёснами, хвастающимися друг перед другом убитыми сегодня жителями глубин: слуги приносили их и уносили по легкому мановению руки. В какой-то момент чуть не вспыхнула драка: одна блёсна обвинила кудрявого юношу с татуировкой во все лицо в том, что он перехватил намеченную ею сегодня акулу. Тот зарычал и выхватил из-за пояса стеклянный светящийся меч. Но блёсен в венце поднял ладонь, запрещая дуэль, и тихо сказал что-то с улыбкой. Все рассмеялись, ссора была забыта.

Я уже было расслабилась – ну, подождем, – но вдруг один из всадников – огромный, мрачный, с рисунком морской звезды в разрезе рубахи – поднялся и, подозрительно покрутив головой, пошел в нашу сторону с гарпуном наперевес.

– Мокки! – Я ткнула вора в плечо – он так и сидел неподвижно, будто уснул. – Кажется, у нас проблемы.

– Почему я не удивлен? – процедил вор, прижимаясь всем телом к камню и прижимая туда же меня откинутой в сторону рукой.

Устрашающий блёсен приближался.

– Что ты там ищешь, Вальорен? – я вновь услышала мелодичный голос блёсна с венцом.

– Мне кажется, там кто-то есть, мой принц.

Принц?

– Не по статусу нам гоняться за каждой креветкой. Вернись и раздели со мной кубок, нам скоро снова пора отправляться в путь.

– Я чувствую запах испуганной плоти. Человеческой плоти, мой господин. Кажется, рыбаки нарушили договор.

Толпа охотников зашелестела удивленно-взбужденными ахами и охами.

– Гурх, – прошептала я. Пальцы Мокки, лежавшие у меня под ключицами, сжались.

– Тогда я сам хочу посмотреть, Вальорен. Где мой гарпун?

Вода молчала: ни шагов, ни дыхания – не поймешь, как близко от нас враг. Только волны шепотов растекались по песчаной поляне.

Оказалось, блёсен обошел наш круг из скал. Неожиданно он выступил нам навстречу из зарослей подводных цветов. Я замерла на вдохе, увидев принца так близко. Уголки его губ приподнялись в улыбке, обнажая немного заостренные зубы, глаза сузились, оценивающе глядя на меня, гарпун в руке поблескивал в свете рыбы-удильщика, сопровождавшей мужчину.

Блёсен издевательски наклонил голову набок и уже нараспев начал:

– Вальорен, да ты...

Как вдруг он перевел взгляд на Мокки и замер. И без того бледная, кожа рамбловца в венце совсем побелела. Он очень медленно моргнул, в плывущих из-за пыльцы зрачках на мгновение появился ужас.

– Убирайся. Немедленно, – едва слышно, трясущимися губами сказал принц.

Свободной от гарпуна рукой он резко рванул на себе ворот изумрудного одеяния, будто ему не хватало воздуха – такой странный жест на глубине.

– Не-мед-лен-но, – повторил принц и отвернулся, всколыхнув зеленые водоросли, а потом продолжил в полный голос, смеясь: – ...Да ты совсем потерял охотничий нюх, Вальорен! Никого здесь нет, какое разочарование! Знаете? Мне не нравятся настолько тусклые места, эти руины – пресвятая Авена, да эти руины мы видим трижды в год, я хочу устроить привал в другом месте. На вершине Муренового холма, под светом звездных потоков, ниспадающих сквозь морскую толщу... Охота! Продолжим гонку!

И рабблонец шагнул прочь. И не прошло и нескольких минут, как вся мелодичная, эфемерная, странная кавалькада жестоких блёснов с музыкой и пением неслась по морю прочь: эх-ушкье мчались то по песчаному дну, то по воде, то снова по дну...

Я обернулась к Мокки.

Бакоа выглядел как только что выловленный мертвец, жертва сорокадневных пыток. Дико стрельнув в меня глазами, он равнодушно бросил:

– Повезло.

И, оттолкнувшись голыми ступнями от острого камня – слишком острого, капли крови мгновенно затуманили воду рядом – Мокки быстро и молча поплыл вверх, в Дабатор.

Посланцы оришейвы

Amantes – amentes.

«Влюбленные – безумцы».

Догнать рамбловца в воде –дохлый номер.

Когда я поднялась на поверхность, Мокки уже нигде не было. Зато с деревянного настила мне протянул руку Тилвас Талвани. На щеке у него стремительно разливался темно-лиловый кровоподтек, на плече был длинный порез от бритвы.

– Что у вас случилось? – спросил артефактор, вытягивая меня наверх. – Бакоа вынырнул, врезал мне без предупреждения и с криком «Встретимся в Джинглберри!» свалил за горизонт, поднимая смерчи из щепок. Я еще не видел его таким.

Джинглберри был следующей точкой нашего путешествия: именно там жил мастер, способный изготовить из кораллов артефакт Объединения.

– Хм. Потом расскажу, – задумчиво протянула я. – Но хорошо, что ты не стал прыгать вслед за нами. Это было бы неуместно.

– Я *хотел*, – с нажимом сказал Тилвас. Кровоподтек к этому моменту успел раствориться так же безмолвно, как появился до того. – Вот только Бакоа утром выплеснул остатки зелий, а я, при всей своей гениальности, не умею задерживать дыхание больше чем на три минуты. Пришлось ждать.

Я наклонилась, выжимая мокрые волосы. В голове у меня шумело – то ли из-за воды, то ли из-за сцены с рамбловцами. Расширенные зрачки и голубые белки подводного принца при взгляде на Мокки так и стояли у меня перед глазами.

– Джинглберри так Джинглберри, – наконец невпопад сказала я.

* * *

Мы добрались туда за два дня.

Как сказочные герои оставляют за собой хлебные крошки, так Мокки Бакоа везде, где проезжал, сеял хаос и разрушения. *Кто-то* обокрал придорожный чайный домик. *Кто-то* увел лошадь из таверны, оставив в обмен клячу с дабаторскими стремянами – всю в пене. *Кто-то* проник в винную бodeгу, где стащил ящик лучших вин, а остальные – перебил, причем, судя по разбрызганной крови, голыми кулаками.

– Это был суший демон, – говорила испуганная служанка, встретившая вора на лестнице. – Суший демон...

– Он совсем головой поехал, – уныло констатировал Тилвас.

– Угу.

– А ты, значит, ушла в себя.

– Угу.

Талвани только вздохнул, пнул камешек на дороге и засунул руки в карманы новых моденьких брюк – девушка из ателье, в котором кто-то разбил витрину, подарила их Тилвасу в благодарность за психологическую поддержку. Этот подарок и их получасовой, небо прости,

флирт вызвали у меня неприятное чувство: в конце концов, я молча взяла Тилваса за локоть и увела из лавки.

– Какая ты строгая, Джерри, – восхитился аристократ и потрепал меня по волосам.

Когда мы наконец прибыли в Джинглберри, нам сказали, что очень странный постоялец заселился вчера в трактир «Багровая корка».

– Багровая корка, серьезно? – болтун-Талвани взял на себя все коммуникации с окружающим миром. – Это которая на ранах образуется?

– Нет, – смутился сторож. – Там просто пекут хлеба с добавлением тмина и красного перца, и у них получается такая аппетитная красная корочка, поэтому и назвали... Боги пре-святые... Я ж теперь буду думать только о крови, слыша это название...

– Хм. Тогда простите, что сломал вам его, – бессовестно развел руками Тилвас.

Он тоже был слегка на взводе. Если спусковой крючок Мокки уже успешно сорвался, выбивая один за другим психозы и зубы не понравившихся ему горожан, то мы с артефактором были напряжены, как натянутые струны.

Этому способствовали три вещи.

Во-первых, у нас до сих пор не было подвижек в выяснении личности того, *кто* за нами охотится.

Во-вторых, Тилвас все вечера просиживал за своими заметками и, судя по его лицу, дела шли плохо. Очень плохо. Время играло против нас, стремительно сокращаясь, а у Талвани никак не получалось доработать схему, требуемую для ритуала подселения...

Ну и в-третьих – Мокки, да. За эти недели мы так сблизились, что настроение вора, где бы он ни был сейчас, передавалось нам, как через волшебное зеркало. Мы не говорили об этом с Тилвасом, но каждый из нас знал, что в нашем трио, которое становилось нам дороже день ото дня, что-то пошло не так. Кое-что очень важное.

«Гроза. Скоро будет гроза», – подумала я, поднимая взгляд к небу, темно-серые тучи которого опускались, будто столбы на кладбищах. Трубчатые облака, как называют их стихийники. Редкое, мутное зрелище.

К моему удивлению, оказалось, что упомянутой гостиницей владела супружеская пара Фехху и Зармирка Чачерри – наши с Мокки знакомые из гильдийского квартала Пика Грёз. Раньше они были мастерами Гильдии Бойцов, чей особняк находится через улицу от Полуночного братства, а два года назад решили уйти на покой и переехать из столицы в какое-то более тихое место.

– Да, старина Рыбья Косточка снял у нас номер, – улыбнулась Зармирка, приятно округлая женщина средних лет с каштановыми кудрями, о чьем шедевральном владении полукто-ными мечами невозможно было догадаться по ее миролюбивой внешности. – Но он сделал вид, что не знает меня.

– Пожалуй, в иные моменты это максимально доступная ему вежливость, – добродушно подхватил Фехху, который был на две головы выше жены.

Лысый отельер протянул нам с Тилвасом по тяжелому бронзовому ключу:

– Заселяйтесь на третий этаж, там лучшие комнаты. Нет, доплачивать за это не надо, мы же из одного квартала, – Фехху коротко побарабанил пальцами по своему плечу – старинный гильдийский символ взаимопонимания. – Только, чур, у своих не воровать.

Я подмигнула и ответила тем же жестом.

На стук Мокки не отвечал. Я аккуратно, чтобы не повредить замок, вскрыла его комнату (предварительно сняв ниточку-сигнализацию), но Бакоа не было в номере. Везде валялись упаковки из-под сушеных водорослей, коробки из-под лапши, пустые бутылки, догорали какие-то мерзкие благовония – впечатляющий бардак для того, кто прожил в гостинице меньше двух суток. Надо будет оставить хорошие чаевые горничной.

Тилвас подозрительно принялся, потом взял какой-то зеленый пузырек, опрокинутый на подоконнике, мазнул пальцем по горлышку изнутри, лизнул и скривился.

– Джеремя, будь добра, напомни мне поговорить с Бакоа по душам, когда он вернется, – угрожающе пророкотал артефактор, и мне на секунду показалось, что его тень исказилась, став темнее и острее. – И еще обязательно напомни, что я не убиваю людей. Принцип такой, ага.

– Что это за склянка?

– Он украл ее у Галасы Дарети, – обтекаемо ответил Тилвас. – А уж какой эффект даст зелье с учетом всех остальных веществ и концентратов, поглощенных этим психопатом, я даже предположить не могу! – Талвани зло пнул банку с мелкими перечными леденцами. – Один и тот же эликсир будет действовать по-разному в зависимости от контекста!

Банка опрокинулась, и крохотные черные драже весело покатались по паркету. Судя по всему, пол в гостинице был кривоват, потому что шарики прыгали достаточно долго. Когда они замерли живописным и совершенно случайным узором, Тилвас вдруг тоже застыл.

– Ох, только не говори, что у тебя тоже какие-нибудь проблемы вроде столбняка! – застонала я, подпрыгивая и садясь на подоконник.

– Нет, – каким-то странным тоном отозвался Тилвас, не спеша отмирать. – Никаких проблем, Джеремя.

Я посмотрела, куда направлен его остекленевший взгляд. Тилвас пялился на конфетки.

– Одно и то же будет действовать по-разному в зависимости от контекста... – зачарованно повторил артефактор. – Это применимо к чему угодно. И в том числе к схемам подселения духов. Джерри! – вдруг заорал он, заставив меня вздрогнуть.

А потом начал наматывать такие бешеные круги по комнате, что мне пришлось крутить головой, чтобы аристократ не выпадал из моего поля зрения.

Лицо Тилваса натурально сияло бешеным, все сметающим огнем Чистого Озарения. Он едва не приплясывал, было видно, что внутри он уже бежит,

бежит куда-то,

к победе,

к триумфу,

к восторгу истинного бытия...

– Твои шрамы на спине, – сказал Тилвас, останавливаясь и тыча пальцем в сторону моих плеч. – Я же не сказал тебе, что именно они – не просто гарант вашей связи и не прихоть садиста-врага, а оригинальная схема, которая позволила бы Дереку овладеть твоим телом, полностью стерев твою сущность? И схема эта почти закончена, ему не хватило буквально пары штрихов до конца ритуала? Еще минута тогда, на пляже, – и все, прощай Джеремя Барк, здравствуй, неподражаемый рёхх в обличье девицы!

– ЧТО?! – рявкнула я. – Нет, Тилвас, ты как-то упустил эту *незначительную крохотную детальку*.

– Да, нехорошо получилось, – он скорчил рожицу.

И не успела я придумать, как вообще мне реагировать на такую информацию, как Тилвас, нахмурившись, продолжил:

– Тем не менее это так... Прости. Я планировал сказать тебе о шрамах после того, как соединюсь с пэйярту. Но сейчас я понял, что могу *адаптировать* для себя эту схему, уже готовую. Поменять некоторые условия, добавить пару блоков и... У меня не получается создать новую, Джерри. Совсем не получается, – сглотнул он. – А тут крохотный шанс есть. Контекст. Все будет зависеть от контекста.

– А что в случае неуспеха?

– Я умру, – улыбнулся он. И тотчас улыбка эта превратилась в звериный оскал, а невидимые уши будто встали торчком. – Зато пэйярту останется, и тело будет очень даже бодрячком – а не гнить в безымянной могиле... В общем, в случае неуспеха Белый Лис нечаянно

осуществит план твоего Дерека: получит стопроцентную власть над телом, а не зрительское место или синтез двух душ.

Я сглотнула.

– И что ты хочешь от меня, Тилвас?

– Еще раз посмотреть твою спину. Перерисовать. Провести пару процедур... Джерри, я знаю, что для тебя это тяжело, – его голос стал серьезней и тише, – но это действительно может помочь, и...

Я помотала головой.

– Ты сказал: ему не хватило пары штрихов, – перебила я. – А теперь? Теперь эта схема уже нерабочая? Годы ее размыли, размазали, вывели в неликвид? Враг не сможет ей воспользоваться, верно? Ни при каких условиях не сможет?

В моем голосе прорывалась тщательно скрываемая паника.

Лицо Тилваса оставалось непроницаемым. Стало слышно, как по комнате кружит муха, уже жадно прикидывающая план поглощения бакоаских брошенных яств.

– Сможет, если закончит схему, – сказал Талвани.

Я молча закрыла глаза.

* * *

Я спустилась на первый этаж, чтобы попросить Зармирку сказать, если Мокки появится. Добродушная экс-воительница охотно пообещала это, но потом долго расспрашивала меня о столичных новостях.

– А этот сероглазый красавчик – твой кавалер? – подмигнула она, и Фехху, месивший тесто для «багряного» хлеба, тоже тотчас с интересом высунулся из кухни.

У них с женой были одинаковые фартуки с надписью «Добро пожаловать в Джингл-берри», и у меня невольно дергался глаз при виде такого благополучия, так как я четко помнила их обоих, измазанных кровью, на гладиаторской арене Пика Грёз.

– Нет, просто заказчик. Аристократ. Поручил нам с Мокки одну непростую работу и решил поехать с нами на выполнение. Причуды богачей.

– Хм, – заулыбался Фехху, опершись могучим плечом о косяк и подбрасывая тесто в руках. – Я бы на твоём месте присмотрелся к нему получше. Рано или поздно всем гильдийцам хочется нормальной жизни, и такие взбалмошные богачи – отличный вариант.

– Не всем, – покачала головой я. – Не всем хочется «нормальной жизни», Фехху.

– А я полагаю, тебе стоило бы...

Зармирка рассмеялась и отмахнулась, перебивая мужа:

– Не обращай на него внимания, Джерри. Мне иногда кажется, он у меня из прошлого века. Думает, что границы бывают только между государствами, а о границах личных разговоров и других людей и не догадывается.

– Просто я люблю простую жизнь, простые радости и простой хлеб, – развел руками Фехху. – Вечную классику. А что у молодежи какие-то особые пожелания – чем страннее, тем лучше, ведь все так хотят выпятить свою индивидуальность – этого мне не понять!

Увы, разговор со старыми знакомыми не смог отвлечь меня от новостей о спине, хотя у меня и была смутная надежда на это. Когда Фехху и Зармирка занялись приготовлением ужина для постояльцев, я с некоторым облегчением отправилась к Тилвасу в номер, чтобы артефактор смог перерисовать схему.

* * *

Я сидела на высоком табурете у окна, прикрыв грудь полотенцем, а Тилвас шелестел документами у меня за спиной, старательно перенося узоры шрамов на бумагу. Из-за золотой татуировки, нанесенной поверх, дело шло медленно.

Я наблюдала за закатом, разливавшимся по Джинглберри. В городке были сплошь красные острые крыши с золотистыми флагами, свисающими по углам, – на них писали заклинания, притягивающие удачу.

Солнце, опускающееся за горную гряду, будто граблями проходило по улицам, расчесывая их на вечерние и дневные пряди. Из ремесленных лавок и частных компаний выходили служащие, спеша домой. Сустились карманники: наметанным глазом я выхватывала их еще до того, как они опускали руки в кошельки прохожих. Вдали звенел гонг, знаменующий закрытие биржи.

Тилвас подошел и, не спрашивая разрешения, снова дотронулся до моей спины, пытаясь понять, как именно шел разрез там, под татуировкой. Во время всей «перерисовки» он был деловит, сосредоточен и явно воспринимал меня чисто как носитель нужной информации. Ни словечка, ни хохмочки. Когда-то я мечтала, чтобы эта самоуверенная каланча заткнулась, но сейчас мне не нравилось молчать. В голове было слишком много мыслей, и страхов, и волнений – враг, Мокки, вся наша миссия – и я бы хотела обсудить всё происходящее с Тилвасом, а не замыкаться, как делаю это обычно.

Меня бесило, что именно он в кои-то веки молчит, но я бы скорее откусила себе язык, чем первая начала беседу.

– Я видел спины многих женщин... – вдруг задумчиво пробормотал Талвани. – Но твоя отличается.

Фух, ну наконец-то.

От облегчения я сразу же ядовито прыснула:

– Ай, молодец какой! И похвастался опытом, и проявил недюжинную наблюдательность, да, Талвани?

– Да, я мастерски умею убивать двух зайцев, – отозвался он. – И убил бы трех, если бы у кого-то в этой комнате (подсказочка: *не у меня*) было чувство ритма. Странно, что ты не в курсе такого понятия, как драматическая пауза, которая была до пепла нужна после моей предыдущей реплики!

– В курсе, но не даю ей шанса. После паузы обычно идут донельзя предсказуемые пассажи, а я не люблю банальность.

Прошло несколько секунд, заполненных молчаливым танцем длинных пальцев на моей спине. Я кашлянула.

– Заболеваешь? – участливо поинтересовался Тилвас.

– У нас вроде был диалог, нет? – напомнила я.

– Нет. У нас не было диалога. Я хотел сделать тебе комплимент, ты перебила, и все, мы снова молчим, чтобы не дай небо не скатиться в банальность и не расстроить твою тонко чувствующую натуру.

– Ты издеваешься.

– Отнюдь нет. Я просто вежливо откликаюсь на твои желания, сформулированные вербально.

Я затылком чувствовала его широчайшую бессовестную ухмылку.

– Не мне тебя учить, что куда важнее слов интонации и жесты, – проворчала я.

– Да. И запахи. Особенно запахи, – промурлыкал Тилвас.

– Это еще к чему?

– Ты *хочешь* знать, какой комплимент я собирался сказать, вот к чему, Джеремиа. Но я уже не скажу.

– Ой, ты себе льстишь, Талвани.

– Это *ты* себе льстишь, если думаешь, что я не чувствую в твоём запахе ещё кое-что.

Я дернулась.

– Пф. У меня нет секретов. Не осталось. Излишки совместного путешествия. А, подожди, или ты про то, что я вчера украла духи из парфюмерной лавки? Ну, можешь надеть на меня наручники.

– Ну вот, теперь и косвенное вербальное подтверждение подтягивается... Ты говоришь о наручниках, а что дальше? Шелковые ленточки? Плетки? Воск? – хмыкнул он и, не успевая я разразиться гневной тирадой в ответ, вдруг зажал мне рот рукой: – Тихо! Смотри!

– Мм! – взбрыкнула я, но бесполезно.

К тому же я увидела то же, что Тилвас. А именно: через окно к нам на подоконник влезло три крупных паука. Вытянувшись шеренгой, они поклонились Тилвасу, а потом так же безмолвно побежали обратно по внешней стене гостиницы.

– Посланники оришейвы. Быстрее за ними! – приказал артефактор, всерьез сигая в окно.

– А схема?!

– Да я давно ее перерисовал! – отозвался он откуда-то издалека.

Ах ты гад.

* * *

Вслед за черными пауками мы бежали по улицам Джинглберри.

Гонка наша получалась слегка идиотской, потому что гонцы старого рёхха были маленькими и незаметными и пробегали между людьми совершенно бессовестно, тогда как Тилвас и я работали локтями, шурились, теряя паучьи силуэты в тенях, а иногда банально не были способны на тот или иной трюк вроде взлета по вертикальной стене.

– А ты в лиса превращаться, случайно, не умеешь? – крикнула спутнику я.

– Пока нет! – отозвался Талвани, сверкнув улыбкой через плечо.

По дороге к нам присоединялось все больше и больше пауков... Они стекались со всех сторон, заставляя бродячих кошек шипеть, выгибая спины, а псов – отчаянно лаять. Пауки вели нас прочь из городка, и вот мы, следуя за целой паучьей армией, оказались в светлом кедровом лесу.

Между стройными деревьями совершенно не было травы и кустарников – только темный шэрхенмистский песок, и, изредка, каменные домики-фонари, в которые принято ставить свечи во имя усопших. Мы трусцой бежали по гравийной дорожке, будто шевелящейся от пауков.

– Я надеюсь, они не собираются в подобном духе вернуть нас в сам Северный крест, поболтать с начальником! – буркнула я, уже порядком запыхавшись.

– Я бы на твоём месте надеялся, что они не ведут нас напрямую к врагу... – отозвался Тилвас, заставив меня споткнуться на полушаге.

Но не успела я грохнуться – позор, но некоторые мысли слишком уж рушат баланс, – как аристократ метнулся ко мне и подхватил под локоть. А потом вдруг высоко вскинул брови и расфыркался, будто его лисий нос макнули в муку. Затем Тилвас изумленно воззрился на пауков.

– А *это* ещё тут зачем, извините, пожалуйста? – иронично поинтересовался он. Пауки не ответили, просто так же безмолвно стали разбегаться по сторонам. Их миссия явно была выполнена.

– О чем ты?

– О той бестолочи, что пялится на тебя, кудахтая от восторга.

Я завертела головой, но никого не увидела.

– Рёхх? – догадалась я.

– Рёхх, – скривился Талвани, глядя на пустое место на гравийной дорожке перед нами. –

О нет, мой хороший, – его голос приобрел покровительственные нотки. – На тебя я свою магию тратить не буду. Преклони колени так, а потом явись, чтобы моя спутница также могла тебя видеть, и объяснись – за каким гурхом паучки оришейвы устроили нашу встречу? – Артефактор на мгновение вскинул верхнюю губу, неприятно ощерившись и тем самым намекнув, что он и без магии сможет, если захочет, кое-кем закусить.

«Преклони колени». Ничего себе у Тилваса требования к коллегам, я вам скажу.

Несколько секунд ничего не происходило, а затем на дорожке неожиданно появился... павлин.

Очень крупный павлин с огромным синим хвостом, который, раскрывшись, всматривался в меня бесконечным множеством «глазков». Несколько перьев, впрочем, были уродливо сломаны. Странно курлыкнув, павлин повернулся сначала одним боком, явно красуясь, потом другим, потом слегка потрепыхал перышками.

Этого рёхха звали *пурлушэм*. Я знала, что он принадлежит к робким духам, хотя при этом символизирует величие, неподкупность и вечную славу.

Пурлушэм между тем клекотнул очень недовольно.

– Твоей смертной спутнице не нравится мой облик? – почти прошипел он, обиженно мотнув хохолком.

– Просто таких, как ты, она ест по праздникам, зажаренными на вертеле и набитыми красными ягодами, поэтому радуйся, что она еще тебя не ошипывает, – посоветовал Тилвас.

Я ни разу в жизни не ела павлинов, но возмущаться не стала – в отличие от пурлушэма. Ахнув, рёхх быстро закрыл-открыл свой хвост, и вдруг вокруг него образовалось блестящее облако дыма, из которого мгновение спустя выступил... человек.

Синеволосый, как самый настоящий шэрхен, с очень горбатым клювом-носом, в изысканном плаще сине-зеленых тонов и с лаковой тростью.

– Так лучше? – улыбнулся пурлушэм мне. – Или так? Или так?..

Его облик менялся, приобретая то более атлетичную, то художавую форму, становясь выше и ниже, меняя прическу и черты лица. Только плащ и трость оставались неизблемы. У меня закружилась голова от такого многообразия мужиков.

– Хватит выпендриваться, пурши, – как бы мимоходом посоветовал Тилвас. Голос Талвани прозвучал холодно и раздвоенно, глаза полыхнули красным, черты лица заострились, и павлин, забывший, кажется, о Талвани, вдруг побледнел и остановился на каком-то случайном облике глазастого доходяги. – Зачем ты здесь, объяснись?

Великий модник

Tu ne cede malis, sed contra audentior ito!

«Не покоряйся беде, а смело иди ей навстречу!»

Пурлушэм легонько склонил свою курчавую голову, украшенную сине-зеленым венцом.

– Слушаюсь, мастер. Я здесь потому, что пауки искали информацию обо всех рёххах, которые находятся в людях. А я *должен был* оказаться в человеке. Два года назад меня нашел один из заклинателей Ордена Сумрачной Вуали и предложил поселиться в их новом клиенте. Конечно, я согласился! Смертная жизнь – сколько нарядов я мог бы надеть, в кои-то веки не лиц, а настоящих *тканей*!.. Мы обо всем договорились, и заклинатель уже собирался перенести меня в свой артефакт, как вдруг на меня напали со спины, да так, что я потерял сознание. Когда я очнулся, заклинатель из Ордена сидел на земле сам не свой, баюкая раненую руку. Его одежда была порвана, лицо полосовали длинные порезы, лесная поляна вокруг оказалась выжжена, и в воздухе разливался запах горелой хвои и подпаленной плоти. А артефакт – полный, судя по сытому мерцанию – лежал у заклинателя на коленях. Я поинтересовался, как всегда учтиво, что же случилось, пока я был без сознания, и заклинатель испуганно объяснил, что сделка отменяется, мое место займет другой рёхх. Я высказал деликатное неудовольствие этим фактом, и заклинатель дрожащим голосом посоветовал мне заткнуться и обернуться. Я так и сделал... Под лесными деревьями, сколько было видно, лежали убитые и растерзанные птицы и кролики. Десятки трупов наших материальных братьев, еще полчаса назад весело воспевавших жизнь... «Я думаю, не надо злить этого рёхха», – сказал заклинатель, глядя на меня с ужасом. «Вы до пепла правы, сэр», – мигом оценил обстановку я и поскорее скрылся с этой поляны смерти.

Тилвас сжал кулаки.

– Ну и кто это был? – резко спросил. – Что за рёхх?

– Я не знаю. Я же потерял сознание.

– И что, ты не поинтересовался позднее?

– Нет, – пурлушэм выглядел удивленным. – А зачем? Это же был кто-то из характерных, раз он смог одолеть заклинателя в борьбе, да еще и нанести урон лесу. А я стараюсь не пересекаться с вами и равными вам по рангу... мастер, – осторожненько закончил павлин, глядя на то, как желваки ходят под скулами Тилваса.

– А ты знаешь, в *кого* тебя должны были вселить? – спросила я.

– Нет. Какая разница? Но заклинатель взял с меня клятву, что я не расскажу ни одному духу или заклинателю ни об Ордене, ни о том, что случилось на поляне. Как я понимаю, тот рёхх занял мое место тайно для остальной организации... Орден думает, что в каком-то человеке нахожусь я, а на самом деле там сидит характерный. Какой стыд! – горько вздохнул пурлушэм. – Его дурной вкус наверняка приписывают мне, это же так позорно!

– Почему же ты говоришь с нами, если с тебя взяли клятву? – я прищурилась.

– Вы же не рёххи, – пожал плечами пуршу. – Ты смертная, а Тилвас уже не рёхх и не заклинатель – он нечто иное, он *ferkhen* моего господина. Хорошо быть уникальным, не правда ли?.. Из-за этого формально я не нарушаю клятву, иначе бы из моего рта уже сыпались

мотыльки, а ладони проросли кудрявым горошком. А вот оришейве я не мог ничего рассказать, поэтому его пауки и привели меня к вам.

Мы еще немного порасспрашивали павлина о случившемся, надеясь поймать хоть какие-то зацепки, но у него больше не было полезной информации. Он не смог ничего добавить про рёхха, а лицо заклинателя не запомнил. Вообще. Дурацкая павлинья логика сосредотачивалась только на одежде, но стандартный алый халат и остромысые туфли заклинателя отнюдь не являлись особой приметой в такой стране, как Шэрхенмиста.

Тем не менее даже нынешней информации с лихвой хватало для нового шага. Отпустив павлина восвояси, мы, приободренные, пошли обратно в городок.

– Кажется, теперь наш путь снова лежит в Пик Грёз, к сэру Айтешу, – кивнул Тилвас. – Надо спросить у старика, в кого должны были подселить павлина, и так мы получим имя врага.

– А письмом узнать не получится? – я нахмурилась.

– Пф. Конечно нет. Более того, мне придется все-таки попросить о помощи Галасу Дарети. Я никогда не был в штабе Ордена в Пике Грёз и понятия не имею, как его найти. А она помнит со времен своего неудачного рекрутинга, ее как раз там принимали.

– В столице за нами наверняка снова охотятся, раз Алое братство получило свою оплату в обмен на жизнь братьев и сестер Полуночи... – пробормотала я. – Тилвас, мне кажется, наши головы жаждет заполучить кто-то из политиков высшего эшелона. У врага столько каналов влияния, и этот павлин как символ власти, и выход на Орден...

– Да, – кивнул Талвани. – Я тоже думаю, что враг сидит где-то на самом верху.

Он пожал плечами.

– Но мы же догадывались об этом с самого начала, разве нет? Да, у врага есть деньги и власть – но это не так уж и страшно. У нас тоже будет, как только Орден узнает о нарушении. Единственное, что я теперь очень хочу уточнить, – вздохнул аристократ, – это: а точно ли горфус все еще заключен в призрачной тюрьме? Потому что, прах побери, ну *не похоже* это ни на кого другого...

Я расширила глаза.

– И что будет, если это горфус?! Неподражаемый?! – ужас прорвался в моих словах.

Тилвас пожал плечами:

– Я обыгрывал его сотни раз, обыграю еще раз. Нет особых причин для беспокойства. С удовольствием встречусь с горфусом снова, если что. Надеру его серые уши.

Но, говоря все это, Тилвас опустил глаза. Против света закатного солнца стало видно, что обе птичьи головы амулета на его груди уже пусты и прозрачны. Лисья душа, утекавшая по крупице, растворялась, исчезала, погибала в мире материальных вещей.

Поколебавшись, я утешающе сжала руку Тилваса. А он воспользовался моментом и больше ее не отпускал – до самого Джинглберри.

* * *

В городе мы разошлись: я направилась в гостиницу, а Талвани пошел к мастеру-ювелиру, чтобы заказать ему форму для артефакта Объединения.

– К ужину меня не ждите, – кивнул Тилвас на прощание, отцепившись-таки от моей ладони с таким невозмутимым видом, будто в том, чтобы держать ее все наши пешедральные километры, не было ничего странного. – Мы часов до трех ночи провозимся, как минимум.

Ювелиры, работающие с магическими материалами, открывают свои лавки исключительно по ночам: говорят, лунный свет при всей своей эфемерности благотворно влияет на процесс работы. Вполне вероятно, что это верование не имеет под собой ничего иного, кроме какого-нибудь родоначальника-совы, но традиция есть традиция. Лавочки ювелиров легко узнать по светящимся табличкам в виде сапфиров, которые подсвечивают ночные улицы холод-

ным синим светом, подманивая бабочек и отпугивая бродяг: аура денег скорее отталкивает, а не привлекает беднейшие слои населения, хотя сами они не в силах признаться в этом.

Я шла по ночному Джинглберри, подняв воротник куртки, утопив руки глубоко в карманах. Город перемигивался со мной окнами открытых таверн и баров, взрывался хохотом разношерстной публики. Нет-нет да и заглядывала я в панорамные окна домов центральной улицы, ожидая узнать в одном из гуляк Мокки Бакоа. Но нигде не мелькала знакомая лохматая голова.

В гостинице Фехху и Зармирка уже ушли спать, оставив на первом этаже сонного ночного портье. Он с трудом вспомнил наказ хозяев следить за возвращением некоего Бакоа и в итоге пришел к выводу, что Мокки не приходил. Я все равно проверила. Портье не обманул: когда я поскреблась в номер вора, с той стороны была лишь тишина, и отсутствие Мокки ощущалось очень ясно даже через запертую деревянную дверь. Гурх. Меня это волнует. *Очень* волнует.

Но как найти того, кто явно не хочет находиться? И надо ли?

Поколебавшись, я заказала ужин в номер («Будет через час, госпожа») и вернулась к себе. Я долго стояла под горячим, почти раскаленным душем, надеясь, что тугие струи воды помогут мне очистить мысли.

Все внутри было похоже на путаный клубок, за какую ниточку ни потяни, она застревает, а начинаешь дергать – больно. Хочется взять ножницы и раскромсать все это к пепловой матери, но зачем? Устроить еще больший хаос?

Тишина и смерть никогда не бывают ответом.

Схема на спине. Рёххи. Тилвас. Мокки. Зайверино. Враг. Я узнаю, кто он, – что дальше? Чего я хочу? Его голову на золотом блюде? Его спину уже под *моим* ножом? Удалить, стереть из бытия, уничтожить? Что дальше? Кто я? Если страх уйдет – чего я захочу?

Ничего. Мне кажется, я уже давно ничего не хочу.

Только сделать что-то с дырой внутри, обогреться, зажечь свет, посмотреть на вселенную, шурясь: так вот ты какая, стерва, – а дальше – понятия не имею.

Я уже не словесница, не актриса, я не вернусь в то амплуа, как бы ни сложились обстоятельства. Хэвергри Лайсо мертва уже пять лет, от нее остался лишь призрак, смутное отражение в старом зеркале. Давно пора попрощаться. Я даже близких видеть не хочу. Я могу дать им утешение – если оно им нужно – объяснить, появиться, но точно не возвращаться.

А воровкой я себя так и не признала. Зависла не тут и не там. Незакрытое дело, нитка, тянущаяся из прошлого сквозь все слои настоящего. Враг как фокус, как черная свечка, вытягивающая в себя весь смысл. И если она потухнет – ищи, Джерри, смысл заново.

Так мы привязываемся к своим мучителям, да?

И это я еще Мокки считаю психом.

Мокки. Тилвас. Тилвас. Мокки. Не бывает такого, чтобы кого-то, по кому сохнешь пять лет, ты за несколько недель променял на другого. Не бывает такого, что ты вообще нормально влюбляешься, если в груди – чернота. Ты не можешь дать то, чего у тебя нет.

Во мне нет любви. Откуда ей взяться? И в Тилвасе нет. В Мокки нет. Во всей Шэрхенмисте, кажется, есть только тёмное шевеление, танцы уставших, спотыкающихся на каёмке вечности, захлебывающихся глубиной и спокойствием прахова океана, что смывает поколение за поколением и не приводит ни к чему, кроме повторяющегося ритма бесчеловечной вечности.

Как и зачем создавать свет, если сам ты – слеп? Он получится извращенным.

Только и остается, как рёххам, думать: чудесное тело, такое интересное, такое материальное, развлекусь-ка с ним, пока можно, раз уж дают.

...Как бы ни были воспалены, судорожно заняты мои мысли, чуткие воровские уши услышали стук в дверь номера. Я выключила душ, в густом молочном пару с трудом нашла полотенце и, пытаясь отмахнуться от дурных мыслей и тихой истерики, пошла в комнату.

Наверное, принесли ужин.

Но когда я открыла дверь, за ней стоял Мокки Бакоа. Темнее смерти, с лихорадочным румянцем на острых скулах, с волосами, всклокоченными еще сильнее, чем обычно. Глаза Рыбьей Косточки горели, как черный некромантский огонь, были воспаленно-сухими, яростными. От Мокки прямо пахло кожей, солью и чем-то неуловимо-густым, вмиг разлившимся по комнате терпкой аурой. Его трясло.

– Пей, – сквозь стиснутые зубы приказал Бакоа, хватая меня за шею и поднося к моим губам какую-то склянку. – Пей тоже, Джеремя.

Его голос доносился будто из подземного мира. Глаза то ли проклинали, то ли молили о чем-то – я не могла оторвать от них взгляда, мне казалось, мир рухнет, если я сейчас моргну. Все будет потеряно. Я приоткрыла рот, и Мокки влил в него вязкое зелье.

Когда пузырек опустел, вор отшвырнул его – тот разбился о стену с жалобным всхлипом. Мокки ногой толкнул дверь, захлопывая ее, двумя руками обхватил мое лицо и глядя с ненавистью, полным отчаяния поцелуем впился в мои губы.

28

Мокки, Тилвас, Тилвас, Мокки

Invideo actibus vestris!
Raendom.

«Экая безнравственность, аж завидно!»
Рэндом.

Я замерла, не веря, что это действительно происходит.

Точнее, попыталась замереть: то, с какой силой прижался ко мне вор, заставило меня отступить на несколько шагов назад.

Подожди!

Подожди.

Дай осознать...

Осознать не получалось: в голове будто взрывались огромные фейерверки, оставляя лишь бездумное чувство, сырое проживание момента.

Мы с Мокки с грохотом врезались в шкаф. Что-то треснуло у меня за спиной, под ногами хрустнули осколки. Я задохнулась от неожиданности и наконец подалась Бакоа навстречу.

Клубок нервов.

Комок оголенных эмоций.

Здравствуй.

Бакоа целовался неистово и жадно. Я ошалело погладила его шею там, где были такие глубокие впадины над острыми ключицами. Другую руку я попыталась запустить ему в волосы, но Мокки не дал – непрекращаемо перехватил мои пальцы, сплел со своими и с силой прижал к дверце шкафа у меня над головой.

– Джерри, – с непонятной интонацией сказал он и вновь стал меня целовать.

От Мокки исходил жар, настоящее пламя – беспощадное, все сжигающее. Когда его рука спустилась от моей скулы вниз – очертила линию подбородка, дальше на шею, плечи, на твердый краешек махрового полотенца – я открыла глаза.

Я хочу это видеть.

Оказалось, Бакоа все это время смотрел на меня в упор, не моргая. Его глаза светились отчаянной решимостью и одновременно уязвимостью – он никогда ещё не выглядел таким открытым. Я впервые рассмотрела, какие у Мокки густые ресницы. Какие светло-зеленые прожилки пляшут на темной радужной оболочке.

Настоящее море в глазах.

Ночное и рассветное. Черно-зеленый океан.

Мокки, кажется, тоже увидел меня как-то по-новому. Мы замерли, разглядывая друг друга в сгустившейся ночной темноте. Я чувствовала, как горят у меня губы, как стесаны костяшки пальцев, прижатые к шкафу твердой рукой Бакоа. Как внутри одна за одной падают, рассыпаются башни из надежды, сомнений, мыслей, остается только всепоглощающее желание.

Тусклая, неважная комната. Мокки – единственный источник света. Маяк.

– Почему сейчас? – с трудом выдохнула я, шаря по его лицу ищущим взглядом. – Что было в зелье?

Мокки резко мотнул головой.

– Неважно.

– Важно.

– Ты хочешь *спорить* со мной, Джереми Барк? – брови вора взметнулись вверх.

– Я хочу *знать*.

– Так знай: я люблю тебя, ясно?

Я подумала, что ослышалась. Мокки криво усмехнулся, задрал острый подбородок. У меня подогнулись колени.

– Но не так, как хочу, – жестким, хриплым шепотом закончил Бакоа, до боли вцепившись мне в плечо. – И Дикая охота снова напомнила мне об этом. Зелье было не только для тебя, Джерри. *Для меня*. В первую очередь – для меня.

– Я не понимаю... – начала было я, но потом просто выругалась и вновь закрыла глаза.

Принятие – такое простое. Когда пазл все-таки складывается в единую картинку. Когда ты уже подозревал, но всеми силами избегал этой неудобной для себя правды и вот наконец-то соглашаешься признать ее.

Соглашаюсь я. Соглашается Мокки.

Мы снова посмотрели друг на друга. Оценивающе. Откровенно. Эликсир – странный эффект – добавлял не только безумие, но и спокойствие, предшествующее шторму. Грудь Бакоа тяжело вздымалась. Задравшаяся майка обнажала худой подтянутый пресс. Жилистые руки, казалось, могут перемолоть мои кости в муку. Меня колотило, я чувствовала, как внутри проходят то горячие, то ледяные волны – смесь ужаса и предвкушения. Напряжение в комнате ощущалось физически, и единственная маг-сфера на письменном столе не выдержала и лопнула.

Грянул дождь: забарабанил по распахнутым окнам, по деревянному подоконнику, по крыше.

Три...

Два...

Один...

Когда небо расчертила тугая тетива молнии, мы с Мокки вновь набросились друг на друга.

Я укусила его за губу, он в ответ укусил меня сильнее, почти до крови, тотчас облизнул и потом, как будто утешая, прошелся дорожкой быстрых обжигающих поцелуев ниже. Я тихо застонала, когда Мокки потянулся к моему полотенцу и одним движением заставил его упасть. Контраст холодных пальцев и жара, затапливающего номер, сводил меня с ума.

В кромешной темноте мы опустились на пол. Вместе с майкой я сорвала прахову бритву с шеи вора и отбросила как можно дальше. Мокки порезался об осколки флакона.

Его сухопарое, подтянутое тело было прекрасно. Еле ощутимые родинки, тонкие полосочки старых шрамов, острые ребра,двигающиеся под рукой сообразно нетерпеливым вдохам. Мокки с силой прогладил мою талию к бедрам, ущипнул и повернул к себе спиной, шепча на ухо нежности пополам с непристойностями, заставляя меня млеть и изгибаться в его руках.

Мне казалось, мое сердце вот-вот лопнет.

От минуты к минуте мир становился все иллюзорнее. Эффект возбуждающего зелья ходил по комнате густым туманом. Я хотела запомнить каждый момент, каждый кусочек кожи Бакоа, его касания, слова, тяжелые взгляды – *это не повторится, это ведь точно не повторится, мы взломали систему*, – но все стиралось в тяжелом пьянящем дурмане.

Стирались любые сомнения. Стеснения. Мысли. Страхи.

– Ты меня возненавидишь завтра, – прохрипела я в какой-то момент. – Ты себя сейчас предаешь, Бакоа.

– Заткнись и иди сюда.

И снова гром и молния. Дождь уже обосновался в комнате, превратил ее в филиал океана, шипел, попадая на голую кожу, дотягиваясь, присоединяясь, *я тоже хочу*.

– Джеремиа... – бормотал Мокки, намотав мои волосы на кулак, оттягивая голову назад, отчаянно целуя.

– Мокки, – стонала я ему в губы.

Комната тонула и искажалась, времени больше не существовало. Зрение полностью уступило осязанию. Тонкие пальцы. Острые плечи.

Я все-таки взъерошу твои волосы, вор.

Я все-таки сделаю это с тобой, Джерри.

Колени. Локти. Подбородок. Губы.

Странное ощущение: потерять себя. Странное и сладкое: в дурмане, в ком-то другом, в опыте, о котором вы оба знаете, – это настолько противоестественно, что, возможно, сожжет, растерзает обоих изнутри, – но все же это невозможно упустить, потому что некоторые истории, пусть и неугодные истине, так хочется написать...

Гром и молния, молния и гром.

Вдруг темноту полоснул нестерпимо-янтарный луч света – открылась дверь. *Она что, не была заперта?*

– Джеремиа, у тебя тут тележка с ужином под дверью стынет... – начал голос Тилваса Талвани и оборвался так резко, будто острым ножом отсекли.

Комната ходила ходуном. Все поглощал прельстительный лиловый туман, танцевала шальная улыбка Бакоа, а в дверном проеме виднелись такие огромные глаза Талвани, что были похожи на два колодца. Сердце билось у меня в голове, в ушах, везде.

Кажется, Тилвас что-то еще сказал. Мокки рассмеялся.

Потом вор поднялся, сделал несколько быстрых шагов к двери и обеими руками схватил артефактора за ворот рубашки и подтянул его к нам.

* * *

Ливень грохотал, давя на барабанные перепонки. Вода заливала паркет у окна. Ночь продолжалась.

Я лежала на спине, глядя на то, как по дощатому потолку бродят резкие тени – ветви деревьев под призрачным светом вновь включенного уличного фонаря. У меня на ребрах лежала рука Бакоа.

– У тебя пальцы совсем не шевелятся. Слишком напряжены. Ты не спишь, – почти беззвучно вывела я.

– Ты чересчур умная, – так же шепотом огрызнулся вор.

Пауза.

– Почему ты никогда не говорил мне о себе? И вообще никому?

– Потому что я ненавижу это.

– Что за бред. Ты же не ненавидишь Чо и нескольких наших знакомых из Алых.

– Конечно нет. Я в *себе* это ненавижу. Я это не выбирал, и в обществе это сложнее, чем стандартная ситуация. А я ненавижу сложности, которые мне навязали. Будь то природа или что угодно еще. На других мне плевать, Джерри.

– В Рамбле с этим плохо?

– В Рамбле с этим лучше, чем где-либо. Но не для вора. И не с Лиорданом.

– Лиордан... Красивое имя.

– Нет, обычное.

– Ты его любил?

– Я никого никогда не любил. Мне так кажется.

Я вспомнила, что несколько часов назад он был другого мнения. Мокки тоже вспомнил об этом. Его рука сжалась.

– Так ты сейчас лжешь или тогда лгал, Бакоа? – спросила я.

– Терпеть не могу такие прямые вопросы. Но... сейчас, – сказал он твердо и, повернувшись на бок, в упор посмотрел на меня своими черными глазами.

Я серьезно.

Потом, паясничая, подмигнул:

– Ну, *мне так кажется.*

Мы синхронно усмехнулись. Мокки потянулся вперед и снова поцеловал меня. Губы у него были истерзанные и искусанные, очень красные и опухшие – видно даже в тусклом свете луны. Еще бы...

– Если хочешь знать, я тебя тоже люблю не так, как надо, – после паузы сказала я. – Ты меня пугаешь. И заводишь. И при этом я доверяю тебе. Ты мой самый близкий человек в последние годы, Мокки. Однако... Скажем так, где-то глубоко внутри я всегда знала, что обычных романтических отношений у нас не получится. Либо я подсознательно догадывалась о твоей тайне, либо меня слишком уж смущал твой очевидно отвратительный нрав.

Он лениво царапнул меня по ребру: *эй.*

– Ты тоже мой самый близкий человек. – проворчал Мокки. – Не в последние годы, а вообще. И меня всегда ярость брала, что при таком раскладе ничего не работало. Я бы сказал: «Пошло оно к пеплу, я тут все уничтожу, я себя перекрою, любой ценой, а я сделаю, как мне хочется», но в вашем светском, чтоб его, обществе говорят: «Очень жаль». А жизнь – светская стерва. Обозвать получится, переубедить – нет... Очень жаль.

– Очень жаль, – эхом отозвалась я. – Однако твой сегодняшний план был скорее из серии «Пошло оно к пеплу».

Мы рассмеялись.

– Кстати, мне понравилось.

– Из-за зелья, еще бы.

– Да нет, я просто как-то не думал, что этим можно заниматься... ну... – он замялся и, небом клянусь, покраснел. – Так.

Тот факт, что дерзкого и психованного преступного элемента Мокки смущали разговоры на подобные темы, привел меня в шоковое состояние. Я высоко и неверяще вскинула брови. Бакоа улыбался. Да уж. Вот это дурдом.

– Расскажешь кому-то – и я тебя убью, – наконец стерев улыбку, максимально холодно сообщил он. – Вас обоих.

– Ну да, естественно. Но эта угроза лучше подойдет для утра, – фыркнула я. – Сейчас я тебе не верю, извини.

– Утром будет не до угроз. Чую, зелье старушки Галасы добьет нашу психику, как только выветрится. И твою, и, конечно, мою. Только аристократишка будет в относительном порядке, он, кажется, по жизни ко всему готов. Хотя взгляд у него вначале был опарашенный...

– Ты так и будешь дальше звать его аристократишкой?

– Конечно. Это традиция. Могу «лисом», но это немного палевно, не находишь?

– Имя предлагать бессмысленно, я поняла. А про зелье: я думала, оно уже выветрилось.

– Смешно, – язвительно буркнул вор. – Джерри, тогда бы *меня здесь не было.* Ты почувствуешь, когда оно закончится, поверь. Я тотчас перестану быть душкой, у меня сейчас тот период, когда я и без зелья не очень... Знаешь, я всю жизнь как на долбанных качелях: то чув-

ствую себя почти богом, удачливым и неостановимым, то утопаю в собственном ничтожестве и оттого постоянно зол.

«А то я не замечала», – мысленно цокнула языком я.

– В последние дни был второй вариант... – продолжал вор. – И то, что я с горя накидался психотропными зельями, буквально заставив себя воспарить, да еще и в итоге втянул вас с придурком, приведет к страшной расплате. Знаешь, это как похмелье, только в миллион раз хуже, потому что таблетки от головы не лечат душу. Чем выше я взлетаю в хорошие дни, тем ниже падаю в плохие. А конкретно сегодня, – он облизнул губы и прикрыл глаза. – Конкретно сейчас я был счастливее, чем когда-либо за последние годы. Так что не подходите ко мне еще пару суток. Оба. Себе дороже. Я буду зол на себя и неадекватен, способен на глупости. Лучше переждать.

– Да уж действительно, – с чувством проговорила я. – Нам ведь совсем не надо срочно спасать чью-то жизнь, можно хоть полгода отдыхать. Или ты думаешь, что теперь ему и умереть не жалко?

Острая боль промелькнула в лице вора. Он цыкнул на меня: тише. Я замерла, скосив глаза в другую сторону и прислушиваясь, но всё было так же сонно и тихо, не считая дождя. Талвани спал крепко и потрясающе безмятежно. На сердце у меня потяжелело, и тоскливое молчание затопило комнату.

– По-твоему, я зря это устроил? – какое-то время спустя запальчиво спросил Бакоа.

Хотя нет. Это не вызов в его голосе. Это отчаяние.

Я старательно обдумала вопрос. Потом повернулась на бок, осторожно убрала прядку русых волос со лба Бакоа и заглянула ему в глаза. Привет, Мокки-без-маски. Вот ты какой.

Интересно, смогу ли я смотреть на него завтра. Есть нехилый шанс, что я скорее предпочту облиться керосином и поджечь себя от столового канделябра, чем вообще оказаться в поле зрения Бакоа и Тилваса. И постояльцев соседних комнат. Мокки просит не трогать его два дня? Пф. Умоляй он меня об обратном, вот *тогда* бы у нас возникли проблемы.

– Думаю, это было очень нужно, – сказала я. – Правда, я не уверена в некоторых нюансах, например...

Он закатил глаза, и я снова поцеловала его. Осторожно. Нежно. Мокки обнял меня и ткнулся острым носом мне в шею. От него терпко пахло мускусом и перцем.

Так мы наконец и уснули.

Все нормально? Нет

*Nunc ad bella trahor, et iam quis forsitan hostis
Haesura in nostro tela gerit latere.*

*«А нынче ужс готовят нас к войне,
И враг копьё несёт, каким пронзят мне сердце».*

Как и следовало ожидать, пробуждение было непростым. Мне снилось, что я лежу в лодке, а вокруг плещутся волны. Меня укачивало даже во сне – что уж говорить о бескомпромиссной реальности.

Мои глаза открылись еще до того, как я вспомнила, чем закончился вчерашний вечер, и я моргнула, глядя на разрушения, постигшие гостиничную комнату.

Мокки лежал, положив одну руку под щеку, другой вцепившись в ворсистый мягкий ковер. Костяшки его пальцев побелели, а между бровей залегла морщинка, как будто он напряженно что-то высчитывал. Идиллическая гора перьевых подушек и одеял, похоронившая под собой Талвани, высилась по другую сторону от меня.

Меня затапливали противоречивые эмоции. Я мечтала задержаться в этом манящем сонном царстве, но в то же время мне хотелось убиться. А еще – немедленно вскрыть черепушку Бакоа самой острой из его отмычек и спросить, о чем, прах побери, он все-таки думал и как представляет нашу дальнейшую коммуникацию?

Слышит ли Мокки тот же звон разбившегося золотого века, что и я?

Или он всегда с ним жил? Или его золотой век кончился в Рамбле, как мой – в Зайве-рино, а Тилваса – в Нчардирке? Что тогда мы утратили сегодня? Или золотые века склонны к регенерации?

Ну, в одном Бакоа был точно прав: эффект выветрившегося зелья чувствуется на всю катушку, ни с чем не спутаешь.

В голове у меня гудело. Шипя, я поднялась и двинулась в сторону окна. Распахнутое ночью, сейчас оно было закрыто и плотно зашторено – кое-кто «вовремя» позаботился о приватности. Из-за уходящих в пол портьер я даже примерно не могла представить, какое сейчас время суток, и это меня откровенно фрустрировало.

На полпути я натянула штаны и майку и оглянулась через плечо. Не мираж. М-да...

Это полный кошмар, но я рада, что это случилось. И одновременно мне так обидно, что оно уже в прошлом. Рано или поздно это должно было произойти – или бездарно сойти на нет с учетом обстоятельств. Ведь нельзя вечно жить предчувствием и предвкушением. У возможностей тоже есть срок годности, и в этом плане... Да, мы выжали максимум из ситуации.

При виде сумрачной комнаты, перьев, белеющих тут и там, и поблескивающего в темноте флакона духов, упавшего с полки, мое сердце болезненно сжималось. Всё это было до странности красиво, и мне вспомнились Патрик с Клариссой, двое из моих университетских друзей.

Случившееся было бы очень в их духе. Они всегда были такими – *увлекающимися*: превращали свою жизнь в рассыпающееся искусство, пропитанное отвращением к повседневности, и обставляли свои миры с такой меланхоличной роскошью и восхитительным равнодушием к общепринятым нормам, что оставалось только удивляться. Драматургия в каждой

реплике. Эксперименты и нетерпеливое эстетство. Подойдешь на шаг ближе, останешься в их дортуаре после заката – и всё, тебя унесет куда-то в тенистую область, имеющую мало общего с реальностью.

– Главное, чтобы было интересно, – всегда говорил Патрик, любитель бархатных халатов и шолоховской поэзии. – А что большинство ругается – что ж, быть большинством как раз неинтересно.

– Живи и не мешай жить другим, – поддерживала Кларисса.

Я скучала по ним. По их голосам. Манерам. Шуткам. Ужасно Серьезным Спорам.

Не разорви их Дерек на десятки кровавых кусков, Патрик и Кларисса аплодировали бы мне сейчас.

Меня замутило, и я рывком раздвинула шторы. Судя по ослепительно-лимонадному свету, льющемуся с западной части небес, времени было никак не меньше трех пополудни. Милый садовник вовсю махал тяпкой у гостиничной клумбы, пара девушек в расшитых цветами таори сплетничала в летнем кафе, на углу улицы стояла дорогая карета – кажется, кто-то приехал за покупками вон в тот салон «Изысканных шелков и затей»...

Увидев в оконном стекле свое растрепанное отражение, резко контрастирующее с миленькой пасторалькой снаружи, я тихо выругалась и на цыпочках направилась к двери.

Свежий, пахнувший лимонами и печеньем коридор простирался в обе стороны. На первом этаже был слышен смех и разговоры постояльцев: в это время Фехху и Зармирка подают им чай и бобовые пирожные на тонком фарфоре.

Я застыла у лестницы, думая, как быть. Являться в таком виде в обеденный зал не хотелось, но и возвращаться не вариант. Я решила прокрасться в общую ванную, гадая, смогу ли раздобыть точную копию разбившейся ночью маг-сферы, и если да, то как быстро. Я не хотела, чтобы Фехху и Зармирка пожалели о том, что по-приятельски поселили меня в лучший номер.

– А мы не зря по-приятельски поселили тебя в лучший номер, да? – вдруг рассмеялись у меня за плечом, и я чуть не кувыркнулась с лестницы: услышать свои мысли со стороны всегда бывает неожиданно, особенно в такой ситуации.

Зармирка в светлом платье и фартуке успела схватить меня за плечо и вернуть обратно в вертикальное положение за какую-то долю секунды. Во второй руке она держала поднос, уставленный крохотными чайными чашечками, – он даже не дрогнул от этого маневра. Вот что значит старая бойцовская школа.

Пухленькая хозяйка гостиницы окинула меня оценивающим взглядом. Ее каштановые кудри были подвязаны пестрым платком.

– Сейчас отнесу этот поднос дорогим гостям из Пика Волн – ваши соседи, кстати, говорят, не выпались *почему-то*, – и налью тебе крепкого зеленого чая. Я хочу все знать.

– Нет, – сказала я.

– Не спорь со старшими, Джереми Барк.

– Все равно нет.

– Как насчет бесплатной ночевки завтра?

– Нэйхт. Натти. Норген. Ноупэ. НЕТ, – пролистнула я свой лингвистический словарь.

Зармирка усмехнулась.

– Тебе повезло, юная леди, что Фехху спит в берушах. Ты ему вчера сказала, конечно, что не заинтересована в спокойной жизни, как у нас, но... Думаю, он все равно бы удивился. Впрочем, в некотором смысле ты последовала его совету, так что...

– Зармирка, а можно мы сразу перейдем к этапу чая? По всем правилам чайной церемонии?

– То есть молча? Какая коварная Джереми Барк!.. Эй, ты чего? – нахмурилась она, увидев, как я побледнела.

Чай.

Я забыла выпить чай Галасы Дарети вчера вечером. Тот, который заглушает мой след для врага.

Сколько часов прошло с последней дозы?..

Извинившись перед Зармирой, я побежала обратно в комнату. На полпути выругалась и развернулась: чай же хранился у Тилваса, я хотела выпить его, еще когда мы рисовали схему, но паучки оришейвы помешали.

Дверь была заперта, отмычки у меня не было, а выбивать деревянное полотно при Зармирке, с любопытством поднявшейся вслед за мной, я постеснялась.

– Дашь ключ? – попросила я.

– Все интереснее и интереснее, – протянула хозяйка гостиницы. – Ключи на первом этаже, но там сейчас постояльцы, не стоит тебе к ним идти с такой-то прической, а то распугаешь моих дорогих гостей... Можешь взять запасной ключ у Фехху – он на заднем дворе, – она указала на боковую лестницу, ведущую сразу на улицу в обход основного зала.

Выкатившись в сад, я в первый момент чуть не ослепла из-за слишком яркого солнечного света. Потом заметила бывшего воина, который чинил почтовый ящик и разговаривал с кем-то, кого я не видела за углом здания.

– Фехху, ты мог бы, пожалуйста... – начала я уже издали.

Гильдиец обернулся и, улыбнувшись, показал на меня рукой:

– О, а вот и она, кстати. Джерри, тебя тут ищет друг вашего аристократа, он приехал с утра вон на той шикарной карете...

Я остановилась как вкопанная. Мужчина, говоривший с Фехху, выступил из-за поворота и посмотрел на меня.

Это был тот самый заклинатель, который возглавлял нападавших в Шга'Нчаухе и дважды призывал браксов по мою душу.

Алое таори, золотая вышивка. Неприятно-скуластое лицо, глаза навывкат, длинные тонкие шрамы.

– Джерри, все нормально? – спросил Фехху, почуяв неладное.

«Нет», – хотела сказать я, но не успела.

Кто-то схватил меня сзади, прижимая к носу тряпку с сонной жидкостью. Последнее, что я увидела перед тем, как отключиться, – это то, как чужак призывает серое колдовское облако, и старый добрый Фехху, вставший было в боевую стойку, засыпает и падает на газон.

Взрывы хохота из обеденного зала сделали его падение совсем беззвучным...

Заклинатель в алом

Pedibus timor addit alas.

«Страх придает ногам скорость».

Я открыла глаза и обнаружила себя в сырой старой камере.

Влажные шершавые стены, каменный пол. Обитая железом дверь с квадратной решеткой в центре. Никаких вещей – только жестяная койка на колесиках, на которой я и очнулась.

Кажется, это тюрьма.

Мои руки были связаны за спиной, но я избавилась от веревок сразу же, как только к онемевшим пальцам вернулась чувствительность. Подойдя к двери, я выглянула наружу. Коридор пустовал, только на стенах чадили факелы и виднелись не читаемые из-за сажи рисунки. Я попыталась рассмотреть их – изображения явно были очень древними, – но без толку.

– Хей! Выпустите меня! – Я несколько раз хорошенько ударила по двери.

Конечно, просьба наивная – но что еще орать в таких обстоятельствах? «Прием-прием?» «Я вас уничтожу?» Просто визжать без словесного выражения?

Впрочем, никто все равно не отвечал.

Я пыталась расковырять дверное полотно, чтобы подцепить какую-то щепку и взломать замок, но это не привело к успеху: только пальцы стерла в кровь. Я простукивала стены, искала шатающиеся камни, долбила койкой о дверь.

Тишина. С каждой минутой мне становилось все страшнее. Именно из-за этого – из-за пустоты, отсутствия действия...

Наконец я забилась в самый дальний угол камеры и, обхватив колени руками, замолчала.

Колдун, похитивший меня в Джинглберри, был мне незнаком. Но шрамы на лице и красный костюм напомнили мне рассказ пурлушэма: заклинатель, пришедший по душу рёхха-павлина, выглядел именно так после нападения Врага.

Шли часы. С легкими хлопками факелы в коридоре один за другим потухли, погрузив меня в темноту. Мне казалось, что с каждой минутой шрамы на спине становятся горячее, будто плавятся. Но я не знала, в чем причина: в моем страхе или в том, что Враг действительно где-то рядом.

Забавно: в какой момент в моей голове он стал Врагом с большой буквы? И что ему надо? Ведь прежде охота на нас сводилась к желанию немедленного убийства.

И очень интересно, как там Тилвас и Мокки. Они знают, что меня похитили? По идее да: Фехху был свидетелем. Но также есть вариант, что Мокки успел проснуться и, ненавидя весь мир и себя в особенности, свалил в неизвестном направлении прямо через окно: тогда Бакоа может и не подозревать о случившемся.

Я не уверена, что Тилвас станет искать его.

А меня? Меня станет?..

Да. В этом я не сомневалась. Как минимум я нужна ему для ритуала подселения: я – лучший кандидат из имеющихся. Мокки не сможет помочь ему, как бы ни хотел, а поймать для роли какого-то левого танцора или гимнаста – не вариант. Ни за какие деньги чужой человек не сможет сделать все с нужной степенью хладнокровия и самоотдачи.

Тилвас Талвани... Любопытно, а с каких пор я настолько не чужой человек артефактору, что всех прочих считаю неподходящими для ритуала? Как так случилось, что за время нашего путешествия самоуверенный аристократишка оказался тем, чью жизнь я собираюсь агрессивно спасти, если надо – ценой жизни собственной?

Так. Стоп. Последняя мысль только что стала откровением и для меня тоже. Пока не проговорила мысленно – и не думала об этом.

То ли моя драматургическая душонка просто жаждет уже сдохнуть наконец ради какой-нибудь великой цели. То ли я так мало общаюсь с людьми, что первый же незнакомец с похожим прошлым умудрился вызвать у меня стойкую привязанность. То ли мне действительно близок Талвани.

И я не имею в виду в узком романтическом смысле. Я имею в виду: глобально. По-настоящему.

Мне важен Тилвас. Кажется, это стоит признать, и чем быстрее, тем лучше. Не так много элементов нашего мира имеют свой уголок в моей циничной душе: архаичная литература, рассветные пляжи, университетская жизнь и цветочная лавка Жана Герани, возможность что-то играть и лгать (ограбления тут неплохо вписываются, а театральные постановки – еще лучше), память о моих друзьях и родителях, старые библиотеки, тайны, Мокки Бакоа.

И вот теперь еще Тилвас.

Ну офигеть.

Тесновато становится!

Моим размышлениям пришел конец, когда факелы вновь разгорелись, на сей раз пугающе-синим цветом, и я услышала шаги в коридоре.

Я затаилась сбоку от двери, сжимая в руках веревку. Когда дверь открылась, я напрыгнула сзади на вошедшего человека и перекинула веревку ему через голову.

– Одно движение – и я переломлю тебе шейные позвонки, – холодно сообщила я.

Человек послушно замер. А вот сзади меня раздался неприятный сиплый смех...

– Ты правда думаешь, воровка, что я бы пришел один? Слезь с него. Я у тебя за спиной.

Я обернулась. В дверях стоял мужчина в красном наряде со шрамами на лице. Человек, на которого я набросилась, оказался всего лишь типичным тюремным надзирателем, который теперь дико косился на меня из мятой униформы.

Гурхов колдун в бордовом наряде ходил бесшумно, поэтому я не ожидала его приближения. Близко посаженные глаза, костистый нос и безвольный подбородок. В ладонях пляшет сгусток магической энергии, так и готовый полететь мне в грудь.

– У вас лицо труса, – сообщила я.

– А у тебя лицо зарвавшейся бешеной стервы, – пожал плечами он. – Но это, к счастью, только на радость Хозяину.

И он кинул в меня пульсар.

Я застыла от заклинания и начала падать, но тюремщик в последний момент поймал меня, не дав размозжить голову о каменный пол.

– Положи ее на кушетку и жди за дверью, – приказал колдун.

Надзиратель вышел. Я не могла шевельнуть даже пальцем и только чувствовала, что внутри у меня все визжало, орало, рассыпалось от паники.

– Я не причиню тебе вреда, Джеремиа Барк, – лениво протянул колдун, вставая сбоку от меня. Краем глаза я увидела докторский чемоданчик, который он раскрыл с легким щелчком. – Будет не так уж больно, хотя нам и придется обновить всю схему. Хозяин приказал растянуть работу – «удовольствие» – как он выразился – на несколько дней.

Когда он достал скальпель, я осознала, что сейчас будет.

Отвратительно, когда ты понимаешь, что происходит что-то ужасное, и никак не можешь противостоять этому. Когда видишь пожар, пожирающий родной дом. Наводнение, уничтожающее мирный город. Взрыв, стирающий поселение. Смерть в глазах старика.

Кто вообще придумал смирение? Кто сказал, что это – благо?

Смирение – трусость. Смирение проистекает не из мудрости, а банально из нашей слабости. Слабый, очень слабый человек, чья пресловутая гордыня не столько порочна, сколько смешна. Потому что мы все равно проиграем.

Смирение – бред.

И меня никто не переубедит в этом.

– Изначально мы планировали убить тебя, – доверительно сообщил колдун, переворачивая меня лицом вниз и делая тонкий надрез у меня на лопатке. – Для Хозяина ты была ненаписанным черновиком. Первым и неудачным шагом к его величию, который он оставил в живых исключительно из ностальгии, и иногда от скуки приглядывал за тобой. Так боги смотрят на своих смертных детей: и смехотворно, и мерзко, и в то же время есть что-то родное...

Меня тошнило от его слов.

– Но когда оказалось, что пэярту застрял в Тилвасе Талвани, мы поняли, что ты можешь помочь избавиться от Белого Лиса навсегда. Однако ты не смогла сыграть по нотам даже эту простую партию – бесполезная воровка!.. Мы долго гонялись за вами. И когда ты сделала что-то такое, что Хозяин перестал чувствовать твой запах, нас озарило.

«Нас». «Мы». «Нам».

«Ты не только трус, ты еще и собственного я не имеешь. Рыба-прилипала», – хотелось сказать мне, но из-за заклинания я продолжала недвижимо ждать, пока старая схема на моей спине обновлялась, истекая свежей кровью.

– «И как же вас озарило?» – наверное, думаешь ты, – продолжал жеманничать колдун. Жаль, что я не могла его разочаровать. – Просто Хозяин понял, что ему будет *скучно*, когда вы с Тилвасом исчезнете... Он успел привязаться к вам. Поэтому с пэярту мы заведем новую игру, куда более интересную, чем просто смерть, а тебя *доделаем* и оставим себе. Будет здорово.

Скальпель исчез. Чемоданчик захлопнулся. Несколько беззвучных шагов – скрип двери – и я осталась одна. Прошло еще много времени, прежде чем эффект оцепенения закончился. Схема пополнилась новым штрихом, а я ничего, ничего не могла поделать с этим.

* * *

На следующий вечер все повторилось. И еще раз. И еще.

Теперь во время своих визитов заклинатель молчал. Меня кормили, не давая столовых приборов. Выводили в уборную под конвоем из четырех человек. На разговоры никто не реагировал, а каждая из попыток побега заканчивалась провалом. Однако мне не причиняли никакого физического вреда, не считая резьбы по спине.

Чем чаще я думала, что это значит, тем хуже мне становилось.

– У него уже есть тело, зачем рисовать схему на мне?! – успела крикнуть я перед тем, как заклинатель в очередной раз швырнул в меня пульсаром.

На этот раз колдун ответил:

– Разве наличие одной лошади мешает тебе купить вторую, другой породы и для других задач?.. К тому же тела так быстро изнашиваются во власти Хозяина.

Гурх.

А на пятый день мне удалось. Удалось сделать это – вытащить штырь из колеса койки. Я ковыряла его голыми руками пять суток и в итоге смогла.

Ничто и никогда еще не казалось мне таким сокровищем, как этот металлический прутик длиной три сантиметра. Я была готова целовать его. Я изо всех сил молилась, чтобы никто из тех, кто приносит мне еду, не заметил, как теперь покосилась кушетка.

С трудом дождавшись ночи, я стала ковыряться в дверном замке. Отмычка, мягко говоря, была не лучшей... Я копалась несколько часов, и наконец что-то щелкнуло.

Не дыша, я открыла дверь. Темный коридор убегал по обеим сторонам: молчаливый, сонный. Я двинулась направо: знала, что слева была только лестница вниз, под которой тупик и туалет. Периодически я видела другие двери в камеры, но они были пусты. Перед поворотом я остановилась: за углом горела лампада и было слышно тихое посапывание. Это тюремный надзиратель увлеченно читал какую-то маленькую книжечку.

Я подождала, надеясь, что он уснет, но история оказалась неплохой: страницы листались, тюремщик продолжал сопеть. Внутри у меня поднималось нетерпение.

Это так сложно: стоять на пороге свободы, но не иметь возможности дотянуться до нее прямо сейчас.

Ладно. Время рисковать. Я стремительно выскочила из-за угла и напала на тюремщика, ударив его головой о стол. Потом полминуты хладнокровно сжимала руки у него на сонной артерии – надеюсь, он не скоро очнется.

Я сняла с его пояса связку ключей, фонарь и меч. Обобрала по полной. Вскоре коридор сменился лестницей. Я поднялась по ней, открыла замок одним из ключей: снова коридор, такой же, в каком была моя камера...

Пустые карцеры. Поворот. Еще один уголок тюремщика с канделябром, но этот сам по себе спит, уронив голову на стол. Связки ключей нет. Я занервничала, на цыпочках проходя мимо.

Почему эта тюрьма такая большая и такая пустая? Где я, прах побери? Это не похоже на действующее пенитенциарное учреждение.

Еще один этаж. Пустые карцеры. Поворот. Тюремщик уронил голову на стол, у него ни меча, ни ключей...

Стоп. Нет!

Я дрожащими руками подвинула голову бессознательного надзирателя. Под щекой у него лежала маленькая книжечка. Тюрьма заколдована. Я хожу по кругу.

Вспомнив, что смутило меня несколько дней назад, я подошла к стене и все-таки разглядела старый рисунок, выбитый на ней давно умершим мастером.

«Гребень Проклятых», – было написано рунами стародольного языка.

Лампа выпала из моей руки.

Гребень проклятых

Manet omnes una nox.

«Всех нас ждет одна и та же ночь».

Я знала об этой тюрьме из старых легенд.

Гребень Проклятых – это темный осколок тяжелого форта, разрушенного в конце X века вследствие каких-то экспериментов срединного народа.

А срединники, в свою очередь, – это самый знаменитый из древних народов Лайонассы. Такой же магический, как и мы, шэрхен, только при этом облаканный вниманием богов-хранителей... Что, впрочем, не привело срединников к счастливому концу: вся нация была жестоко вырезана и уничтожена в 1147 году нашей эры. В живых осталось только несколько десятков студентов, живших в то время у нас на островах, чьи потомки затем, века спустя, вернулись на материк, чтобы построить там Лесное королевство со столицей в Шолохе. Уже не срединники, еще не шэрхен – когда я вижу шолоховцев, мне кажется, что они обманули саму вселенную, уготовившую им теплую могилу. Именно поэтому они выглядят такими легкими и бессовестными оптимистами, вызывающими не что иное, как глухое раздражение у других стран... И зависть. Да, наверное, зависть.

Так вот, в последние пару столетий перед своей гибелью народ срединников постоянно что-то мутит в океане к востоку от Шэрхенмисты. Они проводили какие-то исследования, щедро платя нам драгоценностями и знаниями в обмен на допуск.

Никто не знает, привели ли те эксперименты хоть к чему-нибудь. Но физические следы разрушений, оставленных луноликими срединниками, раскинуты по восточным островам Шэрхенмисты до сих пор.

Так и Гребень Проклятых.

Некогда форт, теперь он оказался в руинах – сохранились только нижние тюремные этажи. Местное пространство склонно к искажениям: коридоры закольцовываются, пламя в факелах загорается и гаснет по своему желанию, комнаты меняются местами. Под светом полной луны Гребень Проклятых исчезает, а в новолуние возвращается вновь – и если кто-то был в нем в момент пропажи, он уже не вернется. Снаружи – кладбище, и скелеты усопших чародеев поднимаются каждый вечер, нападая друг на друга или на незваных гостей.

А самое неприятное то, что Гребень Проклятых находится на отдельном острове к востоку от Рэй-Шнарра. Значит, мой путь к свободе гораздо дольше, чем я думала.

Но сначала надо выбраться из заколдованных коридоров. Колдун в красном и остальные тюремщики как-то делают это – значит, и я смогу.

На сей раз я решила пойти не направо, а налево. Дверь, лестница, а под ней – вторая дверь, в туалет, – все это я знаю по предыдущим дням. Загадка таилась именно здесь: по логике, как раз на этой лестнице между двумя дверями происходил «сбой», когда мой подъем на этаж выше «перекидывал» меня снова вниз, так что я поднималась в то же место. Значит, тут и надо ломать шаблон. Хм.

Я вновь прошла мимо бессознательного охранника, поднялась по лестнице около него, открыла дверь, но не позволила ей закрыться у меня за спиной.

Вместо этого я подпихнула под нее, возле петель, связку ключей так, что она оставалась распахнутой. Потом я задом наперед поднялась по лестнице, держа в поле зрения камеру тюремщика, на ощупь открыла верхнюю дверь у себя за спиной, и...

ДА.

Я почувствовала свежий морской воздух еще до того, как обернулась, чтобы понять: мой «родной», чтоб его, коридор наконец-то сменился другой локацией!

– Красотка Джереми Барк! – удовлетворенно цокнула языком я, трусцой отправляясь вперед.

На сей раз я бежала по каменной галерее, в чьих нишах были бойницы, сквозь которые виднелись поля суховатого вереска и море. Оказывается, сейчас вечер, а не ночь: солнце уже почти утонуло в Западном океане, плаваясь в нем, как поддельный рубин.

Вдруг из-за угла мне навстречу выступил еще один тюремщик. Он ахнул, увидев меня, и, не успев я что-то сделать, зажег сигнальный фонарь, выхваченный из кармана. *Гурх!*

– Тревога, господин! Тревога! – голосил тюремщик.

Я метнулась обратно по коридору. Тюремщик бежал за мной, и, судя по крикам, к нему присоединился кто-то еще. Я поднажала: несколько поворотов спустя в стене появилось окно, закрытое тухлявыми ставнями. Выбив их ногой, с жутко колотящимся сердцем я высунулась наружу: высоко? Нет! Нормально!

– Стой! – рявкнул тюремщик у меня за спиной. – Не надо!!!

Но я все равно прыгнула: прямо туда, где среди покосившихся надгробий из влажной земли вылезали руки мертвецов со скрюченными пальцами.

Одна из мертвых кистей выпросталась прямо у меня под ногами – схватила за щиколотку. Ахнув, я рубанула по ней дешевым мечом тюремщика. Кости скелета треснули, но очередная рука, вынырнувшая рядом, так цепко схватилась за лезвие, что мне пришлось оставить ей последний из своих трофеев.

Солнце совсем закатилось. Я бежала сквозь древнее кладбище, и мертвецы, упрямо выползавшие со всех сторон, пугали меня куда меньше, чем человеческие перекрикивания сзади, в форте. Тюремщики сами боялись спускаться, но уже ждали заклинателя, который сможет достать меня издалека магической формулой, будто стрелой. Сзади взорвалась сигнальная петарда: алый фейерверк взмыл над островом, показывая всем мое местоположение.

Подвывая от ярости, я пнула черепушку какого-то из скелетов и опрометью взвилась на холм перед берегом. Темно-синее море сегодня было спокойно, вдалеке мерцали огни Рэй-Шнарра. И ни одной лодки.

Ни одной.

Неужели мне настолько не повезло, что плоскодонка этих ублюдков находится с другой стороны Гребня?!

Ладно. Ладно.

– Значит, вплавь, – самой себе пообещала я, еще немного поднажав.

На макушке холма находилась каменная беседка – я не обращала на нее внимания ровно до того момента, пока не увидела впереди всполох белого цвета.

Колдун.

Я еле успела пригнуться, уклоняясь от оцепеняющего заклятия.

– Следующий раз я не промахнусь! – крикнул заклинатель, выходя из-за колонны мне навстречу. – Лучше остановись сама. У тебя все равно нет вариантов, а я не хочу лишний раз калечить твоё тело. Равно как и позволить *им* сделать это.

Я оглянулась.

Мертвецы, уже полностью вылезшие из-под земли, быстро и хромоногое ковыляли ко мне в сумерках, безостановочно клая зубами. Целая армия. Некогда живые срединники.

– Иди ко мне, – приказал чародей. – В беседке – тайный проход обратно в форт. Я умею открывать его. Ты – нет. Подойди сюда, и мы вместе уйдем от этих костежевателей.

– Пусть лучше они сожрут меня, чем ты дорисуешь схему, – ответила я, надеясь, что мой страх не так заметен.

Колдун со шрамами неприятно улыбнулся.

– Я *уже* дорисовал ее, милая. Когда пробьет час, она активируется.

Мое лицо исказилось. Я судорожно вздохнула и снова оглянулась через плечо на подступающих мертвецов.

Что делать? Думай, Джерри. Не о его словах, нет. Думай о том, как выжить сейчас. Потом разберешься.

– Поверь, это куда лучше, чем быть съеденной ими, – ворковал колдун. – Они толком не ели тысячу лет... Не считая тех редких врагов, которых Хозяин ссылал сюда, когда остальные средства дипломатии оказывались недостаточными.

Вот как. Я глубоко вздохнула, понурила плечи и пошла к заклинателю.

– Умничка, – сказал он, и в который раз за эти дни я подумала, что он копирует своего «Хозяина».

Я не знаю имени ни одного из них, но это не мешает мне видеть их гурховы архетипы: садист-извращенец Враг и лебезящее ничтожество в красном.

– Давай сюда руки. И побыстрее, наши костистые друзья приближаются, – колдун пошел-кал взятыми с собой наручниками. – Веревки тебя не сдержали, так что теперь – кандалы.

Я протянула к нему открытые ладони. Колдун, поглядывая мне за спину, застегнул скобу на одном моем запястье и потянулся к другому, но... В этот момент ампула послушной беглянки пришел конец.

Практически без размаха и без инерции, но со всей возможной силой я врезала колдуну кулаком в лицо. Наручники довершили дело, проехавшись заклинателю по виску.

– Тварь!! – ахнул он, отшатываясь, но потом сразу же зажигая в руках маг-формулу.

Но я бросилась на него первой.

Единственный вариант побороть колдуна – вступить в ближний бой, чтобы у него не было возможности делать магические пассы руками. Бороться, не отступая ни на шаг, приклеиться, будто банный лист. Ни в коем случае не бежать, как бы ни хотелось.

Мы сцепились, рыча и катаясь по голым плитам беседки.

– Идиотка! – шипел он. – *Они* убьют нас! – имея в виду скелеты, чье дробное клацанье действительно было слышно уже совсем рядом.

Я не тратила силы на разговоры – я была гораздо мельче и слабее и не могла позволить себе трепаться. Мне помогало отчаянье, но... В какой-то момент моя физическая истощенность все же сыграла на руку противнику.

Колдун оттолкнул меня, и я, врезавшись в одну из полуразрушенных колонн беседки, упала. Я не спешила подниматься, и заклинатель, на чьем лице определенно прибавилось порезов, злорадно осклабился. Он выругался, поняв, что скелеты уже окружили нас, и сплюнул кровь из разбитого рта:

– Бешеная стерва. Надеюсь, Хозяин поймет мой выбор, – после чего все-таки зажег в руках смертельное заклинание.

Только тогда я поднялась ему навстречу. Но теперь в руке я сжимала острый металлический прут, прежде укреплявший стену, а теперь валявшийся под ней. Не успел колдун осознать, что это за черная штука в моей ладони, как я с размаху и изо всех оставшихся сил загнала ее ему под ребра.

Заклинатель захрипел и упал. Магический шар в его ослабевшей руке потух.

Тяжело дыша, я обвела взглядом беседку. Во всех проемах между колоннами толпились скелеты. Они будто ждали конца нашего боя и теперь, щелкая челюстями, словно аплодируя, в едином порыве хлынули ко мне.

Кто выжил, тот и ужин.

Взвизгнув, я попыталась куда-то метнуться, что-то сделать – *под потолок? Сквозь толпу? Прямоком в преисподнюю?*

Но прощание с жизнью оказалось преждевременным. Что-то бахнуло и взорвалось, оглушая,
слепя;
и скелеты, чьи пальцы уже хватали меня за одежду, рассыпались серым пеплом.

* * *

Я зажмурилась и застыла скрюченной статуей над мертвым колдуном.

– Джерри! – раздался встревоженный оклик.

Мгновение спустя меня обняли теплые руки.

– Все хорошо. Все уже хорошо. Ты можешь говорить? Ты ранена?

Я мотала головой, не поднимая лица, изо всех сил пытаюсь не расплакаться. Моя рука, которой я заколола заклинателя, тряслась, ладонь вся была перепачкана кровью – металлический прут исцарапал меня, так сильно я вцепилась в него тогда.

– Мне кажется, ты самая сильная личность из всех, кого я знаю, – вздохнул голос после еще полудюжины вопросов о моем самочувствии.

Я все-таки открыла глаза.

Передо мной стоял бледный Тилвас Талвани. Вокруг нас ветер разгонял над землей пепел, оставшийся от мертвецов. Всё было в пепле, всё. В сером моровом облаке, поднимающемся выше и выше, будто медленно таяло само время, пыль столетий. Кончики пальцев Талвани светились оранжевым цветом сочной хурмы, глаза казались совсем звериными, красными, а двуглавый ворон на груди был практически свободен от населявшей его некогда темноты. Глубокие вечерние тени, наполнявшие беседку, ластились к ногам артефактора. Особенно искореженная тень мертвого заклинателя в алом...

Тилвас посмотрел на него и покачал головой.

– Я убила его, – тупо и хрипло сказала я.

И все-таки разрыдалась. Тилвас снова крепко обнял меня. Его пальцы вздрогнули, ощутив новые раны на моей спине, но артефактор не стал комментировать это – и я была благодарна ему.

– Надо уходить, – вдруг со странным выражением лица сказал Талвани, глядя в сторону форта. – Развевая мертвецов, я разбудил кое-что другое.

Я проследила за его взглядом.

Там, в каменных стенах Гребня Проклятых, что-то горело. Пожар! Тюремщики бегали и отдавали друг другу путанные приказы, а под внешней стеной из земли медленно, но уверенно выкарабкивалось еще какое-то костяное существо... Земля ходила ходуном, почва тряслась, надгробия кривились по сторонам.

Я никак не могла понять, что это.

Оно было гораздо крупнее людей, и рисунок костей выглядел странно... О нет. Это ведь не мог быть мертвый *дракон?! Насколько же давно он погиб здесь?!*

Я ахнула, Тилвас критически цокнул языком и потащил меня прочь, в сторону моря. На темной воде до сих пор не было ни единой лодки.

– Как ты вообще здесь очутился?! – не поняла я, пока мы на полной скорости бежали по пустому пляжу, а сзади били в гонг, орали, и над всем этим сипело мертвое чудовище со

светящимися зеленым глазницами, которое теперь осаждало Гребень Проклятых всей своей тысячью древних костей. И пускало клубы зеленого потустороннего огня, под которым трава и камни выцветали и становились пылью.

– Помнишь, у меня был артефакт невидимости? За время нашего путешествия я сделал еще один! – крикнул Тилвас, деловито входя в воду и шаря руками вокруг. – Нашел! Залезай!

С его помощью я запрыгнула в невидимую лодку, и сама тотчас исчезла с глаз. Было очень странно не видеть ни себя, ни лодки под собой – только воду и Тилваса, который отступил на шаг назад, отпустив меня, и приказал:

– Жди здесь. Я скоро вернусь.

– Что? Куда ты?.. – ахнула я.

– Надо забрать Бакоа!

– Он тоже тут?!

– Да. Мы разделились, и... – Тилвас оглянулся на полыхающий Гребень. – Прах. Все, Джерри, оставайся здесь и никуда не уходи!

– Я хочу помочь, я...

Глаза Тилваса вдруг полыхнули красным, лицо мгновенно заострилось. *Тот самый облик.*

– Не заставляй меня потратить последние силы пэйярту на то, чтобы заколдовать тебя, – прорычал Талвани двоящимся голосом. – Если не вернемся до полного восхода луны – уплывай, – и, не дожидаясь ответа, он бегом рванул обратно к разрушенному форту, атакованному мертвым чудовищем.

Плеск и шепот воды.

Серебристые блики вечернего моря, по которым скользят огни: коралловые отблески восходящей луны – красной сегодня, будто рубин, – голубые пятна испуганных фосфоресцирующих рыб, поднимающихся со дна, чтобы узнать, *что* это за рёв столетий, что за страшная тень разламывает стены Гребня Проклятых.

Я обняла себя за колени, и, сидя на прозрачной лодочной банке, рефлексивно раскачивалась туда-сюда. Голова опустела. Силы, собранные для борьбы и побега, вдруг покинули меня, и я бездумно смотрела на полыхающие развалины, чувствуя тупую тяжесть в груди.

И вдруг на фоне оранжевого, черного и зеленого – пламя, пепел, мертвый дракон – появились два знакомых силуэта. Один из них сжимал в руке нож и хромал, но все равно каким-то образом умудрялся обгонять второго на прямой дистанции, после чего оборачивался и недовольно шипел что-то, пока наконец не ухватил Тилваса за рукав и не потащил на буксире, как маленький злой щенок – огромную палку.

Я выпрыгнула из лодки им навстречу. Одновременно с тем мертвый дракон, которого явно пресытил форт, вдруг развернулся и полетел в нашу сторону.

– Гурх! – ахнула я. – Быстро! Сюда!

– Привет, Джерри! – с ненатуральной бодростью отозвался Мокки, чей подбородок был залит кровью, и зубы на этом фоне казались пугающе-белыми.

– Я сейчас вернусь, – сказал Тилвас. – Еще одно дело осталось.

– Да что с тобой не так?! – опешившим хором ахнули мы с Бакоа. – А ну стоять!!

Но Тилвас вырвал у Мокки нож из руки и с такой силой толкнул нашу лодку, что она чуть не перевернулась, и пока мы восстанавливали равновесие, артефактор оказался уже на берегу.

Прямо перед мертвым драконом.

– Если он сейчас использует свои последние силы и умрет, я даже убить его за это не смогу – и это просто *бесит!* – застонал Мокки и собирался уже тоже рвануть из лодки, но на сей раз я его тормознула, схватив за плечо.

Тилвас сложил руки на груди и согнулся в глубоком поклоне перед древним чудовищем. А потом – запел...

Запел на языке, которого я не знала, но в котором смешались нотки и стародольного магического наречия, и рунических вязей древних шэрхен, и какие-то странные фонетические переливы, больше похожие на звериные голоса. Талвани поднял одну руку и прорезал на ней волнистую линию. Кровь из раны крохотными темными каплями стала подниматься вверх, к небу. Вокруг Талвани за клубились черные тени, они отчаянно тянули костлявые руки к артефактору, и к морю, и к дракону, и к луне – песня длилась, тени плакали, по всему побережью разносился горький шепот, похожий на шорох времени в песочных часах....

Мертвый дракон слушал, наклонив голову. Зеленое сияние вокруг него уменьшалось, и сами кости, казалось, становились темнее, старше.

Когда песня закончилась, тени исчезли. Тилвас виновато опустил голову и, коснувшись сложенными руками лба, проговорил что-то совсем тихо. Дракон вздохнул.

Этот вздох шелестом пробежал по прибрежной траве, взметнул черный песок и заставил сияющих рыбок мгновенно скрыться на глубине. Из костяной глазницы ящера скатилась слеза.

– Kooro. Ko-gra tehhe baleira. Ten-ne, – очень низким, неземным голосом пропел дракон.

Тилвас снова кивнул.

– Ten-ne... – повторил дракон и, с новым порывом ночного ветра, стал рассыпаться... Распадаться на мириады серых частиц, разлетающихся по побережью, беззвучно растворяющихся в темноте.

Я не могла вдохнуть от печальной красоты этого зрелища. Невидимый Мокки рядом тоже замер, сжимая мое плечо.

Тилвас какое-то время постоял на побережье совсем один, а потом, развернувшись, пошел к нам. Его лицо было усталым и грустным.

Мы молча протянули ему руки, и вскоре наша маленькая лодка поплыла прочь от острова: в тишине, вдоль мерцающей лунной дорожки. Некоторое время спустя эффект артефакта невидимости закончился, и мы увидели друг друга в ночи, но продолжали молчать. Мокки был серьезен. Тилвас казался рассеянным.

– Что ты сказал ему? – наконец рискнула нарушить молчание я. Правда, шепотом.

Артефактор с трудом вынырнул из далеких мыслей. Посмотрел на меня.

– Я сказал ему, что его время ушло. Давно, тысячи лет назад. И что мне жаль, что я возвратил его к бытию так жестоко. Что теперь ему пора уходить навсегда. И что я прошу прощения.

– А он? – тихо спросил Мокки.

– А он сказал, что мертвецам не стоит просить прощения у мертвецов. Что совсем скоро мы увидимся на Той Стороне.

И Тилвас отвернулся к ночному морю.

Возвращение в столицу

Dant gaudia vires.

«Радость прибавляет силы».

Всю ночь мне снились звериные глаза, которые шарили в темноте, пытались меня отыскать. Враг был взбешен: пожаром в своей тюрьме, смертью своего слуги, моим побегом...

Я знала, что все это просто нервы, потому что, не успели мы проплыть и половины расстояния до Рэй-Шнарра, как Мокки достал со дна лодки термос и протянул мне:

– Твой чай.

Враг не мог меня видеть своим внутренним взором, зато видела я – образ заклинателя со скальпелем. И свою вновь изуродованную спину – точнее, ее отражение, которое я поймала в блестящих рыболовных снастях, обернувшись через плечо.

Ужасное зрелище.

– Прости, что мы не нашли тебя раньше, – сказал Тилвас, уже когда мы заселились в какой-то дрянной трактир в прибрежной деревушке, откуда до сих пор можно было разглядеть столб дыма на острове Гребня Проклятых.

Мы с артефактором стояли в коридоре между нашими комнатами.

Мокки в это время совершал обход территории. Он ни слова не сказал о похищении, но то, как вор теперь цепко оглядывал каждого встречного, входил во все помещения первым и под дурацкими предложениями – а то и без них – умудрялся попробовать всю мою еду *до* меня, было весьма показательным. И даже, пожалуй, мило. Хотя это слово – «мило» – рядом с Бакоа увядает, будто розочка, опущенная в ядовитую кислоту.

Еще в лодке Бакоа сказал про Гребень Проклятых:

– Я допросил пару тюремщиков, пока искал Джеремию. Они понятия не имеют, кто их шеф. Всегда видели только того ублюдка в красном.

Сейчас я вздохнула, положила ладонь на дверную ручку, ведущую в мой номер, и пожала плечами:

– Все хорошо, Тилвас. Я сожалею только о том, что убила того заклинателя раньше, чем мы успели его допросить.

– Это точно не то, о чем следует волноваться, – протянул Талвани. – Мы и так получим информацию. До Пика Грёз отсюда всего два дня пути. Там мы все узнаем благодаря Ордену: Галаса уже едет и покажет нам путь в их тайную резиденцию.

– А нам не надо сначала провести твой ритуал? – я покосилась на почти пустой амулет.

Тилвас покачал головой:

– Артефакт Подселения еще не готов. Ему необходимо... как бы это сказать... некоторое время настояться. Да и тебе нужно прийти в себя, разве нет? И выучить *шаги* ритуала.

– Я уже выучила.

Глаза аристократа удивленно расширились, уши словно встали торчком. Его тень на стене будто поплыла, на мгновение показавшись звериной.

– Я тренировала их прямо там, в камере, – я бесстрастно пожала плечами. – Времени было полно, знаешь ли.

– Но... У тебя же не было инструкции?

– С тех пор как ты попросил моей помощи в рыбацкой деревне, я каждый вечер смотрела твои записи. И в ту ночь в Джинглберри, когда все... мм... случилось, – я отвела глаза, Тилвас хмыкнул, – я тоже их успела просмотреть до того, как ко мне пришел Мокки. Мне так удобнее запоминать информацию: повторять что-то много-много раз, пусть даже без особенных стараний – и все в итоге накрепко врезается в память. Одной недели для таких повторений, конечно, не хватило бы, но то зелье... Кажется, помимо основного эффекта оно умудрилось еще и повлиять на мою память. Я очень четко помню весь тот вечер.

– О нет, – рассмеялся Тилвас. – Я-то думал, вам с Мокки всю память отшибло. А ты ходячий компромат теперь.

То, как легко он смеялся, в первый момент поразило меня, чуть ли не оскорбило – неужели ему совсем плевать? А потом вдруг обдало волной облегчения. Смех – не признак глумления или равнодушия, смех в первую очередь – признак радости.

– Компромат на саму себя, ага, – рассмеялась я в ответ.

Мы переглянулись и снова заржали. И громче, и громче, складываясь пополам, хватаясь за животы и закрывая лица ладонями.

– Если честно, я думала, это встанет между нами стеной, – призналась я, утирая слезы, выступившие от смеха.

– Ну... – Тилвас побарабанил пальцами по губам. – Нет. Наверное, у девяноста пяти процентов людей это вызвало бы проблемы. У меня – нет. У вас с Мокки, видимо, тоже нет. И я рад этому. Мучительно страдать сейчас было бы крайне неуместно. А так... Отдых бывает разным, – под конец как-то все-таки смущенно закончил он, потирая нос кончиком пальца.

– Лису понравилось? – кивнула я на амулет, имея в виду, что рёххи при подселении жаждали познать поближе весь суетный театр смертных жизней.

– Очень понравилось. – Тилвас внимательно глянул на меня исподлобья. – Как и мне.

Я вдруг почувствовала, что краснею, что бывает со мной достаточно редко.

– Гхм. Да. Мне. Гхм. Тоже.

Вот и все, что я смогла выдать.

Глаза Тилваса проказливо блеснули, но потом лицо его вновь стало серьезным:

– Ты действительно выучила все шаги ритуала?..

– Да, – вот здесь мой голос был тверд.

– С ума сойти, – он присвистнул, опираясь на дверной косяк. Синяки усталости под глазами Тилваса были устрашающе темными, зато улыбка светила на сто карат. – Ты великолепна, Джереми Барк! Ты просто, пепел тебя задери, какой-то гурхов гений. Как тебя вообще земля носит?! Тогда, как только артефакт застынет, мы проведем ритуал. А пока... Скажи, как много они успели нарисовать на твоей спине?

Сердце мое, воспарившее было, тотчас упало.

– Заклинатель сказал, что рисунок закончен.

Тилвас изо всех сил постарался не измениться в лице. Я видела его старания. Но губы артефактора все равно дернулись, и, кажется, в моем случае это было почти приговором.

– Я что-нибудь придумаю, – сказал он.

– Не сомневаюсь, – соврала я.

Потом привстала на мысочки, поцеловала его в щеку и ушла в комнату.

Ложась спать, я вдруг увидела какую-то тень у себя на карнизе – она мелькнула на мгновение в щели между плотно задернутыми шторами. Напрягшись и взяв с тумбочки столовый нож, украденный за ужином, я приготовилась в который раз защищать свою несчастную жизнь.

Осторожно, на цыпочках, я подкралась к окну. Без резких движений с помощью зеркала посмотрела, что там происходит. И тотчас с удивленным облегчением выдохнула.

Это не были таинственные враги. Это Мокки Бакоа, обложившись лапшой и газетами, удобно устроился на карнизе спиной ко мне, нахохлившись и сложив ноги «бабочкой». Он

бесшумно жевал, бесшумно читал, мягко опирался спиной об окно и иногда мрачно смотрел на ночную деревню.

Он так и просидел там всю ночь. Сторожил.

* * *

И да, да, *да!*..

Я помню, что должна рассказать вам про ритуал, а то вам, чужестранцам, совершенно неясна вся эта муть про «шаги» и «рисунки».

Что ж, сейчас, наверное, самое время. Я как раз ненадолго проснулась где-то между пятью и шестью утра (Мокки так и сидит, замерз, думаю, но вряд ли он хочет, чтобы я знала о его *сердобольности*, поэтому сделаю вид, что понятия о нем не имею, пусть закаляется), и у меня есть возможность дать некоторые объяснения.

Идея в том, что Тилвас не смог создать автоматический артефакт Объединения – как те, что делают в Ордене Сумрачной Вуали. Поэтому весь ритуал нужно будет проводить вручную. По сути, моей задачей будет *зачаровать* Тилваса, пэйярту и фигурку Белого Лиса так, будто я сама – мастер-артефактор. Всю магическую нагрузку на себя возьмет артефакт, но вот механика – на мне.

Соответственно, мы приходим к вопросу: а как именно артефакторы зачаровывают объекты? Как это выглядит?

Всем известно, что маги колдуют с помощью заклинаний. Обычно они состоят из двух компонентов: последовательность жестов, которую выполняют пальцами и руками и которая называется *плетением*, и произносимые слова – *магическая формула*.

В разных заклинаниях соотношение жестов и слов разное. Чтобы зажечь свет, достаточно щелкнуть пальцами и буркнуть формулу. Чтобы развернуть какое-нибудь страшное проклятие, придется выплести сложный узор и разразиться нехилым монологом. А бывают заклинания, где чародей долго размахивает руками, будто мельница, а в конце издает всего один какой-нибудь звук.

Жестовая часть колдовства называется плетением потому, что колдун *выплывает* своими пальцами невидимые нити энергии унни. Если между фалангами колдуна натянуть резинки во время создания магии, они увлекательным образом завяжутся в узлы.

Так вот, артефакторы создают эти плетения *вокруг* тех и других объектов. А еще это очень сложные, многоуровневые плетения – ведь надо не просто разово заколдовать предмет, а передать ему полноценные магические функции, сохранить их на долгое время, задать лимиты, создать систему восстановления ресурса и прочие настройки, на каждую из которых – свой узел плетения.

Короче, артефакторы – долбаные паучки-вязальщики. Бабушки со спицами отдыхают: то, что может сплести из энергетических нитей магистр артефакторики, будет виртуозно и очень, очень сложносочиненно.

Но как физически плести эти штуки вокруг объекта?.. Обычно артефакторы проводят зачарования в пустых аудиториях и пользуются большим количеством специальных маг-крючков. Артефактор заранее рисует план плетения, а потом день за днем, не спеша, натягивает одну нить... Потом вторую... Третью... Предмет все это время лежит в центре.

Потом артефактор вбихивает в плетение свою энергию, все полыхает, он кричит формулу – и вуаля! У вас уже не булыжник, а артефакт.

Но. Не всегда у артефактора есть возможность так долго и тщательно готовить узор. Плюс все-таки бывают не очень сложные зачарования – где нужно всего две-три нити, скажем.

И тогда артефактор может *станцевать* свое плетение. Безо всяких материальных ниточек – сразу воспользоваться энергией, прочертить весь рисунок за один раз, прямо своим

телом. Это сработает при условии, что у колдуна замечательная координация – ведь каждая нить должна тянуться по своему рисунку. А если ты ошибешься в шагах или взмахам руками – тебя так хлестнет незаконченным заклинанием, что мало не покажется.

И ладно, если заклинание простое. Но если сложное – от тебя останется гурхова головешка. Энергия унни не терпит, когда ее тревожат зря, – это одно из главных правил магической науки.

Короче, именно это я и должна сделать для Тилваса во время ритуала.

Станцевать плетение, которое вложит в артефакт Объединения последний кусочек формулы и запустит ритуал. В Ордене Сумрачной Вуали артефакты были заколдованы так, что действовали автоматически. Но у Тилваса это не получилось, поэтому придется «подпнуть» снаружи.

Об этих «шагах» мы и говорили: о странном шаманском танце, в котором у моих пальцев, макушки и ступней будут свои траектории... Потому что нитей в плетении Тилваса – аж тринадцать штук. И иногда они текут так, что без акробатических трюков не обойдешься.

Да уж, аристократу и впрямь повезло со мной.

* * *

Следующие дни мы провели в дороге: ехали обратно в Пик Грёз, искать таинственную резиденцию Ордена.

Погода была ужасная: лил даже не дождь, а какое-то смутное безобразие, настолько противно-коричневое, что у меня волей-неволей возникал вопрос к небесам: у вас что, прорвало канализацию?.. Что это за дичь?

Чтобы как-то оклематься от подобных метеорологических ударов, по пути мы говорили о чем угодно, но только не о проблемах. Да, прямо так: взяли и захлопнули фолиант из планов, сомнений, ярости, догадок. Ни слова о Враге, моей спине, амулете Тилваса, Ордене.

Единственная неприятность, которую пропустила наша цензура, – это шипение Мокки на тему Полуночного братства.

– Капец, – говорил вор, скача на лошади бок о бок со мной. – У моих идиотов ни разу за все эти годы не было такого продолжительного отпуска. Да еще и *у всех разом*.

– Они вроде как в заложниках у ассасинов были первые две недели? – усомнился Тилвас.

– И что? Не работали – значит, отпуск. Плюс все последующие дни... – и Бакоа, не заканчивая мысль, тихонечко заскрежетал зубами.

– Морально готовишься найти братство в руинах? – хмыкнула я.

– Ага. И превратить их в склеп, уложив всех там в новый отпуск. На сей раз бессрочный.

– Ты шутишь? – вскинул бровь Талвани.

– Я? Никогда, – гордо ответил Мокки, но слишком резкий угол в линии его подбородка намекал, что все-таки да – шутит...

– В принципе я давно не обновлял состав гильдии, горевать не буду, – какое-то время спустя деловито продолжил Мокки.

– А меня возьмешь? – снова встрял Тилвас.

– Тебе-то зачем?

– Надо же кому-то держать вас в тонусе с Джеремией. Мне кажется, я на вас позитивно влияю, – осклабился артефактор. – К тому же я аристократ. Это придаст вашей шайке весу.

Мы с Мокки дружно закатили глаза.

– Я не в гильдии, если ты забыл, – объяснила Тилвасу я. – Делать мне нечего: делить кров с бакоаским сбродом.

– Так он же говорит: всех порубим, наберем новеньких. Ты готова делить кров со мной, Джеремия Барк?

Я удивленно вскинула бровь, но потом вспомнила:

– Точно, ты же продал свой замок, Талвани!.. Да, я понимаю, почему теплая гильдия кажется тебе симпатичной. А где ты жил последние годы, кстати?

– То тут, то там, – белозубо улыбнулся Тилвас. – Шикарные отели, отвратительные трактиры, приятели, любовницы, съемные квартиры, съемные дома, съемные виллы, съемные лодки, пустые дома с привидениями, ночные дилижансы, тюремные камеры...

– Так, все, заткнись! – охнул Мокки, явно впечатленный этой прорванной плотиной. Я и вовсе никак не могла отыскать оброненную челюсть: список Тилваса был слишком уж внушительным. – Я-то думал, я тут сирота. Не знаю, шутишь ты или нет, аристократишка, и, возможно, на самом деле у тебя там еще пара родовых поместий в рукаве заткнуто, но ладно – я отдам тебе комнату в гильдии, ясно? Будешь ты в ней жить или нет – сам решай. Если нет – сделаю музеем имени Разжалобившего Лиса. Эдакой комнаткой для наказанных.

– Ух ты, – восхитился Тилвас.

А потом, какое-то время помолчав, на всякий случай уточнил:

– Эй, если что, я богат, ребята. Очень богат. Просто с домом так по-дурацки вышло.

– И с крышей, ага, – съязвил Бакоа. – Куда-то, мать ее, уехала без спроса.

Дорога продолжалась.

Я не могла перестать улыбаться.

Орден Сумрачной Вуали

Hoc est tempus ingrediendi in via aenigmatum.
«Время пойти по тропе загадок».

Непогода продолжалась, и когда мы приблизились к столице. Но на сей раз я была этому рада. Тоскливый весенний косяк заставлял прохожих кутаться в плащи и низко натягивать капюшоны, и нам было куда легче затеряться между ними под прикрытием серой стены дождя.

Непосредственно перед Пиком Грёз мы разделились. Я поехала в город сквозь Подгорный тоннель, Тилвас – по Рассветному тракту, а Мокки – через Плачущую рощу. Затем мы провели несколько часов поодиночке, убеждаясь, что за нами нет слежки и проверяя условленное место встречи с Галасой на отсутствие преследователей.

У меня аж кончики пальцев чесались от желания отправиться домой и посмотреть, как там мои вороны, но это было бы самоубийством. А вот другому соблазну я поддалась: разрешила себе издали посмотреть на лавку Жана Герани.

Я отправилась в район Гневливых Гроздьев – богатый, особенно мрачный даже по нашим меркам. Среди черных и оранжевых домов и храмов, лаковых деревянных мостиков, перекинутых через оживленную улицу, высилась витая башня магазина «Змей и свиток», созданная будто из застывшей вулканической лавы. В нем продавались всевозможные товары для письма, чтения и медицины, а на верхнем этаже располагалась чайная, где можно было прикрыться ширмой и, отдыхая после покупок, уйти в долгую медитацию.

А еще на верхнем этаже был круговой балкон. На него-то я и вышла и, слегка перевесившись через опасно низкие перила (дураков и неуклюжих у нас не жалели), посмотрела на противоположную сторону оживленной улицы. Там, после черных настилов тротуара и ровных рядов кедров, стояли уже маленькие, отдельные домики-магазинчики с острыми крышами.

Один из них и принадлежал Жану Герани. Изысканная бумажная вывеска гласила: «Подари ей труп цветка, если не хочешь сам стать трупом».

Мне всегда казалось, что у Жана есть некоторые проблемы с позиционированием, но богатеи Гневливых Гроздьев находили такой призыв очаровательным. Либо, что вероятнее, сам Жан покорял их своим обаянием. Он был добродушным, голубоглазым и всегда носил одежду белого цвета, а также – почти поварской колпак. На фоне темного Пика Грёз Жан походил на жемчужное пятно и волей-неволей притягивал взгляд. Жан любил говорить, что он родом с севера – то называл Норшвайн, то княжество Вухх, но не тут-то было. Шэрхен обыкновенный, островной, белокрылый.

Я издали полюбовалась на то, как информатор собирает какому-то покупателю корзину шикарных светло-голубых гортензий. У его ног вертелось два полосатых кота, в аквариуме ползала огромная черепаха. А что особенно мне понравилось, так это то, что в цветочной лавке появилась большая клетка, а в ней дрыхли в рядок мои птицы. Ура! Герань понятия не имел, что со мной случилось и куда я пропала, но я радовалась, что ему хватило сил и желания позаботиться о моих питомцах. Даже несмотря на то, что вот тот бродяга, сидящий на углу улицы и зыркающий туда и сюда – явно совсем не бродяга, а шпион. И Жан тоже наверняка это понял.

Кажется, в моем мире это вообще маркер хорошего человека – доброе отношение к животным. Вот правда. Мне плевать, кто и как относится к людям – я сама не в восторге от нашего брата, – но для меня показательна чужая любовь к зверюшкам. Очень.

Когда я спустилась на улицу и пошла прочь от цветочной лавки, из нее вдруг выбежала девушка в легком платье – дочь и помощница Жана. Она рванула ко мне, сжимая в руках букет пионов, и всунула мне его в руки с криком:

– Ваш заказ! Мы помним, что вы опаздываете, поэтому вынесли навстречу! Чудесного праздника!

– Спасибо, – невозмутимо ответила я и, придиричиво оглядев цветы, кивнула: мол, принимаю работу.

Бродяга на углу не считал это подозрительным. Завернув за угол, я покопалась в цветах и нашла тяжелый латунный ключ с адресом в Верхнем городе. И записку: «Мы волнуемся за тебя, Джерри. Охота за тобой не утихает уже несколько недель. Два года я не хотел никого пускать в убежище Скользящих, но... Знаешь, если нужно будет, пользуйся. Инструкция, как попасть туда, находится на обратной стороне этого листа. И, ради неба, выбирайся из передраги, в чем бы она ни заключалась».

Люблю Жана!

* * *

В девять вечера, как и было условлено, я зашла в трактир «Голова грифона», где наша команда собиралась вновь, да еще и с прибавлением в виде Галасы Дарети.

Трактир был большой, прямо в зале росло несколько мощных деревьев, в чьих кронах прятались столики для особенных гостей: эдакий аналог приватных кабинок, но похаризматичнее. Мы как раз арендовали одно из таких мест, и я по веревочной лестнице забралась в укрытие из ветвей и листьев.

Там уже сидел Тилвас. Столик был очень низкий, традиционный. Он поднимался от деревянной платформы всего сантиметров на двадцать, так что сидеть приходилось на подушке, а не на стуле. Перед Талвани стоял кувшинчик и рюмки с горячим травяным ликером, а также глиняная мисочка с аппетитными креветками в кляре.

– Как прошел твой день? – Я опустилась на вышитую подушку рядом с аристократом и по-свойски выхватила одну креветку из промасленной шуршащей бумаги, устлавшей мисочку изнутри.

– Рука онемела, – усмехнулся Тилвас. – Так и приходилось ходить, прижимая ее к груди, чтобы прикрыть амулет – совсем как на следующее утро после нашего знакомства. Кстати, поздравляю тебя, Джереми Барк: с момента твоего покушения на мое убийство прошел ровно месяц.

– Ух ты. У меня немного теплеет на душе, когда я думаю, сколько денег Враг слил на то, чтобы оплачивать услуги наших преследователей все это время.

– И у меня. Разорим его, а потом грохнем: идеально.

– Мы очень плохие.

– Невероятно плохие, да.

– Думаю, я даже хуже тебя, Тилвас.

– Да ладно? С чего бы это, миленькая маленькая Джереми Барк?

Он улыбнулся мне, мы чокнулись рюмками с ароматным ликером. Я лениво откинулась назад, опершись затылком о шершавый ствол дерева.

– Я злая сама по себе. Как человек, безо всяких там внешних примесей вроде древнего скучающего рёхха в крови, на которого можно многое списать. И вообще: все мои нравствен-

ные принципы сводятся к одному: «Постарайся не быть стервой», но даже с ним я постоянно лажаю. Так что... – я пожала плечами.

– Если тебе повыбивать зубы, возможно, ты даже будешь не такой интересной, так что не парься, – задумчиво сказал Тилвас, и я поперхнулась новой порцией, чуть не оплевав ликером весь стол:

– Прости, что?!

Он расхохотался.

– Я имел в виду, что внешняя агрессия – часть твоего обаяния. Внутри ты хорошая.

– Это комплимент?

– Это факт.

Веревочная лесенка, ведущая на платформу, зашаталась, и к нам присоединился Мокки Бакоа. Вслед за ним с помощью специального канатного лифта поднялся поднос еще с несколькими блюдами столичной кухни.

– Где там Галаса? – с места в карьер поинтересовался вор. – Я сегодня издали последил за Полуночным братством и должен признать, что это самое омерзительное зрелище на свете. Никогда прежде я не встречал столь быстрой и безжалостной деградации двуногих существ. Мне придется купить хлыст в компанию к посоху, чтобы хоть как-то вернуть этих бестолочей обратно в рамки приличия. Я опасался, что кто-то захватит власть в мое отсутствие – но... Лучше бы захватили. Позорище.

– Ты же собирался закопать их и найти новых? – напомнил Тилвас.

– Это крайняя мера. А так: люблю давать людям последние шансы. Я, знаешь ли, добряк в душе.

Мы с Тилвасом переглянулись и, памятуя о своих репликах минутной давности, расхохотались. Мокки изогнул бровь, но не стал нас расспрашивать. Его самооценка не допускала, что мы смеемся над ним, а в остальном Бакоа давно уже смирился с тем, что его спутники – двое припадочных дуралеев.

И вот наконец явилась Галаса Дарети.

В городском интерьере целительница выглядела хмурой и потерянной. Ей явно не нравилось находиться в Пике Грёз, но она все-таки приехала сюда, чтобы помочь, и это было здорово. Галаса села за стол вместе с нами. Тилвас кратко рассказал ей о некоторых событиях последних двух недель – тех, что считал важными, – и госпожа Дарети не смогла сдержать сочувственного взгляда в мою сторону. Зато при виде Мокки ее зеленые глаза наполнились легчайшей долей то ли ехидства, то ли превосходства...

– Ты хотя бы разок попробовал улыбнуться своему узору, да, вор? Твое сердце сегодня бьется немного легче, чем прежде.

Бакоа сделал вид, что не слышит, и уткнулся острым носом в тарелку с моллюсками.

Когда трактирные часы пробили десять вечера, Галаса поднялась.

– Нам нужно идти, – сказала она. – Насколько я помню, Незримую стену Ордена можно открыть снаружи только раз в сутки: ровно в полночь.

Мы покинули трактир и под предводительством целительницы стали петлять по темным холмистым улочкам Верхнего города – центральной части столицы. Из-за непогоды и позднего часа вокруг было совсем мало прохожих. Иногда Галаса останавливалась у тех или иных уличных скульптур и старых домов и нажимала на ничем не примечательные камни в них.

Камни послушно продавливались под ее рукой и слабо мерцали. Ничего себе.

Наконец, за пять минут до полуночи, мы вчетвером оказались перед огромной стеной, плотно заросшей темно-зеленым плющом. Я вдруг поняла, что, хотя идеально знаю город и саму эту стену видела тысячи раз, никогда даже не задумывалась о том, что за ней.

Мысли просто *соскакивали*.

– Я не знаю, как нас там примут, – предупредила Галаса напоследок, уже занеся руку над финальным, видимо, волшебным камнем. – Сомневаюсь, что в Орден принято приходить вот так, без спроса.

– А там вообще кто-то будет ночью? – уточнила я.

Целительница развела руками.

– Когда сэр Айтеш рекрутировал меня, он говорил, что они работают по ночам просто потому, что он – сова.

– И мне то же самое говорил, – кивнул Тилвас.

– Давайте уже зайдем, – процедил Мокки. – Только помните: совы – хищники.

Галаса нажала на камень.

Мох на стене как будто вздохнул и зашелестел под невидимым ветром, а затем вся тяжелая каменная кладка задрожала и исчезла.

Друг за другом мы вошли в безлюдный внутренний дворик Ордена...

34
Сэр Айтеш

Vacuum horrendum.
«Наводящая ужас пустота».

Даже воздух здесь был другим.

Никакого пепла, песка и горьковатого аромата цитрусовых, как везде в Шэрхенмисте: только влажный запах земли, коры и мха, чьи зеленые озера густо затянули брусчатку двора. Когда ты наступал на них, твои ступни проваливались в теплую мягкость. Будто идешь по ковру.

В центре двора – неожиданно большого – находилось святилище рёххов.

Посвященное не кому-то конкретному из духов, а сразу всем. На каменном заборчике, окружавшем источник, были вырезаны изображения десятков духов: робкие, характерные, неподражаемые – все вместе... Они сплетались в невыносимом танце, и глаза всех рёххов были обращены прямо на зрителя.

Мы вас видим. Мы знаем, что вы можете подарить нам, смертные.

Мы хотим этого.

– М-да... – сказал Мокки, а я со вздохом процитировала старую поэму Рашвидия:

– Бед не исчислить людских, как звезд, сияющих в небе,
Или в пустынном песке незримых оку частиц –
Но перед смерти лицом, перед скукой, безвременьем бледным,
Каждая горечь сладка, как роза меж черных страниц.

На узкой длинной перекладине над источником висел медный черпак, а рядом – латунный колокольчик; в каменном углублении курились благовония – гости могли по желанию провести ритуал омовения и приветствия.

Вокруг росли кедры. Очень старые, непривычно кряжистые, они будто смотрели на нас своими уставшими морщинами. Над их кронами почти не было видно ночного неба. На ветвях висели стеклянные светильники со свечами внутри.

Никто не зажег их, и они раскачивались бесцельно.

Не считая стены с плющом, вновь бесшумно появившейся за нашими спинами, внутренний дворик опоясывали корпуса одного и того же здания. С его внутренней, ближней к нам стороны шла аркада – и сквозь многочисленные кипарисы в высоких кадках, насаженные между арок, я видела прекрасные витражные окна Ордена Сумрачной Вуали.

Темные. Пустые.

И... разбитые.

Прошлогодня листва засыпала каменную дорожку, ведущую к главному входу. Покосившаяся дверь на сорванных наполовину петлях висела как плеть. Грязная худая кошка шипела на нас и гнула спину на одном из обвалившихся подоконников, пока Тилвас не зашипел на нее в ответ, после чего животное взвизгнуло и бесшумным призраком унеслось на крышу и прочь.

Ни души. Ни духа.

– Авена всеблагая... – растерянно шепнула Галаса Дарети, оглядывая двор. – Что случилось с Орденом?..

– Кажется, сэра Айтеша сейчас мы здесь не найдем, – резюмировал Тилвас. – Разве что еще пару загадок?

Несмотря на то что мы находились на улице, от голоса Тилваса возникло эхо – оно разнеслось вокруг, потом будто заплесало между деревьев и наконец угасло. Это значило, что, какая бы судьба ни постигла Орден, его резиденция все еще была полна магии, ищущей себе воплощение. *Смысл.*

– А ну не унывать! – пристально сощурился Мокки. – Насколько я вижу, там, за разбитыми окнами, вполне себе сохранилась обстановка. Идем и попробуем сами раздобыть информацию о том, в кого должны были подселить вашего павлина, а подселили – Врага. Не знаю, кому как, а мне с самообслуживанием даже удобнее.

– Мы надеялись получить не только ответы, но еще и поддержку Ордена, вор, – строго начала Галаса, но Мокки отмахнулся от нее, как от назойливой мухи, и быстро пошел вперед.

Перед входной дверью на земле лежала каменная плита, на которой было высечено угловатое изображение лица, чью верхнюю часть скрывала темная вуаль, а губы были прикрыты ладонями, сложенными в молитвенном жесте. Когда Мокки наступил на нее, мне показалось, что плита как будто вздохнула, но никто из моих спутников, также внимательно оглядывающихся, не обратил на это внимания, и я оставила свои сомнения при себе.

Возможно, это всего лишь неверный лунный свет.

Вслед за Бакоа мы зашли в главный холл Ордена. Все затягивала паутина и пыль, характерно пахло сыростью. Книжные шкафы и картины на темных стенах взбухли от влаги и потрескались. В дальнем углу возле конторки регистратора я заметила гору тряпья и какие-то коробки – такие укрытия обычно оборудуют себе бродяги, которым негде ночевать в холода. Но ни одной живой души сейчас тут не было, а золотые и явно дорогие канделябры на высоких стойках остались в целости и сохранности... За исключением грязи и неопрятности, холл находился в полном порядке. Следы разрушений отсутствовали. Здесь не разразилось битвы, почти не орудовали вандалы.

– Такое ощущение, что Орден просто покинули, – пробормотала я. – Его могли... распустить?

– В теории, конечно, могли. – Тилвас задумчиво провел пальцами по пыльной стойке.

– Я не представляю, чтобы сэра Айтеш пошел на это, – вступила Галаса. – Вы знаете, я не любила Орден и то, что он делает. Но Айтеш верил в свое детище. Он бы не закрыл его вот так. Не бросил бы все эти богатства.

– Кто финансировал Орден, кстати? – лениво поинтересовался Мокки, чуть ли не обнюхивая золотые канделябры, но благоразумно не дотрагиваясь до них. – Я бы на месте инвесторов обязательно спросил, за каким гурхом мои деньги теперь просто валяются вот так, без дела.

– Насколько я понимаю, Сенат, – Галаса развела руками.

– Если ты про шэрхенмистский Сенат, то сенаторы бы точно уже забрали тут все, переплавили, а территорию Ордена сдали в аренду, – вскинул брови Бакоа.

– И заодно подтерли документацию, – согласился Тилвас, роясь в ящиках за конторкой. Они были полны бумаг, сургучных печатей, писчих перьев и прочих брошенных вещей. – Когда закрываются такие проекты, память о них принято закапывать как можно глубже.

– И что это значит? – нахмурилась Галаса.

– Сенат не знает, что резиденция Ордена находится в таком плачевном состоянии, – объяснила я. – И что, возможно, самого Ордена тоже нет... Кто бы ни был связующим звеном, он каким-то образом делает вид, что все в порядке. Уже достаточно долгое время.

– Почти два года, возможно, – Мокки указал пальцем на бронзовый куб календаря, лежавший на стойке регистратора.

И действительно: цифры на нем застыли на дате, соответствующей позапрошлогодней весне.

Тилвас побарабанил пальцами одной руки по локтю другой.

– Пойдемте и найдем уже местную картотеку с данными о рёххах, – предложил он.

– Разделимся, чтобы сделать это быстрее? – предложила Галаса.

Мы с Мокки невольно расфыркались, наши смешки звучали неуместно в этом пропахшем зимой здании.

– Как в книгах ужасов? – почти сочувственно уточнил вор.

– Наша жизнь – не ужасы, – возразила целительница.

– Завидую тебе, если так. Впрочем... – Мокки зевнул. – Давайте разделимся, гурх с ним.

Кто со мной?

Я хотела шагнуть вперед, но Тилвас остановил меня, покачав головой.

– Только мы с Галасой можем видеть духов, а если где-то особенно велик шанс напороться на темную сущность, то как раз в местах вроде этого. Ведь не зря бродяга, притащивший коробки, тут не остался? Хотя место по-своему уютное и явно симпатичнее вашего гильдийского квартала... – объяснил он, кивая на груды тканей в углу. – Поэтому с Мокки иду либо я, либо Галаса.

– Я пойду, – решила целительница, мягко ступая к скривившемуся Бакоа. – Мне кажется, у вашего вора так и чешется поругаться со мной о том или другом, – с доброй и чуть хитрой улыбкой продолжила она. – Грех не дать человеку шанс выговориться.

– Он со всеми хочет ругаться, не обращай внимания, – хмыкнул Тилвас.

– Разве? По-моему, вас двоих он скорее хочет съесть, если не...

– Так, мы в западный корпус, аррьо! – оборвал Бакоа и, схватив Галасу за рукав, утащил за собой в какую-то дыру в стене.

Мы с Тилвасом переглянулись и одновременно шлепнули ладонями о лицо.

– Ох, – сказал Талвани.

– Разберемся, – сказала я.

– Джерри, веришь, нет: я искренне не планировал вмешиваться в ваши с Бакоа романтические танцы с бубном. Ну да, шутил поначалу. Но не думал, что меня утянет в хоровод.

Мы зашли в восточный корпус. Зажгли по лампаде и исследовали ближайшее помещение, оказавшееся библиотекой с бесконечными книжными рядами полок из черного лакового дерева и глобусами на тяжелых подставках.

– Зато лис внутри в восторге небось? – вздохнула я.

– Конечно. Но не из-за пикантности ситуации.

– А почему?

– Знаешь, конкретно сейчас, кажется, ему просто очень приятно находиться с тобой вдвоем. Ты ему нравишься. Точнее: ты *мне* нравишься. А он так. По-братски поддерживает.

– Гхм, не подкатывай ко мне, Талвани. Не в такое время.

– А в какое, Джерри? – артефактор вдруг резко остановился. – У меня его осталось не так-то много, знаешь ли.

Поднятая лампа в руке Тилваса мигом стала похожа на допросный тюремный фонарь. В ее свете было видно практически пустой амулет двуглавого ворона на груди. Талвани слегка прищурился, пристально глядя на меня сверху вниз. Прядка густых каштановых волос привычно упала ему на лоб, и, хотя обычно Тилвас сразу поправлял её, сейчас он не шевельнулся.

– Большинство людей так и проживает всю жизнь, говоря что угодно, кроме правды, и плачет на смертном одре от того, что им не хватило смелости быть честными хотя бы с собой, – отчеканил он. – А я не хочу этого. Так что лучше я покажусь неуместным легкомысленным идиотом, но все-таки скажу, что думаю, ясно? Ты мне нравишься. Все. Делай дальше, что хочешь.

Его голос звучал гораздо резче, чем можно было ожидать.

Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга в заброшенной библиотеке Ордена. Глаза Тилваса были внимательными и сердитыми, ключицы торчали в вырезе рубашки, как восклицательные знаки. Я почувствовала, что краснею. Точнее, я бы *хотела* покраснеть. Я изо всех сил пыталась вызвать этот дурацкий румянец – это ведь должно быть плевое дело для актрисы! – чтобы Талвани увидел его и понял, как мне неловко, и боязно, и в то же время хорошо от его слов, потому что сказать все это вслух я просто не могу, а румянец – румянец бы был определенно читаемым знаком... Но моя гурхова кожа и образ жизни и впрямь, кажется, сделали из меня бешеную стерву, которой меня обозвал заклинатель, и поэтому кожа не краснела, и все тут, и я стояла молча со своим дурацким каменным лицом.

– Проехали, – наконец раздосадованно сказал артефактор и, отвернувшись, нырнул в соседний проход с книгами.

– Тилвас! – крикнула я, шагая за ним.

Гурх, скажу вслух.

Ты мне тоже нравишься, Тилвас Талвани.

Да, ты поехавший на всю голову, меня бесит твоя нескромная красота и твой беззаботный нрав, и мы уже увели наши отношения очень далеко от общепризнанной романтики, и ты – не человек, что меня пугает (ты вообще видел себя в моменты проявления пэйдарту?), но при этом, возможно, ты скоро откинешься, что пугает еще сильнее, гораздо сильнее. Однако в принципе плевать, потому что...

Я подавилась репетицией своего монолога, потому что, вывернув из-за стеллажа, увидела то же, что увидел Тилвас, остановившийся передо мной. И из-за чего теперь он стоял, понутив голову, прижав пальцы к груди и, кажется, бормоча молитву.

Здесь между книжными полками прятался проход в небольшую круглую комнату с резными панелями на стенах и высоким хрустальным куполом. Она вся была усыпана давно засохшими цветами. Всюду стояли огарки свечей. В глубоких медных чашах плавали жемчужины, призванные облегчить переход искры из царства живых на Ту Сторону, ее растворение в великой энергии унни. Лежали записки с разными почерками, местами чернила плыли от слез.

На треноге в центре комнаты стоял портрет пожилого улыбающегося мужчины, смотрящего на нас через плечо, уходящего к пустому осеннему морю. И дата: около двух лет назад.

«Я бреду по пустому берегу, где когда-то была моя жизнь.

Всё песок и волна, но замки мои останутся в памяти моря.

Разбивай или нет о скалы, а прошлого не сотрешь.

Не забыт. Не забыт. Не забыт»

В память о сэре Айтеше,

главе Ордена Сумрачной Вуали, —

гласила надпись под портретом.

* * *

– Мне так жаль, – пробормотала я, подходя к Тилвасу. – Мне так жаль...

Артефактор с горечью провел пальцами по пыльной раме.

– Мне тоже, – тихо сказал он. – Хотя я почти не знал его.

И в этот момент откуда-то из другой части здания послышался крик Галасы Дарети.

Мы бросились обратно сквозь библиотеку еще до того, как он оборвался. Мне почудилось, что мир двоится: у каждой книги и каждой полки дрожала ее призрачная копия. Со всех сторон начал слышаться тяжелый раскатистый звон колоколов. Они звучали как убийцы, как штормовая волна, поглощающая ветхую рыбацкую деревню. Пол вибрировал, дрожали стены.

Витражи в стеклах дребезжали, пока мы мчались по главному холлу. Я взвизгнула, когда почувствовала, как что-то невидимое подхватывает меня и отрывает от пола.

– Тилвас!

Он, убежавший далеко вперед, обернулся. И мгновенно преобразился: глаза полыхнули красным, заострились клыки, на кончиках пальцев заплесала пламя.

– Отпусти ее, gherkin! – прошипел Тилвас, медленно идя обратно, и на стене у него за спиной на мгновение возникла тень ощерившегося, выгнувшего спину лиса.

Неведомая сила бахнула меня об пол. Мне почудился испуганный скулеж.

– Что происходит? – охнула я, поднимаясь.

Звон колоколов отдавался в самом сердце.

– Духи! Вокруг нас – сотни духов! Что-то разбудило их! – Тилвас схватил меня за руку и потащил за собой, то и дело рыча и клацая зубами в разные стороны.

– Рёххи?..

– *Не только.*

Я не стала уточнять.

Под несмолкающий гул, окруженная ледяными потоками воздуха, чувствуя, как со всех сторон ко мне тянется костлявыми пальцами *неведомое*, я вслед за Тилвасом влетела в западный корпус Ордена.

Галаса снова закричала.

Мы оказались в круглой комнате, в чьих стенах было огромное количество ящичков с пронумерованными табличками. *Карточка*. Один из ящичков был вынут и лежал на столе в центре помещения. Возле него стояла Галаса Дарети, сжимая в руках карточку.

А Мокки застыл поодаль, возле картины, только что снятой со стены. За которой был классический сейф. Бакоа одной рукой держался за замок, а другую тянул к Галасе с выражением: «Ну эй, ну что там у тебя?»

Оба не шевелились. Не могли пошевелиться – их окутывали странные серые петли, сжавшие Мокки и Галасу на манер призрачного питона, такого огромного, что заполнил собой всю комнату. Но рот Галасы был открыт – и она, явно из последних сил, – смогла закричать третий раз.

Призрачный «питон» шевельнулся, еще сильнее сжимая жертв. Я ахнула: мне почудился треск ребер Бакоа. На самом деле я не могла бы его услышать: колокола грохотали так, что у меня из ушей шла кровь.

– *Твою мать!* – с чувством проорал Талвани, ударяя кулаком о косяк двери, в которой мы замерли. Стена треснула под его ударом.

– Что все это значит? – с трудом держась на ногах, я сплюнула кровь, наполнившую рот.

– Они разбудили какую-то охранную систему, – прорычал артефактор. – Я не знаю, что именно. Но сейчас весь Орден набит темными сущностями и неявленными призраками, а того, что держит их в неподвижности, я вообще никогда не встречал. Ни в одном трактате. Я *не знаю*, что это, Джерри. Я не знаю, как им помочь.

Я скорее догадывалась, что говорит Тилвас, глядя на его артикуляцию, чем действительно слышала его.

Острый кончик призрачного змеиного хвоста как будто погладил неподвижного Мокки по животу, и в этой потусторонней ласке было слишком много угрозы... Потом хвост подцепил цепочку со знаменитой бритвой Бакоа, и, сдернув ее с шеи вора, стал поигрывать ей тут и там перед лицом взломщика.

Темная сущность словно издевалась над вором: я убью тебя твоей же игрушкой, чужак, ты, это ты разбудил нас, поначалу ступив на плиту в саду, теперь – потянувшись к сейфу,

ты – вор,

ты – злодей,

ты заплатишь за все беды, что нагрянули на Орден жадной толпой...

– У тебя есть какой-нибудь артефакт на этот случай, Тилвас?! – заорала я, еще раз оценивая обстановку в комнате.

– Нет! Только остатки магии, прах бы ее побрал!

Говоря это, Тилвас схватил нож для бумаг с ближайшего к нам ящика картотеки и полоснул себя по предплечью. После этого вытянул раненую руку вперед, поддерживая ее второй, и, закрыв глаза, запел – так же, как делал это в Гребне Проклятых... Алая кровь, вместо того чтобы вытекать, поднималась в воздух круглыми горошинами. Глаза Тилваса горели под опущенными веками. В коридоре за нами, в красной дымке, вдруг стали проступать призрачные контуры духов с жадно трепещущими языками – боги, так вот чем полна сейчас резиденция! – но... на огромную змею магия Талвани не действовала.

Тилвас тоже почувствовал это и со стоном опустил руку. Капая на пол, его кровь дымилась. Аристократ бледнел от минуты к минуте.

– Тилвас, а мы не можем просто унести их отсюда? – напряженно предложила я.

– Я... не знаю, – он вдруг покачнулся, и я еле успела подхватить его.

– Тилвас Хлогорун Талвани! Не вздумай терять сознание!

– Да я сейчас оклемаюсь, дай минуту!

– ...Ты сказала «Талвани»?

Голос, произнесший последнюю реплику, шел откуда-то сзади.

Я вздрогнула и обернулась. Одновременно с этим призрачные колокола затихли, умолкли так резко, будто кто-то обрезал им языки. Вдруг стало гораздо легче дышать: если мгновение назад Орден был набит невидимыми тварями, то сейчас он вновь оказался пуст... Только серые контуры «питона» продолжали сжиматься вокруг наших безмолвных друзей.

Тилвас, уже вернувший себе равновесие, предостерегающе схватил меня за запястье и завел себе за спину.

Перед нами посреди коридора висел призрак.

Нормальный призрак, из «проявившихся». Из тех, что иногда селятся на заброшенных мансардах или донимают своим назойливым присутствием паломников. Чьи искры слабо мерцают в груди, боясь перейти Черту, удерживаясь по Эту Сторону силой воли, незаконченным делом, банальным страхом...

Явившееся нам привидение выглядело как пожилой мужчина, одетый в стиле позднего Средневековья. Он был тусклого серебристо-жемчужного оттенка, черты лица плохо читались, но при жизни он, безусловно, мог похвастаться холодной аристократической красотой.

– Назовитесь, – велел призрак, завладев нашим вниманием.

– Вы первый, – резко ответил Тилвас.

Как ни странно, тот послушался.

– Все зовут меня просто Страж. Я просыпаюсь, когда в Орден ступает нога чужака, и жду, пока чужак не уйдет. Обычно мое вмешательство не требуется. Но эти двое, – призрак кивнул на Мокки и Галасу. – Эти двое вслух назвали имя, чьего обладателя и чьих последователей я с трудом смог изгнать из своих владений в прошлом году. Я решил, что вы – его посланники. Я пробудил Прилив.

– Вот как? – вежливо отозвался Талвани.

Судя по смягчившейся линии плеч, артефактор пришел к тому же выводу, что и я: Страж не зол. Произошла некая ошибка. Возможно даже, Страж – на нашей стороне.

– Назовитесь, – повторил призрак, подплывая чуть ближе.

– Джереми Барк, – сказала я.

Удобно, когда тебе нечего скрывать, кроме настоящего имени, прошлого, предпочтений, мечтаний и вкусов.

– Тилвас Хлогорун Талвани, что вы в принципе уже слышали, – протянул Тилвас, внимательно оглядывая призрака с ног до головы.

– Да, – подтвердил тот. – Вы из настоящих Талвани? Из основателей Ордена?

– Сэр Айтеш говорил, что да.

– Похож... А преемника сэра Айтеша вы знаете? Нового главу Ордена? – призрак сощурился и подался вперед, и вновь мне почудилось в нем что-то знакомое.

– Нет, – покачал головой Тилвас. – Но мы будем рады, если вы скажете нам его имя. Хотя я, увидев это запустение, решил, что Орден распущен.

– *Лучше бы он был распущен*, – сказал призрак. – Новый глава уничтожил мое детище. Уничтожил все принципы. Забрал артефакты. Одним служащим стер память. Других убил. Он пытается рѣххов. Он уничтожает нашу землю. Он – искаженный, больной, искореженный ребенок, выросший в злого взрослого, играющего властью, стремящегося к боли оттого, что ничего, кроме боли, сам никогда не знал... Он хотел рѣхха. *Очень* хотел рѣхха внутри. Капризный, злой ребенок, облеченный властью. Сэр Айтеш испугался его и согласился на сделку, выбрал ему пурлушэма, отправил заклинателя. Но вместо пурлушэма внутри оказался другой рѣхх, такой же охочий до греха. Сэр Айтеш понял, что его обманывают, что это не пурлушэм. Тогда он убил сэра Айтеша... И встал во главе Ордена. Две ненасытные души в одном человеке: человеческая и рѣххова. Он думал, что хочет пыток. Крови. Мести своим врагам. Он стал использовать свою силу во зло. Он думает так до сих пор. Он находит рѣххов, которые когда-то преступили ему путь, и вселяет их в людей, и пытается, чего никогда не смог бы сделать с рѣххами в их изначальном состоянии... Он думает, что наслаждается их болью. *Иссыханием*. Но на самом деле ему не становится лучше, ведь внутри он хочет другого... Откуда растет порок? Из боли. Всегда. Всегда из боли. Он слишком порочен. Он продолжает докладывать в Сенат, будто бы все идет по плану, но на самом деле мой Орден мертв. Мертв уже два года. Я закрыл местные стены от него, от малейшего упоминания его имени. Ваши друзья в ловушке, потому что произнесли его имя вслух. Грязное, смертное, мертвое имя... Найдите способ остановить его. *Melle ef mortze qam verecundza*. Прощайте. У вас есть десять минут. *I fieria succenoff domas meas. Mortze friggides, callef tibo erioff*.

Тилвас никак не среагировал на эти старинные слова, сказанные на лакосском наречии. Возможно, он не знал перевода.

Призрак исчез. А потом исчезли очертания огромной змеи, захватившей в ловушку Галасу и Мокки. Растворились беззвучно, растаяли в пыльном воздухе забытого помещения.

Галаса ахнула, оседая на пол. Мокки, шипя, скрючился. На рубашке его проступила кровь.

– Мы слышали ваш миленький диалог сейчас. И мы нашли, – прохрипел вор, съезжая вниз вдоль стены и сплевывая кровь пополам с розовой пеной, – мы нашли имя того, в ком должен был жить пурлушэм. Это он теперь глава Ордена. Наш Враг.

– Кто он? – Тилвас поддерживал чуть не падающую Галасу, а сам глазами нет-нет да тянулся в сторону карточки в ее руке.

– Это... – начала целительница.

Но я прервала ее, рывкнув:

– Быстро на выход! На улице разберемся!

Все трое изумленно обернулись ко мне.

– Призрак говорил на древнем лакосском языке, – скороговоркой пояснила я и повторила слова призрака, переводя их на шэрхенлинг. – «*Смерть лучше стыда*. Прощайте. У вас есть десять минут. *Потом я сожгу свой дом. Смерть холодна, и я согрею ее*». Так что советую поторопиться!

– Какой-то призрак способен сжечь Орден?! – не поверил Мокки, с трудом поднимаясь на ноги.

– Не какой-то, – выдохнул Тилвас, – а мой прапрапрадед. Тулли Талвани. Создатель и вдохновитель всего местного дерьма.

– Бежим! – крикнула я.

И мы рванули прочь.

В убежище

Inter bonos bene.

«Между хорошими – все по-хорошему».

Мы успели покинуть территорию Ордена аккурат к тому моменту, когда за высокой каменной стеной что-то грохнуло, взвизгнуло, и в небо над Пиком Грёз взмыл столб темно-фиолетового дыма, обратившийся градом стекла.

Осколки витражей резиденции.

В домах вокруг тотчас началось шевеление. Зажигались лампы, потушенные на ночь, распахивались ставни. Не пройдет и нескольких минут, как здесь объявятся пожарные – каково оно, тушить место, которого официально не существует?

– Поджигатели! – крикнул кто-то, указывая пальцем на нас.

Иногда я ненавижу людей за то, сколь скоро и с каким удовольствием они выносят приговор, даже не попробовав разобраться в случившемся.

Мы четырьмя тенями мчались по холмистым полуночным улицам прочь, а криков «Поджигатели!» сзади становилось все больше. Едкий дым расплзался от невидимой резиденции Ордена, треск деревянных сводов, погибающих в огне, был слышен даже отсюда. Мокки шипел, зажимая окровавленную рубашку, и отбрыкивался от помощи Талвани, в кулаке Галасы пряталась смятая карточка с именем Врага.

– Сюда! – я поманила ребят в один из особенно узких переулков Верхнего города.

В нем и так было сложно разойтись, а цветочные кадки и деревянные бочки, выстроившиеся в ряд, и вовсе делали переулок почти непролазным. Сюда выходили задние, глухие стены окружающих частных домов, а в самом конце переулка был просто тупик.

Вспоминая текст записки, переданной мне днем, я развернула несколько стоящих в ряд горшков с цветами так, чтобы через них проходила единая волнистая линия орнамента. Потом подпрыгнула, дернула за колокольчик, висевший на краю одной из крыш, и наконец воткнула ключ из букета Жана Герани в щель в одной деревянной бочке.

Раздался скрежет, и...

Вся дальняя стена переулка отъехала в сторону, обнажая кованую решетку, а за ней – симпатичную дверь.

– Где мы? – Тилвас с сомнением посмотрел на символ из двух скрещенных отмычек, выбитых в центре потайной двери.

– В безопасном месте. Мой информатор передал мне ключ сегодня, – объяснила я, вставляя тот же ключ в заржавевший замок.

– Какой такой информатор? – снова сплюнул кровь Бакоа.

– Жан Герань. Ему можно доверять.

– Жан? Из бывшего братства Скользких? – В голосе Мокки послышались стальные нотки.

– Да, – подтвердила я.

Дверь поддалась и открылась. Петли идеально смазаны, ни скрипа.

Внутри наверх сразу вела крутая лестница. Я на ощупь поводила рукой по стене и обнаружила цепочку: дернула за нее, и под потолком с треском зажглись магические свечи в люстрах в виде круглых канделябров. Стало видно, что на лаковых лестничных перилах высечен

орнамент из птиц, все стены обшиты теплым деревом. Пахло мылом и розами. Двери наверху вели в просторные комнаты: большую кухню с круглым окном и многочисленными ящиками, набитыми разными ингредиентами и припасами; в гостиную с камином и двумя низкими диванами возле тяжелого столика на львиных ножках; в спальню с кроватью под балдахином и своей ванной комнатой; и во что-то вроде музея, полного старинных предметов искусства и оружия.

– Очень мило, Джерри, что ты знала об этом месте, но никогда прежде не заикалась о нем, – сказал Мокки, падая на кушетку и потирая ребра. – Я искал его два года.

В том, как ровно звучал его голос, таилась обида.

– Это бывшее убежище братства Скользких, – решила объяснить я Галасе Дарети, которая еще не была в курсе воровских драм прошлых лет. Заодно и Тилвас благодаря моему рассказу вспомнит эту не факт что такую уж полезную, но актуальную сейчас страницу столичной истории. – Раньше в Квартале Гильдий было три воровских общества: Полуночи, Сломанной отмычки и Скользких. После того как Мокки захватил власть в братстве Полуночи, он уничтожил две другие банды. Кого-то переманил. Других запугал и изгнал из города. Их штаб-квартиры и убежища стали новыми домами Полуночи.

– В твоих устах все это звучит не слишком привлекательно, – ворчливо отозвался Бакоа. – А я просто хотел порядка для этого города.

– Так ты еще и тиран, оказывается? – по-матерински улыбнулась Галаса, уже успевшая сходить на кухню и вернуться с какими-то лечебными травами.

– Мой приятель Жан раньше был Скользким и работал как гильдийский хранитель – хранитель убежищ, в том числе этого дома. Следил за тем, чтобы здесь всегда была еда, вода, а трофеи воров блестили как новенькие. После войны группировок он решил, что самое лучшее для него – молча уйти в закат. Потом я стала с ним общаться, как с информатором, подружилась, и вот... Узнав, что я в беде, он передал мне ключ от своего безопасного места.

– Спорим, знай он, что я с тобой, ключа бы не было? – Бакоа с омерзением глядел на то, как Галаса водит ладонями над его посиневшими ребрами и что-то шепчет.

– Они ненавидят тебя не так сильно, как ты полагаешь, – покачала головой я. – Но даже не думай прибрать это убежище к рукам. Оно останется за Жаном.

– Я могу прибрать его вместе с Жаном.

– Не смей.

Тилвас во время нашего разговора успел обойти дом, подозрительно принохиваясь и приглядываясь. Теперь он также опустился в одно из кресел, наугад пошарил рукой в тумбочке возле него и с присвистом вынул закупоренную бутылку с крепленным вишневым вином. Дорогую. Я разожгла камин. Пламя озарило светом всю комнату и заставило танцевать рисунки журавлей, выполненные на эмалированной заслонке перед камином.

– Ладно, – сказал артефактор. – Я рад, что нам есть где провести эту ночь и что Мокки уже планирует расширение владений, но... Кто наш Враг?

Галаса и Мокки как будто смутились под взглядом аристократа. Потом целительница мягко подтолкнула по столу мятую карточку из библиотеки Ордена. Тилвас взял ее и развернул, глаза его на мгновение расширились.

Я села рядом с ним и прочитала:

Клиент: сенатор Цига Лорч. Избран в Сенат, через два дня посвящен в историю Ордена Сумрачной Вуали.

Рёхх для подселения: пурлушэм.

Должность до избрания в Сенат: главный следователь Правого ведомства в Пике Волн.

Основание для подселения: показаний по состоянию здоровья нет. Но господин Лорч уже сталкивался с неизведанным в городе Зайверино, где вел дело «Резни в Зайверино» (предположительно: одержимость злобным духом; предположительно: класс опасности А; выживших после казни Хэвергри Лайсо – нет). С тех пор господин Лорч интересовался духами, в том

числе рёххами, и всюду искал следы их присутствия, а потому с большим удовольствием узнал о существовании нашего Ордена после избрания сенатором. Так как господин Цига Лорч является одним из глав государства, а также крайне заинтересован в феномене рёххов и нашем Ордене, мы соглашаемся сделать исключение и подселить рёхха пурлушэма в здорового человека. Вероятно, это повысит лояльность Сената к нашим исследованиям и позволит расширить научную программу Ордена.

Назначенный на дело заклинатель: Пэрри Шитбро

Подпись: Сэр Айтеш.

А ниже – кривой взволнованный текст:

Это не пурлушэм. Пэрри не признается, но это не пурлушэм. Он подселил в Лорча кого-то другого.

И еще ниже. Совсем быстрыми буквами, будто пытающимися убежать от кого-то:

Горфус?...

– И все-таки он... – сказал Тилвас.

Зрочки артефактора как будто вытянулись, уши словно настороженно встали торчком. Я же чувствовала, как липкий страх сковал меня по рукам и ногам.

Да, мы знали, что наш Враг – могущественен. Но все-таки сенатор, то есть одно из первых лиц государства... Как зачарованная, я смотрела на строчки: «вел дело "Резни в Зайверино"». Та сама «шишка» из Пика Волн, которую все ждали, пока я была в тюрьме. Тот самый следователь, который отдал приказ казнить неизвестную девушку, назвавшуюся моим именем и признавшуюся в убийстве студентов, чтобы поскорее закрыть это неудобное дело.

Или чтобы никто больше не искал правду? Чтобы не делиться с другими своими догадками о сущности, вселившейся в Дерека?

– Это не все, – сказала Галаса. – Перед картотекой мы с Мокки успели побывать в кабинете сэра Айтеша. Там лежала его курительная трубка. Когда я коснулась ее, мне удалось вызвать кое-какие видения из его прошлого.

– Рассказывай, – попросил Тилвас.

* * *

И Галаса рассказала.

О том, как одним холодным весенним утром в Орден Сумрачной Вуали торжественно привели новоизбранного сенатора – Цигу Лорча. Как сэр Айтеш провел для него экскурсию, с воодушевлением и внутренним трепетом рассказал про их проекты, про спасение неизлечимо больных. Показал отдел заклинателей, показал артефакты, каталоги – все на свете.

Лорч с искренним интересом слушал и признавался: он давно подозревал, что рёххи ближе, чем кажется. Что он счастлив узнать, что его подозрения оправдались, и приложит все силы, чтобы дело Ордена ширилось.

Лорч был приятным и обходительным, и когда ушел после знакомства, пообещав скоро вернуться, сэр Айтеш был очень доволен. Каждый раз он боялся, что Орден прикроют, потому что остальные сенаторы относились к нему с брезгливой опаской, то и дело заводили речь о неких «этических аспектах», а в последние годы все сокращали и сокращали финансирование... Однако новоизбранный Лорч оказался полностью на их стороне и пообещал лоббировать дело Ордена среди коллег.

Вскоре Лорч вернулся с очень хорошим чеком. Но ничего не делается просто так, и сенатор начал убеждать Айтеша, что ему тоже нужен рёхх. Свой рёхх.

– Я же должен знать, за что плачу? – ласково улыбался он. – Все великие ученые проверяют свои гипотезы на себе, в конце концов.

Он был так деликатен, так убедителен. Свежая кровь в Сенате. Деятельный, энергичный. Прекрасная улыбка. Сэр Айтеш сомневался, но...

Деньги. Даже мечтателям, даже ученым, даже лекарям нужны деньги – вот она, неприглядная истина нашей жизни.

После нескольких раундов переговоров сэр Айтеш отдал приказ подселить в Цигу Лорча рёхха пурлушэма. Павлин – замечательный выбор. Из мелких духов, но символизирует власть и почёт. Лорч был доволен.

Обряд прошел как надо, хотя заклинатель Пэрри Шитбро нервничал куда сильнее обычного, а сам Лорч после подселения не только избавился от всех, даже мельчайших хворей, но и стал выглядеть гораздо моложе, чего обычно не случалось с пациентами Ордена.

«Странно», – подумал тогда Айтеш, но не стал акцентировать на этом внимание.

Сенатор был доволен, финансирование стало щедрее, свободы – больше. Единственное – сотрудница картотеки доложила о том, что один из помощников сенатора якобы рылся в Орденских записях о других пациентах в день подселения... Но это звучало нереалистично. Скорее всего мужчина просто заблудился.

После подселения Лорч перестал приходить в Орден, а вот чеки все прибывали и прибывали. Айтеш иногда писал ему, спрашивал о самочувствии. Он посылал к Лорчу заклинателя Пэрри Шитбро для регулярных осмотров – раз они уже были знакомы, – и Пэрри каждый раз возвращался с отчетом: все хорошо, подселение прошло удачно, пурлушэм прижился.

Но Айтеш знал Пэрри много лет, он сам выбрал его из студентов университета имени Рэндона. Он видел – Пэрри врет. С сенатором что-то было не так.

К тому же по письмам стало понятно: у господина Лорча изменился почерк. Стиль речи. От его обходительности теперь веяло опасностью, как от животного, замершего перед прыжком. Газеты все чаще величали сенатора «властным» и «внушительным хищником политической арены». Иногда о его глазах почему-то говорили как о желтых, хотя Айтеш ясно помнил: они голубого цвета.

Вскоре Айтешу сообщили, что несколько прежних пациентов Ордена пропали. Три человека за неполных два месяца. А области, за которые отвечали рёххи в этих пациентах, пришли в упадок.

– Что за ерунда? – негодовал Айтеш. – Найдите их! Не могут же люди просто исчезать в цивилизованном мире! И рёххи... Что с рёххами?!

Сотрудники искали, безуспешно. А вот детективы Пика Грёз – почему-то не искали вовсе. Смотрящие бездействовали, и Айтеш стал подозревать, что это как-то связано с сенатором. А еще, что в сенаторе – совсем не пурлушэм.

Тогда сэр Айтеш начал свое расследование. Трех пропавших рёххов объединяло то, что, согласно легендам, из всех робких рёххов именно они чаще всего тем или другим образом чинили препятствия или просто попадались под горячую руку горфусу, неподражаемому. Тому, кто, по идее, уже много сотен лет находился в призрачной тюрьме далеко на севере, заточённый туда морскими духами.

Сэр Айтеш отправился к морским рёххам.

– Как там горфус? – спросил он морского конька *льофафу*.

– Э-э, горфус? Нормально, сэр.

– Он в тюрьме?

– Думаю, да, сэр.

– Думаете или да?

– Мы проверяем его раз в двадцать лет, сэр. Последний раз это было шестнадцать лет назад, и он был на месте.

Сэр Айтеш напрягся:

– Раз в двадцать лет?! Почему так редко?

– Это не редко, сэр. Для нас это часто. И, позвольте, но с учетом того, что наш эндольф в принципе оказал услугу людям и рёххам, создав ту тюрьму... И что мы одни отдувались за всех... И что прошло так много времени... Горфус же вроде нигде не объявлялся? Мы ничего не слышали о нем. А если он даже сбежал и теперь сидит ниже травы – ну так ничего страшного, сэр! Наверное, он уже раскаялся.

– Льофафу, милый, – сэр Айтеш дрожащими пальцами поправил очки, – а *как* горфус вообще мог бы сбежать, скажи мне, пожалуйста?

– Ну... – конек задумчиво скрутил-раскрутил хвост. Он начинал волноваться. Как и все морские, он не любил вмешиваться в дела земли. – В теории... Есть некоторые ритуалы... Мощные ритуалы призыва... И если, скажем, в таком ритуале по незнанию участвовал бы кто-то, имеющий дар общения с рёххами, он бы мог наладить связь с горфусом...

– Из вашей тюрьмы можно выбраться *ритуалом*?!

– Не кипятитесь, сэр Айтеш! – конек взволнованно затрепетал. – В отличие от нас с вами горфус не считает мир людей достойным внимания. То, что робкие рёххи подселяются в человеческие тела, кажется ему глупостью, а не прекрасным опытом! Даже услышь он какой-то зов, он бы не пришел, зачем ему?! А рёххи провести ритуал не могут! А что, он правда выбрался? Хотя нет, не говорите, не хочу знать: а то придется что-то с этим делать...

Сэр Айтеш тоже знал, что волк презирал людей. «Бездарные мешки мяса, начинают гнить в тот самый момент, как рождаются».

И да, неподражаемому горфусу было плевать на робких рёххов. Из них он общался только с птичкой слявкойли – и больше ни с кем.

Слявкойли... Сэр Айтеш вспомнил, как несколько лет назад отправлял новобранца Тилваса Талвани на остров Нчардирк за этой птичкой. Но юноша тогда провалил миссию, не сумев поймать птицу и разбив артефакт. Ему стерли память и, кажется, перестарались: после этого Тилвас Талвани легонько поехал кукухой – стал совершенно невыносимой бестолочью, эдаким хитрым лисом... *Стоп.*

Сэр Айтеш замер.

Что, если Тилвас не разбил амулет, а каким-то образом подселил в себя пэярту? Белого Лиса как раз уже нигде не видели несколько лет. Птичка слявкойли тогда увидела это. Донесла горфусу, тоскующему в призрачной тюрьме, и...

Тогда горфус взбесился.

Если уж его главный враг, пэярту, вселился в человека, то горфус тоже должен познать человеческую юдоль. Чтобы стать победителем, чтобы никакая пушистая дрянь не смогла его обойти. И чтобы воспользоваться всеми теми возможностями, которые дает плоть для раскрытия самых страшных пороков его бессмертной души...

Надо просто дожидаться, пока кто-нибудь, у кого есть дар, не проведет любой ритуал вызова. *И тогда откликнуться.*

Айтеш содрогнулся, подумав об этом, и – чего не случилось с ним никогда прежде – коснулся лба в молитвенном жесте.

Если горфус живет в сенаторе, нам всем конец.

Сэр Айтеш написал сенатору Лорчу, что вновь придет к нему Пэрри, чтобы тот провел профилактические обследования. Но вместо этого Айтеш воспользовался обрядом Примерки Чужого Лица и сам под личиной заклинателя явился в зимнее поместье сенатора – замок на утесе одного из далеких восточных островов.

У них вышел очень занимательный диалог... Душевная беседа нанимателя и подчиненного, которому в последнее время ставилась одна-единственная главная цель:

– Найти. Гребаного. Пэярту, – прошипел Лорч, сбрасывая со стола горы бумаг. – Это что, так сложно с учетом того, что у него на груди болтается сраный амулет?

– Я все сделаю, господин Лорч, – ошарашенно отвечал Айтеш под видом заклинателя.

А на обратном пути из замка он «заблудился». И попал в подвалы.

И пропавшие рёххи как-то удивительно удачно нашлись... *«Рёххов ведь нельзя полноценно убить, да? Развеивание не приносит им боли, – тоскливо думал сэр Айтеш, стоя перед пыточным подземельем, слыша плач своих пациентов. – Зато можно бесконечно пытаться, пока они в человеческих телах. Наслаждаться той властью, какой никогда не было у одного рёхха над другим, неважно, неподражаемый он, характерный или робкий. Гурхов садист. Бешеное животное. Боги, как я мог допустить это? И как мне от него избавиться?»*

И в этот момент кто-то шагнул к сэру Айтешу сзади и обхватил голову стальной хваткой.

– Ты просчитался, старик. Пэрри не зовет меня «господином Лорчем». Я – *Хозяин*, – шепнул сенатор перед тем, как переломить ученому шею.

* * *

Долгое время после рассказа Галасы Дарети мы сидели в молчании.

Думаю, каждого из нас утешала мысль о том, что случилось. И что случается – прямо сейчас с теми рёххами. И случится – с нами, с городом, с миром.

– Я не могла увидеть дальше, – тихо сказала целительница, – потому что жизнь сэра Айтеша оборвалась там. Но я полагаю, что сенатор Лорч выставил его смерть несчастным случаем. Вернул тело Айтеша и все его вещи в Орден. А потом сам забрал из Ордена все, что могло пригодиться для его... игр. И остальное бросил в запустении.

Тилвас полулежал в кресле, вытянув к камину свои бесконечно длинные ноги в закатанных до колена брюках. Мы все были мокрые после дождя, сопровождавшего наш побег из резиденции Ордена, и сейчас, во время рассказа Галасы, потихоньку разоблачались под уютный треск огня в камине. И пили. Кто-то чай. Кто-то не чай.

Талвани пошевелил пальцами на голых ступнях и рассеянно зачесал волосы назад ото лба.

– Что ж... Давайте думать, как мы можем разобраться с сенатором Лорчем.

– Его же методом, нет? Пыточная камера и вечное заключение? – мрачно предложил Мокки, перевязанный бинтом и раскинувшийся на кушетке так, что Галасе оставалось место на самом краешке.

И мы стали думать. Еще. И еще. Иногда безуспешно пытаюсь отвлечься на беседы или игру в карты – просто чтобы головы не взорвались.

За витражными окнами зажегся рассвет, а потом потух, переродившись в серо-комковатый весенний день без особых примет. Галаса дважды ходила на кухню, возвращаясь оттуда сначала с вяленным оленьим мясом, кумкватом и орехами, а потом – с пирожными из рисового теста и бобов. В бывшем убежище Скользких было немало припасов, и все они строго продолжали тематику старых островных традиций, что выглядело органичным, но неожиданным в целом.

Впрочем, учитывая, что хранителем убежища являлся Жан, а он всегда был затейником с острым чувством прекрасного, стилистика дома уже не казалась такой уж удивительной.

Мокки так впечатлился добычей целительницы, что даже подвинулся на кушетке: теперь они с Галасой делили ее более или менее пополам. Тилвас так и лежал на второй, только теперь окружив себя безумным количеством бумаг, в которые записывал все наши идеи и расчеты. Я предпочитала оставаться на циновке поближе к камину.

В конце концов у меня затекло все, что могло затечь. Мозг не варил.

Когда Галаса пошла на кухню третий раз – на сей раз за бодрящим зеленым чаем, чтобы дать нам еще немного энергии, – я присоединилась к ней. Целительница была какая-то нервная. Точнее... Мы все нервничали, безусловно. Но за пять лет жизни во лжи я научилась видеть, когда кто-то другой что-то скрывает. И сейчас таким человеком была Дарети.

– Галаса, вы о чем-то умалчиваете, – в лоб, хоть и тихо, сказала я, и она тяжело сглотнула. – Вы видели что-то еще, о чем не сказали нам?

Рука целительницы дрогнула, пока она наливала чай в маленькие чашечки-наперстки. Поколебавшись, она посмотрела прямо на меня и сказала:

– Нет. Я ничего не видела, Джеремя.

Конечно, она врала.

– Вы не имеете права скрывать от нас... – строго начала я, но целительница вдруг резко шикнула:

– Хватит, Джеремя! Замолчите же! – что определенно было несвойственно ее мягкому характеру.

Замерев от удивления, я смотрела, как Галаса подхватывает поднос с крохотными чайными чашечками и возвращается в гостиную.

Впрочем, пробуждающий напиток определенно запоздал. Тилвас уже отключился, как был, в кресле, закинув голову назад. Мокки свернулся на кушетке в неожиданно уютный крендель. Мы не стали их будить: план действий на ближайшие дни был уже более или менее составлен, и сейчас скорее нужно было набираться сил, которые мы слишком долго брали взаймы у самих себя, чем проводить еще несколько часов за мозговым штурмом на грани шизофрении.

Тем более нас с Талвани через пару дней ждет ритуал подселения. Мне определенно нужно было полноценно ожить к этому моменту.

– Займешь спальню? – предложила мне Галаса.

– Она ваша, – покачала головой я.

36

Ритуал

Omnia vincit amor, et nos cedamus amori.

«Все побеждает любовь, давайте и мы покоримся любви».

Я с надеждой затаила дыхание и рывком распахнула последний из кухонных ящичков. На мгновение мне показалось, что мои поиски наконец-то увенчались успехом, но...

Разочарованный стон вырвался из моей груди при виде скучного наполнения. Рис, маринованные овощи, водоросли, имбирь, черствые паровые булочки, снова рис. Да что ж такое-то.

Впрочем, я не оставляла парадоксальной надежды. Закрыла ящик и открыла вновь. *Ну вдруг что-то изменится.* Содержимое, увы, осталось прежним и совершенно не прельщало.

– Матьер всеблагая, Джерри, что ты здесь устроила?! – раздался сзади удивленный вздох Тилваса.

Я цокнула языком, оборачиваясь. Кухню заливал закатный свет из круглого окна. В его оранжевом сиянии сонный и взъерошенный Тилвас был похож на апельсиновый леденец. Я неловко пригладила волосы, обозревая учиненный мной бардак, и голым большим пальцем одной ноги зацепила за палец другой.

– Я хотела хлопья на завтрак.

Удивительно, как угрюмо прозвучал мой голос.

Тилвас едва ли не поперхнулся.

– Хлопья, – сказал он.

– Хлопья, – подтвердила я. – Мы больше месяца не были в столице. На днях мы, возможно, умрем. Хотя нет, погоди, есть шанс, что ты и я и вовсе откинемся прямо сегодня. Я хочу, гурх бы его побрал, нормально поесть напоследок!..

Я вновь рефлекторно открыла ящик – и с досадой его захлопнула.

Тилвас широко зевнул и сел на пол, выложенный лимонно-серыми мраморными плитками.

– Волнуешься перед ритуалом? – спросил он без тени насмешки.

– Да.

– Я схожу и куплю тебе хлопья.

– Не надо.

Я поморщилась, недовольная собственными капризами. Потом налила вчерашний чай в две кружки, подхватила другую еду – не такую приятную, но тоже подходящую для внеурочного завтрака, так и быть, – и пошла обратно в гостиную.

Комната все еще хранила тепло наших снов. Догорел огонь в камине, опустели чашки. Сквозь приоткрытую раздвижную дверь спальни было видно, как Галаса Дарети тщательно заправила за собой кровать, прежде чем уйти в город – ей нужно было найти ингредиенты, которые потребуются нам в борьбе с Цигой Лорчем. На кушетке, на которой спал Мокки – он тоже ушел раздобыть сведения о расписании и местонахождении сенатора, – осталась уютная ямка по форме вора.

Галаса и Мокки сказали, что вернутся к рассвету. Их миссии требовали не так много времени, но время нужно было нам с Тилвасом.

Ритуал.

Мы были настроены оптимистично, но на самом деле никто из нас не знал, каков будет исход. Ребята ушли еще до того, как Тилвас проснулся. И я видела, как Галаса нежно погладила спящего артефактора по голове на прощание. А Мокки долго стоял над ним, сложив руки на груди и глядя не мигая – жутковато! – а потом что-то прошепел и отвернулся так резко, будто Тилвас его оскорблял самым фактом своего существования.

О том, что я тоже потенциально могу умереть, если не доведу ритуал до конца, наши спутники не знали. И хорошо.

Мы с Тилвасом сидели за низким столиком, в середине которого стояла фигурка пэйярту и лежал артефакт Объединения. Я мрачно жевала подсыхшую паровую булочку, глядя в стол, мысленно повторяя шаги. Тилвас, пивший чай, выглядел пугающе спокойным. Для ритуала мы решили спуститься в подвал убежища – там была большая пустая комната. Я так и не поняла, для чего она нужна была братству Скользких. Мокки предположил, что она сигнализировала об их полной воровской несостоятельности: наверняка они предполагали, что это тоже будет трофейный зал, но трофеев не доставало.

Я поставила будильник на полночь. В полночь мы спустимся, и начнется. До полуночи можно жить спокойно.

Очень спокойно. Да. Вдох на восемь, выдох на двенадцать.

Рас-слаб-ля-ем-ся...

В напряженной тишине было слышно, как под потолком летает комар. Я, как могла, игнорировала его писк.

– Джерри, – сказал Тилвас.

Я подняла взгляд на артефактора. В его темно-серых глазах было сочувствие. Много сочувствия. Мне это не понравилось, я физически ощутила, как внутри все протестует. Он думает, что я не справлюсь? Он боится за меня? Или за себя, а сочувствует за компанию? Или просто отобразил на лице какую-то эмоцию наугад?

– Я планировал сказать это потом, но, с учетом всех рисков ритуала, лучше все-таки сейчас, – помедлив, протянул артефактор.

Если он снова скажет, что я ему нравлюсь, я разобью голову о ближайшую стену. Его голову. А потом свою.

Я и так не знаю, как пережить этот вечер. Я умею нести ответственность за себя, но мне страшно не суметь помочь другому человеку. Симпатия... Еще сильнее все усложняет. Я пытаюсь забыть о ней. Я пытаюсь быть отстраненной, отнестись к тебе, как к кому-то чуждому, а к ритуалу – как к обычной игре на театральной сцене, ты что, не видишь, Талвани, что чувства здесь будут лишними? Или тебе просто нравятся игры с чужими эмоциями, гурхов лис?

За считанные мгновения я довела себя до той стадии, что была готова жестоко рывкнуть на него, едва он произнесет хоть что-то галантное. Но Тилвас сказал совсем не то, что я ожидала.

– Я придумал, что можно сделать со схемой на твоей спине. Но идея тебе не понравится.

Гхм. В некотором роде – облегчение.

– Содрать с нее вообще всю кожу? – предположила я, протягивая руку за следующей рисовой булочкой. – Я уже думала об этом, и я не против, если это поможет.

Тилвас, кажется, был слегка ошарашен моей бесчувственностью.

– Это не поможет, – мотнув головой, наконец признал он.

Сердце у меня сжалось. Я пододвинула к себе все блюдо с этими бледными и страшными, но все же съедобными пирожками. Говорят, восемьдесят процентов людей заедает стресс. Оказалось, со мной происходит то же самое.

– Схема уже *внутри*, энергетический путь создан. Но я могу, наоборот, дополнить его новыми надрезами.

– Ах да, еще больше пыток, получается. Гениально, Тилвас, гениально!..

Никогда не знаешь, насколько ты на взводе, пока не заговоришь вслух.

– Это не лишит формулу силы, – упрямо продолжил Тилвас. – Я не могу ее деактивировать – никто не может, Джерри. И да, я уверен, что мы ликвидируем горфуса до того, как случится что-то плохое. Я лично приложу к этому все силы. Но если все-таки так случится, что Враг... захватит твоё тело, дополнительные надрезы сделают так, что твоё сознание не умрет.

Я поняла, что больше не могу есть эту пресную дрянь. Очень сочувствую древним шэр-хен, для которых рис был основой рациона.

– В смысле?

– Как рёххи в случае Орденского подселения становятся зрителями в людях, так ты будешь зрителем внутри себя.

Я сузила глаза.

– Прекрасно. То есть в случае чего я буду видеть все, что этот урод делает со мной? Как живет во мне и так далее? Ты правда считаешь, что это хорошая мысль, Тилвас?

– Да, – твердо сказал Талвани, не реагируя на стервозные нотки в моем голосе. – Потому что, пока ты жив, есть надежда и есть возможность все изменить. Тебе ли не знать, Джерри? Тюрьма в своей голове лучше смерти в мире. Это оставит тебе шанс на дальнейшую борьбу.

Не так-то приятно слышать, что волшебной таблетки не существует. Не то чтобы я надеялась, но...

– Ты можешь отказаться, конечно, – помолчав, сказал Тилвас. – Можем ничего не менять в этой схеме.

– И тогда, если вдруг у нас ничего не получится и горфус с какой-то радости в меня вселится, я умру.

– Да.

– А мое тело станет его телом.

– Да.

– И он будет свободно делать с ним что угодно. Любые злодеяния моими руками.

– Да.

– И тогда ты меня убьешь.

Тилвас не ответил, лишь вздрогнул всем телом.

– Это не вопрос, – сказала я, наклонив голову набок. – Это констатация факта.

Талвани отвел глаза.

– Да, – сказал он после паузы. – Тогда я тебя убью, Джереми.

С гулко бьющимся сердцем я взяла со стола нож и тщательно вытерла его о свою рубашку.

– Что ж, не будем доводить до подобного. Режь сейчас.

* * *

Едва Тилвас нанес последний штрих на мою спину – боги, кажется, я уже научилась не чувствовать эту боль, – гонг над камином ожил: молоток рядом с ним выдвинулся из углубления в стене, тяжело пробил полночь, а потом вернулся на место.

Не глядя друг на друга, мы собрали все нужные для ритуала инструменты и спустились в подвал.

Я положила фигурку пэйярту в юго-восточном углу зала. Тилвас зажег благовония с лавандой и шалфеем, расставил их по семи лей-линиям, что бы это ни значило. Затем он, прикусив губу от усердия, нарисовал у меня на пальцах, лбу и груди точки соком из цветов лотоса – отсюда потянутся энергетические нити зачарования. Потом Тилвас лег в центре помещения, вытянул руки вдоль тела и закрыл глаза. Вокруг него уже были отмечены стрелочки – наброски моей схемы зачарования, подсказка на случай, если у Джереми Барк отключится голова и память.

– Джерри, спасибо тебе. Даже если ни праха не получится, я хочу, чтобы ты знала: я тебе очень бла... – начал Тилвас, но я перебила:

– Нет. Поблагодаришь, когда очнешься, – и брызнула ему в лицо сонным лекарским эликсиром.

Тилвас затих. Теперь его ничто не разбудит.

Я осталась в подвале одна. Попрыгала, разминаясь, покрутила головой. Порадовалась, что очередная полезная мазь от Галасы Дарети полностью купировала боль от новых порезов на моей спине.

– Ну что, – наконец я азартно хрустнула пальцами. – Время потанцевать.

* * *

Когда я нажала центральную часть артефакта Объединения, внутри него что-то стало тихо щелкать. Щелк. Щелк.

Щелк.

Щелканье нарастало и ускорялось, пока не превратилось в безостановочную череду тревожного звука, напоминающего бой барабанов.

– Гурх, только не говори, что ты сломан... – прошептала я, чувствуя, как артефакт стремительно горячее в моих руках.

Его уже невозможно было держать, когда стук вдруг затих, зато вместо этого по подвалу пронесся шквал ледяного ветра. Он спутал мои волосы и задул все свечи. На несколько мгновений я осталась одна в кромешной темноте и тишине.

«Щелк», – нехотя раздалось последний раз, будто последний кусочек пазла встал в нужное место. Свечи нехотя, потрескивая и подергиваясь, разожглись вновь.

Теперь их пламя было пронзительно-зеленым.

А еще засветилась моя кожа – оранжевым цветом в тех местах, где Тилвас отметил энергетические линии. Я положила артефакт на грудь Талвани – он был в таком глубоком лечебном забытии, что казался мертвецом в старом склепе – и осторожно, на пробу, повела рукой, в каждый палец которой будто вживили фонарик.

В воздухе осталось пять мерцающих линий. Они повисели, переливаясь, похожие на струны из загадочной пылицы – а потом беззвучно растворились...

Работает.

Боги-хранители, я колдую.

Глубоко вздохнув, я встала на обозначенное место начала ритуала. Потом очень крепко обняла себя за плечи, будто пытаюсь утешить, и пропела заученную маг-формулу. Артефакт на груди Тилваса снова стал тихо щелкать, а фигурка лиса пэйярту в углу зала будто слегка шевельнулась.

Напевая колдовской мотив, я сделала первый скользящий шаг. Светящиеся энергетические нити потянулись за мной, дотошно показывая траекторию – любой недостаточно плавный жест тотчас был бы виден, как крохотное колебание, сбой в тончайшем узоре схемы.

Сначала мне было тяжело. По виску у меня сползала капелька пота, я изо всех сил следила за маршрутом и концентрацией, тщательно выпевала каждую гласную заклинания. Постепенно подвал заполнялся светящимся кружевом нитей, магической формулой во плоти, в центре которой возлежал бледный Тилвас Талвани.

Я не начертила еще и трети схемы, а мне уже казалось, что я не выдержу. Впереди было самое сложное – череда прыжков и кульбитов, ошибки в которых вызовут нежелательные пересечения нитей, которые, в свою очередь, станут причиной обрушения заклинания и «магической отдачи», которая чаще всего равна огромному взрыву.

Я уже чувствовала, как у меня дрожат от напряжения поджилки, боялась, что не впишусь в сальто, как вдруг... Что-то случилось.

Не во внешнем мире, нет. Во мне.

Ритуал перестал быть работой, которую я должна сделать. Сложной миссией, в которой так много надежды и рисков.

Теперь я сама *была ритуалом*. Я была танцем. Я была схемой, каждой ниточкой и каждым всполохом энергии, каждой нотой заклинания и каждым щелчком внутри артефакта, вдруг показавшимся столь похожим на пульсирующее сердце колдовства.

Не Джереми Барк исполняла ритуал. Ритуал сам исполнял ритуал.

Я была инструментом, импульсом, проводником чего-то большего. Это не были шаги, заученные мною в камере Гребня Проклятых, подсмотренные в бумагах Талвани. Эти шаги пришли откуда-то извне, и они были прекрасны.

Я стала рыбаком, тянущим сеть, сотканную из лунного сияния, полную пойманных звезд. Я слышала шепот полночной вселенной, подсказывающей, как быть. Мне чудилось, что я стою на предрассветном холме, и мимо меня летят белые лепестки цветов, подхваченные южным ветром.

Ita magnum aliquid nascitur. И так рождается нечто великое.

Вдохновение, которое всегда казалось мне эфемерным самообманом в поэмах классиков, унесло меня так далеко от реальности, что я с трудом вернулась в ощущение *здесь-и-сейчас*, когда рисунок схемы был успешно завершен.

Дрожа и мерцая, в центре зала пульсировало великолепное кружево, окружившее Тилваса Талвани, будто охранная система – бесценное сокровище. Я пропела финальную строчку заклинания, и мои пальцы перестали светиться.

Пригибаясь, чтобы не нарушить созданный узор, я проникла в центр кокона к спящему Талвани. Из-за мягкого переливчатого сияния вокруг по его лицу бродили тени, похожие на блики на поверхности подземных рек, по которым плывет одинокий лодочник с пустым фонарем. Я еще раз оглянулась на фигурку Белого Лиса, чуть светлеющую за кружевом схемы, и, выдохнув для смелости, резко сорвала с груди артефактора амулет двуглавого ворона.

– *Et domum tuam te exspectat!* – возвестила я, приложив все силы, чтобы мой голос звучал уверенно. *«Твой дом ждет тебя»*.

Тилвас продолжал спать.

Но его лицо побледнело, словно обратившись серым пергаментом. Из уголка рта потекла струйка крови, темные пятна, похожие на багряные розы, стали медленно проступать на тонкой тунике. Руки артефактора, сложенные на груди, задрожали, из груди донесся болезненный хрип, его выгнуло как одержимого, потом резко ударило обратно о каменный пол.

– Ну же! – крикнула я, в бессилии глядя на Тилваса. – Давай, пэйдарту! Час пришел! *Давай!*

И вот это случилось.

Вся построенная мною схема вспыхнула еще ярче, чем прежде, и от фигурки Белого Лиса к Тилвасу протянулся будто перевитый канат сияющих белых нитей. Как и задумывалось, фигурка из склепа Льовезов вытягивала рёхха из аристократа, действуя как магнит. С замиранием сердца я смотрела за тем, как прозрачно-голубое облачко поднимается над Тилвасом и наконец, будто сдавшись, позволяет «канату» резко утянуть себя прочь.

Все подземелье вздрогнуло. Здание над нами ощутимо трянуло, на меня посыпалась каменная крошка, свечи потухли окончательно, и по подвалу разнесся едкий запах дыма от благовоний.

Но кружево схемы продолжало гореть. И в его пульсирующем свете я увидела, как тень от статуэтки пэйдарту начинает расти в размерах. Она увеличивалась, пока не заняла всю стену, не стала больше потолка. Тень дернула хвостом, клацнула зубами, и тогда сама статуэтка вдруг

резко
открыла
глаза.

Прощание с ferkhen

Vale et memor sis mei.
«Прощай и помни обо мне».

Они сияли темно-оранжевым огнем, напоминающим лаву, еще более устрашающим, чем у Тилваса в моменты колдовства.

– Здравствуй, Джерри, – ощерился лис, поднимаясь на все четыре лапы и тоже, как и тень, увеличиваясь – до размеров крупного горного волка.

Голос пэйярту звучал как будто из-под земли. Он был низкий и раскатистый, очень древний, будто со мной говорили сами скалы и кедры, побережья и горы, ущелья и долины, составляющие Шэрхенмисту. Я вспомнила, как поразил меня голос паука оришейвы в монастыре Северного креста – но даже он по сравнению с голосом Белого Лиса был лишь тенью от тени.

– Здравствуй, пэйярту, – ответила я.

– Ты смогла вытащить меня из моего ferkhen.

Пэйярту медленно, хищно пошел по границе вокруг сияющей схемы. Мрамор, составивший статуэтку, теперь казался текучей изменчивой субстанцией: то ли водой, то ли металлом, то ли самим временем, сгущенным до одного мгновения. Мне казалось, что если пэйярту дотронется до схемы, или меня, или Тилваса, то даже легчайшее прикосновение окажется сокрушительным, как падение многотонного храма.

Воздух трещал от переизбытка силы.

– Да, пэйярту. Я смогла, – твердо сказала я. – И я прошу тебя вернуться в Тилваса вновь.

– Зачем мне это? – Лис с притворным любопытством наклонил голову.

С такой же интонацией он мог бы сказать «мне это незачем».

– Затем, что на этот раз все получится – ровно так, как должно было быть изначально. Ты видел: артефакт работает, ритуал проведен по всем правилам. Ты больше не будешь разорван, твоя душа перестанет утекать сквозь трещины в медальоне. Ты объединишься с Тилвасом по-настоящему. Клянусь.

– Я не прошу гарантий, воровка. Я спрашиваю *зачем*.

Я почувствовала, как капелька холодного пота стекает у меня по виску.

Гурх. Я не так представляла наш разговор. Точнее, я знала, что лис спросит об этом. Но я думала, пэйярту будет больше похож на Тилваса, раз столько лет они были одним целым, пусть и сломанным... Я не ожидала увидеть настолько древнюю сущность. Глухую к жизни. К состраданию.

Глухую *ко мне*.

– Твой враг, горфус. Он тоже в человеке, о чем тебе должно быть известно. Ты ведь знаешь все, что знает Тилвас, верно?

Пэйярту медленно утвердительно кивнул и белой лапой потянулся к одной из ниточек схемы. Она задрожала при его приближении, зазвенела. Она бы неминуемо порвалась, но в последний момент лис лениво убрал лапу прочь, стабилизировав плетение.

– С помощью Тилваса ты сможешь избавиться от горфуса, остановить его, – продолжала с нажимом я. – Поквитаться с врагом, причинившим вред стольким людям и рёххам.

– Мне это неинтересно.

Мне показалось, что меня ударили под дых.

– Меня не интересует месть и дела горфуса, – скучающе повторил пэярту. – Это он, Черный Волк, всегда хотел чего-то от меня. Ему нравятся боль и страдания других. Мне – нет. Если я буду в Тилвасе, мне придется бороться с горфусом. А мне этого не хочется. Зато, если я вновь буду свободным рёххом, я просто покину остров, и что будет твориться здесь, меня не касается.

– Хорошо. Предположим. Но Тилвас! Он умрет без тебя. Он погибает прямо сейчас. Ты шесть лет жил в нем. Неужели тебе не жаль его, Лис? Он был твоим домом.

– Он был моим ferkhen! – зарывав, перебил меня пэярту.

Глаза рёхха полыхнули яростью.

– Он... он не хотел, – мой голос впервые за разговор дрогнул. Я понимала, как жалко звучат эти слова, но тихое отчаяние постепенно затапливало меня – соразмерно тому, как я слышала сзади затихающие хрипы умирающего во сне Талвани.

Лис зевнул, сел и почесался задней ногой.

Он играет. Он во что-то играет, чего-то ждет от меня... Но чего?

– В конце концов, ты ведь зачем-то вселился в Тилваса тогда, на острове Нчардирк? У тебя была веская причина, верно? – мой голос стал медленно обретать прежнюю уверенность. – Чего ты хотел, пэярту? Скажи.

Лис наострил уши.

– Ты хотел познать жизнь человека, – прищурилась я, шагая к нему. – Ты хотел узнать, каково оно: жить в теле, как в тесном доме, из которого никак не выйдешь, и одновременно быть совершенно свободным – при условии, что тебе хватит смелости взять эту свободу. Быть таким маленьким по сравнению с миром – и одновременно почти всемогущим. Ошибаться и подниматься вновь. Поддаваться чувствам, мыслям, бросаться в жизнь, как в омут с головой, создавать себя и свой путь – самому... Видеть. Слышать. Обонять. Говорить. Трогать. Учиться сосуществовать с миллионами других таких, как ты. Ненавидеть. Любить. Бояться. Восторгаться. Смеяться и плакать. Ты хотел *жить*, Белый Лис. И ты все еще хочешь этого, раз сидишь здесь передо мной, а не сбежал в далекие кедровые рощи – ведь в нашем ритуале нет ничего, что держало бы тебя. Ты говоришь со мной, потому что это тебе интересно. Ты *хочешь* вернуться в Тилваса. Сам. Я зря тебя уговариваю, ведь *ты и так вернешься в Талвани*.

К концу монолога мой голос окреп.

Белый Лис ощерился.

– Какая самоуверенность, – почти выплюнул он, поднимаясь и отворачиваясь к выходу. Мое сердце будто пробило стеклянной стрелой. *Я ошиблась. Все кончено.*

Но, поднявшись на первую из ступеней подвала – тени следовали за ним, как свита, – пэярту вдруг остановился и обернулся.

– Впрочем, ты права. Я хочу вернуться в Тилваса Талвани. Но только при одном условии.

– Говори, Лис.

– Я хочу, чтобы ты дала ему то, что он ищет. От чего сама закрываешься. Не сразу. Не по принуждению. Но я хочу, чтобы ты зажгла свет.

– Я не знаю, о чем ты.

– Всё ты знаешь. В своих мыслях ты нередко называешь нас людьми, танцующими в темноте. Уставшими, спотыкающимися на каемке вечности. Людьми с дырами в груди, в которых нет ни любви, ни надежды, только долгая смерть, подкрадывающаяся из-за угла, людьми, обреченными на угасание, родившимися, чтобы исчезнуть, ничего не создав. Но я не для того становлюсь человеком, чтобы утонуть в темноте, Джереми Барк. Либо однажды ты зажжешь для Тилваса свет, либо дай ему умереть прямо сейчас – потому что время неважно, если оно оканчивается темнотой.

– Нельзя зажечь свет для кого-то другого, Лис. Мы делаем этот выбор только для себя.

- Но можно показать, где находится свет. Зажечь свой фонарь и дожждаться.
- Не факт, что другой на него пойдёт.
- Тилвас *уже* шел.
- Я не понимаю.

Глаза пэйярту горели, как огромные костры на далеких холмах, что зажигают в нóчи приветствия мертвых. Лис сидел неподвижно, как статуя. Дым благовоний, заполнявший подвал, заставлял меня дышать медленно, осторожно. У меня слезились глаза, но я не знала от чего: от едкости горящего шалфея или оттого, что наш диалог, слишком смутный, слишком обску́рный, заставлял мое сердце биться чаще.

– Я хочу дополнить историю Тилваса Талвани, которую ты знаешь, несколькими деталями, которые он опустил или исказил, – сказал лис. – Наши отношения были не такими простыми, как он рассказал вам с Мокки Бакоа.

Я кивнула.

* * *

Рассказ пэйярту

Ты уже знаешь, что Тилвас, наследник одного из самых древних родов Шэрхенмисты, родился в замке Крыло Заката. Его отец был шэрхен, но мать – из Шолоха. Леди Талвани никогда не хотела быть чьей-либо матерью, и уж точно не в таком юном возрасте – по меркам Лесного королевства. Называя вещи своими именами, они с отцом Тилваса просто сбежали из замка, когда у них родился сын, оставив его на воспитание деда, бабушки и многочисленных слуг.

«Послеродовая депрессия, надо развеяться».

Они вернулись через несколько лет, чтобы выяснить, что их мальчик «какой-то не такой». Видит то, чего нет. Незримых сущностей, населяющих Шэрхенмисту. Они хотели забрать его на материк, но дед и бабушка не отдали. Тилвас остался с ними в Крыле Заката.

Тилвас получил домашнее образование. Он рос настоящим джентльменом: изысканно одевался, говорил на семи языках, умел превосходно танцевать, цитировал древнюю поэзию и разбирался в искусствах. При этом он был угрюмым, замкнутым, молчаливым снобом. Впрочем, в своем амплуа Тилвас чувствовал себя как рыба в воде и проводил свою юность в тенистой прохладе замковых библиотек, за работой.

– Ты состарился быстрее, чем вырос, – однажды в шутку сказал дед.

Тилвас серьезно обдумал эти слова. Но нет. Нет. Ему еще предстоит вырасти. Тогда, в Крыле Заката, он закладывал фундамент своей личности – полезные привычки, изысканные манеры, но его реальная жизнь точно должна быть связана с его *даром*. Если для этого надо будет пожертвовать всем – Тилвас сделает это. Он готов к судьбе гения, хотя, судя по книгам, эта судьба всегда незавидна.

– А как же любовь? – говорила бабушка. – Как же люди?

– Я не уверен, что это моё, – рассудительно отвечал Талвани. – Мой дар – вот что важно. Ведь он дан мне не просто так? Должна быть цель, верно?

Дальше, о чем тебе известно, Джеремиа Барк, Тилвас поступил в университет имени Рэндома, на факультет заклинателей. Там он начал свою тайную охоту на незримых обитателей кампуса – в рассказе для вас с Мокки он значительно преуменьшил важность той деятельности для себя. Он буквально *жил* этим в свободное от учебы время. Также он не сказал вам, что у него не было друзей. Вообще. Тилвас был элегантным, умным, воспитанным одиночкой-ари-

стократно, держащимся отдельно от всех остальных. Может, ему было скучно с ними. Может, он презирал их – слепцов. Они завидовали его запонкам.

Только вследствие знакомства с Галасой Дарети у него появился человек, с которым он мог разговаривать больше получаса – и с удовольствием...

Когда после выпуска к нему пришел сэр Айтеш, Тилвас был счастлив. *Настоящая жизнь начинается*. Сноб-отличник в университетском джемпере наконец-то станет тем, кто делает нечто важное. Годы одиночества и замкнутости будут оплачены. *Aliquam ut faciam mirabilia*. *Пришло время творить чудеса*.

Дальше: пробное задание. Остров Нчардирк. Вежливая попытка сойтись с местными жителями: надеть их медальон на грудь, чтобы им было приятно. Охота за слявкойли. Неудачная. Падение со скалы. Подступающая смерть.

И мое появление.

Десятки и сотни лет я жил вдали от человеческих городов и не знал об Ордене Сумрачной Вуали. И да. Я *захотел* попробовать смертную юдоль. Несмотря на то что наш ритуал прошел совсем не по плану и меня расщепило между Тилвасом и амулетом, поначалу это не казалось проблемой. Я чувствовал лишь страшное, потрясающее возбуждение.

Оказывается, у воздуха имелись запах и температура. У самого меня обнаружились прекрасные пальцы, уши, ноги, тридцать два крепких белых зуба. Когда я касался предметов, я ощущал их гладкость или шершавость, жесткость или мягкость. Мир материи был моим личным подарком, и мне не терпелось его развернуть. Все шуршащие слои, один за другим.

Личность Тилваса Талвани – сосредоточенная, рафинированная – ушла на задний план при моем подселении. Я был куда сильнее испуганного умирающего мальчишки. Я затолкал его в самую глубину, в дальний угол сознания.

Сдержанный джентльмен превратился в обожающего нарушать правила весельчака. Как по мне, я позволил этому зануде наконец раскрыться.

Мы вернулись в Пик Волн. Мы обманули Орден Сумрачной Вуали. Мы зажили на полную катушку – я обнаружил в морской столице тысячи *других людей*. Это было потрясающе. Столько возможностей с каждым из них. Первое «Привет» – и ты никогда не знаешь, во что оно превратится дальше. Дружба. Флирт. Драки. Ненависть. Интриги. Игры. Партнерство. Обманы.

Из родового замка Крыло Заката мне писали, что бабушке Тилваса плохо в последнее время, стоит приехать. Но у меня не было времени и желания навещать чью-то бабку. Я дышал в унисон со столицей, я не мог оторваться от пульсирующей жизни Пика Волн.

«Ты была права, бабушка, – написал я в Крыло Заката почерком Тилваса Талвани. – Общество и люди – это прекрасно. Куда прекраснее дара».

«Я не говорила "общество". Я сказала тогда другое слово, Тилвас», – пришло от нее.

Мне было лень вспоминать.

Именно в те первые месяцы после Нчардирка родилась моя репутация «шалолая». Заслуженная.

А потом однажды после бала у наместника Исцинари я узнал, что бабушка и дедушка Тилваса умерли. Точнее, умерла бабушка, к чему все и шло. А дед выпил яд, потому что не хотел жить без нее.

«Мы любим тебя, Тилвас», – было написано в его прощальном письме. «Жаль, что ты так и не приехал», – как будто бы читалось между строк.

Я почувствовал... Я не знаю, как это описать. Ярость? Отчаяние? Стыд? Боль? Непонимание, за каким гурхом я это чувствую?

Личность Тилваса слабо билась где-то в глубине меня. Я испытывал смутное волнение, подобного которому пока не возникало у меня в нашем симбиозе, чего бы мы ни делали в столице. Я собрал вещи и поехал в Крыло Заката.

И там, едва моя нога переступила мшистый порог древнего замка, *Тилвас взбунтовался*.

Он подавил мою личность. Захватил тот круг света в голове, из которого, как мне казалось, я живу и действую с момента подселения. Как безумный, совсем не похожий на того немногословного и бесстрастного студента, каким он был раньше, Талвани промчался по замку, срывая гобелены, рыча, распугивая слуг. Он нашел невидимых сущностей, живших здесь испокон веку, тех, с кем разговаривал еще в детстве, пугая нянек, он пленил их заклинаниями, он потребовал:

– Верните их. Пусть они вернуться. Найдите их искры. *Верните их. Я приказываю вам.*

Но духи не могли помочь молодому хозяину замка.

И тогда Тилвас Талвани остановился перед старым зеркалом в замковом фойе. Он сжал медальон двуглавого ворона. Он посмотрел своему отражению – мне – в глаза.

– Пришло время тебе поработать, пэйдарту.

То, как он сказал это, заставило меня зауважать своего ferkhen, которого прежде я считал лишь телом.

Мы отправились в кедровую рощу возле бегущей воды, на скале неподалеку от замка – в таких местах, Тилвас знал это, мощь пэйдарту возрастает. Там Тилвас Талвани попробовал использовать *мою* силу, чтобы вернуть семью с Той Стороны. Деревья ломались и гнулись. Тучи нахлынули с моря, топя Шэрхенмисту в густой черноте. Со скалы вниз срывались камни, фамильный замок стонал, одна из башен обрушилась.

Ничего не вышло. Это вне человеческих сил, вне сил рёхха – вернуть погибших.

Талвани упал на камень, он рыдал, сотрясаясь, и дождь тугой серой стеной скрывал колдуна от мира.

Но пусть Тилвасу не удалось возродить мертвых, он сумел тогда сделать кое-что другое. Он достучался *до меня*. Ему было так плохо, что я, живущий в нем, будто перерождался внутри этой боли.

Тогда, на скале, Тилвас вдруг с острой ясностью понял, что люди – это действительно самое важное. Важнее дара.

А я понял, что важность людей – это не власть над ними. Не игры. Не обладание.

Важно совсем другое. Это и те, кого ты любишь.

И кого у Тилваса Талвани теперь не было. И тем более не было у меня, Белого Лиса, сколько бы веков я ни жил на земле.

Вот в тот момент мы объединились по-настоящему.

Наши личности и желания, хотя физически часть меня оставалась в медальоне, а моя память по большей части была скрыта от смертного юноши.

Одиночество сдавило меня на той скале, как тиски. Прошли долгие часы перед тем, как я наконец поднялся с камня. И тогда я почувствовал что-то странное, какую-то слабость и ужас. Я взял свой амулет двуглавого ворона и увидел, что на его внутренней стороне появилось серое пятнышко...

Бум.

Бум.

Бум.

Что-то билось в моей голове, какое-то старое знание, будто магическая книга в волшебной клетке. Я подошел к бегущей воде и, глядя в свое отражение, вдруг осознал – я не должен был колдовать, пока мы с пэйдарту не разберемся с амулетом. Я совершил огромную ошибку. Для той части меня, что спрятана в медальоне, будто перевернулись песочные часы. Посыпалось время. Стал слышен шорох, похожий на тихий, с ума сводящий шепот мёртвых из-под льда. Я знал, что, когда время кончится, мы оба умрем. Надо было что-то делать.

Только *тогда* у меня появилась цель избавиться от медальона. Я продал замок. Стал учиться артефакторству. Продолжил играть роль щеголя для всех вокруг, а сам погрузился в науку.

И, конечно, это было хорошим вектором движения.

Но беда в том, Джереми Барк, что тот свет, то простое и ясное озарение, засиявшее во мне – в нас с Тилвасом – на скале у Крыла Заката, я потушил.

Я хочу, чтобы ты зажгла его вновь.

* * *

– Это все, – сказал пэйярту.

Тень рёхха была такой огромной, что на стене подвала умещался лишь контур оскаленной морды. Я стояла внутри схемы-плетения, обняв себя за плечи. Энергетические нити уже потрескивали и иногда мигали – мы держали их слишком долго, куда дольше, чем планировалось. Тилвас в центре рисунка не шевелился. Я боялась, что, независимо от моих слов, может оказаться слишком поздно.

Талвани слишком долгое время пробыл без рёхха. Возможно, он уже мертв, и тогда все было зря, и тогда рассказ лиса о ценностях скорее походил на издевку, чем на откровение, пробившее белую шкуру древнего духа.

Пэйярту наклонил голову набок и сказал еще раз:

– Зажги свет, Джереми. Хотя бы в себе.

В этот раз интонации лиса были похожи на тон Тилваса. И не успела я ответить, как пэйярту вдруг прыгнул вперед, на меня.

Огромная белая тень, в прыжке еще выросшая в размерах. Кружево энергетических нитей затрещало и стало рваться, шипеть, распадаясь тут и там, давно потухшие свечи вспыхнули ярким рыжим пламенем, взметнувшись до потолка. Вновь раздалось настойчивое, громкое шелканье из артефакта Объединения, теперь оно становилось громче и громче до тех пор, пока весь мир не растворился в этом звуке, пугающе похожем на клцанье зубов.

«Он хочет нас убить», – пронеслась у меня в голове дикая мысль при виде распахнутой пасти пэйярту, в которой были сплошь звезды и мерцающие галактики, и я, стиснув зубы, отпрыгнула спиной назад, пытаюсь загородить собой Тилваса, но Белый Лис пролетел сквозь меня, бесплотный и неосязаемый.

Все погасло: схема, свечи, глаза рёхха.

В полной темноте я грохнулась на пол и какое-то время сидела, тяжело дыша, не понимая, что теперь. С минуту ничего не происходило, а потом я вдруг осознала, что слышу *не только свое* дыхание. Я замерла, настороженно прислушиваясь.

– Джерри? – после паузы раздался тихий, слегка ошарашенный голос Тилваса. – Это ты?

– Это я. – Я мгновенно натянула свою маску серьезности. – Кажется, все получилось.

Снова пауза. Сосредоточенная. Будто кто-то старательно проверяет целостность всех систем. Будто кто-то не уверен, на каком он свете, и в какой комплектации, и вообще – кто он. И что. И зачем. И когда. И как с этим жить. И стоит ли.

А потом наконец на выдохе:

– Получилось. Джерри... Спасибо.

Тепло, с которым было сказано последнее слово, чуть ли не заставило меня расплакаться, почувствовать себя совершенно сентиментальной душой.

А затем в черноте подвала внезапно зажглись два оранжевых глаза, и вместо слез я выругалась от неожиданности.

– О? – В голосе Талвани слышалось приятное удивление. – Кажется, теперь я идеально вижу в темноте.

И обладатель оранжевых глаз устремился в мою сторону.

38

Затишье

Aetate frui, mobili cursu fugit.

«Наслаждайся жизнью, она так быстротечна».

По плану Галаса и Мокки должны были вернуться в Убежище ровно к пяти утра. Галаса пришла за час до этого, Мокки – за полчаса. Толстая входная дверь и глухая стена здания, выходящая в переулок, не давали им ни единой подсказки о том, что творится внутри. Идет ли еще ритуал? Закончился? Жив ли Талвани?

Вор и целительница молча стояли у двери в тайный дом Скользких, не глядя друг на друга. Мокки туго сплел руки на груди и нервно притоптывал ногой по земле. Галаса присела на краешек огромной глиняной кадки с можжевельником, положила на колени свою соломенную корзину и перебирала зелья, купленные на ночном базаре. Бакоа мрачно следил за ней изподлобья.

– У меня есть плотная хлебная лепешка с морской солью. Будешь? – предложила целительница, разворачивая вощеную бумагу, в которой лежало нечто круглое и ароматное.

Мокки хотел отказаться-огрызнуться, но вместо этого вдруг повел носом, как собака.

– В Рамбле делают такие же, – сказал он. И после паузы добавил: – В детстве я ел их каждый день. Месяцами мог питаться только ими.

– Неужели они настолько вкусные? – Галаса протянула ему хлеб.

Мокки надломил лепешку и сел рядом с ней на кадку. Он смотрел на хлеб скорее с исследовательским интересом, нежели с аппетитом.

– Нет, – сказал Бакоа наконец. – Просто их бесплатно раздавали беднякам в трущобах. Я не сразу стал вором, знаешь ли.

– Знаю, – сказала Галаса, и Мокки вдруг вспомнил, что Дарети видит чужое прошлое. И иногда – будущее.

Поджав губы, он раскрошил лепешку и бросил на землю, тщательно и брезгливо отряхнув руки. Налетевшие чайки с удовольствием съели подачку.

– Ты специально ее принесла? Тебе от меня что-то надо, Галаса? – в глазах Бакоа плескалось подозрение.

– Я просто сама хотела попробовать такой хлеб, – сказала Дарети, откусывая свою половинку лепешки. И тотчас поморщилась: – Надеюсь, под водой это ощущается интереснее.

– Надейся, – едко отметил вор.

Галаса тоже покормила чаек. Синхронно они с Мокки подняли взгляд на старые часы, висевшие на столбе в конце переулочка. Еще десять минут.

«Я надеюсь, ты выживешь, придурок», – пронеслось в голове Бакоа, и он недовольно поморщился, чувствуя, как взволнованно ускоряется бег сердца.

– Мокки, тебе понравилась моя деревня? Лайстовиц? – вдруг спросила целительница.

Бакоа обернулся к ней, удивленно вскинув брови.

– Нет, – прямо ответил он. – Скучно, как в гробу. А что?

Галаса серебристо рассмеялась.

– Значит, я ошиблась. Мне казалось, что понравилась. Но, если что, для тебя вход в долину всегда свободен. Вот так выглядит руна, которую нужно начертить на скале, чтобы

открылся путь под водопадом, – она взяла руку Бакоа и пальцем нарисовала на его ладони несколько пересекающихся линий.

Прикосновение Галасы было нежным и легким, как теплое подводное течение к югу от Рамблы. С ладони целительница перешла на покрытое старыми шрамами запястье вора, на предплечье и под локоть, продолжая выводить загадочные контуры. Легкие мурашки бежали по коже Мокки Бакоа.

В первый момент он напрягся оттого, что она увидела отметины от бритвы на запястьях – свидетельства его отчаяния с тех времен, когда Мокки был слишком глуп и юн. Но везуч, ужасно везуч, раз выжил. Шрамы были настолько старыми, да еще и скрытыми под татуировкой в виде рыбы, что обычно на них никто не обращал внимания. Но когда трогаешь пальцем, да еще так трепетно, как целительница, то, конечно, чувствуешь характерные продольные линии.

Однако, когда мягкие прикосновения Галасы забрались выше, а вторая рука женщины неожиданно легла ему на лицо, Мокки напрягся уже по другой причине.

– Только не говори, что ты со мной заигрываешь! – вор гневно отпрянул. – Это было бы чересчур с учетом того, что ты первая меня раскусила. Или ты думаешь, что если я разок переспал с Джерри, то всё навсегда изменилось на хрен? Это так не работает! Это касается только Барк, и то в расширенной комплектации, – но никаких других женщин!

Галаса вновь рассмеялась. Заливисто и по-доброму.

– Я же тебе в матери гожусь, Бакоа, – с укором сказала она.

– Тогда какого гурха? – вор обвинительно нахмурился и потрогал свое лицо.

В предрассветном сумраке следы от пальцев Галасы слегка серебрились, образуя странный узор. Не слишком-то похоже на одну-единственную руну для входа в Лайстовиц.

– Ты хороший человек, Мокки. Лучше, чем хочешь казаться. Иногда это небезопасно. – Галаса смотрела ему прямо в глаза.

У нее был обреченно-открытый взгляд человека, который сделал все, что мог, но знает, что этого недостаточно. У мамы Мокки был такой же взгляд каждый раз, когда она возвращалась после рабочей смены и пересчитывала полученные деньги. С каждым днем их становилось меньше сообразно тому, как госпожа Бакоа слабела из-за долгой, мучительной болезни. В восемь лет Мокки ушел из дома, чтобы в большой семье стало меньше ртов. Вот *тогда* в Рамбле появился новый вор.

Мокки чувствовал легкое жжение в руке и на лице. Какого гурха!.. Он сощурился, готовясь к проведению внепланового допроса – если понадобится, умеренно-неприятного, но в этот момент вдали прозвенел монастырский гонг, отмечающий пять утра.

И одновременно с тем дверь Убежища распахнулась. Чайки, доедающие последние крохи морского хлеба, недовольно разорались и растопырили крылья, как щиты.

На пороге стояла Джерри. Изможденная, с огромными темными кругами вокруг своих выразительных глаз, с синими волосами, свободно рассыпавшимися по спине. Несмотря на разбитые костяшки и колени, порез на лице и синяки на плечах, она, как всегда, выглядела слишком изысканной для этого города. Что-то сжалось у Мокки в горле. И от того, как она была красива, и от того, что Джерри вышла к ним одна, а значит...

Мокки чувствовал, как дробно у него колотятся от напряжения зубы.

Но вот Барк интенсивно потерла глаза, будто спохватившись, что появилась с неподходящей гримасой. Когда она убрала ладони, на ее обычно строгом лице была непривычно широкая улыбка, хоть и дрожащая от усталости.

– Все получилось, – сказала она.

* * *

– Без своего амулета ты как будто голый, – сказал Мокки.

– Выпьем за это! – хмыкнул Тилвас.

Мы вчетвером сидели на покатой крыше убежища. Если бы кто-то из нас вдруг съехал вниз из-за недостаточного трения, он бы затормозил на краю, загибающемся, как вафля. Крыши соседних домов были такими же волнистыми по бокам. В промежутках между ними виднелись мокрые после дождя, умытые улочки столичных кварталов. Черное дерево, псевдобумажные фонари, святилища, кедры. Бочки, бродяги, бакланы, безнадежно клюющие брусчатку – вдруг найдут крошки чего-нибудь вкусного.

Светало.

Красное солнце медленно выползло из-за короны скал и постепенно заливало красками город – за улицей улицу. Еще вчера мне думалось, красный – это в первую очередь цвет крови. Сейчас, после ритуала, он казался скорее цветом победы и губ, перепачканных в вишневом вине.

Слушая перебранку Тилваса и Мокки, деликатное и улыбчивое молчание Галасы, я опустилась на спину, устроив бокал на животе. Из-за наклона крыши получилось, что я лежу под углом градусов двадцать. Небо росчерками измеряли чайки. Из соседнего переулочка повеяло запахом крепкого жасминового чая – работяги Пика Грёз один за другим просыпались для нового рабочего дня.

– И что, ты теперь умеешь превращаться в лиса?

– Я *и есть* лис, Бакоа.

– Ничего подобного. Две руки, две ноги, никакого хвоста – я все еще вижу человека. *Est impossibile celare hominem!* Не скрыть мужчину!

Я аж подавилась, услышав, как Мокки цитирует стихотворную строчку родом из прошлого тысячелетия. Приподнялась на локтях, приподняла бровь.

Вор пожал плечами в ответ на мое удивление и подмигнул.

– Джерри, наивно думать, что за годы нашего знакомства я не нахватался у тебя громких фраз.

– Предлагаю тебе тогда вернуться в гильдийский квартал с проповедью на каком-нибудь мертвом языке, – хмыкнула я. – Это будет впечатляюще. Могу подогнать пару текстов. Все, кто сейчас покушается на власть в братстве Полуночи, мгновенно передумают скалиться на Рыбью Косточку.

Мокки, казалось, призадумался, а Тилвас панибратски взъерошил вору волосы с азартным:

– Мокки, кто из нас быстрее доберется до Колокольни Судного Знамени, ты или я? – и, не дожидаясь ответа, сиганул вверх и дальше по кромке здания.

Легкий, быстрый, вполне себе человек – если не считать слишком хищной и самовольной тени, у которой то и дело мерещились лисьи уши. И чересчур плавных движений, гладкой кожи, блестящих глаз, в которые не получалось смотреть долго – зрачки затягивали, как колодцы, и голова начинала кружиться.

Да и вообще: после ритуала Тилвас стал выглядеть еще лучше, чем раньше. С учетом его исходных внешних данных это был повод не для комплиментов, а для опасений: слишком красивые люди – это чаще проблема, чем радость. Как мы его маскировать теперь будем? Не очень-то удобно жить рядом с солнцем: потянутся фанатики, отбивайся от них...

Полчаса назад я уже успела поворчать на эту тему, но Тилвас тогда решил, что я просто лыщу и лащусь к нему, а Мокки меня обсмеял.

– Не тебе, – фыркнул он, – Джереми Барк, высказывать такие опасения. Ты даже вся в своих синяках, порезах и после ряда бессонных ночей выглядишь прельстительной наядой, беспутно увлекающей моряков в свои соблазнительные сети. Но я пять лет рядом с тобой как-то выдержал, пусть и чувствую себя иногда каким-то недоразвитым драконенком со слишком остро торчащими косточками. Злым мальчиком, играющим в ножи и рыбы скелеты на пустынной отмели подводного моря. Подонком с полным ассортиментом грехов и психических отклонений, которые, как черное пятно от огня, расползаются по театральной афише твоей красоты.

Судя по длине и общему колориту фразы, Мокки уже тогда нехило наклюкался.

А сейчас, глядя в спину ускользавшему Талвани, он уверенно сказал:

– Подержи-ка мое вино.

Он всунул бокал Галасе Дарети и, хрустнув пальцами, во весь рост поднялся на шершавой черепице.

Я не стала его останавливать. С крышами Пика Грёз Мокки не то что на «ты», они – его органическое продолжение, свита истинного короля, и Мокки может танцевать, кувыркаться и гулять по ним в любом состоянии. Все местные кошки – его враги, а он – захватчик.

Я снова села, взяла с тарелки сыр с плесенью (какой-то редкий, незнакомый мне сорт, очень надеюсь, что плесень на нем тоже *по замыслу*).

Когда вор растворился в рассветных тенях, мы с Галасой Дарети остались вдвоем.

– А он вам теперь доверяет, – отметила я, кивая на бокал. – Не столь важно, о чем именно попросил Мокки, важно, что в принципе попросил.

– Нет, вряд ли доверяет, – она покачала головой. – Хотя час назад я умудрилась сравнить себя с его матерью, и он, возможно, подсознательно впечатлился и согласился.

Сначала я удивилась, потом обдумала это и кивнула.

– Вы отчитали его в нашу первую встречу, а потом то кормили, то лечили, то укладывали спать. Пожалуй, ваше предположение звучит не столь уж безумно.

Галаса тихо грустно рассмеялась.

– Сколько вам лет? – спросила я.

– Достаточно, чтобы не пить это дешевое вино, – она с укором поболтала бутылкой. – И чтобы иметь смелость признать, что вообще-то я хочу спать в шесть утра, а не встречать рассвет на крыше.

Я глотнула вина. Да ладно. Не такое уж и дурное.

– А как насчет смелости сказать, о чем вы умолчали касательно своих видений?

Мой голос был столь спокоен, что волна боли и холода, плеснувшая в меня от Галасы, оказалась действительно неожиданной.

– Спокойной ночи, Джереми, – просто сказала она, поднимаясь и направляясь к люку.

Я осталась сидеть на крыше одна.

Эти два олуха вернулись одновременно. Причем оба так хитро улыбались, что каждый, кажется, успел поддаться по дороге второму и теперь в душе чувствовал себя великодушным победителем гонки. Неплохая, очень вежливая тактика.

Мокки лег, положив голову мне на колени. Мне нравилось, что он смотрит куда-то вдаль, на светлеющие крыши квартала. Я могла без стеснения перебирать его волосы между пальцами, чего наверняка не случилось бы, смотри он на меня в упор своим безумным взглядом. Мне было бы неловко. А так – мало ли, вдруг я задумалась. И он – вдруг тоже задумался. И эти мурашки на шее, и сбивчивое дыхание – *не спугнуть ее* – просто... просто так. И никто не осознает происходящее, вот и все. Фоновый процесс, а не обоюдная тихая радость.

Тилвас сидел со мной спина к спине. Мне нравилось, что я могу закинуть голову назад и почувствовать под затылком его крепкое плечо, и как его каштановые волосы щекочут мне

щеку, и как он, повернувшись, дурачится, дуя мне в ухо уголком рта. Мне нравилось, что моя правая рука и его левая рука переплелись, опущенные на черепицу.

Мне вообще все нравилось, в кои-то веки.

– Жить хорошо, – будто озвучил мои мысли Талвани, и Бакоа что-то невнятно, но одоб- рительно проворчал.

Мы валялись на крыше до тех пор, пока окончательно взошедшее солнце не стало неми- лосердно поджаривать нас, троих гурховых грешников, а идея о том, что нас вообще-то могут найти, не пробралась в расслабленные мысли.

Тогда Тилвас поднялся, размахнулся и изо всех сил швырнул амулет с двуглавым воро- ном. Тот пролетел через узкий проулок между двумя соседними зданиями и с громким плес- ком ухнул в фонтан на соседней улице. Чайки, сидевшие на парапете, страшно выругались. А потом взлетели и целой стаей направились к нам, чтобы, видимо, отчитать еще раз, поближе. Или оскорбить действием.

Пришлось, хохоча и спотыкаясь, прятаться в доме. В убежище.

– Нет, без вариантов, – сладко зевнул Мокки перед сном, ужом ввинчиваясь под одеяло. – Я *хочу* этот дом себе. Все закончится – пойдем на переговоры с Жаном.

Морские рёххи

Bella gerunt mures, ubi cattum non habet aedes.

«Мыши воюют, когда в доме нет кошки».

Когда я проснулась и пришла на кухню убежища, готовая к новому этапу работы над нашим планом борьбы с сенатором, трое моих спутников встретили меня напряженным молчанием.

– Что? – спросила я.

Тилвас молча подтолкнул ко мне свежую газету. Две заметки в ней были обведены красным цветом.

Первая гласила:

«Преступный элемент, известный под именем Рыбья Косточка, погиб в пожаре, разразившемся в центре Верхнего города. Власти полагают, что вор покусился на редкие ценности, хранившиеся в древнем архитектурном комплексе. Остается загадкой, что вызвало пожар, но Р.К. сгорел там же, попав в огненную ловушку. Все, что осталось от вора, – его знаменитая цепочка с гравированной бритвой.

Наш человек в департаменте стражи сообщил, что Р.К. все эти годы плотно сотрудничал с властями Пика Грёз. Р.К. выдавал страже секреты и тактики своих конкурентов из преступного мира в обмен на свою безопасность и некоторые поблажки, даруемые братству Полночи, которое он возглавлял. Именно это во многом обеспечивало долгий «карьерный» успех Р.К. "К счастью, у нас есть и другие информаторы в квартале Гильдий", – сообщает источник».

– Кхм... – только и выдавила я.

Они назвали Мокки предателем. На всю страну объявили «крысой», которой он никогда не был.

К статье было приложено изображение бритвы Бакоа с выгравированной на ней строчкой стихотворения на дольнем языке. Эту бритву знал каждый в Квартале Гильдий, равно как и то, что Мокки с ней не расстанется по доброй воле. Эту же бритву снял с вора призрачный змей в Ордене Сумрачной Вуали.

Я перевела взгляд на Мокки. Он развалился на кухонном стуле так намеренно беспечно, что, казалось, у него сегодня выходной, и завтра выходной, и вообще – вся жизнь полна сплошных выходных, а любимый цвет – несомненно, розовый.

– Плохая новость, – сказала я, еще раз оценив статью.

– Я бы вообще не назвал это новостью, – бесстрастно прокомментировал Бакоа. – Считай, это разрешение на бойню в Квартале Гильдий. Все и всё, к чему я когда-либо прикасался, сейчас окажется под сомнением. А когда большое количество оставшихся без контроля преступников сомневаются, погодные маги предсказывают дождь из оружия, запрещенных веществ и трупов. Ровным счетом ничего хорошего. Мне надо скорее вернуться к работе, пока не стало слишком поздно.

Зная, что Квартал Гильдий – шаткое место, будто выстроенное из фишек домино, а Мокки уже больше месяца не было на месте, что и так породило слухи и дестабилизировало обстановку, я не была уверена в том, что успех вообще возможен. Когда начнется резня среди

воров за освободившееся место шефа, то она эхом прокатится и по остальным братствам: ассасинов, охотников, бойцов, черных торговцев, виноделов, наслаждений...

Кроме того, обвинение в крысятничестве детективам – это очень, очень грязно. Квартал Гильдий всегда был сам по себе, город в городе, покупавший себе право на «сумеречную свободу» большим количеством анонимных взносов в казну. В нем действовал определенный кодекс чести: да, мы ублюдки, но все проблемы мы решаем между собой, спите спокойно, честные горожане.

Газетное сообщение поколеблет эти принципы. Разочарованные гильдии сожрут сами себя.

Я посмотрела на вторую обведенную заметку. Когда я прочитала ее, мне подурнело – ноги ослабели, и я непроизвольно вцепилась в угол столешницы, изо всех сил стискивая зубы, чтобы не взвыть.

Очень сухо и коротко заметка сообщала, что сегодня на рассвете в саду «одной приличной семьи, проживающей в Пике Волн в частном доме неподалеку от озера Истинных Намерений» нашли десять белых мертвых лисиц с вырванными сердцами. Лисы были повешены на раскидистом буке, их сердца разбросаны по газону, а кровью кто-то написал на крыльце:

«Иди ко мне».

«Чета Л. клянется, что не имеет никакого отношения к убийству редких животных. Ведется следствие», – заканчивалась заметка.

Чета Л. *Лайсо*. Старый раскидистый бук, на котором я так любила читать в детстве. *Горфус угрожает моей семье*.

– Это... неприятно, – только и смогла, что хрипло выдохнуть я.

* * *

– Птички нашептали мне, что сенатор Цига Лорч сейчас находится в своей островной резиденции. И пробудет там до конца недели, – сообщил Бакоа. – В пятницу у него состоится закрытый прием-маскарад для небольшого количества шишек из правительства. Вот список гостей и наемных работников.

Судя по разбитому носу Мокки Бакоа, «птички» активно сопротивлялись выдаче данных.

А еще Мокки зачем-то проколол язык. Как прокомментировать это крайне спонтанное решение, я не знала. Металлический шарик теперь был виден всякий раз, когда вор открывал рот.

Судя по всему, это была своеобразная замена утерянной бритве. Ведь значительная часть вещей, которыми мы себя окружаем, важны не сами по себе, а скорее как символы чего-то, как артефакты... У Мокки больше не было бритвы, не было смысла покупать такую же, гравировать на ней ту же фразу – это было бы оскорблением потерянной подруги.

Но дыра в груди – эта вечная, незаполняемая дыра в Бакоа, видимая во всех его действиях, во всех его контактах с миром, – требовала восполнить дорогую потерю. И как можно скорее.

Галаса и Тилвас тоже уставились на неожиданный аксессуар Бакоа, но не сказали ни слова. Мы вообще не особенно разговаривали в эти дни, только по поводу плана. Я чувствовала себя как в тумане, снова и снова перечитывая одну и ту же долбаную газетную заметку. Я знала, что лучшее и единственное, что я могу сделать – это как можно скорее избавиться от врага. Но мне все равно было страшно, и этот страх холодил кровь в жилах и мешал сосредоточиться.

– Сколько по времени добираться до резиденции? – спросил Талвани.

– Отсюда – трое суток, – отозвался Бакоа.

– Хм. Как раз успеем к пятнице, если заложить еще один день на подготовку на местности.

– Не лучше ли сделать все после приема? – подала голос целительница. – Будет гораздо меньше охраны и...

– Нет, – хором перебили мы ее.

Получилось жестко. Даже агрессивно. Воцарилось молчание.

– Время имеет значение, – чуть мягче добавил Тилвас.

– Я знаю, – отозвалась Дарети и больше не возражала.

После полуночи мы покинули убежище.

Маленький островок, на котором располагался замок сенатора, целиком принадлежал Циге Лорчу. Он находился в море к востоку от острова Рэй-Шнарр, неподалеку от дабаторского побережья. Портовая деревушка, из которой можно было добраться до острова, носила красивое название – Приливная Волна. В резиденцию сенатора, конечно же, не ходил общественный транспорт, однако перед приемом организовали пару специальных корабликов для гостей и работников праздника.

После того как мы прибыли в Приливную Волну, у нас оставалось две ночи до приема у Циги Лорча. Мы не рискнули провести их в деревне. Скорее всего, сенатор сейчас усилил меры по нашим поискам, а попасться накануне главного действия было бы слишком глупо. Так что мы устроили стоянку на лоне природы, в прибрежном сосновом лесу, примыкающем к скалам.

Это было очень красивое место.

На вулканическом пляже росли вековые сосны-гиганты. Они стояли редко – им всем требовалось много места для жизни, для всего того опыта, корней и воспоминаний, что хранило каждое дерево. Между соснами торчали длинные, тонкие скалы, похожие на пальцы мертвецов. Они были такими же черными, как песок под ногами. В нем копошились морские черепахи, чахли редкие колючие кустарники с зелеными, пока неспелыми ягодами оранжевики.

Черный и темно-зеленый – всего два цвета раскатывались на несколько миль прибрежной полосы, до самого порта. Здесь удивительно легко дышалось, в этом просторном и странном лесу. Смотришь вверх, ты видишь игольчатые ветви деревьев. Смотришь вниз – свои поразительно белые ноги на фоне шишек, камней и пепельных песков. Смотришь прямо – темное море на горизонте.

Вчетвером мы долго сидели вокруг костра. Он потрескивал, да так успокаивающе, что казалось, мы просто выбрались на природу. Меня радовало, что здесь нас ждет целых две ночи.

Возможно, последние две в нашей жизни.

Мне было страшно ехать к горфусу. Я хотела этого. Очень хотела покончить со всем этим. Но я боялась, и мой страх заставлял меня делать две вещи сразу: буквально деревенеть при любом взгляде в сторону порта и тревожно огрызаться на любые просьбы, и одновременно чувствовать величайшую *ценность* каждого спокойного момента. По моей душе разливалось тепло всякий раз, когда я обращала внимание на крохотные мирные детали – а я следила за ними, как коршун, в эти два дня.

Ведь никто не любит жизнь так, как приговоренный, стоящий на эшафоте.

Мне нравилось то, какими зелеными становились кончики пальцев у Галасы Дарети, когда она приходила в лагерь, собрав пучок целебных трав. Как Тилвас, жаря над костром мясо, рассказывал какую-нибудь историю, изящно балансирующую между жанрами ужасов и анекдотов, и, смеясь, расслабленно закидывал голову назад, а в его серых глазах так и плясали лукавые искорки. Как нахохлившийся Мокки возвращался с охоты, закинув за плечо тушки фазанов, и уже издали начинал костерить нас по какому-нибудь совершенно дурацкому поводу, делая это так виртуозно, что мы заслушивались.

Я смотрела на Мокки с Тилвасом и думала о наших странных отношениях. Я не знала, куда они нас заведут и сколько продлятся, но сейчас я была счастлива в них. И одновременно

подозревала, что значительная часть общества, узнай она о нас, попробовала бы нас линчевать за такие эксперименты.

Жаль, что и в наши дни столь немногие (каких бы они сами ни придерживались взглядов, строгих или свободных, ведь огребают и те, и эти) готовы позволить другим отличаться. Готовы признать чужую правду не угрожающей им самим. Позволить каждому приобрести свой опыт. Прожить свою жизнь.

Как по мне: было бы лучше, если бы все мы чаще думали о том, за что мы выступаем, а не против чего.

Мне вспомнился наш квест в замке Льовезов. Тилвас сказал тогда, что тоже не любит свадьбы, и утром, пока мы брели сквозь лес и мне было очень худо от яда цавраску, я спросила почему – пыталась отвлечься от собственного плачевного состояния.

– Как и ты, Джерри, я не люблю момент принесения клятвы, – артефактор пожал плечами. – Я ненавижу ложь.

– Почему обязательно ложь?

– Потому что никто не может гарантировать, что будет любить другого человека всю жизнь. Обязательства – это одно. Чувство – другое. Бесчеловечно и глупо смешивать их в одном обряде.

Мокки шурувал где-то далеко впереди, выискивая нам лучший путь, а мы с Тилвасом брели еле-еле из-за моего дурацкого самочувствия.

Я усмехнулась.

– А ты вообще знаешь, что такое любовь, Тилвас Талвани?

– Я знаю, что самые сильные истории о любви, которые остаются в веках и заставляют наши сердца биться быстрее, – это трагедии, как бы прискорбно это ни звучало. И еще я знаю, что рамки, в которые общество пытается запихнуть любовь, чтобы ему, обществу, было удобнее, очень часто не соответствуют чувствам, которые в нас бурлят.

– Так ты против традиционных ценностей?

– Вовсе нет. Я во многом их разделяю. Но при этом я не люблю навязывание каких-либо ценностей вообще под знаком того, что они хороши, а остальные – ужасны. Ведь агрессивное навязывание чего-либо не происходит из добрых побуждений, знаешь ли. Скорее – из страха. И в этом плане мне не нравятся любые фанатичные взгляды, любые крайности, попытки принизить кого-либо за его интересы, обозвать «аморальным развратником» или «узколобым консерватором», выгнать из общества, оскорбить... Нет. Как по мне: живи, дай жить другим и имей смелость признать, что каждый имеет свободу выбора. Всё.

Я помолчала. А потом кивнула:

– Согласна.

...И вот теперь все уже легли спать, а я не могла уснуть.

Я лежала на спине, глядя в небо. По всей его бархатно-черной шире, обрамленной кружевом сосен, горели огромные, особенно яркие вдали от столицы созвездия Северного Креста. Иногда сверху сыпались древесные иголки. Потрескивали последние угольки в костре.

Вдруг краем глаза я заметила шевеление. Покосившись в ту сторону, я увидела, что Тилвас бесшумно поднялся со своего места и молча уходит между сосен к морю.

Хм, хорошо.

Но когда аристократ не вернулся через полчаса, а потом через час – звезды и луна сместились достаточно сильно, – я нахмурилась и тоже встала. Направилась туда же, прихватив нож.

В отличие от Талвани я не видела в темноте, но света с ясного ночного неба мне хватало, чтобы не врезаться в каждую скалу на пути. Поэтому я медленно, но уверенно брела к пляжу, а потом замерла и беззвучно ахнула.

Впереди между деревьями мелькнул серебристо-белый силуэт. Слишком стремительный, слишком легкий для обычного животного. Изумительный прыжок – и он растворился где-то в темноте. И снова – р-р-раз, мелькнул слегка светящийся хвост вдали, а потом – пустота.

Он действительно умеет превращаться?

Теперь я стала не то чтобы идти, но *красться*. Мне хотелось посмотреть на пэйярту поближе, однако не выдавая своего присутствия. Еще дважды впереди, все ближе и ближе к морю, мелькал призрачный лисий силуэт, а потом не появлялся очень долго.

Я дошла до последнего ряда скал и сосен перед пляжем и выглянула из-за одного из каменных пальцев. Наверное, лис носится по всей отмели, как угорелая дворняга, – это вполне в духе Талвани. Или умчался куда-нибудь далеко вперед, выть-рычать на луну, вот его и не видно.

Но на первый взгляд пляж был пуст. Я села на песок спиной к камню и стала внимательнее осматривать пейзаж.

Мирно дышало ночное море. Поблескивал в воде планктон, черепахи шебуршились в песке. Далеко справа горели редкие огоньки рыбацких лодок – говорят, по ночам лучше всего ловить мерцающих рыб, которые исполняют желания. Я повернула голову, вытянула шею и прищурилась, старательно вглядывалась в спокойную поверхность моря. Вдруг лис умеет бегать по воде? Но нет, тишина...

Тогда я отвернулась обратно. И тотчас судорожно вдохнула, обнаружив, что прямо перед мной на песке сидит светящийся белый лис. Прямо впритык. Лапки почти касаются моих скрещенных ног. Белая голова с интересом склонилась набок, оранжевые глаза поблескивают из-под ресниц.

– Тилвас, – с укором пророкотала я. – Какого гурха?

– Это ведь ты за мной следила? – весело осклабился лис.

– Потому что я боялась, что тебя поймали.

– Но когда поняла, что нет, все равно ведь продолжила.

Лис улыбнулся еще хитрее, еще шире. У лиса-Тилваса был куда менее устрашающий облик, чем у «чистого» пэйярту, с которым я общалась во время ритуала. Тилвас был скорее... приятным. Не очень крупный. С пушистым хвостом. Глаза горят, но это не оранжевый цвет мести, а скорее напоминание о горящем очаге в далеких северных государствах. У лиса были аккуратные коготки и такая мягкая шерстка, что я не удержалась и, протянув руку, погладила его по богатому меховому «воротнику».

– Пф! – сказал Тилвас, уклоняясь.

– Напугал меня – теперь терпи. В качестве компенсации. Люблю животных, – строго сказала я.

– Я не хотел тебя напугать. Клянусь.

– Ну да, конечно.

– Конечно да! Честному слову пэйярту всегда можно верить, ты же это знаешь, Джерри. Сборники легенд не так бессмысленны, как можно подумать.

На третьем поглаживании он уже не стал уклоняться. Наоборот, подвинулся поближе, а потом и вовсе лег у моих ног, свернувшись калачиком и ткнувшись острым носом в изгиб колена.

Было здорово так сидеть. Как будто бы я – не я, а простая девчонка с ручным зверьком, которая ночью пошла полюбоваться на море. Как будто сейчас мы насладимся пейзажем, потом поспим, а утром примемся за суровый ежедневный труд, коим полнятся жизни жителей прибрежных деревень. Я бы чистила рыбу, зверек возился в ногах, мешая работать и надеясь, что ему что-нибудь перепадет. Потом рынок. Весь день в делах. Простой, но вкусный ужин, какие-нибудь там ухажеры. Лавка для сна, укрытая одеялом. И все по новой.

Безыскусная жизнь, о которой приятно погрезить минуту-другую, но которую я ни при каких обстоятельствах не хотела бы проживать. И не буду.

– А какие еще способности у тебя теперь есть, кроме превращения в лиса? – спросила я, потрепав Талвани за ухом. Он, кажется, успел задремать.

Пэйярту сладко зевнул и выпустил-втянул когти.

– По большей части я просто очень хорошо колдую, – сказал он. – Разные боевые и защитные вязи – это прямо мое. И, конечно, все, что связано с животными, духами и сущностями. Мой бывший профиль – заклинательство – снова со мной, помноженное на мощь пэйярту. Встретим нежить – нежити конец. А еще я могу наводить чары, хотя это будет сравнимо с человеческим колдовством высокого уровня. Например, Галаса Дарети очень хороша в иллюзиях: можно будет как-нибудь устроить с ней соревнование, проверить, кто из нас все-таки искуснее. А еще теперь я могу воровать, – лисья морда вдруг расплылась в ухмылке.

Я вопросительно приподняла бровь.

Я подумала, сейчас будет какая-нибудь шутка на тему того, что люди не обращают внимания на симпатичных белых лисов, поэтому Тилвас сможет срывать у них кошельки в больших городах, но пэйярту вместо этого вдруг положил когтистую лапу мне на колено и закрыл глаза.

Тотчас струйка холода побежала у меня по ноге. Будто прицельный ледяной ветер вдруг подул прямо в коленную чашечку. Я распахнула глаза, увидев, что моя кожа покрывается инеем. Над второй лапой пэйярту между тем возникла из воздуха и расцвела призрачная кедровая шишка.

– Одна из моих уникальных способностей, о которой редко пишут в легендах, заключается в том, что я могу подворовывать энергию у людей, – пояснил пэйярту, снимая с меня лапу.

Иней на моей коже тотчас растаял, превратившись в капельки, которые лис непринужденно слизнул горячим шершавым языком.

– Ну ты и жулик, – укорила я.

– Так и есть, – улыбнулся он.

– А вернуть энергию не собираешься?

– Вот этого уже не могу, прости.

– Точно жулик.

– Я лис, чего ты хотела? – фыркнул он.

– А что со способностями других рёххов?.. – спросила я.

Тилвас какое-то время молчал.

– Я не знаю, какая уникальная способность есть у горфуса, если ты об этом, – наконец признался он. – Ни разу не видел, чтобы он прибегал к каким-то нестандартным умениям. В легендах тоже об этом молчат. Тому есть две основные трактовки... – лис задумчиво положил морду на белые лапки. – Либо умение горфуса такое редкое и тайное, что он хочет оставить его в секрете. Либо...

Пэйярту выдержал паузу.

– ...Либо у горфуса, единственного из всех рёххов, нет *никаких* особых умений. Это многое объяснило бы, Джерри.

Например, почему он такой садист и так жаждет власти.

Я устроилась на песке поудобнее.

– А какие умения у остальных?

– Оришейва умеет открывать паучий путь, что ты уже видела. Медведь *уйру* может говорить на языке деревьев и трав. Альбатрос эндольф – без всяких артефактов ненадолго вселяться в материальные объекты, а также выталкивать из них других рёххов. Люди тоже попадают под категорию «объектов», кстати.

Разморенная предыдущими предложениями, я как-то даже сразу не осознала всю важность последней фразы. А осознав, вскочила на ноги.

– Повтори! – потребовала я.

Тилвас повторил.

– Но ведь это значит, что нам *нужен* альбатрос! – ахнула я. – Но... как заставить его, могущественного и пофигистичного, помочь нам? Я так понимаю, морским рёххам абсолютно плевать на тот факт, что они упустили горфуса. И на всю наземную жизнь вообще.

– Ага. Зато им не плевать друг на друга, – подмигнул Талвани.

Я вскинула брови, ожидая продолжения.

– Из документов Ордена я узнал, что один из тех младших рёххов, что пропал за прошедшие два года, был из морских духов, – объяснил Талвани. – И вот это их наверняка заденет. Я уверен, морские рёххи и эндольф будут крайне возмущены, если узнают, что горфус взял в плен их маленького друга, живущего в человеке. И вот тут уже и его побег тоже покажется им достаточно мерзким деянием – всё в копилочку претензий! Именно поэтому я сейчас пришел на побережье в облике лиса. Нас ждут переговоры, Джеремя.

Морда пэйярту растянулась в довольной ухмылке. Я призадумалась.

– Но почему ты не предложил этот вариант – переговоры – сразу?

– Во-первых, тогда я был *ferkhen*, а с «тюрьмой» они бы не стали говорить. К тому же, прах его знает, этого эндольфа – вдруг бы он вырвал меня из меня, считая это справедливостью, и я-Тилвас бы умер? Альбатрос ведь неподражаемый. А во-вторых... Даже сейчас я не уверен, что морские согласятся помочь. Они все-таки жутко ленивые, у них все силы уходят на противостояние рабловцам, загрязняющим океан. В общем, я до сих пор не уверен, что им захочется во что-то впрягаться. И поэтому не хотел тешить вас ложной надеждой.

Пэйярту поднялся, с удовольствием потянулся и неспешной серебристой трусцой отправился к побережью.

– Я бы хотела остаться и посмотреть, – призналась ему в спину я.

– Без проблем. Но я позову не эндольфа, а *деллифо*, рёхха помладше. И я не могу гарантировать, что он покажется тебе. Он не очень-то любит смертных, в отличие от модника-павлина.

– А приказать ему ты не сможешь, раз он помладше, как делал это с другими рёххами?

Лис повернулся, забавно встопорщил усы.

– Джеремя, – пропел он. – Тебе не кажется, что «приказы» и «дружеские переговоры» – это слова из разных опер? Через деллифо нам надо убедить всех морских рёххов, что мы – душечки, в отличие от горфуса. Это явно другая тактика, госпожа Барк!

Я примирительно подняла ладони: он был прав. Затем вслед за лисом подошла к кромке воды.

40

Credo

Summum nec metuas diem, nec optes.

«Не страшись последнего дня, но и не призывай его».

Блестящая лунная дорожка рябила под северным ветром, а запах соли оказался таким сильным, что я буквально чувствовала ее на языке.

Пэйярту сел на песок, низко опустив морду к груди. Прошло некоторое время, и вдруг на его шерстке проступили узоры – круги и спирали, геометрические формы и волны – все светящихся красных цветов. От них во все стороны потянулись призрачные ленты, которые слабо колыхались, разворачиваясь все дальше и дальше, так, что теперь лис казался каким-то осьминогом, у которого вместо щупалец – магия.

Одна из таких «лент» дотянулась до воды и хлестнула по ней на манер хлыста. Пэйярту проговорил что-то на рёххенлинге. Потом еще раз, соответственно новому удару ленты. В море зажегся далекий огонь.

Пэйярту продолжал говорить, его голос понизился, став таким же далеким и рокошущим, как гроза, собирающаяся далеко за горизонтом. Свет в воде мерцал все ближе и выше, и наконец из моря вынырнуло сияющее голубовато-белым существо, похожее на дельфина. Оно зависло в метре над водой, левитируя так спокойно и уверенно, будто это вовсе не было невозможным.

Деллифо.

Очередной характерный рёхх в мою коллекцию. Хоть мемуары пиши теперь.

Пэйярту коротко твякнул, и все его магические ленты исчезли. В ночи остались только два удивительных существа: вполне материальный белый лис и призрачный синий дельфин, настороженно замершие друг напротив друга. Вокруг каждого из них пульсировала аура света. Издалека, наверное, казалось, будто на пляже зажглись два городских фонаря.

– Пэйярту, – ровным тоном сказал дельфин. – Далеко ты забрался от своих кедровых рощ. Небезопасно.

– Деллифо, – с той же интонацией отозвался лис. – Люблю путешествовать. Как сам?

И они перешли на рёххенлинг, исключив меня из беседы. Переговоры шли долго. По интонациям было понятно, как старательно лис убеждает морского рёхха, как тот гневается – сначала на нас, потом на горфуса. Как они обговаривают детали. Как пэйярту снова убеждает, а деллифо – выдвигает какие-то условия. Как пэйярту ошеломленно и возмущенно шевелит ушами, но потом соглашается. Как деллифо кивает и наконец исчезает в морской глубине...

– Ну что? – спросила я, когда мы снова остались одни.

Белый Лис задумчиво и раздраженно подвигал носом. Потом он вдруг резко крутанулся вокруг своей оси, и еще раз, и еще – будто решил погоняться за собственным хвостом – и вдруг весь засиял крохотными искрами, растущими вверх, как столб. Мне даже послышалась музыка: далекий звон колокольчиков. Когда искры осыпались с приятным звоном, передо мной стоял Тилвас Талвани. Человек.

– Недурно, – сказала я.

– Красиво? – подмигнул он.

– Я же сказала: недурно. Не набивайся на комплименты, Талвани. Так что насчет морских?

Тилвас закатил глаза, демонстрируя свое отношение к моей осточертевшей ему суровости. Потом вздохнул и зачесал растрепавшиеся волосы назад ото лба.

– Морские рёххи помогут, но у них есть кое-какие условия.

Когда он рассказал мне конкретику, я помрачнела. Сердце обдало холодом, как будто пэйярту снова решил взять у меня немного сил – контрабандой. Мне захотелось залить море керосином и поджечь его к праховой бабушке.

Но я была апологетом спокойствия, а потому вслух произнесла только:

– У них достаточно много условий, надо признать.

Аристократ стрелкнул в меня быстрым внимательным взглядом. Бок о бок, молча, мы побрели обратно к нашей ночной стоянке. У последней скалы перед лагерем Тилвас остановил меня, взяв за руку.

– Давай просто не скажем Мокки и Галасе об этом новом варианте, завязанном на морских рёххах? – предложил он. – Сделаем так, как планировали изначально, сами. Без участия моря. И все.

Я была рада тому, что он сказал это. На самом деле просьбы морских рёххов были не такими уж ужасными... Но они слегка выбили меня из колеи.

Вообще, наш с ребятами изначальный план заключался в том, чтобы парализовать сенатора Цигу Лорча. Это был единственный верный способ избавить мир от горфуса надежно и надолго.

Ведь расклад в нашей борьбе был не слишком удачным:

– убить сенатора очень сложно;

– если все-таки получится, он может переселиться в меня;

– если и меня убить (не хотелось бы), то сам по себе рёхх горфус просто окажется на свободе – бессмертный и бестелесный, всегда готовый найти себе новое тело. А развеять его сами мы все равно не сможем.

Так что мы хотели тайно подсыпать парализатор сенатору. Галаса сварила такое зелье, от которого не было ни единого противоядия. Они с Тилвасом начали разработку рецепта еще во время нашего визита в Лайстовиц, и, что самое интересное, травница в крохотных дозах пробовала его на Талвани, прикидывая необходимый концентрат. После того как в один из тестов суперрегенерирующий Тилвас не мог оклематься от паралича в течение суток, травница умножила концентрацию на тысячу, бахнула туда дополнительных ядов и в принципе на том и закончила.

Уже в убежище она ставила тесты на змеях. Все прошло хорошо. (Не для змей.)

В общем, по задумке мы бы парализовали сенатора после его приема и выкрали тело. А потом, страшное дело, долгие годы холили бы и лелеяли его, поддерживая в монстре жизнь.

Да, план казался не слишком радужным. Но, с другой стороны, Бакоа уже даже в чем-то грезил, какую чудесную камеру обустроит врагу в подвалах братства Полночи...

Однако теперь морские рёххи были готовы отомстить горфусу вместо нас. Вот только условия у них оказались нестандартными.

Я зябко поежилась. Между скал и деревьев летал ледяной морской ветер. Он колот мои руки и щеки, выхватывал локоны из небрежного пучка и, казалось, остужал до самых костей. Я уже мечтала о том, как сейчас заберусь в шерстяной спальный. Не факт, правда, что усну. А пока здесь, на пляже, только и было теплого, что сжимающая мою руку ладонь Талвани.

Я подняла взгляд на артефактора.

– Я рада, что рёххи помогут, – сказала я. – А что касается их требований... Что ж, думаю, сенатор все равно догадывается о нашем появлении на празднике, – я заправила выбившуюся

прядку волос за ухо Талвани. – Он же не зря оставлял эти провокационные сообщения, в конце концов.

– Верно. Прием почти наверняка должен быть ловушкой, – кивнул аристократ и мягко коснулся моих пальцев, задержавшихся у его уха.

Я хмыкнула:

– Очень мило, что мы все вчетвером это понимали, но строили предыдущий план так, будто бы нет.

– Люди часто лгут себе, Джеремиа. Это в вашей природе. Думаю, завтра утром кто-нибудь все же высказал бы свои сомнения вслух, и мы бы наконец обсудили это. Или дождались бы маскарада и на полной скорости скатились в импровизацию. Нам, впрочем, не привыкать.

– Тилвас, а Галаса может видеть будущее? – резко сменив тему, спросила я.

– Мм. Обычно все-таки прошлое. Но пару раз с ней случалось, да.

Он не спросил «А что?» или «Почему ты спрашиваешь?», из чего я сделала вывод, что Тилвас тоже обратил внимание на странное поведение целительницы в последние дни. И ничего не собиравшись с этим делать. Доверял ей. Или просто знал: некоторые вещи изменить невозможно, как бы ни хотелось.

На чистое дотоле небо напоззли темные тучи. Лишь в одном разрыве между ними было видно луну – самый краешек, но такой яркий, что выхватил нас с Тилвасом, будто фигурки в магазинной витрине, подсветил и приласкал.

Поднявшийся из-за ветра песок крутился маленькими смерчами у ног Талвани. Аристократ покосился на них и по памяти процитировал:

– *Ventus autem immitis aiebant mutatio! Dominus tuus ego sum, quo veniat ad lucem!*

«Будь беспощаден, ветер, дуй, сзывая перемены! Твой повелитель, я зову рассвет!»

Строчка была из старой пьесы Овиры, которую так любили разбирать преподаватели риторики и нитальского языка. Я улыбнулась, узнав ее. Там все заканчивалось более или менее хорошо – редкий случай для драматургии золотого века – хотя и не без потерь...

– *Aurora voco. Credo quia nullum vestigium vel umbra remanebit ac tenebras. Si sol facti sunt, amica mea.*

«Я зову рассвет и верю, что от мрака не останется ни следа, ни тени, если ты тоже станешь солнцем, любовь моя».

– Вот как? «Любовь моя», говоришь? – с интересом отозвался Тилвас, и я тотчас фыркнула:

– Из песни слов не выкинешь. Не путай цитаты и реальность, Талвани! Я просто вспомнила следующую строфу, и все.

– *Credo*, – примирительно кивнул аристократ. «Верю».

И продолжил смотреть на меня с шаловливой улыбкой глазами, блестящими от разлитого в них лукавства. Что-то красивое танцевало у меня внутри, когда я смотрела на него. Сейчас Тилвас был одет в такую же по фасону таори, как в день нашего знакомства в карете. Я задумчиво провела рукой по шерстяной ткани.

– А ты вообще знаешь, как я тебя ненавидела в первую неделю нашей встречи? – спросила я.

– Могу только догадываться, – галантно отозвался артефактор.

– До луны, Тилвас. До созвездий. До иных миров. Все в тебе бесило меня, все. То, как ты уверен в себе, как легко обращаешься с жизнью – будто с игрой, созданной эксклюзивно для тебя. То, что тебе, а не мне, досталась вся эта спокойная, размеренная жизнь в старинном замке, величавый аристократический уклад, манеры и достоинство, все это право и возможность быть человеком голубой крови, быть элитой... То, для чего я росла, понимаешь? То, к чему стремилась. У тебя это было. У меня – нет.

– Я понимаю. Я нередко удивлялся, что ты не сломала мне нос.

– Хм, но я, помнится, пыталась. Поначалу.

– О нет, ты путаешь. Нос? Ни разу. Ты хотела проткнуть меня ножом – это было. Ты уничтожала меня при помощи острых слов – тоже да. Помнится, разок столкнула с гаррара. И даже успешно разбила мне сердце...

Я вскинула брови. Тилвас наклонил голову, вглядываясь в меня, ожидая реакции.

– ...Если ты про Мокки... – начала я, понятия не имея, что скажу дальше.

– Небеса, конечно же, я *не* про Мокки, – он сощурился с довольным видом, явно предугадав, что я скажу именно это, что я попадусь в ловушку. – Я говорю про то, что как-то раз ты обмолвилась о шубе из лисьего меха у тебя в шкафу... Вот *это* было больно.

– А! – рассмеялась я.

– Ага, – вскинул брови он.

Мы помолчали. Я скорчила виноватую рожу. Тилвас пофыркал. Я пообещала похоронить шубу, как живую. Тилвас сначала опешил, потом оценил.

Потом мы еще помолчали, пытаясь изгнать этот сюрреалистичный мрак из нашего диалога. Далеко-далеко над морем разнесся тихий ликующий возглас рыбаков. Они явно поймали что-то большое. Ох, надеюсь, не кого-нибудь из протеже эндольфа, а то еще настроят морских рёххов против всего человеческого рода...

– Джерри, – серьезно сказал Тилвас, когда далекий смех затих, вновь сменившись спокойным гулом ночного моря. – Можно я тебя поцелую – так, как будто мы с тобой из какой-то другой, из какой-то очень нежной сказки? На удачу.

Глаза у него были грустные – еще бы, *futurum est formidulosus*⁸, – и мое сердце сжалось.

– На удачу, – сказала я.

И тогда Талвани наклонился и легко поцеловал меня в уголок рта. В щеку. В острую скулу. Бесшумно – в ухо. Он совершил тот же ни к чему не обязывающий путь обратно, чтобы у меня было время понять, хочу ли я продолжения, и плевать, что за скалой спят наши спутники, один из которых окружен своими и чужими влюбленностями, как охранным заклинанием. На сей раз, когда наши губы соприкоснулись, я подалась Тилвасу навстречу.

Этот поцелуй был... будто история, которую мы писали вместе. Паузы, рифмы, полутона ощущений, быстрые, лихорадочные строки – и долгие терпкие многоточия, когда два взгляда замирают в ночи под грохот сердец и шепот заснувшего моря. Бессловесный разговор и загадочная рапсодия, звучащая в пустом позаброшенном храме. Тихое, на цыпочках, путешествие вглубь себя и другого.

Поцелуй был похож на игру, в которой мы то и дело менялись ролями, не стесняясь всех своих проявлений, желаний, остро-колкостей и уязвимостей. Мы будто оживляли друг друга, вытаскивая из глубины, трепетно преподнося второму все самое пронзительное и хрупкое, обычно дремлющее глубоко под щитами иголок.

Тилвас придерживал меня за талию, другой рукой гладил по щеке, по острым ключицам, по груди. Я обнимала его за шею, чувствовала, как нагревается его кожа, как припухают губы. Внизу живота было жарко. Мне хотелось раствориться в этом поцелуе, я и не подозревала раньше, что нежность тоже бывает такой манящей.

– Тилвас... – прошептала я и тихонечко застонала, когда он, подавшись вперед, прижал меня к скале, у которой мы стояли.

Казалось, время замерло. Не существовало ничего, лишь мы с Талвани, будто плывущие в вечной пляске космоса.

Да.

Это был действительно сказочный поцелуй и сказочное продолжение.

После мы долго лежали под звездами. Тилвас взял меня за руку.

⁸ Будущее страшно (*лит.*).

– Мы не умрем, слышишь? Мы не умрем, – шепнул он.

Маскарад сенатора Лорча

Sed semel insanivimus omnes.

«Однажды мы все бываем безумными».

Темные грозовые тучи заволокли небо над Шэрхенмистой. Они были настолько плотные, что, казалось, дни просто не наступали. Одна ночь сразу сменилась новой, а потом еще одной, и не было никакой пощады, никакого проблеска света для грешников. Море низко гудело, разгневанное оттого, что ему приходится отражать эту свинцово-темную хмарь. Было очень душно и жарко, но при взгляде на серую воду и серую пену, заполнившую побережье, что-то холодело внутри.

В Приливной Волне не стали выключать уличные фонари. Когда мы вчетвером шли мимо, они слегка потрескивали, по стеклянной поверхности пробегали крохотные молнии: у маг-светильников принято сбойть перед грозой.

Мы едва не опоздали на корабль: столь многое нужно было сделать для подготовки. Пристань наполнилась дорогими каретами. Парусная шукка, приготовленная для морского путешествия на острове сенатора, выглядела шикарной. И темной.

Черное дерево, черные паруса с блестящей золотой вышивкой, и даже официанты на корабле, уже потчующие гостей напитками в высоких тонких бокалах – в черных ливреях.

– Кажется, вечеринка и без нас планировалась мрачная, – прокомментировал Бакоа, когда мы поднялись на борт.

– Ученые выяснили, что черный и золотой ассоциируются у большинства людей с роскошью и богатством, – вполголоса усмехнулся Талвани. – А наш сенатор явно любит производить впечатление.

Дав охране проверить поддельные приглашения, мы разошлись в разные стороны, чтобы оценить обстановку. Оказалось, что корабль позиционировался как зона разогрева перед вечеринкой. Разумное решение притом, что путь от Большой земли до острова сенатора занимает больше двух часов.

Гости уже надели свои маски. Музыканты расположились на палубе, в кают-компании шла игра в покер. Шукка рассекала бурлящие волны, повинуясь не столько даже силе шквального ветра, сколько мощи магического кристалла – своеобразного сердца корабля, которое помещают в трюме парусников.

Убедившись, что вокруг нет никакой опасности, я опустила на деревянный шезлонг в непопулярном конце палубы, и, рассеянно помешивая коктейль соломинкой, смотрела вдаль.

Впереди, сколь хватало взгляда, было лишь море. Точнее даже – океан... Остров сенатора находился с восточной стороны Шэрхенмисты, там, где заканчивается мир и остается одна лишь вода. Бесконечная вода, плавно огибающая планету, чтобы потом превратиться уже в западные моря Лайонассы.

Колоссальная пустота. Чуждая, живущая по совершенно иным законам, чем населенный мир.

Но и здесь, неподалеку от берега, океан уже начинал показывать свой нрав. Далеко впереди из темной толщи били огромные фонтаны. Столбы воды возносились в воздух из подводных скал с невероятным, смертельным напором, на десятки метров. Это загадочное явление

было, вероятно, еще одним последствием опытов срединного народа в прошлом тысячелетии. Самое удивительное, что в океанских фонтанах – как их называли – бурлила пресная вода. И даже целебная, как утверждали смельчаки, добывающие ее для продажи.

На острове сенатора тоже имелись такие опасные источники, однако их давным-давно взяли в плен и обуздали магией, крепко заперев в подземельях замка.

При этом, конечно, никому не хотелось, чтобы ценная лечебная вода пропадала просто так. Поэтому пара серебряных труб тянулась от зачарованных и запертых подземных резервуаров наверх, к жилым этажам. Они выходили на кухню так, чтобы повара могли в любое время подавать целебную воду к столу Циги Лорча.

Сейчас океанские фонтаны шипели далеко от нас, но мне чудилось, что и на корабль долетают их свежие брызги.

На шезлонг рядом со мной опустился Мокки. Острое и опасное лицо вора, укрытое белой полумаской, бледнело над грациозной чернотой костюма из широких брюк и таори до середины бедра. Сшитый дорого и со вкусом, этот костюм не вызывал у Бакоа ничего, кроме презрения, но при этом уже на корабле заработал вору несколько заинтересованных взглядов, пару кокетливых улыбок и даже одно многообещающее прикосновение. В своей шелковой броне Мокки казался обманчиво миролюбивым и нежным, но на деле, кажется, едва сдерживался, чтобы рефлекторно не скинуть за борт даму, посмевшую к нему прикоснуться.

– Ты прекрасно выглядишь, – сказала я.

– На себя посмотри, – буркнул Бакоа.

Мы молча потягивали напитки, глядя на туманную полосу горизонта и упругие столбы океанских фонтанов. Рядом с нами у парапета стояли двое гостей, которые живо обсуждали что-то. Я заметила, как напрягся Мокки, смотревший в их сторону, и тогда тоже прислушалась.

Мужчина и женщина разговаривали о Квартале Гильдий.

– Снова война банд, – сетовала дама. – Это ужасно утомляет. Полагаю, если в течение недели-двух квартал не уgomонится, мы отправим туда магов и чрезвычайников и просто зачистим территорию.

– Да ну. Можно просто дождаться, пока они перебьют друг друга, – цинично отозвался мужчина.

– Это чревато неприятными последствиями. Их разборки затрагивают и другие, мирные районы. К тому же создается впечатление, что гильдии – неуправляемая сила, а это невыгодно для репутации города. Будем надеяться, одна из группировок все же одержит верх как можно скорее. Лично я ставлю на возрождение Сломанной отмычки.

– Лично мне плевать. Одни швали ничем не лучше других, но субординация важна. Так что поддержи тебя – за Сломанную отмычку!

Гости чокнулись.

Я вновь покосилась на Мокки. Я боялась, что он сожмет тоненькую ножку бокала в руке так сильно, что та просто лопнет. И что – да, парочка гостей все же нахлебается морской водицы, так и не доехав до праздника. Но, к моему удивлению, Бакоа держал себя в руках. Более того – выглядел уверенным и спокойным.

Затем болтливые гости ушли искать стол с закусками: полосками сушеной водоросли конбу, поданными на узких черных тарелочках, сушеными каштанами и ломтиками морского ушка. Я пересела на шезлонг к Мокки. Он неохотно подтянул ноги, чтобы мне было где разместиться.

– Мокки, что, если в квартале действительно захватят власть? Что, если ты не сможешь отвоевать ее?

– Ничего.

Длинная тень от паруса вкупе с сумерками надежно скрывала нас, и вор снял белую полумаску, чтобы я могла лучше видеть его лицо. И понимала по нему – он не врет.

– Ты же всегда так хотел ее. Власти.

Бакоа усмехнулся, пропустив соломинку от коктейля между зубов так, что она смялась до плоского состояния.

– Я не власти хотел, Джерри. Я хотел доказать себе, что я могу.

Он стал наматывать остатки соломинки на палец. Наматывать и разматывать снова, как дурное и непостоянное кольцо. Мокки не смотрел на меня и говорил так тихо, что мне приходилось задерживать дыхание, чтобы разобрать его ускользающие слова.

– Я полжизни провел, пытаюсь признать, что мои сексуальные предпочтения далеки от общепринятых. Потом я познакомился с Лиорданом на Дикой охоте (в которой участвовал, потому что нигде так легко и приятно не получается обворовывать знать, как во время их бешеных охотничьих развлечений). Мы встречались, а потом, когда во время одного городского праздника я захотел подойти и просто *поздороваться*, он... Он сказал гвардейцам, что понятия не имеет, кто я и что хочу от него, и меня утащили как городского сумасшедшего, свихнувшегося на принце, а в участке стало ясно, что я – тот самый вор, который так давно и неуловимо всех третирует. Я сбежал, пришел к Лиордану. Он, вместо того чтобы признать, что струсил, стал обвинять меня. Мы подрались. Очень плохая идея – драться с сыном морской владычицы: на сей раз меня швырнули в дворцовую тюрьму. Потом Лиордан пришел и выпустил меня, тем самым явно спалившись для всех и вся вокруг. Как я мог трактовать это? «Ты меня любишь?» – спросил я его на прощание. «Я принц», – сказал он. «Это значит "да"?» – «Это значит, что ты гребаный извращенец. Тебя никто не любит, ясно?» И я сбежал из Рамблы и вынырнул на суше возле Зайверино. Те первые дни, когда мы с тобой прятались в лесах... Ты даже не представляешь, сколько во мне было злости. Меня обозвали, отвергли, а потом кинули подачку-свободу. Естественно, я до пепла хотел кому-то что-то доказать, и чем больше трудностей было в процессе – тем лучше. Квартал Гильдий оказался идеальным местом. Но теперь... Скажем так, я все еще люблю порядок. Но еще я знаю себе цену. У меня есть вы с Тилвасом, которых я люблю. И которые любят меня. Безоценочно, без условий. Да и я сам себя люблю. Мне теперь вообще не придется *отвоевывать* власть, Джерри. Я просто приду и *возьму ее* – без крови, по праву, потому что я – достоин, и я лучшее, что может случиться с Кварталом Гильдий. Я хочу, чтобы у тебя и у Тилваса было безопасное место. Я действую не из желания *доказать*, а из *другого* чувства. Вот и все. Мой успех неизбежен.

К концу монолога он смял несчастную соломинку в какой-то невзрачный шарик, который теперь упрямо перекачивал между пальцами. Я молча отобрала у него это безобразие.

– Спасибо, что открылся мне.

– Ой, давай вот без мозгоправских формулировок, – закатил глаза Бакоа.

– Мне важно было услышать это.

– Да я уже жалею, что варежку распахнул.

Я хмыкнула и положила руку ему на плечо. Мокки обхватил мои пальцы своими.

Не успела я вернуться на свой шезлонг, как рядом с нами откуда ни возьмись появилась Галаса Дарети. Целительница бесшумно и неожиданно шагнула из глубокой темноты под парусом, будто бы из другого мира – это было так не похоже на нее, что я удивленно вскинула брови.

– Мокки научил меня ходить и таиться в тенях, как это делают воры, – объяснила Галаса.

– У тебя отлично получается, – одобрительно цокнул языком Бакоа.

Травница сокрушенно покачала головой, снова посмотрев на металлический шарик его нового пирсинга.

Поколебавшись, она попросила:

– Может, ты снимешь его с языка, вор? Люди, приглашенные к сенатору, не ходят с пирсингом.

– Ага. А еще не планируют его убийство, так что забей, – отмахнулся Мокки и, довольный и гибкий, одним текучим движением поднялся с шезлонга. – Вам принести что-нибудь? На острове, думаю, будет не до еды.

Он ушел.

Галаса облокотилась на борт корабля и позволила холодному ветру трепать ее белые волосы, уложенные в изысканную прическу. Светло-салатовое платье потрясаяще смотрелось на кофейной коже целительницы, ее грудь вздымалась от того, как медленно и глубоко дышала Галаса.

– Я так люблю море, – улыбнулась она. – Впрочем, свой Лайстовиц я люблю сильнее.

Мокки вернулся не только с деликатесами, но и с Талвани.

Все вчетвером мы стояли у борта корабля на палубе, негромко переговариваясь, угощая друг друга устрицами и морскими ежами. Постепенно все борта вокруг нас тоже оказались заняты: гости собрались здесь, когда до прибытия оставалось недолго.

Под звуки арфы мы смотрели, как из густого вечернего тумана проступают очертания компактного острова, окруженного океанскими фонтанами, будто пиками садовой ограды. Длинная песчаная отмель, скалы, поднимающиеся ввысь, древний каменный замок на скале. Очень тяжелый, приземистый, с широкой центральной башней. Одна его сторона нависала над морем, и злые волны бились о валуны крепости.

– Да будет этот вечер незабываемым! – провозгласил распорядитель праздника, когда корабль мягко причалил к пристани.

– Это мы вам гарантируем... – пробормотал Талвани.

* * *

На берегу нас встречало около дюжины актеров. Одетые в черное с золотым люди стояли на пляже молча и торжественно, в руках у каждого горела свеча. Пламя отражалось в мелком бисере, которым были густо расшиты туники встречающих.

За спинами у них начиналась дорожка из факелов, воткнутых в землю, которая тянулась до самого замка. Гости воодушевленной вереницей отправились вперед. С каждым новым поворотом дороги перед нами появлялись новые детали праздника. Столики с закусками, стоящие прямо на скалах. Официанты с дымящимися бокалами из разноцветного стекла. Все новые и новые музыканты – мелодия оставалась одна и та же, но на каждом отрезке пути ее играли на разных инструментах. Все вокруг пребывали в восторге.

У меня же мурашки бегали по всему декольте. А декольте было серьезным: на такие мероприятия негласно было принято являться в нарядах с открытой спиной, что я не могла позволить себе по понятным причинам, поэтому выбрала альтернативу. Помимо декольте у моего темно-бордового платья на запястьях был длинный разрез на правом бедре. Там, на мелькающей при ходьбе полоске кожи, можно было при должном старании разглядеть подвязку с прицепленным крохотным флакончиком. А на груди у меня на тонкой длинной цепочке висел амулет, похожий на яйцо.

Точно такой же украшал Галасу Дарети. Это были два парных артефакта для связи: качни один, и сразу качнется другой, где бы ни находился его обладатель. Чуть позже они нам потребуются.

Мы прошли сквозь внешние ворота замка и оказались в главном дворе, заросшем корабельными соснами. Впереди было основное здание. На его пороге, перед распахнутыми арочными дверями, стоял человек в черном костюме. Он любезно здоровался с гостями, тянувшимися мимо него взбудораженным, непрекращающимся потоком.

Я не видела его никогда прежде, но все равно узнала.

Сенатор Цига Лорч. Горфус.

Пепельные с проседью волосы, статная фигура. Слегка раскосые карие глаза. Узкие губы, гордый нос и настолько раздвоенный подбородок, что можно выдергивать гвозди – это считалось признаком мужественности, но мне показалось отвратительным.

– Он не почувствует тебя, Джерри, – на ухо сказал мне Тилвас. – Просто води себя, как все вокруг. У тебя точно получится, ты прекрасная актриса.

– Получится, – твердо согласилась я, хотя мой голос был сиплым от волнения. – Мы с тобой... Уже сейчас расстаемся, верно?

– Да, – кивнул Талвани, и его рука на моем локте сжалась чуть сильнее. – Все будет хорошо.

Я чуть притормозила, чтобы посмотреть на артефактора. Под черной полумаской его глаза казались особенно выразительными. Поймав мой встревоженный, сосредоточенный взгляд, Тилвас подмигнул и, быстро наклонившись, легко поцеловал меня в кончик носа.

– На удачу, – сказал он.

– Я буду ждать тебя.

– Я приду.

И тогда как я продолжила идти вперед, прямо к сенатору Лорчу, Тилвас безмолвно и грациозно ступил прочь с подсвеченной факелами дорожки. Мокки и Галаса шли в паре перед нами. Они легко миновали хозяина вечеринки, мурлыкнув ему что-то необязательно-вежливое. Я за оставшиеся несколько шагов успела присоединиться к какому-то грузному гостю, кажется, из Казначейства, и он чудесным образом поблагодарил Лорча за гостеприимство вместо меня.

Думаю, меня за ним вообще не было видно. Так, какая-то цаца.

В зале я мгновенно сбежала, к вящей растерянности своего недолгого спутника. Спрятавшись за колонной, я выдохнула и огляделась. Когда я рассмотрела интерьер, у меня перехватило дыхание...

Тебе кажется, Джерри. Тебе просто кажется из-за того, что ты сама об этом так часто думала. На самом деле никакого сходства нет.

Но самоуспокоение не работало.

Вездесущие душные белые лилии – кладбищенский запах, умеющий перекрыть вонь разлагающихся тел. Длинные витые свечи – в изысканных канделябрах, расставленных вдоль зеркал, из-за чего изображения двоились, уводя гостей в сумрачное царство иллюзий. Виноград, гранатовые косточки и соцветия алых роз в прохладных каменных чашах. Жареные сердца перепелок на шпажках. Меню – на листках бумаги, похожих на выданные страницы древних книг. И под потолком – ткани с серебряной вышивкой.

Точь-в-точь Зайверино.

Мои зубы стали отстукивать страшную дробь. Я стояла в углу зала, а кругом шутили, смеялись, обменивались комплиментами богатые, довольные жизнью гости Лорча. Жемчужные улыбки. Блестящие ткани. Терпкие ароматы духов.

– Как хорошо, что мы сменили план, – проворчал Мокки, найдя меня в толпе.

– Да уж.

– Мы с Галасой уже поняли, куда идти, чтобы попасть в подземелья из внутренних помещений. Начинаем? Ты готова остаться одна?

– Конечно, – как можно беспечнее сказала я.

Прядка волос падала на бешеные глаза Бакоа в обрамлении маски, а острый нос будто подрагивал в нетерпении, готовясь к неприятностям. Мокки хлопнул меня по плечу – жест, максимально неуместный на званом вечере, – и, больше ничего не говоря, исчез среди гостей.

Я покосилась на часы и, вздохнув, стала пробираться в нужном направлении.

Вчера мы каким-то чудом (чудо звалось Талвани) раздобыли карты замка и заранее запланировали, что и где должно происходить.

У ребят было две задачи. Обе располагались в подземельях замка. Одну из них, связанную с океанскими фонтанами, инициировал Тилвас, а потом подхватывала Галаса. Вторую, связанную с освобождением пленных рёххов, полностью брал на себя Мокки, так как мы подозревали: против Тилваса в тюремных и пыточных камерах будут стоять особые ловушки, потому что сенатор наверняка ждет появления пэярту.

Я же весь вечер проводила по своему сценарию. И теперь уверенно двигалась к незаметной дверке в дальнем конце зала, который ведет в другой, жилой корпус замка, где...

Мои размышления прервала Галаса Дарети, остановившая меня на полпути. Когда ее нежные пальцы коснулись моего запястья, сердце мое оборвалось, потому что в первый момент я решила, что это Лорч – раньше срока. Но нет. Целительница.

– Я сейчас догоню Мокки, – сказала она, предупреждая мой немой вопрос. – Просто я хотела сказать: я знаю, что ты точно справишься, Джереми Барк.

– Знаете в смысле дружеской поддержки или «знаете-знаете»?

Галаса криво усмехнулась.

– Но если вдруг нет... – протянула она, игнорируя мой вопрос. – Я все-таки взяла с собой еще одно парализующее зелье. Так что ты сможешь его использовать.

И она, вложив мне в руку перстень с большим поддельным камнем, скрывающим потайной отсек, растворилась в толпе. Перебрасывая кольцо из руки в руку, я подумала: вероятно, Галаса предполагает, что это зелье придется выпить *мне*.

* * *

...Я продолжила свой путь в жилой корпус замка. Не прошло и получаса, как я оказалась перед нужным помещением. На вскрытие замка ушло две отмычки. Если здесь была магическая защита, то настолько хорошая, что я не то что не почувствовала ее – не могла даже предположить, куда она вшита.

Деревянные раздвижные двери, разрисованные белыми аистами на черном фоне, с тихим шорохом разъехались по сторонам. Я зашла в спальню сенатора Циги Лорча.

Все в сдержанных черно-молочных тонах. Много камней. Много бамбука. Старинные зеркала и на стенах, и на дверцах шкафа. Тонкая бумага обтягивает раздвижное окно в пол, ведущее в потаенный внутренний сад замка. Возле пышной кровати с необычным балдахином, который поднимался, сматываясь в рулоны, находился столик. На столике – графин с водой и стакан: слуги позаботились о том, чтобы сенатор, вернувшись с приема, мог освежить горло глотком чистейшей воды из океанских фонтанов, запертых в подземельях замка.

Где их прямо сейчас потихонечку расковыривает Галаса Дарети.

Я приоткрыла окно, затем подошла к прикроватному столику. Отцепила от бедра закрепленный там флакон с парализующим зельем, открутила крышку и стала методично, никуда не спеша, капать его в графин.

Кап. Кап. Кап.

Это был почти медитативный процесс, который прервался, когда входные двери вновь зашуршали, уходя в стенные пазы.

– Какая приятная неожиданность. Наконец-то ты пришла ко мне, Джереми Барк, – раздался у меня за спиной пренебрежительный смешок.

Я слотнула и, не оборачиваясь, молча бросилась к окну в сад.

Началось.

Я не жертва

Bene vincit, qui se vincit in victoria.

«По-настоящему побеждает тот, кто, одержав победу, побеждает и себя».

Сад, примыкающий к спальне сенатора, был пуст.

Тихо стояли в вечерних сумерках кипарисы, одинокая цикада едва слышно звенела в траве. Сад был достаточно просторный: квадратная площадка, замкнутая между высокими замковыми стенами. В центре – фонтан, журчащий в тени раскидистого бука. Сюда можно было попасть только из хозяйских покоев. Музыка и смех гостей не долетали: корпуса находились слишком далеко друг от друга.

Подхватив слишком длинный подол платья, я выбежала на площадку и остановилась у фонтана. В серебристой воде на мгновение промелькнула какая-то тень, поколебавшая мое отражение. *Это хорошо.*

Отчаянно метнувшись туда-сюда, я замерла, когда хруст камешков у меня за спиной сменился самоуверенным голосом:

– Ну и что ты сюда подмешала, воровка?

– Выпей – узнаешь, – с неприязнью посоветовала я, оборачиваясь.

Сенатор Лорч стоял передо мной, лениво покачивая в руках стакан с прикроватной тумбочки. Таори глубокого агатового цвета с зеленой вышивкой сидело как влитое. Пепельно-русые волосы лежали идеально.

На мой взгляд, было совершенно очевидно, что Цига Лорч – не человек. *Не совсем человек.* Как и Тилваса после недавнего ритуала, сенатора окружала некая аура гладкости, неестественного совершенства. Знаете, как художники иногда придают портретам чуть больше лоска, чем имеется в оригинале? Так и здесь. Но если Тилвас с этой аурой выглядел просто душкой, нечаянным победителем в лотерее генов, то сенатор казался ожившей скульптурой, слишком далекой от реальности. Наверное, люди думали, что он вкладывает в свою внешность очень много денег.

– Не хочешь отвечать мне, Джереми? Очень жаль, – цокнул языком Лорч и коротко крикнул что-то на рёххенлинге.

Из спальни – из-под кровати – к нам вдруг выбрался крупный черный пес. Такой уставший и старый, что до этого совершенно не беспокоился моим вторжением.

– Хороший мальчик. Сидеть. Хочешь пить? – поинтересовался сенатор, подходя к собаке со стаканом наперевес.

Гурх.

– Нет. Не надо. Это зелье паралича. – Я импульсивно шагнула вперед.

– Умно, – осклабилась Лорч.

Он небрежно потрепал пса за ухом и вновь отдал ему гортанно-рычащий приказ. Собака, еле перебирая ногами, ушла обратно в комнату.

– Пес достался мне от прежнего постояльца. Никак не найду повод одарить его смертью, – со змеиной улыбкой сообщил Лорч, смахивая с плеча невидимые пылинки. По его интонации было ясно, что под «постояльцем» он имеет в виду *изначального* сенатора Цигу.

Равнодушно вылив содержимое стакана прямо на землю, Лорч прищелкнул пальцами. По всему периметру сада тотчас зажглись синие светящиеся руны: туманные, колеблющиеся на ветру, они крутились вокруг своей оси, как выставочные образцы в дорогих витринах.

– Не вздумай бежать, попортишь себе лицо, – предупредил Лорч, после чего сел на высокий бортик фонтана и похлопал рукой рядом с собой.

– Ну и почему же именно ты пришла подливать мне зелье? Где пэйярту? Я чувствую, что здесь его нет, – приподняв верхнюю губу в оскале, поинтересовался Лорч.

Вблизи от него пахло гарью. Карие глаза, изучавшие меня, после колдовства приобрели желтый оттенок.

– Потому что меня ты не убьешь, если вдруг обнаружишь, – после паузы ответила я.

– С чего такая уверенность? – хохотнул Лорч.

– У тебя уже было слишком много шансов свернуть мне шею. Если бы ты хотел моей смерти, не было бы никакого смысла похищать меня и держать в Гребне Проклятых в начале месяца. Можно было сразу убить. И, кстати, привет тебе от Пэрри Шитбро. Он умер быстро и молча, но, думаю, если бы я дала ему пару секунд на раздумья, он бы обязательно вспомнил о тебе.

Лорч возбужденно шевельнулся.

– Так это ты убила его, дорогая?

– Да.

– Прекрасно. Только зря ты поторопилась. Можно было сделать это медленно. Быстрые смерти – это так... *скучно*. Выбор обывателей, не понимающих истинную красоту и высшую ценность переходного состояния. Как ты могла лишиться себя и Пэрри такого удовольствия? – посетовал Лорч.

Холодок пробежал у меня по спине от вкрадчивого голоса сенатора.

– Ты действительно думаешь, горфус, что смерть может принести удовольствие хоть кому-то, кроме таких психопатов, как ты?

Он рассмеялся, рукой поглаживая воду в фонтане, как будто шелковую ткань.

– Ах, Джеремиа... Люди, как всегда, склонны огрызаться на все, что не понимают. Вы глупы; в выстраивании картины мира вы сравнимы с улитками, отупевшими в своих домиках, не ведающими, что творят. Впрочем, вас можно простить: вас пускают на эту землю слишком ненадолго для того, чтобы вы научились хотя бы немного думать. Девяносто пять процентов мыслей взрослого человека не меняется изо дня в день, ты знала? Вы не живете, вы спите, превращая свое прошлое в будущее, упуская самое главное – настоящее. А если кто-то вдруг и поймет истину – не иначе как случайно, – то у него ни за что не получится передать ее остолопам вокруг. Пробудившись, он сразу уснет, и все. Никакого толку. Глупые, глупые улитки.

Лорч отечески положил ладонь мне на плечо. Я не шевелилась. Тень сенатора на земле исказилась, теряя человеческие очертания и приобретая волчьи. Легкий ветер гулял по саду, перебирая листья. Я отсчитывала удары сердца и старалась не отводить взгляд от тех желтых, хищных, беспощадных глаз, которые снились мне и следили за мной так долго.

– Так вот, истина в том, что *смерть – это высший дар*, Джеремиа, – шепнул горфус.

Его дыхание пахло осенью.

– Она будто приподнимает над собой всю историю человека. Но, чтобы увидеть это, нужно быть бессмертным и бестелесным. Когда ты человек, наделенный плотью и временем, у тебя есть очень много игрушек. Но смерть интереснее всех их, потому что она загадочна и необратима. Однако до нее нужно... как бы это сказать? Дорасти. И тому, кто умирает. И тому, кто отнимает жизнь. Смерть – интимный обряд для двоих, священнодействие, требующее особой подготовки. Признаюсь, я сам не сразу научился подавать это блюдо правильно. Мои первые убийства можно сравнить с тем, как изголодавшийся бродяга одну за другой пожирает паровые булочки – голод движет им, не давая даже как следует прожевать. Впрочем, и такие

сцены надолго врезаются в память. Я помню их – свои первые убийства – до сих пор, а ты? Мм. Они были такие вкусные! Патрик... Финна... И этот – кудрявый – с тонкими косточками, аппетитно хрустящими на зубах... Ты не застала, как он плакал? Кажется, его звали Кашфиэль. Он был последним из тех десятерых, я затолкал ему несколько лилий в горло, и когда взрезал его ножом, лепестки выпадали наружу... Очень красиво.

Я изо всех сил пыталась дышать ровно.

Но мое сердце застряло в груди, слезы наворачивались на глаза, а в ноздрях появился тошнотворный запах цветов и благовоний. Мне чудилось, будто я вижу своих друзей. Они стояли за плечами горфуса – истерзанные, окровавленные, и их прозрачные лики были полны страдания. Я невольно дернулась, но Лорч сжал руку на моем плече, не давая шевельнуться. Его аккуратные овальные ногти заострились, впиваясь мне в кожу.

– Тщцц... – успокаивающе шепнул он, приближая ко мне хищное лицо. – Ты же сама завела эту тему, дорогая, отчего ты теперь дрожишь? Если же ты про моих пленных рёххов, то их я не убиваю: они недостойны этого дара. Зачем? Чтобы они просто вышли обратно в мир духов? О нет, так не пойдет. Тут надо знать золотую середину пыток: чтобы им было больно, настоящему, обновляюще, растягивающе момент до бесконечности, но чтобы сердце не оставалось – ни за что!.. Они, знаешь ли, разозлили меня в свое время. Каждый из них. Я рад, что теперь у меня наконец-то есть инструмент – их новоприобретенные *тела*, – чтобы помочь им понять, как они заблуждались, и искренне попросить у меня прощения.

Боги-хранители.

Горфус – действительно *настоящий* психопат. У таких в голове – и неважно, голова это человека или рёхха, – что-то просто перекошено. Это непоправимо, их не переделаешь, если ты столкнулся с таким – надо бежать, сразу, без оглядки, если дорога жизнь. Не геройствовать.

Но и остановить их кто-то должен... Сегодня «кого-то» играем мы вчетвером. Я собрала волю в кулак и постаралась не думать о когтистых пальцах на своем плече.

– Ты ведь понимаешь, что пытаешь не столько рёххов, сколько ни в чем не повинных *людей*? – жестко спросила я. – Тех, кто не имеет к тебе никакого отношения?

– Что поделать! Когда ты солнце, ты не выбираешь, кому светить, – горфус пожал плечами. – Ты ведь тоже не имела ко мне никакого отношения, Джереми Барк, но теперь я – твой бог. Все твои желания связаны только со мной. Вот и получается, что иногда мы благотворим случайно.

Я подумала, что ослышалась.

– Прости, что? – мой голос понизился до рыка. – *Мой бог*? Да ты ублюдок, убивший моих друзей. Все, что я хочу, – это уничтожить тебя так надежно, чтобы тебя просто больше не существовало!

– Хм. Как и многие люди, ты не хочешь видеть факты, – горфус улыбнулся. – Правда состоит в том, что тебя нет без меня, Джереми Барк. *Ведь это я создал тебя*. Твои мысли, страхи, надежды, все, что определяет тебя как личность – даже *имя* твое! – родились в ту ночь в Зайверино, когда я по воле судьбы наградил тебя своим вниманием. Чего ты боишься? Меня. Чего страстно желаешь? Свободы от меня. О ком ты думаешь каждую ночь, кого видишь во сне? Меня. Благодаря кому ты встретила вора? А пэйяргу? Более того, ведь Белый Лис, столь близкий тебе, – всего лишь слабая пародия на меня, жалкий рёхх с обломанными клыками... *Я – центр твоей вселенной*. Не станет меня – и тебе незачем будет жить. Именно я подарил тебе главную драму, твой характер, судьбу и урок. *Это я сделал тебя тобой*: трагической, потерянной и потому такой интересной фигурой... Ты – мое лучшее творение в этом смертном мире.

Закончив, сенатор приподнял бровь и низко, тепло рассмеялся. От этого смеха что-то внутри меня сломалось. Ночное небо над нами безнадежно набухло тучами, они тихо рокотали, воздух наполнился духотой, предшествующей грозе. Голова у меня шла кругом. Я попробовала отодвинуться. Лорч не дал.

Страшнее всего было то, что я *понимала*, о чем он говорит.

В Джинглберри я сама думала об этом. Что горфус – как порог, за который я не могу заглянуть. Все эти годы я не мечтала ни о чем, кроме как об избавлении от врага. Я проживала сумрачный черновик своей жизни, отказываясь подумать о чистовике, потому что видела тень, стоящую у меня за плечами.

Возможно, когда все будет кончено, со мной случится то же, что бывает с преступниками, вышедшими из тюрьмы после долгого заключения, – они изо всех сил стремятся обратно: для них нет жизни без беды. Нет жизни без состояния жертвы, без страданий, без страха. Они разучились быть свободными.

Как и я.

– Я вижу, что ты понимаешь, дорогая, – томно прошептал сенатор. Его желтые глаза светились от удовольствия. – Вся эта бархатная темнота, горькие ундины глаза с поволокой, невысказанная притягательность сломанного существа, страсть к древним книгам в попытках разгадать шифр, оставленный мной на твоей спине, – все, что составляет прелесть твоей личности, *подарено мной*. Благодаря мне твое второе имя – *Трагедия*, Джерри. Я нарекаю тебя так.

И вдруг меня прошибло странным осознанием... Да, в словах горфуса о моей личности была правда, но это была *не вся правда*.

Другая ее часть заключалась в том, что я и раньше была такой. Я распахнула сердце трагедиям давным-давно, еще до Зайверино. Меня изначально привлекал такой путь – терново-колючий, полный иллюзий, дурмана, отчаянной энтропии, пыльных книг и сладостного падения.

Для нормальных людей страдание – это лишь указатель на ту сферу жизни, которую им надо изменить. Просто знак неполадки, помогающий не сбиться с пути к счастью. Но я видела в страданиях достоинство, и это было и *до* Зайверино. Именно из-за этой тяги к драме я поступила в университет Селесты.

Ты говоришь: бархатная темнота, горфус? Да, безусловно. А чего еще ждать от человека, выросшего на древних поэмах и песнях, в которых герой всегда обречен, а катарсис достигается потерей, разрядкой через рыдание? Я изначально была такой – мрачной, влюбленной в запах пыли и дыма, слишком долгое время проводившей в компании мертвых языков и мертвых поэтов.

Да, сейчас эта бархатная темнота составляет сто процентов моей личности. Но из них только часть родилась из-за горфуса, а остальные со мной давно.

Это не ты меня создал, ублюдок. Это я создала себя в том жанре, который мне близок, а тебе просто разрешила сыграть роль в моей пьесе.

Избавившись от врага, я потеряю лишь часть моей самости, а не всё. Я отстрою ее заново, еще лучше.

И да.

Возможно, на сей раз я выберу не темноту.

Не полную темноту.

Наши с тобой разрыв будет не таким болезненным, как ты надеешься, горфус. Ты веришь, что я боюсь освободиться от твоей власти? У меня плохие новости. Я предвкушаю это.

Я – не мертвая земля, которой ты покровительствуешь. Я – земля, готовая зацвести.

Мне хотелось рассмеяться в лицо врагу, но нельзя было – согласно сценарию.

Я опустила голову, позволив сенатору упиваться ощущением полной психологической победы. Скосив глаза на воду в фонтане, я видела едва заметное движение в глубине.

Гость слушает.

Все это время у нас с сенатором Лорчем был невидимый зритель. Морской рёхх по имени *ономоррэ* – крохотный осьминог, чья особая способность заключалась в том, что его не могут

почувствовать другие духи природы, если он этого не хочет. Идеальный шпион и... судья в нашем случае.

Морские рёххи не могут находиться на суше. Они могут появляться только над водой или в воде. Ономоррэ заранее приплыл в этот фонтан – его питают воды океана – чтобы посмотреть на спектакль, обещанный нами с Тилвасом, и решить по итогам: будут вмешиваться духи природы или нет.

Если будут, нам придется дать сюда много, *много* воды, чтобы армия морских смогла совладать с горфусом: расщепить его так, чтобы он, бессмертный, долгие десятилетия собирал обратно свою бесплотную форму.

Но пока что судья ономоррэ продолжал наблюдать: не все условия были выполнены.

– Теперь ты понимаешь, что я – твой создатель, Джеремиа? – горфус положил руку мне на щеку. – Я далеко не сразу понял, как важна наша связь. Я злился, что не успел вселиться в тебя, и долго искал другие способы попасть в человека. Став Лорчем, я рассеянно приглядывал за тобой и рассчитывал, что займусь тобой позже. Потом, когда мои подручные выяснили, что в Тилвасе спрятан расщепленный пэйярту, я понял, что тебе будет проще, чем остальным, убить его – просто сорвать амулет, чья защита не действует на тебя, ведь ты благословлена моими касаниями. Но когда вы с пэйярту начали сбегать и скрываться... Когда я наблюдал за тобой все пристальнее и дольше... Я понял, как ты дорога мне. Как я горжусь тобой.

Я покачала головой.

– Ты болен, горфус. Ты не можешь адекватно оценивать реальность.

– Адекватно – это как? – он сощурился. – Как все? Согласно общепринятой морали? А кто тебе сказал, что она правдива? Откуда мы вообще знаем то, что знаем, Джеремиа Барк? Кто нам это сказал? А кто сказал это тем, кто сказал нам? Вдруг вся нравственность построена на клубке заблуждений?

– У тебя просто нет сердца. Иначе бы ты знал правду. Ее не обязательно спрашивать у кого-то, достаточно заглянуть в себя. В глубине у нас всегда есть знание о том, что правильно или нет.

– И у тебя тоже?

– И у меня.

Он облизнулся и, подавшись вперед, погладил меня по щеке.

– Я с удовольствием однажды проверю это, Джеремиа. Когда сменю свое тело на твое.

Дыши, Джеремиа.

– Этого не будет, – твердо сообщила я. – Я не даю тебе разрешения, я категорически против того, чтобы ты вселялся в мое тело. *Ego autem absit. Я запрещаю.*

Формулировка была предназначена специально для морских – для их сложной этической задачи «хороший горфус или все-таки сучка?» – и, признаться, я боялась, что Лорч раскусит неестественность, неуместность этой фразы. Но мне удалось произнести ее с нужной интонацией. Сенатор лишь глумливо расхохотался.

– Да мне плевать на твои запреты, – выдохнул он мне в лицо. – Я давно уже твой Хозяин. Ты – не более чем глина в моих руках, и никакие больше разрешения от тебя не нужны. Ты слушаешь меня?

Но я не слушала.

Я смотрела мимо него – туда, где в полночный сад из спальни бесшумно ступил Тилвас Талвани.

Артефактор на мгновение остановился у светящихся синих рун, наколдованных горфусом. Потом тихо шепнул что-то и потянулся пальцами к ближайшей из них.

– Ты слушаешь меня? – угрожающе повторил Лорч, перемещая пальцы на мою шею. – Смотри на меня, когда я говорю с тобой, Джеремиа!

– Да ты задрал уже трепаться. Иди и сдохни, сделай всем одолжение, – выдавила я.

Глаза сенатора расширились от удивления, а нос слегка дернулся, потому что он наконец-то почувствовал запах своего врага...

В этот самый момент Тилвас коснулся руны, и весь магический барьер на границах сада вспыхнул пламенем, чтобы мгновение спустя перекраситься из синего в красный – цвет пэй-ярту.

– Здравствуй, горфус, – ровным голосом сказал Талвани, переступая колдовскую линию и поправляя свое шикарное синее таори. – Я слышал, ты ищешь меня по всей Шэрхенмисте? Так вот – я здесь.

Полночный сад заполнен пустотой

Contra vim mortis non est medicamen in hortis.
«Против силы смерти в садах нет лекарств».

Вы когда-нибудь видели, как животное реагирует на принесенный ему свежий кусок мяса? Точно так же повел себя сенатор Цига Лорч в ответ на появление Талвани.

Он подобрался. Он втянул воздух ноздрями. Его глаза засветились горчишно-лимонным светом, а руки дрогнули в кровавом предвкушении.

– Пэйярту, какая встреча... – с выдохом пропел-промурчал Лорч, оборачиваясь к артефактору. – Я уже и не надеялся.

Сенатор спрыгнул с высокого бортика фонтана и быстро сплел пальцами некую вязь. Камень запузырился, и от него тотчас отделились своеобразные мраморные хлысты, сковавшие мои руки и ноги.

Гурх. А повелитель голых скал неплохо работает с магией камня.

Тилвас стоял недвижимо в кругу из мерцающих рун. Увидев маневр врага, артефактор покачал головой:

– Отпусти ее, горфус. И всех других своих пленников. Ты носишь лицо человека – так будь человеком, хотя бы с людьми.

– Философия хороша только в книгах. Лучше скажи: в чем моя выгода отпускать Джеремию? – с интересом наклонил голову горфус.

– Разорви вашу связь, и я добровольно отдамся в твои руки. Клянусь – а ты знаешь, что моему слову можно верить. Отпусти ее – и у тебя буду я. Делай со мной что угодно. Ты ведь так этого хотел.

Сенатор, прищурившись, посмотрел на Талвани, стоящего, сложив руки на груди, и манерно обнял себя за плечи. Я крутила запястьями в тугих каменных путах. *Не выбраться.*

– Изначально я хотел этого, ты прав, пэйярту, – лениво протянул Лорч. – Но в процессе оказалось, что с людьми вообще и с Джеремией в частности куда веселее. Зачем соглашаться на меньшее, если есть большее? Так что прости – если ты не готов пообещать мне *вас обоих*, то мирной сделки не получится. Впрочем, кому вообще нужен мир, если я могу взять свое силой и тем самым начать наш праздник прямо сейчас? – улыбнулся он.

И тотчас развернулся бой.

Мощным жестом обманчиво расслабленный горфус раскинул руки, и в Тилваса полетел ослепляющий синий свет. Артефактор выставил ладони навстречу: с его пальцев сорвались мириады оранжевых капель и сомкнулись овальным щитом. Две силы столкнулись в центре сада, заставив противников пригибаться под волей энергии унни, скрежетать зубами.

– Ты что, забыл, насколько я сильнее тебя, пэйярту?! – злорадно крикнул Лорч, шагая вперед, будто против сильного ветра, и единым скольльзящим движением отбросил в сторону сцепившиеся щит и свет.

Клубок колдовства врезался в замковую башню и взорвался. Тилвас резко взмахнул руками, алые руны по контуру сада полыхнули, и ветви бука, растущего над фонтаном, вдруг ожили, упруго отбивая по сторонам посыпавшиеся камни. Если бы не они – осколки стены попали бы в меня.

Горфус, крутанувшись на месте, протянул руки к дереву, и бук запылал огнем. Пожар бушевал прямо надо мной, но всё, что я могла, – это лишь сильнее прижаться к бортику фонтана, стараясь не сгореть заживо. Сквозь опаленные ресницы я видела, как над водой слабо серебрится контур рёхха-наблюдателя... Осьминог ономоррэ хладнокровно смотрел на разрушения вокруг. Маленький упрямый судия. Ему все еще было недостаточно для того, чтобы пригласить остальных.

«Вот зараза, – подумала я, чувствуя, как падающие сверху угольки прожигают мое платье. – Нейтральность нейтральностью, но что тебе стоит хотя бы потушить долбаный бук?!»

Тилвас опустился на одно колено, касаясь земли: по камням от него пробежала серебряная тень, и вода взмыла вверх из фонтана, остужая полыхающее дерево.

Горфус воспользовался тем, что пэйярту отвлекся: он выкрикнул гортанный приказ, текуче сменил боевую стойку, и там, где находился Талвани, брусчатка вдруг раскалилась, а мгновение спустя лопнула, уродуя двор глубоким провалом. Артефактор едва успел кувырком откатиться с места, где теперь из-под земли вырывались хищные тени, похожие на языки пламени.

Когда Талвани поднялся, в его пальцах возникли изогнутые клинки из красного света. Он бросился вперед, но горфус не хотел допускать ближнего боя. Вместо этого Лорч низко зарычал, припав к земле обеими руками. Сад содрогнулся, из раскола вдруг хлынули призрачные волки – беспощадная стая, бросившаяся к Тилвасу. Им навстречу, сорвавшись с сапог Талвани, скакнула одна-единственная лисья тень.

Боги-хранители, насколько же пэйярту мельче горфуса.

Артефактор упал на колени, когтем прорубил по земле острую линию – по всему саду на мгновение вспыхнул золотой свет, стерший все тени, за исключением лисей. Однако стоило свету потухнуть, как из дымящегося раскола стали выныривать новые, новые волки...

Тени рёххов уже метались не только по двору, но и по окнам спальни, по замковым башням – это была охота, настоящая травля маленького белого лиса. Все раны теневого пэйярту отражались на Тилвасе-человеке: он страшно хромал, через всю грудь по белой рубашке бежала алая полоса крови. Эти раны, в отличие от обычных, не спешили затягиваться.

Но Тилвас все равно шел вперед. Шаг за шагом, упрямо наклонив голову, отбивая кинжалами смертоносные заклинания горфуса. Древние стены вокруг нас стонали, дребезжали панорамные окна спальни, кипарисы сгибались в поклонах. Небо раскалывали сухие молнии подступившей грозы.

Я не могла оторвать взгляд от битвы двух рёххов, когда вдруг краем глаза увидела какое-то движение...

В узкой арке сбоку от фонтана появился изможденный парнишка в рваной одежде с огромным количеством шрамов и кровоподтеков. Тот самый младший рёхх из морских, один из пленников горфуса. Его буквально колотило. Бросив бешеный взгляд на развернувшуюся во дворе сцену, он прижался к стене, дрожа всем телом, закрыл глаза и заплакал.

Несмотря на сочувствие к юноше, я не удержалась от выдоха облегчения.

– Ономоррэ! – шепотом окликнула я рёхха в фонтане, столь же зачарованного боем горфуса и пэйярту. – Вот ваш пленник, смотри же! Vide! *Смотри!*

Осьминог обернулся к арке. Демонстрация освобожденного рёхха была последним условием морских. Мы обязались вывести его сюда, чтобы ономоррэ увидел все три требуемых ими компонента: пленника горфуса, агрессию горфуса и его готовность захватить тело человека против его воли.

Педантично вглядевшись в дрожащего юношу в арке, ономоррэ наконец чинно кивнул мне.

Мы готовы вмешаться, выпускайте нас.

Тилвас и я видели его, сенатор, вновь стоявший спиной к фонтану, – нет. Мы с Тилвасом быстро переглянулись, и я резко изогнулась, заставив тем самым качнуться подвеску в виде яйца у меня на груди. Где-то там, в подземелье, точно такая же качнулась у Галасы Дарети.

Суд прошел в нашу пользу. Пора пускать фонтаны наружу.

Краем глаза я также увидела, как из тени арки бесшумно выступил Мокки Бакоа. Вор за руку потянул трясущегося морского рёхха обратно, в укрытие, и пленник с облегчением скрылся. Он и так настрадался, не надо ему участвовать в битве.

Мокки снова высунулся из арки, явно намереваясь двинуться ко мне, помочь, но я отрицательно замотала головой – не вздумай, эй, мы же обсуждали это! По нашему плану Мокки и Галаса не должны были участвовать в происходящем.

Одновременно с моим молчаливым протестом горфус повернул голову в сторону арки – видимо, почувствовал какое-то движение, – и вор мгновенно растворился в тени, чтобы остаться незамеченным.

– Знаешь, что мне не нравится в нашей битве, пэйярту?.. – вдруг проговорил горфус, новым заклинанием возводя перед Тилвасом полыхающую стену синего огня, разделившую сад пополам.

Тилвас в своей прекрасной манере – *никакого бисера свиньям* – не стал отвечать. Просто мастерски крутанул в руках магические алые кинжалы и попробовал прорубить ими ход в синем пламени. Получилось, но лишь на секунду – синие стены вновь сомкнулись. Талвани отбросил ножи и стал выколдовывать другое плетение, призванное остановить огонь.

– ...Мне не нравится то, как ты спокоен, – вкрадчиво продолжил горфус, монотонно шагая вдоль стены на нашей стороне. – Я начинаю думать, что ты не слишком переживаешь за Джеремию, зная мою слабость к ней. Однако не всё потеряно, ведь я...

Не договорив, сенатор резко повернулся ко мне и метнул в меня светящееся лезвие, в мгновение ока выдернутое им из пустоты.

Вот это уже не по плану.

Лицо Тилваса исказилось.

Глаза его полыхнули алым светом, сухожилия напряглись. Артефактор отпустил незаконченное заклинание и шагнул сквозь пламя прямо так, как был.

Синий огонь охватил его со всех сторон. Тилвас прошел сквозь него, не думая о ранах, расцветших тотчас по всему телу. Тень лиса пэйярту также скользнула сквозь пламя, оставляя стаю воющих, рычащих волков позади. Полыхая, израненный, но ловкий лис бросился ко мне, а его хозяин Талвани что есть сил швырнул вперед формулу отмены.

Но... Лезвие, брошенное сенатором, было первым. И это играло свою роль, ведь даже у магии есть скорость.

Глядя на то, как туманный колдовской клинок приближается, крутясь вдоль своей оси, метя мне прямо в сердце, я судорожно вдохнула. Время будто замедлилось. Прикованные руки не давали мне возможности увернуться.

Пожалуй, наш план оказался не так уж хорош.

Лезвие было уже совсем близко, как вдруг из тени возле меня скользящим гильдийским шагом вынырнул Мокки. И замер лицом ко мне, передо мной.

– Я... – начал он, и в этот самый момент кинжал пронзил его насквозь.

Краешек лезвия показался в груди, взорвался, а потом мгновенно растворился, оставив по себе фонтан крови и клочья рубашки.

Глаза Бакоа расширились и остекленели. Без единого звука мертвый вор упал на землю.

Убит.

Убит.

Убит.

Я заорала. Я орала так, что мне казалось, весь мир должен рухнуть – если еще нет. Я чуть не вырвала себе руки, пытаясь освободиться от пут горфуса, я не видела ничего, кроме безжизненного тела на земле, полночного сада и тишины – там, где должно быть биение сердца и вечная,

самоуверенная,

наглая

насмешка

Мокки над жизнью.

Когда мой крик иссяк, оставив лишь слезы и оглушающую тишину, горфус закончил:

– ... Не все потеряно, ведь я в курсе, что ты дорожишь не одной только Джерри.

– Я убью тебя, – холодно и чуждо сказал Тилвас двоящимся голосом, в котором было только одно – смерть.

– Так-то лучше, – осклабился горфус. – Хотя погоди, пэйярту. Сделаем *еще* интереснее. *Propter flammae caelestis papilionem non miserebor. Не жалко мотылька для пламени небес.*

– *НЕТ!*

Что-то заставило меня поднять взгляд от мертвого Мокки, чтобы увидеть, как горфус вгоняет еще одно призрачное лезвие – на сей раз себе в грудь. С бешеной улыбкой, с сияющим взглядом Цига Лорч дважды провернул кинжал в своем сердце.

Темная тень отошла от рухнувшего тела сенатора одновременно с тем, как весь остров трянуло.

Башни древнего замка вздрогнули, со всех сторон оглушительно зазвенели сирены, а камни сада взрывались – из-под них хлестала вода, верхушки океанских фонтанов, наконец-то освобожденных, пришедших мстить за долгие столетия плена.

Остров погружался в темноту сообразно тому, как в окнах лопались маг-сферы. Послышались далекие, будто сквозь вату, отчаянные крики гостей. Водяной пар затягивал сад и замок, а я поняла, что моя спина полыхает от боли, пронзившей все мое естество.

Мертвый Мокки смотрел на полночное небо, из открытого рта у него вытекала кровь, грудь была как алая роза, раскрывшаяся на рассвете.

Что-то затянуло мои глаза черной пленкой. Кто-то будто отодвинул меня в самый дальний угол черепа, и я почувствовала, как чужое сознание разворачивается и обживаетея в моем теле. Я зарычала, рванула руки – и заклинание, сдерживавшее их, рухнуло с треском.

Я спрыгнула с бортика фонтана, легко переступила через мертвого Бакоа, шагнула вперед и улыбнулась бледному, яростному Тилвасу.

– Вот теперь мы развлечемся, пэйярту, – сказала я.

На Тилвасе не было лица.

– Это не развлечение! – отчаянно прорычал он. Его тело пыталось заживить раны, нанесенные синим огнем, лисья тень бесновалась отдельно от артефактора, шарахалась от меня, выгибая спину. – Ты *ничего* не понял, горфус. Ничего!

– Как это не развлечение? А зачем еще ты стал человеком, лис? – Я поправила волосы, игриво облизнула губы и соблазнительно провела рукой по своему лицу, шее, груди. – Чего еще ты хотел, когда вселялся в поломанного мальчишку на острове Нчардирк?

– Я всегда хотел лишь любви!

Эти слова были настолько искренними и болезненными во тьме вокруг, что мое сердце, даже под властью горфуса, сжалось. Но внешне я лишь глумливо рассмеялась и широко улыбнулась.

– Так вот она я, твоя любовь. Нравится?

Я сделала несколько быстрых шагов вперед. Лицо Тилваса было искажено болью и пустотой, сопровождающей настоящее горе. Облизнув губы, я приподнялась на мысочки, будто желая поцеловать его, но вместо этого с рычанием оскалилась и укусила в шею.

Что-то внутри меня рушилось – небо, сколько там еще можно рухнуть, сколько сил можно вычерпать, даже когда уже думаешь – *всё?* – пока я вгрызалась в шею артефактора, сладко обхватывала его руками, подтягивала к себе, наслаждаясь запахом страдания.

Он не мог оттолкнуть меня.

Он знал, что во мне горфус. Он знал, что я съем его заживо, как Кашфиэля, Финну и остальных в Зайверино. Но он все равно не мог оттолкнуть меня.

Милый Тилвас...

Просто однажды тебя перестает хватать на всю эту тьму. Вместо ответного удара ты выбираешь молчание, чтобы не порождать новую войну, не подбрасывать еще поленьев в пламя ненависти. Да, ты сгоришь. Но когда-нибудь, если *все* перестанут отвечать на ненависть ненавистью, ненавидеть станет просто некому. Ненависть, война, тьма – умрут без подпитки.

Милый Тилвас...

Мои зубы покрылись его кровью.

– Джерри... – убито шепнул он.

«Я не она», – хотела сказать я, но в этот момент какая-то сила оторвала меня от Талвани и развернула.

Огни вдалеке

*Утро приходит даже за самой темной ночью,
Забывшие корабли возвращаются, в парусах качая ветра.*

Полночный сад был затоплен водой.

Ее тонкая лаково-черная пленка покрывала и камни, и мхи, и осколки разбитых стекол. Покрывала мыски моих туфель, перебирала разметанные волосы мертвого Лорча, мертвого Мокки, играла струйками крови, как красками, тут и там. Вода, журча, затапливала сад все выше и выше.

А над ней – в воздухе передо мной – висел легион морских рёххов.

Безмолвные и траурные, светящиеся бледно-голубым, они парили над черным зеркалом, впериw в меня десятки обвиняющих взглядов. Мне казалось, я попала в пространство чужой дремы. Сад был похож на лунатика, заблудившегося в океанских кошмарах.

Вскинув подбородок, я хрипло рассмеялась и утерла тыльной стороной ладони окровавленный рот.

– Что вам, падалыщики? – ощерилась я, властно оглядывая ряды духов. Каждый из них – укор.

На переднем плане, во главе легиона, парил белый величественный альбатрос.

Эндольф.

– Горфус, – прогремел он, обращаясь ко мне. Так могло бы говорить само время. – Ты нарушил Негласный закон.

И не успела я открыть рот, чтобы плюнуть в него, оскорбить, объяснить, что закон нынче – я, *пошли прочь из моих владений, глупые твари*, как альбатрос ударил меня своим крылом.

Меня будто наполнил очищающий свет. Я задохнулась и вскрикнула, упала назад, на руки Тилваса Талвани, а на том месте, где я стояла, теперь находился призрачный волк – очень черный по сравнению с голубовато-белыми морскими духами.

Горфус низко, рокочуще зарычал и, припав на передние лапы, злобно оглядывал ряды рёххов перед собой.

– Ты жива? – едва слышно пробормотал Тилвас, удержавший меня от падения.

Я ошеломленно обернулась к нему. Увидев, что мои глаза – снова мои, артефактор рвано выдохнул, а потом крепко обнял меня. Это было одно из тех объятий, в которых хочется остаться навсегда – но получается лишь на долю секунды. В ужасе я смотрела на то, как истерзана мной его шея. Меня трясло от осознания, что...

– Я – да... Я жива... Но... – заторможенно, в ужасе, проговорила я таким слабым голосом, какого не позволяла себе много лет.

Все еще бледный, Тилвас обхватил меня, пригнулся и вместе со мной поднырнул под парящий легион – мы бежали к фонтану, где лежало тело Мокки Бакоа.

Вокруг нас нарастал гнев рёххов. Он ширился, подобно морскому ветру, проносился по саду, превращая листву в паруса, отскакивая от разбитых стен замка, затапливая все древней, как сам океан, яростью. Духи дрожали и выгибались, их рты искажались, призрачные контуры мигали во вспышках молний, пронзающих небо. Морские рёххи шептали имя горфуса, повторяя его, как заклинание, постепенно смыкая ряды вокруг волка.

Их призрачные сущности уже заполонили весь сад, и сообразно тому, как поднималась вода, призванная нами, рёххи становились все крупнее. Альбатрос энгольф вырос столь огромным, что возвышался над фонтаном, и его призрачные крылья закрывали небо.

Я слышала, как рёххи вразнобой стонут:

– Ты предал нас, предал нашего друга, предал... – шепот волн, постепенно превращающийся в рев стихии.

Грохнула молния. Пролился дождь, наделяя их новой силой.

– Как ты мог?.. Как ты смел?..

– Это. Не ваше. Дело, – раздельно и четко произнес горфус, чья черная шерсть встала дыбом. – Вы уже принесли мне достаточно зла! Уходите прочь в свое море! Это касается только нас с пэйярту. Не вас!

– Но ты же сбежал из нашей тюрьмы, ты мучил нашего *корролэ*...

– Я не виноват, что он согласился на сделку с Орденом и объединился с человеком.

– Это был его выбор, его... – шептали морские. – А вот ты принял решение *за* него. Нарушил его свободу. Принес ему муки. Свел с ума, и теперь красные подводные цветы вянут, погибая, и тьма наполняет наше царство.

– У вас там и так тьма, – прорычал горфус, обнажая зубы.

Он осознал, что договориться не получится. Все вокруг уже было заполнено духами. Замок плыл в ночи, как разбитый корабль, но горфус все же попробовал вырваться.

Вскинув морду к небу, протяжно взыв, он призвал армию теней, хлынувшую на рёххов в попытке загрызть их, воспользовавшись эффектом неожиданности. Но морские уже давно были будто натянутые струны, и теперь сорвались в атаку – кишмя кишашее светящееся марево силы и мести.

Я не смотрела на бой. Я плакала над телом Мокки, брошенным, словно сломанная кукла, у фонтана.

Убит.

Убит.

Убит, —

набатов звучало в моей голове.

Мои пальцы тряслись. Распахнутые глаза вора давно остекленели, рот был открыт в безмолвном крике. Растерзанная грудь похолодела. Вода, затоплявшая сад, обступала Мокки, от ран во все стороны тянулись красные ручейки.

Я взывала. Я вцепилась в застывшее тело Бакоа, я уткнулась лбом в его раненую грудь, я молилась всем и всему, что знаю, я хотела заключить сделку – любую сделку, с духами, с богами, с природой, с самыми темными силами, что ни есть – лишь бы они вернули его. Рыдая, я билась в истерике, а надо мной темными вихрями, яркими вспышками шла битва морских рёххов и горфуса.

– Джерри. Джерри, хватит, – с болью попросил Талвани, касаясь моего плеча.

Я с рычанием скинула его руку и развернулась.

– Сделай что-нибудь, Тилвас! *Сделай что-нибудь!* Что угодно! Ты должен вернуть его, слышишь?!

– Я не могу.

– Убеди кого-нибудь из них! – я вскинула руку вверх.

Полчище рёххов над нами скрывало небо.

– Пусть вселятся в него! Пусть оживят! Мне плевать какой ценой, верни его, Тилвас! *Верни!*

– Джерри, он уже мертв.

Талвани тоже плакал. Он обессиленно сгорбился, положив руку на плечо Бакоа. Его лицо было серьезным и скорбным, возможно – жестоким, но крупные слезы скатывались одна за другой по его щекам, и увидев это – плач Тилваса, – я поняла, что все

действительно

кончено.

Смерть нельзя отменить.

– Я думала, – захлебываясь рыданиями, всхлипнула я. – Я думала, мы все наконец-то будем счастливы, понимаешь? Что страдания обязательно окупятся. Я... Боги-хранители, Тилвас, я была *уверена*, что, несмотря ни на что, мы все же достойны счастья. Все вместе и каждый сам по себе. Что Мокки теперь будет дышать полной грудью. Что я смогу снова думать о чем-либо, кроме выживания. Что ты наконец обретишь свободу и найдешь, что ищешь. Что мы втроем... Я не знаю. Я правда верила, что пеплова сказка должна быть со счастливым концом, но...

Я не смогла договорить. Слова потерялись.

– Я тоже так думал, – тихо, надтреснуто сказал Талвани. – Я не мог не верить.

Убит.

Убит.

Убит.

Сквозь белое марево слез я будто воочию видела, как проносятся и тают образы, в которые мы поверили в эти последние дни. *Мокки приводит в порядок квартал и придумывает новые авантюры. Тилвас – свободный, как ветер, вновь становится заклинателем. Я погружаюсь в миры книг и сцены. Мы втроем в убежище – в золотом закатном свете, легкие руки, шальные улыбки, совместная тайна, большие мечты.*

Все кончено. Ничего не сбудется. Смерть опять выиграла.

То ли вой, то ли плач вырывался из моей груди. Тилвас протянул руку, чтобы закрыть глаза и рот мертвецу.

И вдруг ладонь артефактора замерла. Поколебавшись, Тилвас судорожно вдохнул и стал шире раскрывать челюсть погибшего Бакоа.

– Что ты делаешь? – надтреснуто спросила я.

– Пирсинг, – очень медленно протянул Талвани. – У Мокки проколот язык. А у *него* – нет.

– Но...

Металлического шарика на языке действительно не было.

Мы с Тилвасом замерли, напряженно глядя друг на друга. Мое сердце билось так рвано, так криво, что, казалось, сейчас разорвется на куски. Надежда замерла на пороге души, не уверенная, что ей можно входить.

– Я не понимаю, – выдавила я.

Тилвас долго молчал, не отвечая. Потом положил ладонь на лоб Бакоа и шелестяще шепнул:

– *Ostende te.*

«*Проявись*». Его пальцы замерцали мягким оранжевым светом, и чары стали развиваться.

По мертвому телу прошла слабая рябь, как вздох, как последнее дуновение летнего ветра перед началом осени. Золотистая дымка окутала Мокки, и под ней медленно перетекли черты лица. Неохотно сменился рост и одежда, волосы, кожа, обувь. Одно оставалось прежним – смерть, сковавшая тело. И решимость в мертвых глазах.

Вместо Мокки перед нами лежала Галаса Дарети.

Боги-хранители...

При виде погибшей целительницы меня пронзила глубокая печаль, но по сравнению с прежним горем, выворачивающим суставы, она казалась почти облегчением.

Вот почему она так смотрела на меня в последние дни. «Будущее в моих видениях необратимо». Она видела, что горфус метнет в меня колдовской кинжал и что Мокки шагнет под него, пожертвовав собой. И тогда она исправила... что могла.

Наверное, она не сразу решилась. Наверное, ей было очень нелегко сделать этот выбор.

Я вспомнила, как в убежище Галаса и Мокки играли в покер, и в какой-то момент, какую бы карту ни вытягивала себе целительница, они все были тузами.

– *Что за шутки, вор?* – добродушно рассмеялась она тогда.

– *Поддаюсь тебе как могу, – проворчал Бакоа. – Иначе ты меня никогда не обыграешь. А так – подменил пару карт, и все вроде как счастливы. Кое-кто бездарный победил первый раз в жизни, а я хоть пальцы размял.*

– *Но когда ты успел подменить их?..*

– *Я подготовил все, как только твердо решил, что в этой партии из нас двоих должна победить ты, – зевнул вор. – А подменил перед раздачей, конечно же.*

Тилвас, до белизны сжав пальцы, саданул кулаком по борту фонтана.

– Галаса! – с непонятной интонацией воскликнул он.

Для него эта потеря была не легче предыдущей. Наставница. Подруга. Лекарь. В отличие от меня он знал ее долгие годы, рос под ее крылом, вместе с ней охотился на темных сущностей в университете имени Рэндома, и сейчас лицо Тилваса наполнилось скорбью.

Пробормотав что-то на языке рёххов, Талвани опустил и с почтением коснулся губами лба мертвой целительницы.

Высоко над нами рёххи и горфус как будто слились в единое грозное торнадо. Вихрь не прощения, марево мести, ворочающееся над замком, как древний гигант. Башни замка вокруг дрожали и стонали.

– ...Так. И где же тогда Бакоа? – хрипло спросил Тилвас, поднимаясь и поднимая Галасу на руки.

– Это очень хороший вопрос, – отозвалась я.

И в этот самый момент битва морских рёххов и горфуса наконец закончилась.

Небо будто взорвалось яркой вспышкой. Мощная энергетическая волна пронеслась во все стороны, срывая свежие листья с деревьев. Она обрушила постамент, выбила оставшиеся окна замка, осушила мои слезы и заставила воду в саду бурлить, превращаясь в пар. Все тряслось, по земле побежали трещины, в которых булькали огромные соленые пузыри. Только заклинание, выкрикнутое Талвани, укрыло нас с ним и Галасой от смерча осколков.

Волна энергии оглушила и придавила, а потом растворилась в ночи. Теперь слышался только плач проливного дождя и журчание разбитого фонтана. Сад продолжал заполняться водой, еще стремительнее, чем прежде, ведь под напором стихии сдавались даже нижние этажи замка, возвращая все больше власти океанским фонтанам.

– Джерри! Яйцо у тебя на груди!

Артефакт-подвеска яростно бился, оголтело качался туда-сюда, чуть ли не обрывая цепочку.

Так.

По идее, второй такой артефакт должен был быть у Галасы Дарети, чтобы она знала, когда открывать вентили в подземелье, в то время как Мокки оттуда же выводил к нам пленного морского рёхха. Но Галаса сейчас была здесь, без амулета. Значит, именно там, в подземелье, травница подменила Мокки – сначала в том, чтобы привести рёхха, и потом и внешне. Уж не знаю, как она объяснила потребность в обмене ролями («У меня клаустрофобия?», «Я не смогу развинтить вентиль?», «Просто помоги мне, Бакоа, ведь ты хороший человек и только мне позволяешь видеть это?»), но, вполне вероятно, что она тайно заперла вора внизу, чтобы он не вздумал побежать наверх после освобождения воды.

Чтобы он не помешал ее жертве.

И Мокки спокойно ждал знака от меня – «пускаем фонтаны», – а потом попробовал выбраться, но обнаружил, что дверь заперта, а его отмычки кто-то стащил. Он стал биться наружу, злиться, *ладно, хорошо, я подожду, пока вы спуститесь, победители гурховы, и тогда мы разберемся, как, блин, так вышло, а, Дарети?* Но теперь... Теперь он уже всерьез бил тревогу, потому что подземелье стремительно затопливало океанской водой.

Переглянувшись, мы с Тилвасом рванули через затопленный сад в опустевший замок.

* * *

Немые каменные коридоры. Со всех сторон льется вода, черная в темноте. Мигающие разбитые маг-сферы под потолком, иногда взрывающиеся, плюющие искрами. Осколки бокалов, брошенных гостями. Лепестки белых лилий, устилающие толстые и промокшие ковры.

Весь замок тихо гудел, как призрачный колокол далекого Асулена. Все сбежали еще при первых признаках боя с горфусом, сейчас здесь были лишь мы и льющаяся со всех сторон вода.

– Жди здесь! – крикнул Тилвас, опуская тело Галасы на сундук на лестничном пролете.

Мы уже пробежали большую часть пути, ведущего в подземелье с вентилями, и увидели, что ниже всё затопило. Амулет-яйцо, бесновавшийся раньше у меня на груди, теперь висел молча. Плохой знак.

– Нет уж, – воспротивилась я, набирая воздух в легкие и первой ныряя вниз, в соленую воду.

Темнота. Тишина. Прохлада. Мое шелковое платье обвивает ноги и похоже на чешую. Никаких ориентиров в мутной воде, лишь тут и там медленно покачиваются старинные инкрустированные кубки, да серебряные нити в гобеленах на стенах поблескивают, будто спины загадочных рыб.

Рядом со мной взметнулись пузырьки – Тилвас тоже нырнул и, мощно загребая руками, устремился вперед и вниз вдоль затопленной шахты. Я плыла за ним, отталкиваясь от каменных поручней лестницы, чтобы было быстрее.

«А ведь это почти Рамбла, – мелькнула мысль. – Вот только у Бакоа с собой нет придонной маски...»

Мы проплыли мимо тюремного отсека с распахнутыми и пустыми клетками для бывших пленников горфуса. Краем глаза я видела, как деревянные табуреты всплывали в камерах, долбясь о решетчатые потолки. Пыточные орудия слабо колыхались, как злые кожаные водоросли.

Наконец показалась нужная нам дверь, запертая снаружи – вход в вентиляную. Мы с Талвани, подплыв, стали дергать разбухший засов. Он поддавался с трудом даже при всей мощи пэйярту. Мы были под водой уже долго, я заметила, что перед глазами у меня пляшут разноцветные точки, предвестники обморока. Мои легкие горели, барабанные перепонки почти разрывались, очень хотелось вдохнуть, позволить воде затопить себя...

Но проиграть *теперь*? Невозможно.

Тилвас рванул засов еще раз – и тот покинул железную скобу. Мы потянули дверь на себя, и с той стороны ее тоже толкали. Было темно. Вода притупляла ощущения. Я уже ничего не могла разобрать, когда мне навстречу из черного зева подземелья рванул кто-то мелкий и верткий, цепко сграбастал за шиворот Тилваса и меня, и, работая ногами как лапами, все выше и выше, потащил нас вверх по шахте...

Не успели мы вынырнуть, как Мокки с покрасневшими глазами и синими губами истинного утопленника взревел.

– Какого пепла это было, Галаса?! – орал он, поднимаясь по последним ступенькам уже пешком. – С какой радости ты заперла меня во время главного веселья?! Спасибо, что зелье подводного дыхания подсунула, но вообще...

Он споткнулся на полуслове, увидев, что целительница мертва.

Вор резко обернулся к нам. Круглые глаза Бакоа стали совсем огромными, в них поочередно вспыхнули неверие, гнев, попытки придумать план, боль и наконец – понимание. Он увидел, как мы смотрим на него – как на восставшего из мертвых. Как стучат мои зубы, какие синяки на шее оставил горфус. В каком ужасном состоянии Тилвас, чьих сил после боя уже не хватало на регенерацию.

Мокки прикрыл глаза, устало опустил плечи. Растерянно провел рукой по локтю и лицу, будто припоминая что-то.

– Галаса, чтоб тебя, Дарети. Ты все-таки меня обыграла... – сипло выдохнул он.

* * *

Выбравшись из молчаливого замка, мы тайком крались по побережью. Гости, слуги, стражи – все уже были у главной пристани, растерянные и возбужденные, укутанные в пледы, не понимающие, что случилось, где сенатор, ждущие помощи с Большой земли.

– Нам однозначно надо покинуть остров до того, как прибудет стража и следователи, – сказал Мокки.

– Мы справимся с такой непогодой?

– Мы справимся с чем угодно, – отозвался Тилвас.

Море страшно бушевало. Шторм, разбуженный битвой рёххов, заставил волны яростно нападать на остров, высокими гребнями прокатываться по всему океану. Хлестал косой дождь.

Мы украли лодку и, погрузившись, зажегши один фонарь, отправились в беспросветную тьму в сторону Рэй-Шнарра. Не прошло и нескольких минут, как в чернильном воздухе перед нами возникли призрачные очертания белого альбатроса. Ливень наискось бил прямо сквозь рёхха.

– Пэйярту, – сказал эндольф. – Мы помогли тебе с горфусом. Какое-то время его не будет в мире.

– Благодарю вас за это, – отозвался Тилвас.

– Спасибо и тебе за то, что нашел нашего *короллэ* и остановил насилие. Однако я полагаю, что ты все же в долгу у меня, Белый Лис.

– Я буду рад однажды вернуть свой долг.

Они чинно поклонились друг другу: исполинская белая птица и аристократ, каким-то чудом сумевший держать равновесие в лодке, которую волны швыряли туда и сюда, пытаясь разбить в щепки.

Эндольф исчез, а нас ждал долгий, бесконечно долгий путь сквозь штормовое море. Три живые души на лиги ночи вокруг, огоньки, льнущие друг к другу, чтобы умножить тепло.

Мокки и Тилвас сидели на веслах, я вычерпывала воду, а мертвая Галаса будто спала, уложив голову на моток рыбацких сетей. То и дело каждый из нас надолго вперивал в нее невидящий взгляд. Казалось – коснись, потряси за плечо, и Галаса очнется.

– Она бы хотела, чтобы мы похоронили ее в Лайстовице, – сказала я.

– Согласен. Но нам туда нет входа: долина под защитой, и только Галаса знала, как снять ее, – покачал головой Талвани.

Бакоа вдруг криво ухмыльнулся:

– «Знала только Галаса» и «я не знал» – разные вещи, аристократиш... Тилвас.

Талвани цепко прищурился.

– Она показала руну-ключ мне, – пояснил Мокки, – утром после вашего ритуала. И тогда же, видимо, «сохранила» себе мою внешность при помощи заклинания – это был странный эпизод, но в тот момент я неверно трактовал его. Крайне... неверно, – судорожно выдохнул он.

– Ты и не должен был понять, – утешающе сказал Тилвас. – Она бы не хотела этого.

– А чего она хотела, а?! – на мгновение вскинулся Мокки, но вспышка тотчас утихла, сменившись болью.

– Чтобы ты жил, – хором сказали мы.

Бакоа опустил глаза. Потом потер запястья, вновь посмотрел на Галасу и одними губами шепнул: «Спасибо...»

Потом перевёл серьёзный взгляд на меня:

– И тебе спасибо.

На Тилваса:

– И тебе. Зелье подводного дыхания уже заканчивалось, когда вы нашли меня. Ещё бы пара минут – и все.

– Да куда же мы без тебя, бестолочь, – вздохнул Тилвас.

– Как ты меня сейчас назвал?!

Талвани улыбнулся. Мокки вздохнул, но потом тоже улыбнулся. То ли робко, то ли просто ужасно криво – с непривычки. Они посмотрели на меня, третьего участника нашего тайного клуба, возникшего так быстро, но будто бы бывшего всегда, и Тилвас коснулся рукой фонаря, который я придерживала на мысу лодки. Свет стал гореть ровнее.

– А какая руна ведет в Лайстовиц? – спросила я.

Мокки изобразил на своем колене нечто, похожее на угловатую букву «Р». Мы с Тилвасом переглянулись.

«Вуньо». «Радость».

И вдруг шторм утих.

Волны опали, сменяясь полным штилем. Мягко растворилась небесная мгла, являя небо, полное звезд, своей щедростью похожее на прилавок ювелира. Луна выплыла из-за последней тучи и простерла по морю жемчужную ленту. Из темно-синих глубин поднялся планктон. Запели ночные птицы-ныряльщики.

Мы втроем замерли, ошарашенные этой внезапной красотой.

И вот очень медленно вдали сквозь морской туман проступил берег Шэрхенмисты – на нем зажигались все новые и новые огоньки. Огни домов, говорящие о надежде, о свете, что пробьется сквозь любую тьму.

Огни вдалеке, дарящие надежду тем, кто, казалось, давно уже сдался, сошел с пути, бунтовал, смирялся, терял и терялся, всем, кто отчего-то снова и снова, падая, поднимался и выбирал идти вперед...

Эпилог

Кухню убежища заливали разноцветные лучи солнца, просеянные сквозь витражное окно.

Я сидела за массивным дубовым столом. Передо мной стояла миска хлопьев с апельсиновым соком, аппетитно поднимался пар над чашечкой крепкого чая. По дальней стороне столешницы вышагивал почтовый ворон Карланон. Пять его пернатых товарищей предпочитали спать в клетке – она, трехъярусная, заняла тот угол кухни убежища, где раньше стояла огромная плита для варки веществ, которые лично я варить точно не собираюсь. И никому не советую.

Откинувшись на спинку стула, я рассматривала очень тонкую, очень древнюю книжечку. Часть рукописного текста размылась от времени, края были порваны и истреplены. Я осторожно перелистывала пергаментные страницы и вглядывалась в те редкие слова, чье значение знала.

Например, слово *ferkhen* – «тюрьма». Или *gherkin* – «подонок».

Вдруг круглый витраж открылся: просто наклонился вдоль центральной оси, как это обычно принято у потолочных окон. В комнату тотчас брызнуло запахами утреннего Пика Грёз: смола, сосны, пепел, блинчики из рисовой муки с бобовым соусом, зеленый чай, специи, кедры. Сквозь нижнюю щель в окно нырнул маленький белый лис, сжимающий газету в зубах.

Упруго прыгнув прямо в центр стола, лис заставил Карланона зашипеть и с негодованием смыться в клетку к собратьям. Потом пэйдарту выплюнул свою ношу, вторым прыжком перелетел мне на колени, затем приземлился уже на пол. Крутанулся на месте, затопил все на мгновение янтарными искрами и превратился в Тилваса Талвани.

Как всегда – возмутительно элегантного, будто не он сейчас сигал по острым крышам Верхнего города. Это утренний спорт Тилваса: он чередует нормальные человеческие пробежки с лисьими спринтами. Первые проходят по тротуарам, вторые – по острым гребням центральных крыш. После первых в убежище (которое на самом деле уже скорее просто Дом) оказывается свежая выпечка, после вторых – газеты. Хозяин киоска с прессой думает, что лис – это экзотическое домашнее животное Тилваса, а не сам аристократ. Никто не спешит его разочаровывать, конечно.

– Ты одна тут? Доброе утро, – Талвани взъерошил мне волосы и стремительно выхватил из подвешного шкафа чашку.

– И тебе *keenash!* – отозвалась я, подглядев в книжку.

– Ого. Ты что, раздобыла учебник по рёххенлингу?..

– Гхм. Назвать эту жалкую брошюрку учебником было бы сильным преувеличением. Но я вполне в состоянии вычленив в ней пару стихов и перевести их. Особенно если ты поможешь.

– Дай посмотреть.

Тилвас налил себе чаю, сел на стол рядом со мной и с любопытством пролистал книгу.

– Где ты ее нашла?

– В луговом святилище Дану неподалеку от Джинглберри. На прошлой неделе я искала там один магический свиток и заодно наткнулась на это. Слово *ferkhen* я узнаю с лету и в любом контексте, вот и прихватила.

Тилвас фыркнул. Покачал головой. Его самоуверенная тень на мраморном полу повернулась в профиль и погрозила мне пальцем.

– Джеремиа, это сборник скабрёзных анекдотов, составленный со слов сурка груовви в тот год, когда он умудрился подружиться с одним заклинателем и в стельку напился призрачного лютгардийского вина. Я сомневаюсь, что здесь есть хоть что-то таинственное – помимо того факта, что кто-то вообще додумался это записать.

Гхм...

– Тогда я куплю стеклянный колпак и оставлю ее в Музее, как очередной элемент коллекции, – пожала плечами я.

Музеем мы называли подвал, в котором когда-то провели ритуал подселения. Ведь он еще у бывших хозяев дома был отведен для этой роли, но Скользкие не преуспели в его заполнении. Зато мы – да.

– Ты сейчас в Сенат? – спросила я Тилваса, когда мы вышли из дома.

Талвани занимался наследием Ордена Сумрачной Вуали. Вместе со специальным тайным комитетом, организованным при Сенате Шэрхенмисты, они разбирались с той выжженной пустотой, что осталась на месте Ордена после двух лет «правления» горфуса, искали засекреченных бывших сотрудников, вырабатывали стратегию того, как быть с рёххами, которые уже живут в людях, стоит ли продолжать эксперимент, как спустить все на тормозах, если нет, и так далее. В общем, приводили ситуацию в порядок и нащупывали дальнейшие пути.

Никто не знал, что у Тилваса самого рыльце в пушку (в белом пушку, если конкретнее). Он действовал в роли независимого эксперта по рёххам и наследника создателя Ордена.

С гибелью сенатора Циги Лорча никого из нас не связали – мы не оставили улики на острове. Однако самоубийство Лорча вызвало множество вопросов. Началось расследование, быстро выяснилось злоупотребление Лорча властью, его садизм, хищение средств в особо крупных масштабах, наем преступников всех мастей, урон имуществу государства и прочие преступления. Стали пересматривать его старые дела, еще когда он был следователем Правого ведомства в Пике Волн. Среди прочего задним числом оправдали некую Хэвергри Лайсо...

Я не стала менять имя обратно. Я осталась Джеремией Барк, но теперь в любой момент могла съездить домой – как свободный человек, и если это не счастье – то не знаю, что еще. Более того, к моей авантюрной деятельности скоро добавится еще одно занятие: то, по которому я скучала столько лет.

– Нет, в комитете мы решили сделать паузу, во время которой поработаем над своими задачами по Ордену самостоятельно. А потом уже встретимся обсудить. Просто, когда ты объединяешь много талантливых заклинателей-одиночек и сгоняешь их под одну крышу решать вопросы, которыми они раньше не занимались, получается бестолково.

– Тоже верно, – отозвалась я. – Хочешь тогда пойти со мной посмотреть на вывеску для театра?

– Конечно. В этом и был план, – подмигнул Талвани.

Мы, поймав кеб, отправились в Квартал Гильдий.

Там, на месте разрушенного старого склада, бездарно гнившего десятки лет, а потом сожженного во время бунта, мы строили театр. От братства Полуночи до него было всего три дома.

Круглый, деревянный и с причудливой мшистой крышей, театр планировался довольно компактным, но уже стал главной из диковинок квартала. Гильдийцы всех мастей то и дело стекались к стройке, чтобы заранее порекомендовать свои идеи насчет постановок – в большинстве случаев довольно... неожиданные. Впрочем, то, что планировала ставить я, удивит их еще сильнее.

Только древние пьесы. Очень много нитальского языка. Реквизит – сугубо оригинальный.

Хозяином будущего театра было братство Полуночи, а если еще конкретнее – Мокки Бакоа. Он действительно очень быстро вернул себе власть в гильдийском квартале. С Ратушей тоже получилось договориться: Квартал Гильдий оставляет за собой свои старые льготы, если в этой богомерзкой зоне появится хоть что-то, полезное приличному обществу.

Например, театр.

Сейчас Мокки стоял у великолепной вывески, лежащей на земле возле стройки, и придирчиво оценивал ее внешний вид и габариты.

На вывеске был превосходный рисунок в виде зеленых скал и текущих с них сверкающих водопадов. Точь-в-точь Лайстовиц.

«*Театр Дарети*», – гласила надпись, составленная из рун.

– Красиво, – оценила я, подходя.

– Слишком красиво для гильдий. Сопрут, – придирчиво цокнул языком Бакоа.

– У тебя-то? – хмыкнул Талвани.

– Ага. Ищи потом, мсти, руки пачкай. Хотя ладно, поставим маг-сигнализацию.

На стройке что-то рухнуло, взметнулась пыль, похожая на муку. Я вскинула бровь, Бакоа явственно скрипнул зубами. Из-за строительных конструкций выбрался ошарашенный, испуганный рабочий и начал было что-то извинительно блеять, но тут вдалеке грохнул гонг, обозначающий полдень.

– А ну цыц! Умолкни, – гильдийский шеф непререкаемо поднял руку, этим жестом заткнув рабочего. – Я не хочу слышать, что вы опять сделали не так, потому что иначе я вспылю, а когда я пылю, люди гибнут. Объяснишь все Жану Герани. Давай двигай отсюда, он где-то в братстве. Ищи его. Все ищите его! – отрывисто приказал Мокки, покуда из-за лесов выбирались все новые и новые рабочие, чем-то похожие на сурикатов. – И чтоб больше никаких крушений, как минимум при мне, потому что иначе я засуну вам эти стропила туда, где вы точно не захотите их видеть!

Работники понурой вереницей потянулись к Полуночному братству – искать вышеупомянутого Жана Герань, который теперь не только владел цветочной лавкой, но и был правой рукой Мокки.

– Ты не боишься передавать столько власти Жану? – поинтересовалась я, когда мы втроем пошли от стройки по уютной оранжево-черной площади, засаженной соснами, с небольшим святилищем змеи сайнаджо в центре.

Мокки, пнув какой-то камешек, отрицательно покачал головой.

– Нет. Во-первых, Жан меланхолик без амбиций. Во-вторых, он твой друг. В-третьих, у него жена и две дочки, и он пару раз видел, как я передаю им пирожки, а значит, живо представляет риски, вытекающие из моей раздутой репутации. В-четвертых, я сдержал обещание и не заселил его убежище братьями и сестрами Полуночи, чего он так категорически не хотел.

– Ну да, зато заселил нами, – хмыкнула я.

– Это уже детали, главное, что гордость Жана как Скользкого сохранена. И еще его высокая позиция в нашем братстве помогает вербовать некоторых новых ребят и в целом стаби-

лизует ситуацию в квартале. Короче. Мне нравится, что мне есть на кого оставлять братство, когда надо надолго уезжать.

– Ты мог бы оставить его на меня. В теории, – сказал Талвани.

– Очень смешно. Тем более ты едешь со мной. И ты тоже, Джерри.

Мы переглянулись.

– А куда мы едем, позволю спросить? И зачем?

– В Лесное королевство. Ходят шепоты, что в одном особняке в их столице есть сейф, который не смог взломать никто из лесных воров и никто из кнассских, хотя пытались многие, потому что у хозяина, какого-то там предпринимателя, успевшего еще и в тюрьме посидеть, немерено денег. Мне кажется, это до пепла похоже на вызов. К тому же я давно хотел обнести сокровищницу их Башни Магов. Гурх поberi, они половину сокровищ притащили из Шэрхенмисты, когда покидали ее! Возвратим драгоценности домой, они будут великолепно чувствовать себя в подвалах братства. Да и вообще, пора Рыбьей Косточке расширять сферу влияния.

– ... Ты же помнишь, что мои силы пэйярту тают вне Шэрхенмисты? – тактично протянул Тилвас. – В Шолохе я окажусь обычным магом.

– Тем интереснее нам будет, аристократишка. Люблю вызовы. Джерри? Как у тебя с дольным языком?

– *«И я коснулся дна, и оттолкнувшись вверх, поплыл на свет невидимых, неведомых планет»*, – процитировала я старинную дольскую песню.

– Идеально. А ты тогда будешь немой братишкой Джереми.

– Я обычно ее жених, а ты – братишка.

– Джерри, скажи ему, что очень опасно стать жертвой одного амплуа.

– Вообще-то это чаще ведет к мастерству, Мокки. Особенно если мы говорим о преступных ролях.

– Вы зануды. Все. В этот раз никто не будет братишкой. По дороге придумаем что-нибудь свеженькое. Новая страна, новая авантюра, новый сюжет. Так. Наши гаррары уже ждут в стойлах, погнались, пока у меня за спиной не рухнуло еще что-нибудь, и мне не пришлось устраивать показательную порку. Гильдийский квартал – *аррьо!*

Энциклопедия «доронах»

Горфус – неподражаемый рёхх, волк.

Гребень Проклятых – тюрьма, темный осколок форта, разрушенного в конце X века вследствие экспериментов срединного народа.

Груовви – характерный рёхх, сурок.

Дабатор – плавучая рыбацкая деревушка на западном побережье острова Рэй-Шнарр.

Заклинатель – шэрхенмистский колдун, специализирующийся на работе с духами, тварями и нежитью.

Квартал Гильдий – один из районов Пика Грёз.

Кошкоглавые – один из народов Лайонассы. По большей части живут на южных территориях Иджикаяна и в северных городах Шэрхенмисты. Худшее оскорбление: наступить кошкоглавому на хвост или неожиданно брызнуть в него водой.

Кровь Сенаторов – подземная река, через пересохшее русло которой проходят тайные ходы гильдий.

Лоба – широкий длинный пояс, которым в архипелаге Шэрхенмисты подвязывают практически любую одежду. Также широко применяется в быту и разнообразных играх.

Льофафу – робкий рёхх, морской конек.

Нитальский язык – мертвый язык, который был популярен среди поэтов Шэрхенмисты в прошлой эре. В остальной Лайонассе не изучается. Предположительно иномирный. На нитальском языке написано много классических пьес и поэм.

Синие волосы – у представителей народа шэрхен, в чьих жилах течет знатная кровь, волосы темно-синего цвета.

Ономоррэ – робкий рёхх, маленький осьминог.

Оришейва – характерный рёхх, паук.

Пик Волн – приморская столица Шэрхенмисты.

Пик Грёз – скалистая столица Шэрхенмисты.

Пурлушэм – робкий рёхх, павлин.

Пэйярту – характерный рёхх, белый лис.

Рамбла – подводное царство.

Рёххи – зооморфные духи природы, которые населяют острова Шэрхенмисты. Делятся на три ранга: робкие, характерные и неподражаемые.

Роба – объемный и бесформенный шерстяной плащ с глубоким капюшоном и широкими рукавами.

Сайнаджо – характерный рёхх, змея.

Таори – одежда на запáх с широкими рукавами. Обычно подпоясывается лоби, изредка носится нараспашку. Может быть короткой или длинной.

Университет имени Рэндома – открытый университет, самый крупный и престижный в стране.

Университет имени Селесты – закрытый частный университет, специализируется на искусствах.

Шолох – столица Лесного королевства.

Шэрхенмиста – государство-архипелаг к востоку от материка. На туристических картах принято изображать Шэрхенмисту довольно компактной, хотя на самом деле она вовсе не такая уж маленькая.

Эндольф – неподражаемый рёхх, альбатрос.

